Национальная академия наук Беларуси
Институт философии НАН Беларуси

ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

К 95-летию Института философии НАН Беларуси

Материалы
Международной научной конференции
(19–20 марта 2026 года, г. Минск)

В трёх томах
Том 3

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2026

УДК [1+008](476)(082)
ББК 87.3(4Беи)я43
Ф56

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии НАН Беларуси
(протокол № 5 от 20.02.2026 г.)

Редакционная коллегия:
А. А. Лазаревич (председатель), А. Ю. Дудчик (зам. председателя), М. Б. Завадский (секретарь), Т. И. Адуло, И. М. Бобков, Д. А. Борода, С. Г. Доронина, Е. В. Згировская, А. О. Карасевич, А. В. Колесников, А. Ю. Косенков, Д. В. Кравченко, Е. А. Круподеря, Е. В. Кузнецова, Д. В. Куницкий, Н. А. Кутузова, Н. А. Лазаревич, В. А. Максимович, П. С. Навицкая, Ю. Ф. Никитина, Н. А. Никонович, О. А. Павловская, В. В. Полюлян, И. Е. Прись, Е. В. Реут, Е. П. Саковский, Е. В. Свечникова, К. В. Севастов, Ю. П. Середа, А. Н. Спасков, И. К. Ставровский, О. Л. Сташкевич, Д. В. Столяров, А. С. Цмыг

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор *Я. С. Яскевич,*
доктор социологических наук, профессор *Д. К. Безнюк*

Издано при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований по договору № К 26-02 от 09.03.2026 г.

Ф56

Философское знание в цифровую эпоху : к 95-летию Института философии НАН Беларуси : материалы Междунар. науч. конф. (19–20 марта 2026 г., г. Минск). В 3 т. Т. 3 / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. : А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2026. – 318 с.

ISBN 978-985-581-823-7 (т. 3).

Материалы конференции раскрывают состояние, перспективы и потенциал философии в современном мире, демонстрируют потенциал применения философских исследований в поиске решения проблем естествознания, компьютерных и технических наук, этическо-нормативного регулирования технологий искусственного интеллекта, гуманитарной и национально-культурной безопасности в контексте глобальных рисков современности.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, специалистов органов государственной власти и управления, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех интересующихся проблемами современной философии и гуманитарных наук.

УДК [1+008](476)(082)
ББК 87.3(4Беи)я43

ISBN 978-985-581-823-7 (т. 3)
ISBN 978-985-581-820-6

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2026
© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ИНСТИТУТУ ФИЛОСОФИИ НАН БЕЛАРУСИ 95 ЛЕТ 10

Раздел 4 Цифровизация культуры, искусства, науки и образования: социально-этическое и эстетическое измерение..... 15

В. В. Аболмасов, М. А. Иванов К вопросу о методах исторической информатики в изучении греческого национально-освободительного движения (1821–1829 гг.) 15

Г. Аллахвердиев Роль искусственного интеллекта в системе образования 17

С. С. Арзуманян Изменения в системе "художник – произведение – реципиент" в эпоху цифровизации искусства 21

И. А. Асеева Искусственный агент и проблема его ограниченного интеллекта 24

Л. В. Баева Исследовательские тренды аксиологии в России: от природы ценностей к ценностям цифровой культуры 27

Э. В. Барбашина ИИ и критическое мышление в высшей школе 31

Т. В. Бернюкевич, А. А. Бернюкевич Человек и гуманитарное знание в цифровом мире: сценарии будущего 34

А. Б. Богайчук Цифровая среда как фактор трансформации искусства ... 35

Д. А. Борода Этика солидарности андеграунда в условиях цифровой реальности 38

О. А. Вашко Формирование логического мышления: от субъекта искусственного интеллекта к объекту критического анализа 40

Е***. В. Введенская*** ИИ в медицине: возможности и риски 43

П. И. Вермишова О некоторых философских проблемах персонализированных алгоритмов..... 45

И. Н. Вольнов Танец человека и судорога искусственного интеллекта ... 48

С. Н. Воронина Влияние цифровизации на развитие современных культурных практик населения 50

В. В. Вустенко Этические проблемы использования технологий искусственного интеллекта при проведении пренатальных скринингов ... 53

Е. А. Гаврилович Синергия сознания как преодоление кризиса в изменяющемся мире ... 56

И. Р. Гафиятуллина Как социальные сети трансформируют образ и культуру народа (на примере этнических блогов Татарстана и Казахстана) ... 58

Го Цзимао Перспективы искусственного интеллекта в интернационализации высшего спортивного образования ... 61

А. А. Горчанина Онтологический статус цифрового произведения искусства через призму герменевтики М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера ... 62

Е. О. Далимаева К вопросу о когнитивных и социальных последствиях использования искусственного интеллекта в образовательной системе ... 65

С. Г. Доронина Об искусстве и творчестве искусственного интеллекта ... 68

П. Н. Дудин, С. В. Кобелев Цифровая гуманитаристика и искусственный интеллект: этические и методологические аспекты применения для реконструкции научного наследия (на примере рукописей Н. Я. Бичурина и Русской духовной миссии в XVIII Пекине–XIX вв.) ... 71

Ф. Х. Евлоева Правовые и этические вызовы генеративного искусственного интеллекта: кейс Японии ... 74

Н. И. Егоров Преимущества и недостатки цифровизации инженерного образования ... 76

Е. С. Игнатюк Видеоигры как технокультурный феномен: практика взаимовлияния цифровых технологий и культурных нарративов ... 78

О. Б. Истомина Цифровая гиперреальность как фактор биосоциальных трансформаций ... 81

В. Н. Калмыков Достижения и издержки неоиндустриального информационного общества ... 84

А. Кара Интериоризация новых универсальных ценностей цифрового мира и сопротивление локальной культуры ... 87

Р. В. Карапетова Нейросеть в образовательном процессе: новый педагогический вызов ... 89

Н. К. Кисель Машинная эпистемология как феномен цифровой эпохи ... 93

Т. В. Клячина Цифровизация культурного наследия арабского мира: преимущества и ограничения 95

Е. А. Коваль Авторство в эпоху генеративного искусственного интеллекта: жребий брошен 97

А. Н. Ковель Сознание, воображение и музыка: когнитивно-герменевтические основания понимания 100

Е. Л. Коноплёва, М. Г. Соколова, Е. Л. Цепова Чипирование и "нейроправа" личности 103

Е. Г. Кривых Динамика ценностей в цифровом культурном пространстве 106

А. Д. Крывалап Алгарытмізацыя ідэнтычнасці "шклянога чалавека" як выклік лічбавізацыі культуры 109

Н. И. Кулак Марксизм в цифровую эпоху: диалектика кода и класса ... 111

Н. В. Курилович Риски использования генеративного искусственного интеллекта в сфере высшего образования 114

И.Ю. Лампе Цифровое искусство: концепции teamLab (Япония) в Art&Science 117

Л. Е. Лёзина К вопросу о семейном чтении в эпоху цифровизации 121

А. И. Лойко Философия человека и пятая промышленная революция .. 124

Т. А. Лопатик Цифровизация образования как тренд "новой нормальности" 126

А. С. Макарченкова Влияние искусственного интеллекта на творчество: этические дилеммы для писателей и художников 128

В. А. Максимович Трансформация культуротворческого потенциала в условиях новой цифровой реальности 130

Н. В. Медведев Публичная философия в пространстве цифровой культуры 133

Т. В. Медведок Феномен иронии в цифровой культуре: синергетический подход к анализу социального отчуждения и самоорганизации 136

О. Н. Мухаммадиева Методы формирования духовно-нравственного иммунитета молодежи в современной информационной среде 138

Н. И. Мушинский Этические проблемы искусственного интеллекта и представления о справедливости Норберта Винера 141

С. В. Найер Проблемные аспекты защиты персональных данных в цифровом образовании на территории Республики Беларусь 144

М. С. Наркевич-Йодко Искусственный интеллект в ракурсе спортивной этики 146

Д. И. Наумов Социальная память белорусского общества как пространство нормативного программирования..... 148

Ю. Ф. Никитина Социальная инженерия в цифровую эпоху..... 150

М. С. Повар Мировоззренческая безопасность личности в условиях сетевых гибридных войн 153

И. Е. Прись Этические и социальные вопросы генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) 156

Д. В. Рынденко, Е. И. Цюхай Отчуждение моральной ответственности и ценностные ориентации переживающих эмоциональное выгорание программистов 160

Акбар Саиткасимов Социально-философский анализ деградации духовно-нравственной жизни молодежи в информационном обществе 164

И. П. Салтанович Цифровизация образования как социально-этическое и эстетическое преобразование: от контроля к человекоцентризму..... 168

Е. В. Свечникова Игра в искусство, игра в науку..... 172

С. З. Семерник Цифровой поворот современной культуры и проблема нравственности человека..... 175

О. В. Сидоренко, В. Д. Сенчук, С. А. Смычок Философские и этнические проблемы использования технологий искусственного интеллекта в коррекционно-развивающей среде для учащихся с расстройствами аутистического спектра 176

Е. Р. Симонова Об истоках цифровизации в вычислительных устройствах на XI Руси–XII вв., обобщение работ профессора Р. А. Симонова..... 178

П. С. Смирнов Социально-философский анализ трансформации отчуждения в цифровую эпоху 180

Е. Ю. Смыкова Музей в эпоху цифры: трансформация деятельности и коммуникаций 182

А. Д. Сойко Цифровая трансформация и Искусственный Интеллект в образовании: социально-этический аспект..... 184

Е. С. Старовойтова Критическое мышление как антропотехнический ответ на вызовы алгоритмической реальности 188

С. М. Капатос Подход Николая Папучиева к истории славянского мира: пример Беларуси 191

В. А. Сыманович Трансформация символического капитала в гибридной реальности Беларуси в эпоху цифровизации..... 193

А. С. Червинский Философская дилемма "часть – целое" как концептуальная предпосылка решения проблемы социально-природного единства 196

Чжан Юньпэн Цифровая трансформация традиционной китайской культуры: стратегии адаптации и институциональные вызовы 198

В. И. Чуешов Институциональные, конкретно-научные и философские аспекты определения понятия "гуманитарная культура"..... 202

У. В. Шевчук Искусственный интеллект и онтологический критерий искусства..... 205

Д. А. Ярочкин Ловушка кажущейся лёгкости генеративного ИИ: курс по промпт инжинирингу для медиа в НИУ ВШЭ и его философские последствия 207

В. Н. Яхно Цифровизация образовательной среды в фокусе когнитивных и этических проблем 210

Раздел 5 Религиоведческое знание в цифровую эпоху 214

Н. А. Балаклеец Насилие и религия в миметической теории Рене Жирара..... 214

Е. О. Далимаева Современные религиозные практики: от слова к "цифре"..... 217

А. В. Данилов Компьютерные модели эволюции религиозных норм 220

Т. В. Зайковская Религиозность как социокультурный феномен: традиционные и современные формы 222

Д. М. Зайцев Паломничество в цифровую эпоху..... 224

С. Г. Карасёва, Е. В. Реут Динамика религиозности в информационно открытых культурных пространствах: определение понятий 227

Д. С. Каребо Популяризация буддизма в цифровую эпоху: кейс Йонге Мингьюра Ринпоче 230

О. Ю. Кнаус От образа присутствия к фиксации религиозного образа в христианском пространстве цифровой эпохи 232

Е. А. Круподеря Религия в культурном пространстве цифровой эпохи: коммодификация, медиатизация и бриколаж 234

Д. В. Куницкий Религиозная безопасность в системе духовной безопасности 238

Мелас Спиридон Преодоление цифрового разрыва: логосы и 'айан сабита как ответ религиозной мысли на вызовы виртуальности 241

Н. А. Никонович Парадигмальный дискурс кубинской философии: от схоластики к постколониальным исследованиям 244

Б. Пурэвсурэн, Ж. Жаргалсайхан Тенгризм как исконная этническая религия и мировоззрение монгольских кочевников 248

Н. С. Семенов Философия и богословие в век технологии 252

А. В. Филиппович Западный эзотеризм и "Век разума" 255

А. В. Фурсевич Сетевая культура в современном католицизме: трансформация коммуникативных моделей и реконфигурация религиозного авторитета 258

И. М. Цибизова Сдвиг религиоведческой парадигмы в концепции Оливера Крюгера: причины и последствия 261

Р. С. Ярощук Йога как инструмент достижения духовного благополучия современного человека 264

В. К. Борецкая, В. Н. Яхно Процессы секуляризации и десекуляризации в современном польском обществе в контексте развития цифровых технологий 268

Круглый стол «Философские проблемы космологии и современной физики», посвященный памяти белорусского ученого А. П. Трофименко 272

Л. Г. Антипенко О научных предпосылках создания системной модели Вселенной в современной космологии 272

П. Н. Антонюк Краткая история появления трёхмерной сферы в космологии 276

М. С. Батанов-Гаухман Иерархическая космологическая модель 277

М. Г. Годарев-Лозовский Вселенная: возможное будущее космологии 279

А. О. Карасевич Контекстуальный реализм и моделирование психических процессов 283

А. В. Нестерук Космологическая экспликация трудной проблемы сознания 290

В. Н. Пакулин Является ли физической реальностью континуум "пространство-время" в физической модели общей теории относительности? 291

В. А. Поликарпов Пространственный анализ уравнения Эйнштейна-Гильберта в контексте теории растущего блока Универсума 294

И. Е. Прись О прогрессе в физической космологии 296

А. Ю. Севальников К вопросу об антропоморфной онтологии 299

И. Р. Скиба Космологическая модель "рваного" континуума: от переосмысления числа к архитектуре Вселенной 303

А. Н. Спасков Метафизическое обоснование планковской космологии 306

А. С. Харитонов Эволюция к гармонизации отношений в методологии холизма и в процессуальной модели реальности 310

А. А. Шимбалев Как в космологии отражаются философия и богословие? 313

ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ИНСТИТУТУ ФИЛОСОФИИ НАН БЕЛАРУСИ 95 ЛЕТ

В эпоху беспрецедентной научно-технической / технологической революции и связанной с ней социальной и культурно-мировоззренческой трансформации вопрос о статусе философского знания приобретает важнейшее, если не сказать экзистенциально-практическое, значение. Философия перестаёт быть одной из дисциплинарных областей – она выступает *механизмом саморефлексии цивилизации*, инструментом выявления имплицитных оснований социального, научного и технологического прогресса. Если прикладные науки отвечают на вопрос «*как?*», философия задаёт координаты вопроса «*зачем?*» – обеспечивая ценностную матрицу национально-культурного и цивилизационного развития.

Философская рефлексия выполняет три взаимосвязанные функции в структуре современного знания:

Эпистемологическую – критическое исследование границ познавательных процедур, демаркация между знанием и мнением, выявление когнитивных предпосылок научных парадигм;

Онтологическую – артикуляцию фундаментальных структур бытия, которые остаются невидимыми для частнонаучной методологии, но определяют саму возможность научной объективации;

Аксиологическую – формирование нормативных горизонтов, в которых «техническая» рациональность «подчиняется» этическим императивам и антропологическим константам.

Согласно концептуализации ЮНЕСКО, философия в числе других своих уникальных функциональных качеств формирует практику

мышления, которая трансформирует социальные структуры через создание пространства критической рефлексии и диалога. Философское мышление не просто описывает вызовы современности – оно конституирует саму возможность их осмысленного преодоления, производя концептуальную инфраструктуру для межкультурной коммуникации и выработки универсализируемых этических принципов.

Особую актуальность философская рефлексия приобретает в современную эпоху, знаменующуюся нарастанием конфликта между технологической мощью цивилизации и ценностной неопределённостью культуры. Искусственный интеллект, биотехнологические манипуляции с геномом, климатический кризис – всё это не сугубо технические проблемы, требующие инженерных решений, но прежде всего *философско-мировоззренческие задачи*, обнажающие пределы чисто инструментального разума. Философия задаёт концептуальные рамки ответственности, операционализирует понятия совести, чести, долга, справедливости и достоинства, определяет границы допустимого вмешательства в природу человека и окружающей его действительности. Она выступает своего рода медиатором между фактичностью становления современного техносоциума и нормативностью гуманитарно-этической культуры.

Философия, претендующая на универсальность своих вопрошаний, всегда разворачивается в конкретном культурно-историческом контексте. Эта фундаментальная антиномия между универсальным характером философских проблем и партикулярностью их артикуляции задаёт динамику развития как мировой философской мысли, так и ее национально-культурной проекции. Каждая национальная традиция в этой системе координат представляет собой не изолированный феномен, но своего рода оптику, через которую универсальные философские проблемы обретают конкретно-исторические и предметные формы выражения.

Белорусская философская традиция сформировалась в пространстве культурного пограничья – в зоне пересечения восточнославянской, западноевропейской и балтийской интеллектуальных парадигм, создавая при этом координаты культурно-мировоззренческого взаимодействия Запада и Востока. Эта лимитрофная (пограничная) позиция не ослабляет, а, скорее, усиливает эвристический потенциал белорусской философии: она функционирует как пространство, с одной стороны, уникальности, а с другой, синтеза и трансляции, где различные философские традиции входят в продуктивное взаимодействие, порождая синтетические концептуальные формы.

Уже устоявшимся и бесспорным является утверждение о том, что белорусская философия – это самостоятельный феномен европейского (евразийского – в координатах Восток-Запад) духовно-культурного пространства, а история философской мысли Беларуси – часть мировой

интеллектуальной истории. Данное утверждение фиксирует ключевую методологическую установку: национальная философская традиция обретает свою значимость не через самоизоляцию, а через продуктивное включение в региональный и глобальный философский дискурс, через способность генерировать концепты, необходимые для решения национально-культурных и универсальных проблем.

Диалектика партикулярного и универсального в развитии философского знания означает, что мировая философия – это не механическая сумма национальных интеллектуальных традиций, но полифоническая структура, в которой каждый элемент имеет уникальное значение для понимания фундаментальных вопросов бытия. Так, например, французская философия артикулирует проблему свободы через призму революционного опыта; немецкая метафизика разворачивает систематику абсолютного духа; китайская мысль акцентирует гармонию космоса и социума. Белорусская философская традиция вносит свой вклад через рефлексию опыта культурного пограничья, через осмысление диалога мировоззренческих парадигм Востока и Запада, через концептуализацию феноменов «памяркоўнасці», «сціпласці», «талерантнасці» и т. п., но не как способа *постоянного уступчивого* примирения / компромисса, а как онтологической открытости (достойной / самодостаточной) миру и мировой культурной практике в её широком понимании и значении.

Девяносто пять лет существования Института философии Национальной академии наук Беларуси представляют собой не просто хронологическую последовательность событий, но институциональную кристаллизацию национальной философской традиции. Основанный в 1931 году, Институт функционирует как эпистемический узел, в котором концентрируется, систематизируется и транслируется философское знание, релевантное для понимания белорусской национально-культурной идентичности и её места в мировом цивилизационном пространстве.

Институциональная форма белорусского национально-философского дискурса выполняет три критические функции:

– *Генеративную* – производство нового философского знания через организацию исследовательских практик, методологических семинаров, междисциплинарных проектов, связанных, преимущественно, с белорусской академической традицией. К примеру, в течение 2021–2025 гг. Институтом философии НАН Беларуси выполнялось: 9 НИР в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства»; 30 научных проектов по договорам с НАН Беларуси и с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований, в том числе международных (с научными организациями Монголии, Индии, Узбекистана, Таджикистана, Кубы); 2 международных договора с Фондом Мариф (Турция). Важным

направлением научно-организационной деятельности Института является проведение серии междисциплинарных, научно-методологических семинаров, организация научных клубов, школ молодых исследователей. Среди них – научно-дискуссионный клуб «Философия и жизнь» при РОО «Белорусское философское общество», междисциплинарный научный семинар «Философские проблемы естествознания и техники», методологический семинар по актуальным вопросам философии сознания, дискуссионная площадка «Компаративная философия и история идей», научный семинар «Теоретические проблемы современного религиоведения», семинар «Человек и общество в XXI столетии», научно-проблемный семинар молодых ученых, школа юных исследователей. Семинары являются эффективной площадкой для обсуждения и апробации научных идей и разработок, объединяют исследователей разных поколений и профилей научного знания.

– *Консервативную* (в позитивном смысле) – сохранение и систематизацию интеллектуального наследия, обеспечение преемственности философских традиций, архивацию концептуальных достижений. В качестве примера можно привести подготовку и издание Институтом философии НАН Беларуси таких уникальных проектов, как «История философской и общественно-политической мысли Беларуси» в 6-ти томах, «История эстетической мысли Беларуси» в 3-х томах, «Традиционная картина мира белорусов» в 5-ти книгах, «1000 лет белорусской философии» в 2-х томах и др.;

– *Трансляционную* – передачу философского знания через подготовку научных кадров, публикацию монографий и журналов, организацию конференций и экспертных площадок. В текущем году в Институте философии НАН Беларуси обучаются 3 докторанта, 13 аспирантов, в том числе 6 граждан КНР. Ежегодно Институт издает десятки индивидуальных и коллективных монографий и сборников конференций, сотни научных статей и тезисов, организует ряд крупных международных и республиканских научных форумов.

Миссия Института философии НАН Беларуси с момента его основания определялась по меньшей мере двойной задачей: во-первых, кристаллизация и развитие национальной философской мысли как формы социально-культурной самоидентификации; во-вторых, обеспечение методологического единства белорусской науки через разработку общих эпистемологических оснований, объединяющих различные дисциплинарные области. Философия выступает здесь не как надстройка над частными науками, но как рефлексивная система, которая тематизирует имплицитные предпосылки научного познания и артикулирует его связь с общим интеллектуально-культурным контекстом и практическими задачами национально-государственного развития.

Современный исследовательский ландшафт Института философии

охватывает весь спектр философского знания: от классических областей (история философии, онтология, гносеология, этика, эстетика, логика) до актуальных проблемных полей (биоэтика, философия науки и техники / технологий, цифровая философия, социальная и экологическая философия, проблемы искусственного интеллекта). Институт функционирует как пространство методологической экспертизы для государственных гуманитарных программ, как центр подготовки философских кадров высшей квалификации, как площадка междисциплинарного диалога между философией, наукой и культурой.

Особую значимость деятельность Института приобретает в контексте современной цифровой трансформации общества. Философская рефлексия над феноменами искусственного интеллекта, алгоритмического управления, виртуальной реальности не является факультативным дополнением к классическим исследованиям – она конституирует саму возможность социально-технологического прогресса, ответственного конструирования образа будущего. Вопросы этики ИИ, онтологического статуса цифровых объектов, трансформации субъективности в киберпространстве требуют не инженерных решений, а философской концептуализации, которая артикулирует границы технологических инноваций и определяет социально-нормативные рамки цифрового будущего.

В заключение отметим, что философия в XXI веке сохраняет свою фундаментальную роль как инструмент критической саморефлексии цивилизации. Национальные философские центры, среди которых Институт философии НАН Беларуси, занимают достойное место в мировом философском процессе, демонстрируют то, как локальные интеллектуальные традиции обогащают глобальный философский дискурс, внося свой вклад в решение фундаментальных мировоззренческих проблем человечества. В эпоху стремительных технологических трансформаций и аксиологической неопределённости философская мысль остаётся незаменимой формой познания – не просто отвечая на вопрос «что есть?», но задавая вопрос «что *должно* быть?», конституируя тем самым пространство человеческой свободы, интеллектуального творчества, социальной ответственности и определенности.

А. А. Лазаревич,
директор Института философии НАН Беларуси

Раздел 4 ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ В ИЗУЧЕНИИ ГРЕЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (1821–1829 ГГ.)

В. В. Аболмасов, М. А. Иванов

На сегодняшний день цифровые технологии охватывают все сферы общественной жизни. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко неоднократно выделял приоритетную важность развития информационных технологий. Глава белорусского государства в 2024 г. вновь подчеркнул, что цифровые технологии охватывают все сферы общественной жизни [3]. Развитие информационных технологий также оказывает сильное влияние и на историческую науку. Термин «историческая информатика» впервые ввел в научный оборот российский историк Л. И. Бородкин в 1990-е гг. Он указывал на важность использования компьютерных технологий при написании научных исследований и для сохранения исторического наследия [2, с. 14–30].

В современной историографии актуальность внедрения исторической информатики возрастает. Российский историк Ю. Ю. Юмашева связывает актуализацию использования методов исторической информатики не только с возрастающей ролью цифровых технологий, но и с гибкостью, которую предполагают данные методы, находящие широкое применение как в общих, так и в узкоспециализированных исследованиях. На сегодняшний день в данной области выделяют ресурсный (инфраструктурный) и аналитический (направленный на получение содержательно-значимых результатов) компоненты. Данные компоненты являются независимыми друг от друга, но активно дополняют друг друга [8, с. 126–128].

Примером аналитического метода в российской исторической науке является сотрудничество между Институтом востоковедения Российской академии наук с Яндексом. В рамках партнерства в 2025 г. был создан AI-ассистент для анализа первоисточников на восточных языках. Целью

проекта является создание информационно-поисковой системы анализа как академических трудов ученых из стран Азии, Африки и Ближнего Востока, так и доступ к первоисточникам. На сегодняшний день AI-ассистент имеет базу данных, включающую в себя более 1,5 миллиона исторических документов. На начало 2026 г. данная система находится на тестировании, но позднее будет иметь открытый доступ [6]. Необходимо отметить, что внедрение данного специализированного поиска, в котором используются технологии искусственного интеллекта, будут способствовать расширению представления об истории Востока. В частности, данная система будет способствовать открытию для российской исторической науки ряда документов Османской империи. Активное изучение турецких и египетских документов, связанных с греческим восстанием, может привлечь внимание к данной проблематике в российской исторической науке.

Не менее важным для исторической информатики является внедрение ресурсного подхода, который включает оцифровку исторических источников, научных трудов, создание специализированных электронных коллекций и электронных библиотек. Этот подход применен на поисковом портале Института востоковедения Российской академии наук [5]. На данном портале представлены труды и специализированные журналы, связанные в том числе и историей греческого национально-освободительного движения. Алгоритмы настроены на подбор приоритетных диссертаций, статей и журналов по запрашиваемой теме. В частности, при поиске запроса «Греческое национально-освободительное движение 1821–1829 гг.» система предлагает к ознакомлению узкоспециализированные материалы. В качестве одной из статей предлагается работа И. И. Ивановой, рассматривающей историю острова Кипра. Автор указывает: несмотря на то, что Греция была признана независимой державой в 1830 г., Кипр остался в составе Османской империи. Данное решение было связано со стремлением Великобритании сохранить целостность Порты [4, с. 166]. Данное исследование показывает сложность международно-политической ситуации, связанной с борьбой Греции против турецкого владычества. В настоящее время ресурс активно пополняется новыми материалами и трудами советских историков. Публикуемые работы посвящены как общим событиям греческой революции, так и отдельным личностям, среди которых необходимо выделить султана Османской империи Махмуда II, предпринимавшего попытку подавить греческое восстание военным путем [1; 7].

Опыт Института востоковедения Российской академии наук наглядно демонстрирует практическое применение внедрения цифровых сервисов в историческую науку. Данное направление развития является не только перспективным, но и необходимым условием дальнейшего развития науки. Использование методов цифровой информатики дает

возможность увеличить охват первоисточников, историографии, а также повысить эффективность поиска специализированной информации по теме исследования.

Литература и источники

1. Антошин, А. В. Золото Сеннара: Египет и Судан глазами уральского мастера золотодобычи XIX века / А. В. Антошин ; Г. В. Горячкин (отв. ред.). – М. : Институт востоковедения РАН, 2013. – URL: https://book.ivran.ru/ f/ antoshinavzolotosennaraegipetisudanglazamiuralskogomaterazolotodobychixixvekam 2013.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

2. Бородкин, Л. И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота / Л. И. Бородкин // Историческая информатика. – 2019. – № 3. – С. 14–30.

3. Доклад об актуальных вопросах информационной политики // Официаьный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2024. – URL: https://president.gov.by/ ru/ events/ doklad-ob-aktual-nyh-voprosah-informacionnoj-politiki (дата обращения: 30.01.2026).

4. Иванова, И. И. Остров Кипр в исторической ретроспективе / И. И. Иванова // Вестник Института востоковедения РАН. – 2025. – № 1 (31). – С. 163–173. – URL: https://www.ivran.ru/ f/ Vestnik-Instituta-vostokovedeniia-RAN-2025–1.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

5. Институт востоковедения Российской академии наук. – URL: https://www.ivran.ru/?confirmationcode=ef0ee11e6c61efb612ac07f1cee69b8d6718e884d2cad (дата обращения: 30.01.2026).

6. Цифровое востоковедение: как ИВ РАН с Yandex Cloud открывает доступ к первоисточникам // Yandex. Cloud. – 2025. – URL: https://yandex.cloud/ ru/ blog/ digital-oriental-studies (дата обращения: 30.01.2026).

7. Эшба, Э. Д. Черкесский фактор в системе международных отношений на Кавказе в XIX – начале XXI вв.: дис. … канд. истор. наук: 07.00.15 / Эшба Элана Джемаловна. – Москва, 2016. – 202 с. – URL: https://www.ivran.ru/ f/ Dissertaciya_Eshba_E.D_._CHerkesskij_faktor_171_(2)_(1).pdf (дата обращения: 30.01.2026).

8. Юмашева, Ю. Ю. Влияние информационного общества на методологию исторических исследований / Ю. Ю. Юмашева // Историческая информатика. – 2019. – № 3. – С. 124–143.

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Г. Аллахвердиев

В стремительно меняющемся мире, в условиях приближающейся технологической сингулярности, в ближайшем будущем станет очевидным исчезновение ряда профессий и появление новых специальностей, в том числе в сфере искусственного интеллекта [5].

В последние десятилетия в связи с необходимостью повышения качества предоставляемых образовательных услуг, в связи с общими социально-экономическими изменениями, произошедшими в стране, а также из-за необходимости повышения конкурентоспособности на международной арене национальная система образования, интегрируясь в глобальное образовательное пространство, находилась в состоянии постоянной трансформации. Современное образование превращается в мобильную и открытую систему. Внедрение информационно-коммуникационных технологий и электронных образовательных ресурсов в образовательный процесс способствовало формированию новой образовательной парадигмы [1, с. 106–107].

Сущность цифровой трансформации образования выражается в достижении каждым обучающимся необходимых образовательных результатов путем персонализации учебного процесса на основе использования возрастающего потенциала цифровых технологий, включая применение искусственного интеллекта и виртуальной реальности, а также в развитии цифровой образовательной среды в образовательных учреждениях, обеспечении общественного широкополосного доступа к интернету и работе с большими данными [3, с. 36].

Термин «искусственный интеллект» был предложен в 1956 году американским ученым-компьютерщиком Джоном Маккарти. Искусственный интеллект относится к способности интеллектуальных систем и алгоритмов выполнять творческие функции, которые традиционно осуществляются человеком. Основной целью искусственного интеллекта является интеллектуальное моделирование когнитивных процессов, доступных для формализации.

В настоящее время искусственный интеллект или машинное обучение активно используется в образовании – начиная от проведения и проверки экзаменов и заканчивая автоматическим подбором учебных материалов для студентов, если они испытывают затруднения в освоении той или иной темы или области знания; стимулированием более осознанного изучения тем; анализом прогресса и продуктивности обучающегося с целью повышения уровня его знаний и навыков; корректировкой индивидуального учебного плана при постоянном и беспристрастном контроле «нечувствительной» машины и т. д. [2, с. 4].

Искусственный интеллект активно внедряется в процесс обучения, и становится очевидным, что масштабы использования данных технологий будут ежегодно возрастать.

Искусственный интеллект обладает способностью собирать и анализировать большие объемы разнородной информации и впоследствии получать общую картину ситуации. Кроме того, на основе исходной точки искусственный интеллект может прогнозировать собственное развитие и, в зависимости от запроса, предлагать варианты его корректировки.

Использование искусственного интеллекта может привести к существенным изменениям в сфере образования, создать новые возможности для трансформации всей отрасли. Внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательной сфере повысит эффективность учебного процесса и увеличит объемы ресурсов, затрачиваемых на его организацию.

В систему искусственного интеллекта учебного процесса должны входить следующие элементы:

– поисковая информационная система, обеспечивающая формирование базы данных учебного процесса из различных источников;

– автоматически обновляемая библиотека электронных учебников, пособий и методических материалов;

– система мониторинга уровня знаний студентов, включающая подсистему постоянного мониторинга их прогресса, активности и результатов;

– библиотека тестовых заданий, автоматически адаптируемых к уровню подготовки каждого студента в зависимости от полученных результатов;

– автоматизированная система планирования и распределения учебной нагрузки;

– сервисная система, обеспечивающая связь между студентом и образовательной организацией.

Использование технологий искусственного интеллекта в образовании может сыграть важную роль в обучении и развитии человека на протяжении всей жизни. В содержании и средствах современного образования можно выделить нижеследующие передовые технологии индустрии:

– *адаптивное и персонализированное обучение* предполагает отбор необходимого образовательного контента с учетом потребностей студентов с различным уровнем академической успеваемости, с возможностью отслеживания прогресса в обучении и изменения его траектории в зависимости от результатов;

– *автоматизированная система оценивания* позволяет осуществлять автоматическую и объективную оценку уровня знаний студентов, анализировать данные о результатах обучения, предоставлять рекомендации и разрабатывать эффективные индивидуальные учебные планы;

– *смешанное обучение* – специальное компьютерное программное обеспечение позволяет студенту закреплять пройденный материал, определять момент его возможного забывания и давать рекомендации по повторению;

– *обучение в игровой форме* выражается в использовании игровых технологий и образовательных симуляторов в учебном процессе;

– *система прокторинга*, способная дистанционно анализировать поведение сдающего экзамен студента, также является перспективной: частота отвлечения взгляда от монитора, попытки переключения вкладок браузера, наличие посторонних лиц или звуков и т. д.;

– *смарт-кампус* – проект, позволяющий оперативно отвечать на различные вопросы студентов, касающиеся расписания занятий, поиска учебных аудиторий, получения отзывов об университете и преподавателях, доступа к видеолекциям, аудиоматериалам, презентациям и т. д., приема контрольных заданий, регистрации на различные образовательные программы и курсы, наличия необходимой литературы в библиотеке, наличия свободных мест в общежитии и возможности выбора места; поиска бесплатных парковочных мест и др.

Искусственный интеллект также способен анализировать интересы студентов и предлагать им соответствующие программы и курсы. Индивидуальный подход позволяет повысить заинтересованность студентов в учебном процессе, а также осуществлять контроль самостоятельности выполнения заданий при дистанционном или самостоятельном обучении.

Искусственный интеллект не является конкурентом преподавательскому составу ни в обучении, ни в оценивании знаний студентов. Он представляет собой вспомогательное, но ценное средство, способное выполнять и совершенствовать большое количество различных операций, осуществляемых в университете, а также содействовать организации эффективного образовательного процесса и выстраиванию необходимых коммуникаций.

Литература и источники

1. Амиров, Р. А. Стратегия развития высшего образования в России / Р. А. Амиров // Вестник НГИЭИ. – 2019. – № 8 (99). – С. 105–117.

2. Гущин, А. В. Особенности реализации информационной стратегии высшей образовательной организации / А. В. Гущин, О. И. Ваганова, О. Н. Филатова // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. – 2021.– № 3 (57). – С. 47–51.

3. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае : материалы II Российско-китайской конференции исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект», 26–27 сентября 2019 г., г. Москва, / А. Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан [и др.] ; И. В. Дворецкая (отв. ред.) ; пер. с кит. Н. С. Кучмы ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 155 [1] с.

4. Сябитова, К. С. Искусственный интеллект в системе профессионального образования / К. С. Сябитова, О. Н. Филатова // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы :

сб. статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции.– Красноярск, 2023. – Ч. 1. – С. 132–134.

5. Armstrong, P. Which one of these will be your job title in 2037? / P. Armstrong // Fortune Blog. – 2017. – URL : https://www.forbes.com/ sites/ paularmstrongtech/ 2017/ 09/ 21/ whichoneof – these-will-be-your-job-title-in-2037/ 64eade9549f8 (date of access: 27.01.2026).

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ «ХУДОЖНИК – ПРОИЗВЕДЕНИЕ – РЕЦИПИЕНТ» В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИСКУССТВА

С. С. Арзуманян

Одной их характерных проявлений современной эпохи является цифровизация различных сфер культуры, в том числе и искусства. Многие его виды уже несколько десятилетий проходят через горнило этого процесса, рождая как положительные, так и отрицательные оценки по поводу результата и перспектив протекающего процесса. Но двойственное отношение к данному процессу не является чем-то необычным в художественной сфере. Любая техническая инновация, применяемая в искусстве, особенно со времени появления фотографии и кино, рождала противоположные оценки. Так, сторонники инноваций признавали, к примеру, преимущества фото перед живописью, кино перед театром, считая, что вскоре наступит конец старых видов искусства, тогда как технофобы утверждали, что это лишь временное увлечение, не имеющее отношения к искусству, которое вскоре потеряет свою притягательность.

Впрочем, двоякое отношение к искусству проявлялось не только по отношению к его технической составляющей, но и к применению любых новшеств. Сказанное подтверждает история искусства, протекающая в контексте борьбы всех против всех. Вспомним хотя бы практику авангарда, проявления которого, будь то футуризм, дадаизм и т. д., становились ареной борьбы, так как представители каждого из них, отрицая уже установленные художественные нормы, предлагали собственные, считая их единственно верными [1].

Однако, даже учитывая, что в сфере искусства отношение pro и contra – обычное явление, заметим, что наряду с положительным воздействием (предоставление новых возможностей для творчества, появление новых жанров, оживление произведений живописи и т. д.), цифровизация посягнула на проблему авторства в искусстве и его онтологическую основу, приведя к кардинальному изменению системы «художник – произведение – реципиент», что стало беспрецедентным явлением. Кратко обратимся к этой проблеме.

1. Не секрет, что с древнейших времен, человек, создающий искусство, для выражения своих эмоций, чувств, мыслей, не

ограничивался лишь использованием потенциала, данного ему от природы – движений тела, голоса, мимики и т. д. Он активно использовал и вспомогательные средства (резец, рубило, фотокамеру, кинокамеру и т. д.). Указывая на столь очевидный факт, мы хотим подчеркнуть, что применение дополнительных технических средств для создания искусства, было обычным явлением в сфере художественной практики. Но любое подобное средство, каким бы сложным и совершенным оно не было (например, орган или кинокамера), как правило, выступало лишь в роли инструмента, помогающего человеку в его творчестве. При этом, с помощью одних и тех же средств могли быть созданы и шедевры, и феномены, подпадающие под категорию китч, что однозначно свидетельствует о ключевой роли человека в творческом процессе [2, с. 87].

Ситуация резко изменилась с формированием техногенной цивилизации, открывающей просторы для цифровизации искусства и становления нового медийного искусства, актуализировавшего вопрос о возможной замене неповторимого человека-творца, запечатлевающего «на всем свои законы» [3, с. 300], неким техническим средством. Оттесняя человека на второй план, компьютер усложнил проблему определения авторства в сфере искусства, привлекая к этому процессу не только художников, но и ученых [4, с. 66–67]. Более того, он сделал ненужными ранее применяемые средства (кисть, резец, музыкальные инструменты и т. д).

2. Трансформация второго компонента триады заключается в нивелировании роли материального носителя, а по существу, просто в его исчезновении, посредством превращения в виртуальную реальность. Это существенно меняет онтологическую основу искусства, рождая различные теории по этому поводу. Но вспомним, что как только человечество осознало, что даже незначительное разрушение художественных произведений в результате тех или иных природных и социальных катаклизмов, является для него невосполнимой утратой, оно поставило перед собой цель восполнить этот пробел. Именно этой цели служили средства копирования и тиражирования произведений искусства [5]. Между тем, новое медийное искусство автоматически нивелирует проблему, связанную с какими-либо потерями материального носителя произведения искусства, при этом рождая вопрос о возможности и обоснованности отказа от исторически сформировавшейся потребности реального (не виртуального) общения с ним. Думаем, что даже при самом оптимистическом прогнозе, этот процесс потребует достаточного времени, ибо потребность прямого контакта с материальным носителем художественной информации, сформированная еще в древности, глубоко укоренена в психике человека.

3. Более благоприятные условия складываются для третьего

компонента указанной системы, ибо цифровизация приводит к чрезвычайной активизация творческих сил реципиента: из пассивного звена, нацеленного на восприятие уже готовой информации, он превращается в активный фактор. Погружаясь в виртуальный мир, он втягивается в реальный процесс творчества, становится его участником – сотворцем. Конечно, в данном случае нельзя сказать что-либо конкретное о качестве создаваемого им искусства, но можно утверждать об обогащении его эстетического опыта. Сложно переоценить тот факт, что, становясь участником художественного процесса, человек активизирует весь свой творческий потенциал, раскрываясь в качестве эстетического субъекта. Это, конечно, следует оценить, как позитивный результат.

В заключении отметим, что многое вопросы, связанные с судьбой искусства в современном обществе, вплоть до того, кого считать автором, достойным признания, а кого исключить из этого списка, какое произведение объявить истинно художественным, а какое – не представляющим интереса, и т. д., во многом зависит от тех установок, которые задаются так называемым «миром искусства», напрямую влияющим на формирование арт-рынка [6].

Итак, признавая огромные возможности нейросети, обогащающей новым контентом как само искусство, так и эстетический опыт реципиента, мы думаем, что рождение необычного художественного феномена возможно, но лишь в результате нового тандема человека и новейших технологий, а не замены истинного художника, творческие способности которого безграничны, неким кодом [7, с. 49].

Литература и источники

1. Турчин, В. С. По лабиринтам авангарда. – М. : МГУ, 1993. – 248 с.

2. Голдовская, М. Е. Творчество и техника. – М. : Искусство, 1986. – 191 с.

3. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. / Ф. Шлегель. – М. : Искусство, 1983. – Т. 1. – 479 с.

4. Бычков, В. В. Искусство техногенной цивилизации в зеркале эстетики. / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 62–72.

5. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М. : Медиум, 1996. – С. 15–65.

6. Danto, A. The artworld. // The Journal of Philosophy. – 1964. – Vol. 61, Issue 19. – P. 571–584.

7. Арзуманян, С. С. Искусственный интеллект в поиске возможностей художественного творчества / С. С. Арзуманян // Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция : материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием, 25–26 февраля 2022 г., г. Ижевск. – С. 46–49.

ИСКУССТВЕННЫЙ АГЕНТ И ПРОБЛЕМА ЕГО ОГРАНИЧЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

И. А. Асеева

В середине XX века известный британский математик Алан Тьюринг в работе «Computing Machinery and Intelligence» предложил концепт агента – машины, способной к самостоятельным действиям, что стало основой для разработки технологии искусственного интеллекта (ИИ). Благодаря развитию инфо-коммуникативных технологий получают большое распространение цифровые сервисы, программы, платформы, устройства, получившие название искусственных агентов. Сейчас они используются не только для обработки больших данных и ускорения вычислений, но и внедряются в сугубо гуманитарную сферу: образование, право, медицину, искусство, где предполагается возможность коммуникации, подобной человеческой.

В современной науке лидирует тенденция создания антропоморфного ИИ, в работе которого пытаются воспроизвести принципы функционирования мозга человека или сымитировать эти функции и создать интеллект, сопоставимый с человеческим.

В философии определение интеллекта как сущностной характеристики человека имеет давнюю историю. Дальнейшие рассуждения будут основываться на концепции интеллекта, предложенной российскими философами В. Ю. Крамаренко, В. Е. Никитиным и Г. Г. Андреевым в монографии «Интеллект человека» (1990 г.). Они обосновывают идею, что «интеллект представляет собой иерархическую структуру, включающую в себя ряд уровней, построенную на основе субординации представленных подструктур, где одна область интеллектуального пространства оказывается вписанной в другое, более глубокое пространство, увенчанное высшей формой человеческого интеллекта – разумом. Выделенные уровни работают дифференцированно, находясь в сложных диалектических взаимоотношениях друг с другом» [1, с. 127]. Согласно их концепции, интеллект состоит из трех взаимосвязанных уровней умственной организации: здравого смысла, рассудка и разума.

Здравый смысл – «уровень интеллекта, отвечающий за чувство реальности, базирующийся на наглядности; очевидность – его питательная среда. Здесь отражены принципы устойчивости, нормальной связи вещей и явлений. Здравый смысл – это результат ознакомления с реальной действительностью, такой, какой она представляется человеку непосредственно» [1, с. 114]. Здравый смысл выполняет защитную функцию, позволяет находить простые и эффективные решения в бытовых ситуациях: не прикасаться к горячему, находить кратчайший путь,

бессмысленно не рисковать и т. п. И именно отсутствие здравого смысла, то есть способности практически мгновенно понимать повседневное положение дел, обыденные ситуации и тонкости взаимоотношений на основе обширных общих знаний о физическом и социальном мире, которые люди формируют часто бессознательно, просто живя в этой среде, – и есть одно из фундаментальных ограничений ИИ.

За логическое обоснование, построение теорий и моделей мира, принятие взвешенных решений на основе проверенной и алгоритмизированной информации отвечает следующая форма интеллекта – рассудок. Американский исследователь Джон Кикс замечает, что «прогресс знания состоит в выходе за пределы здравого смысла. Однако отношение между теоретическим размышлением и здравым смыслом не есть отношение между познанной и примитивной ошибкой, но скорее между структурой и ее основанием» [2, с. 121].

Согласно концепции В. Ю. Крамаренко, В. Е. Никитина, Г. Г. Андреева, рассудок, опираясь, с одной стороны, на многообразный коллективный опыт социальной деятельности, и на научные знания, с другой, стремится формализовать накопленную информацию, выделить в ней устойчивые структуры, обнаружить тенденции, и на этой базе сформулировать правила, нормы, предписания, программы, позволяющие свободно действовать в типичных, известных ситуациях, основываясь на познанных логических закономерностях. Это наиболее автоматизированная, если так можно выразиться, часть интеллекта, функционирующая по отработанным дедуктивным и индуктивным алгоритмам. Не случайно специалисты по ИИ изначально именно на формально-логическом, рассудочном подходе выстраивали машинное обучение. Вместе с тем проблема прозрачности принятия решений ИИ далеко не решена, даже если решение выведено логически на основе архива обучающих данных.

В ходе исследований постепенно стало понятно, что человеческое мышление выходит далеко за рамки формальной логики и способно творчески генерировать гипотезы для решения новых задач, действовать в ситуации неопределенности и частично познанной информации. В своей книге «Загадка разума» ученые-когнитивисты Хьюго Мерсье и Дэн Спербер утверждают, что «разум – это механизм интуитивных умозаключений..., в котором логика играет в лучшем случае второстепенную роль» [3]. Благодаря развитию разума человек ориентируется в противоречивых, беспрерывно меняющихся процессах, может управлять континуальными блоками мышления без обращения к грамматическим формам. Разум способен анализировать не только данные чувственного опыта, но и критически оценивать собственные решения. Отличительной особенностью разума является выход за пределы, ограниченные познавательной задачей, неутилитарность и

нетривиальность результатов.

Таким образом, интеллект человека, естественный интеллект – это интегративное эволюционное образование, состоящее из своеобразных форм: здравого смысла, рассудка и разума, действующих в единстве. В этом смысле говорить об искусственном интеллекте можно только метафорически. Можно предположить, что для дальнейшего совершенствования ИИ необходимо рассматривать совокупность всех взаимосвязанных уровней интеллекта, эмоций, образов и интуиции, и изучать, как они формируются и взаимодействуют в человеческом мозге.

Необходимо отметить, что исследования в области здравого смысла или интуитивного мышления ИИ (понятия используются как тождественные) имеют совсем недавнюю историю. Лишь в 20-х годах этого века исследователи задумались, что вместо быстрого перебора всевозможных вариантов мы (люди) «мгновенно оцениваем общую картину происходящего, которую видим лишь частично: вероятные причины и следствия событий, то, что могло произойти раньше и что может произойти дальше, мотивы и намерения людей, а также их психическое и эмоциональное состояние. Поскольку интуитивное мышление настолько естественно и не требует усилий, возникает соблазн предположить, что ИИ тоже должен легко с ним справляться» [4, с. 140]. Однако здравый смысл по-прежнему остается темным и непостижимым для ИИ, эти разработки, как считают специалисты Института Аллена, находятся в начальной стадии. Хотя в последнее время исследования в области ИИ значительно ускорились. Так, агентство перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA) запустило программу Machine Common Sense (MCS) для ускорения исследований в области ИИ [5], а ученые из Вашингтонского университета, Института Аллена начали проект Mosaic, в рамках которого создается прототип формирования здравого смысла и интуитивного мышления, основанный на естественном языке. Ученые используют абдуктивные умозаключения, позволяющие генерировать новую информацию, выходящую за рамки формального задания на основе неполных данных.

Таким образом, отсутствие у искусственного агента полноценного интеллекта является серьезным препятствием для адекватного восприятия окружающего мира, оценки повседневных ситуаций, и, как следствие, для понимания и взаимодействия с человеком в социальной сфере. Этот пробел делает искусственного агента ограниченным, негибким, хрупким, далеким от эмпатичных и взаимообогащающих отношений с человека и машины.

Литература и источники

1. Крамаренко, В. Ю. Интеллект человека / В. Ю. Крамаренко, В. Е. Никитин, Г. Г. Андреев. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 184 с.

2. Kekes, J. A new defense of common sense / J. Kekes // American Philosophical Quarterly, 1979. – Vol. 16, № 2. – P. 115–130.

3. Mercier, H. The Enigma of Reason / H. Mercier, D. Sperber. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2017. – 396 p.

4. Choi, Y. The Curious Case of Commonsense Intelligence / Y. Choi // Daedalus. – 2022. – Vol. 151 (2). – P. 139–155.

5. Trujillo, J. The DARPA Machine Common Sense (MCS). Program: A Phenomenological Diagnosis of its Interpretational Challenges / J. Trujillo. – 2023. – Vol. 17. – P. 1–26.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТРЕНДЫ АКСИОЛОГИИ В РОССИИ: ОТ ПРИРОДЫ ЦЕННОСТЕЙ К ЦЕННОСТЯМ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Л. В. Баева

Ценности – одна из ключевых категорий для философских и социогуманитарных наук, соединяющая бытие человека, природы и культуры отношениями смысло-значимости. Ценности соотносятся с мировоззрением отдельной личности, являясь основаниями его мировоззрения, представлений, убеждений, верований, идеалов, являются источниками творчества, мотивационными факторами деятельности, направляя и умножая ее усилия.

При этом ценности играют ключевую роль для общества, представляют собой воплощение тех скрепляющих социальные группы универсалий, которые выступают основанием их культурного (этнического, конфессионального, государственного, корпоративного, субкультурного и т. д.) единства, имеющих своей природой исторически сложившуюся коммуникацию людей, рациональные принципы их жизнедеятельности, моральные регуляторы и нормы.

Изучение ценностей в современной философии является неотъемлемой частью исследований в области аксиологии, онтологии, философии культуры, философской антропологии, социально-политической философии, этики и эстетики. Но несмотря на то, что сегодня ценностные исследования прочно занимают важное место среди философских и социальных наук, надо отметить, что на протяжении XX века отношение к аксиологии в России не было однозначным. Целью нашей работы является характеристика «поворота» к ценностям, который начался в СССР в последней трети XX века и активно продолжается в условиях цифровой эпохи.

Интерес к изучению ценностей в русской философии проявился достаточно рано, еще в средневековый период, когда формируются идеи-символы триединства Истины, Добра и Красоты, Святой Руси, нравственной и духовной святости личности. Их отражение в различных аспектах проявилось в трудах митрополита Иллариона, Кирилла Туровского, в «Молении Даниила Заточника», творениях Андрея Рублева, и Дионисия Ареопагита. Для русской философии на многие годы этические, социальные, антропологические и ценностные проблемы становятся центральными.

Религиозное основание проявляется в русской философской традиции вплоть до начала XX века, что воплощается в обосновании ценностей «соборности», «цельного знания», «всеединства». Отечественная философская традиция была аксиологической по своему содержанию, поскольку была нацелена на обоснование высших духовных и социальных ценностей. Системную аксиологическую концепцию в начале XX века выдвигает Н. О. Лосский, который в русле онтологического подхода и теории всеединства, связывает ценности с «полнотой бытия» и идеей троичности Добра, Истины и Красоты в Боге. Понимание ценности развивается им как значимости и идеальной сущности: «значение и смысл есть идеальный аспект ценности… всякая ценность или сполна идеальна или заключает в себе идеальный аспект» [1, с. 80].

Изучение ценностей в России в советский период было приостановлено, поскольку в марксизме понятие ценности использовалось только в экономическом контексте (как «потребительская ценность» либо сводилось к объективным потребностям). Однако в период оттепели в 60–70-е годы начались активные дискуссии в области эстетики, которые перешли затем в общий дискурс о ценностях, оценках и дали новый толчок аксиологической мысли. Большую роль в возрождении российской аксиологии сыграли труды ее блестящих представителей: В. П. Тугаринова, В. В. Василенко, М. С. Кагана, Л. Н. Столовича, Г. П. Выжлецова, С. Ф. Анисимова, А. Г. Здравомыслова, М. А. Розова и др.

После выхода в свет монографии В. П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры» [2], где акцентировалось внимание к человеку как субъекту ценностей, в 1960 году тема ценностей получает все больший интерес исследователей, а в 1965 году в СССР состоялся Первый всесоюзный симпозиум по теории ценностей в Тбилиси, где эти аксиологические темы уже широко обсуждались. Следует отметить значительный вклад в развитие аксиологии грузинской философской школы и ее представителей (К. Бакрадзе, Н. Чавчавадзе, Р. Шенгелия и др.). В этот период начался «аксиологический поворот» в советской философии, и тема ценностей выходит из забвения. Обстоятельный обзор

истории этого вопроса был сделан Л. Н. Столовичем в статье «Аксиологические течения в современной русской философии» [3].

В 1968 году была издана книга В. П. Тугаринова «Теория ценностей в марксизме», в которой обосновывался статус теории ценностей с позиции марксистской теории познания, а понятие ценности было взаимосвязанным с практикой и познавательной активностью человека (триада «познание-оценка-практика») [4]. Тугаринов представляет типологию ценностей, включающую «жизненные ценности» (жизнь, здоровье, радость, оптимизм, общение), ценности природы и ценности культуры (материальные, социально-политические и духовные, общечеловеческие и классовые, наличные (экзистенциальные), целевые и нормативные). Исследования В. П. Тугаринова в области аксиологии имели новаторский характер и стали источником дальнейших разработок проблемы ценностей [5].

Подъем интереса к изучению ценностей в 60–70 годах прошлого века во многом был связан с эстетикой и дискуссиями о сущности красоты. Л. Н. Столович предложил социокультурную концепцию эстетической ценности и вызвал широкую дискуссию о сущности эстетического отношения, оказавшую стимулирующее воздействие на развитие эстетической мысли и аксиологии. Позднее Л. Н. Столовичем было предложено понятие «аксиосфера» для обозначения мира ценностей, которая включала всю область ценностного отношения человека к миру и мира к человеку: мир ценностей субъективную реальность ценностного сознания в виде ценностных представлений, оценок, вкусов, идеалов, норм, канонов, образцов и результаты творческой деятельности [6]. Представитель ленинградской школы философии М. С. Каган внес значительный вклад в разработку теории ценностей, обосновав, что понятие ценности необходимо редуцировать из структуры субъектно-объектных отношений, поскольку ценность зависит и от качеств объекта, и от качеств субъекта, при этом социальное и личное образуют целостность, не сводимую ни к одной из них, ни к простому механической суммированию [7, с. 253].

В. С. Степин, крупнейший представитель ценностного подхода в социальной философии, характеризовал ценности как ориентиры, «составляющие своего рода "культурную матрицу", нечто вроде генома культуры, который обеспечивает воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях» [8, с. 4]. В работе «Теоретическое знание» он отмечает повышение роли ценностного сознания в современную постнеклассическую эпоху, которая учитывает «соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами» [9, с. 634].

«Аксиологический поворот» характеризует и современный этап в

изучении ценностей. Цифровая эпоха вызвала значительные изменения жизненного мира и доминант сознания человека, а социально-политические угрозы актуализировали обращение к цивилизационным и традиционным ценностям.

Современная российская аксиология не является единой традицией, для нее характерны множественность подходов, разработка отдельных аспектов ценностей и в определенной мере отход от построения макротеорий. Современные исследователи в России обращаются к вопросам ценностей культуры и личностного бытия [10], экзистенциальной аксиологии и ценностям цифрового мира [11], сравнительной аксиологии [12], ценностям науки и познания [13], социокультурным ценностям [14], общечеловеческим и универсальным ценностям [15], традиционным духовно-нравственным ценностям [16; 17] и др. Ценность стала одной из важнейших междисциплинарных категорий, базовой для социогуманитарного знания.

Трансформация ценностей в условиях цифровой эпохи и порождения новых феноменов (от социальных сетей до генеративного ИИ) вызвало широкий исследовательский мегатренд, как в мире, так и в России. Особое внимание аксиологов обращено к проблемам безопасности и защите от негативного информационного воздействия, манипулятивных технологий, вопросам контроля над технологическими разработками и цифровой этике. Возрастает роль ценностей информации, знания, технологий, коммуникации, безопасности, мобильности, доступности и др., и при этом, по мере усиления влияния технологий, формируется социальный запрос на «человечность», этичность, гуманность, достоверность и др. Включение ценностных регуляторов в состав технологий оказываются необходимой составляющей современной техно-когнито-социо-эволюции.

Теоретические исследования сущности, природы, классификации ценностей в силу их глубинных связей с жизнедеятельностью человека и его связями с культурой в современном социуме оказываются тесно сопряженными с социальной практикой. Регулирование развития медиакультуры, электронной культуры, ИИ, когнитивных и биотехнологических решений требует «отнесения к ценности» для безопасности и блага человека и общества.

Литература и источники

1. Лосский, Н. О. Ценность и Бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. – Paris : YMCA-PRESS, 1931. – 131 с.

2. Тугаринов, В. П. О ценностях жизни и культуры / В. П. Тугаринов. – Л., 1960. – 156 с.

3. Столович, Л. Н. Аксиологические течения в современной русской философии // Соловьевские исследования. – 2011. – № 4 (32). – С. 7–27.

4. Тугаринов, В. П. Теория ценности в марксизме / В. П. Тугаринов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. – 124 с.

5. Осипов, И. Д. Личность и цивилизация в философии В. П. Тугаринова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6 : Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2010. – № 4. – С. 84–89.

6. Столович, Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии / Л. Н. Столович. – М. : Республика – 1994. – 464 с.

7. Каган, М. С. Человеческая деятельность / М. С. Каган. – М., – 1974. – 328 с.

8. Степин, В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – М. : ИФ РАН, 1994. – 274 с.

9. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 774 с.

10. Барышков, В. П. Аксиология личностного бытия: Парадигма постсубстанциального миропонимания : дис. … д. филос. наук : 09.00.01 / Барышков Владимир Петрович. – Саратов, 2002. – 314 с.

11. Баева, Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии. – Москва : Прометей, 2003. – 240 с.; «Бытие-в-мире» электронной культуры / Л. В. Баева, Н. А. Касавина, Т. Д. Лопатинская, Е. В. Федюлина; Астраханский государственный университет. – Санкт-Петербург : «Реноме», 2020. – 192 с.

12. Шохин, В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 457 с.

13. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. – М. : РОССПЭН, 2007. – 439 с.

14. Лебедева, Н. М. Ценности культуры и развитие общества / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М. : ВШЭ, 2007. – 527 с.

15. Момджян, К. Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 25–41.

16. Кропачев, Н. М. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 294–306.

17. Борщевский, Г. А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Политика : Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2023. – № 4(111). – С. 67–93.

ИИ И КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Э. В. Барбашина

Критическое мышление является необходимым навыком современного человека. Это положение явно или завуалированно присутствует в большинстве публикаций, посвященных различным аспектам критического мышления. Как правило, необходимость

обосновывается исходя из экономических интересов, точнее запросов современного рынка труда, который ориентирован на работников, способных мыслить абстрактно, проективно, выполнять многоэтапные задачи; эффективно находить, обрабатывать новую информацию и гибко мыслить. Наряду с этим широко представлены рассуждения о важности критического мышления для политической (гражданской) сферы, информационной, культурной и образовательной. Особую значимость владение критическим мышлением приобретает в высшей школе. Это связано с тем, что обучающийся должен не просто знать большой объем информации, но уметь ее находить, проверять качество, обобщать, анализировать, систематизировать. Обязательным является умение правильно, убедительно аргументировать свою точку зрения, делать обоснованные выводы, находить ошибки в рассуждениях оппонентов, приходить к общим выводам в ходе дискуссий и т. д. Важный навык – «интеллектуальный контроль», рефлексия над тем, как выстраиваются собственные рассуждения и рассуждения других участников коммуникации (авторов). Формирование и развитие критического мышления в высшей школе является фундаментом успешного профессионального будущего, так как оно «учит учиться», осваивать новые интеллектуальные навыки и практические умения.

К настоящему времени сформировалось три основных подхода к пониманию критического мышления. *Первый*, философский, ориентирован на логически мыслящего субъекта в идеальных условиях. *Второй*, психологический, сосредоточен на прояснении когнитивных процессов в конкретных условиях и учитывает индивидуальные особенности. *Третий*, педагогический, опирается на результаты эмпирических исследований для оптимизации алгоритмов развития критического мышления в зависимости от личности обучающегося.

Общим для различных подходов является требование рефлексии – внимательного и вдумчивого отношения к собственному процессу рассуждений, постоянного анализа, в том числе с позиций скептического рационализма. На промежуточных этапах, при получении выводов человек задает вопросы: почему рассуждал именно таким образом? на каких основаниях опирался именно на эти посылки (дедукция) или примеры (индукция)? Каковы методологические, смысловые основания рассуждений? насколько правильной является форма рассуждений? Другими словами, речь идет о внимательном и вдумчивом отношении к собственному, уникальному мыслительному процессу.

Искусственный интеллект (ИИ) повлиял на все сферы жизнедеятельности социума, в том числе на образовательный процесс в целом, и на процесс формирования критического мышления, в частности. Эволюция технологий ИИ, появления больших языковых моделей (LLM) оптимизируют систему высшего образования: персонализация обучения,

адаптация образовательного процесса в соответствии с потребностями обучающегося, получение обратной связи в режиме реального времени, делегирование рутинной работы и многое другое. Однако формирование и развитие навыков критического мышления, то есть то, что традиционно входило в задачи обучения в высшей школе, становится практически невозможным.

Рефлексия, как было показано выше, является обязательной характеристикой критического мышления. Она предполагает интеллектуальную ответственность, индивидуальность, готовность многократно «продумывать» собственный рассуждения. В отличие от этого большие языковые модели (LLM) прогнозируют строки, ориентируясь на вероятность появления токена. Это относится и к генеративному искусственному интеллекту, который осуществляет самостоятельный синтез получаемого текста, но делает это на основе изученных закономерностей. Передача текста на «аутсорсинг» отличается от текста, созданного человеком, так как в этом случае получается ориентация на высоковероятностный выбор, а человек часто ориентируется на низковероятностный выбор. Более того, язык человека изобретателен, креативен, он создает несуществующие миры путем «когнитивных инноваций». В случае же использования больших языковых моделей рефлексия невозможна.

Еще одно отличие связано с использованием недостоверной информации вне зависимости от того было ли на это указание в инструкциях или же все произошло непреднамеренно. Возможным следствием становится воспроизводство, повторение и закрепление существующих этнических, расовых, религиозных предрассудков и предрассудков относительно людей с ограниченными возможностями. Доверия к ним со стороны обучающихся возрастает как следствие роста эмпатии, читабельности, «человекоподобного» синтеза больших языковых моделей.

К более общим негативным последствиям включения ИИ в образовательные процессы в высшей школе относится цифровое неравенство, дегуманизация, деперсонализация, отсутствие конфиденциальности и многие другие. Представляется, что выход из сложившейся ситуации заключается в переориентации нашего восприятия искусственного и особенно генеративного искусственного интеллекта. К существующим и общепринятым «игрокам», то есть к человеку, как рациональному агенту, машине, как автоматизированному механизму, добавить третьего, который отличается своими характеристиками и, соответственно, новыми правилами взаимодействия.

ЧЕЛОВЕК И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В ЦИФРОВОМ МИРЕ: СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

Т. В. Бернюкевич, А. А. Бернюкевич

Цифровую революцию, определившую направленность развития мира в начале XXI века, часто описывают как безудержный поток технологий, который буквально сметает все на своем пути. В традиционном сознании гуманитария цифровой мир предстает как мир алгоритмов, больших данных и искусственного интеллекта, который либо существует в параллельной реальности, либо противостоит миру философии, истории, литературы и искусства.

Если техно-оптимисты описывают картины не только полезного взаимодействия, но и яркого симбиоза цифровых технологий и гуманитарного знания, критический взгляд на отношения цифрового мира и гуманитарных дисциплин отражает более мрачную перспективу. Данная перспектива включает следующие параметры, определяющие не только место гуманитарного человека в цифровом мире, но и роль человека в новой цифровой реальности:

– приоритет формального и количественного, когда, например, литературный текст сводится к набору стилистических маркеров, а трагедия исторической эпохи низводится до графика миграционных потоков. Там, где гуманитарий видел сложность и глубину смысла, алгоритм фиксирует статистическую аномалию;

– этика как фасад: роль этики при ИИ рискует быть лишь видимостью контроля, стать иллюзорной, при этом реальные решения будут приниматься исходя из критериев эффективности и прибыли;

– культура как контент – возникает вопрос: в искусстве, обработанном или даже созданном ИИ, ориентированном на виртуальность, сохранится ли его рефлексивная природа, не превратится ли оно в предсказуемый «продукт»?

– потеря человеком роли субъекта не только в определенных видах деятельности, но и культуры в целом в ситуации, когда ИИ становится глобальным квазисубъектом. Данная ситуация – это и исчезновение ценности человеческого опыта с его страданиями, любовью, долгом и красотой.

В этом пессимистичном сценарии технология не становится человечнее, а, напротив, человек вынужден стать техноподобным, чтобы его вообще можно было «прочитать» в новой реальности.

Возможность оптимистичного или пессимистичного сценария, перспективы гуманитарного знания, человеческой культуры и самого человека определяется ответом человечества, стремящегося к жизни в цифровом мире, на вопрос: «Ради чего?».

Литература и источники

1. Тульчинский, Г. Л. Революция 4. 0. И гуманитарное знание / Г. Л. Тульчинский // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. – 2019. –№ 1. – URL: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ revolyutsiya-4–0-i-gumanitarnoe-znanie (дата обращения: 11.01.2026).

2. Минева, С. С. Технологическая деисторизация: отчуждающее образование, экспроприация данных и цифровое рабство / С. С. Минева // Вестник Ивановского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 3. –С. 163–168.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ИСКУССТВА

А. Б. Богайчук

Цифровая среда выступает сегодня основным драйвером трансформации искусства, радикально изменяя не только способы его распространения и потребления, но и саму природу художественного опыта. В условиях тотальной цифровизации возникает фундаментальный парадокс: с одной стороны, технологии обеспечивают беспрецедентную доступность культурных ценностей, с другой – способствуют утрате аутентичности произведения и формированию искаженных моделей восприятия. Данный процесс требует переосмысления традиционных эстетических суждений о роли и значении искусства.

Анализ искусства в условиях цифровой эпохи может базироваться на философских концепциях мыслителей, чья деятельность предшествовала возникновению цифровых технологий. Так, например, ключевые проблемы, затрагиваемые Жаном Бодрийяром (симулякр и реальность), Маршаллом Маклюэном (медиа как продолжение человека), Мартином Хайдеггером (онтология произведения искусства) и Моррисом Вейцем (природа художественного понятия), носят фундаментальный характер и выходят за рамки конкретной исторической эпохи, позволяя выявить глубинные структуры изменений, происходящие с искусством, раскрывая новый смысловой контекст для современности. Эти авторы исследовали природу восприятия, подлинности, коммуникации и границ самого понятия «искусство» – вопросы, которые становятся особенно актуальными и в условиях цифровой трансформации культуры.

Целью исследования является выявление особенностей влияния цифровой среды на трансформацию искусства.

Доступность как основной вектор массовизации проявляется в демократизации доступа к культурному наследию: онлайн-выставки, цифровые архивы, стриминговые платформы стирают пространственные и временные барьеры между произведением и зрителем. Однако эта

«доступность» оборачивается профанацией искусства: цифровая копия нейтрализует монументальность оригинала, утрачивается эффект присутствия «здесь и сейчас», характерный для традиционного восприятия. Произведение искусства в цифровой среде превращается в симулякр – псевдовещь, замещающую реальность посредством репродукции, что в терминах Ж. Бодрийяра знаменует переход от репрезентации к симуляции, где оригинал теряет свое онтологическое превосходство [2].

Коммуникативное измерение цифровой среды порождает двойственность. Согласно М. Маклюэну, искусство выступает «внешним расширением» человеческой личности, а диалоговое пространство вокруг произведения формирует культурный код, способствующий социальной интеграции [4, с. 123]. В цифровой среде это проявляется в обсуждениях в социальных сетях, создании коллективных интерпретаций. Однако алгоритмическая логика платформ приводит к доминированию мейнстримных трактовок: ложные смыслы, набирая виральность, вытесняют глубинное понимание. Массовый потребитель искусства отказывается от диалектического анализа в пользу конформизма, принимая мнение большинства, что противоречит хайдеггеровскому пониманию искусства как носителя истины о его существовании [5, с. 442].

Особую проблему представляет трансформация содержания искусства в цифровой среде, заключающаяся в упрощении контента за счет его видоизменения [1]. Мемификация классических произведений, фанфикшн-культура, шаблонизация нарративов ведут к упрощению и искажению смысловых слоев оригинала. Родион Раскольников превращается в меметический архетип «инфантильного парня», а философская глубина «Преступления и наказания» редуцируется до поверхностных клише. При этом фигура автора утрачивает свою сакральность: любой пользователь может публиковать контент, базирующийся на чужом произведении, что ставит под сомнение традиционные представления об авторском праве и художественной целостности.

Одновременно цифровизация порождает новые формы творчества: программы цифрового арта, генеративные алгоритмы ИИ, создающие визуальные произведения по текстовому запросу. Эти технологии стирают границу между автором и потребителем, провозглашая лозунг «каждый может быть творцом». Однако эта демократизация вызывает этическую тревогу: если творческий акт становится технической операцией, не утрачивает ли искусство свою трансцендентную функцию? Не превращается ли оно в элемент индустрии развлечений, где содержательной глубиной жертвуют ради скорости производства и соответствия запросам массового потребителя?

Тем не менее, с точки зрения концепции «открытого понятия»

Морриса Вейца, искусство изначально не обладает фиксированными границами и способно к бесконечной трансформации без утраты своей сущности [3]. Цифровизация и массовизация могут рассматриваться не как разрушение искусства, а как его эволюция в новых историко-культурных условиях. Ключевой задачей становится не сопротивление технологическим изменениям, а выработка этических ориентиров, позволяющих сохранить духовную глубину и рефлексивную функцию искусства в эпоху цифровой симуляции.

Цифровая среда как фактор оказывает двойственное влияние на искусство: с одной стороны, она расширяет доступность и демократизирует участие в художественной практике, с другой – способствует профанации аутентичного опыта, подмене оригинала симулякром и формированию искаженных моделей восприятия под давлением алгоритмической логики и массовой культуры. Направления трансформации искусства в цифровой среде включают: изменение онтологического статуса произведения от уникального объекта к репродуцируемой замене, симулякру; трансформацию авторской функции и возникновение коллективных, генеративных и пользовательских форм творчества; смещение акцента с содержательной глубины на скорость, виральность и соответствие запросам индустрии развлечений; формирование новых этических и эстетических дилемм, связанных с утратой монументальности, подлинности и рефлексивной функции искусства.

Существование искусства в цифровой среде ставит перед культурой фундаментальный вопрос: может ли искусство сохранить свою аутентичность, эстетическую и этическую значимость в условиях фундаментальных и стремительных трансформаций? Ответ требует отказа от ностальгической идеализации «дорепродуктивной» эпохи и одновременно – критического осмысления рисков цифровой трансформации. Будущее искусства зависит от способности общества выстроить баланс между доступностью и глубиной, между технологической инновацией и сохранением трансцендентного измерения художественного опыта.

Литература и источники

1. Алиханова, В. Л. Массовизация произведения искусства в «эпоху цифры» / В. Л. Алиханова // Философская мысль. – 2022. – № 2. – С. 125–132.

2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр // Симулякры и симуляции. – М. : Постум, 2017. – 240 с.

3. Вейц, М. Роль теории в эстетике / М. Вейц // Теория и философия искусства. – URL: https://velikanov.ru/ lib/ weitz.asp (дата обращения: 29.01.2026).

4. Маклюэн, М. Понимание медиа. Внешние расширения человека / М. Маклюэн // Внешние расширения человека. – М. : Кучково поле, 2023. – С. 115–328.

5. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Исток художественного творения. – М. : Академический Проект, 2008. – С. 420–501.

ЭТИКА СОЛИДАРНОСТИ АНДЕГРАУНДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Д. А. Борода

Андеграунд демонстрирует себя через широкий спектр художественных форм, начиная от звучания панк-групп и заканчивая публикацией литературных произведений. Такая деятельность проявлялась не только в выражении индивидуальности, но и в особенном коллективном взаимодействии. Данная деятельность демонстрировала уникальный этос – *солидарность отвергнутых*, основанную на помощи друг другу в условиях социальной изоляции, доверии, которое строилось как на общем опыте и жизненных принципах, так и на совместном творчестве. Такая солидарность функционировала в качестве стратегии коллективного выживания и сопротивления, противопоставляя себя официальным и традиционным ценностным установкам.

Ключом к пониманию трансформации этой этики в современную эпоху служит концепция «сетевого общества», предложенная испанским социологом Мануэлем Кастельсом [1]. Согласно его исследованиям, Интернет и беспроводная коммуникация не являются средствами массовой информации, а скорее служат инструментом для интерактивной коммуникации [2, с. 217]. Предложенная концепция показывает, что цифровые сети предоставляют неограниченную возможность для коммуникации и самоорганизации, однако и создают условия для атомизации общества. Здесь этика солидарности андеграунда работает против разъединяющей логики сетевого индивидуализма и стремится к созданию устойчивых форм коллективности вне сети.

Центральным вопросом становится прочность и долговечность новых форм сетевых форм солидарности. Например, в рамках сети существует проект, который объединяет людей для решения конкретной задачи. Что происходит с сообществом после достижения цели и окончания проекта? Безусловно, сеть играет неотъемлемую роль в создании и реализации проекта, однако, как утверждает Кастельс, в дальнейшем это все может грозить легкому распаду после достижения прагматической цели. Андеграундные сообщества в данном случае могут выступать в качестве контрапункта, где их солидарность не проявляется в функциональном достижении цели, а формируется в *солидарности отверженности*, которая рождается из общего опыта, направленного на создание альтернативных ценностных установок. Такая солидарность строится не на удобстве, а на необходимости совместного выживания.

Цифровая реальность в андеграундных сообществах, как уже было указано ранее, используется не для создания соответствующего проекта и его решения, а для поддержания его жизнеспособности, продвижения и нахождения новых единомышленников [3, с. 27].

Цифровая трансформация сопряжена с фундаментальными противоречиями. Традиционная андеграундная солидарность крепла в межличностном, живом взаимодействии, где доверие строилось через совместное физическое присутствие, риск и разделенный опыт. Цифровой ландшафт в андеграундных сообществах можно, несомненно, назвать параллельной вселенной для обмена творчеством. Здесь возникает вопрос цифрового потенциала во взаимодействии между участниками сообщества, где используется оценочная система поставляющего контента (лайки, баны и т. д.), что впоследствии воспроизводит новую цифровую иерархичную систему. Ценность начинает определяться не реальным вкладом в общее дело, а его видимостью и одобрением.

Более того, инструменты, созданные для взаимодействия, могут приводить к истощению, проявлению *усталости во взаимодействии*. Внутренние сообщества, которые были созданы для более интенсивного и продуктивного взаимодействия, по мере роста сообщников или просто интересующихся людей начинают обрастать определенными правилами: чувство солидарности и общности начинает требовать определенной вовлеченности, полезности, идеологической лояльности, переходящей в возникающий конформизм внутри сообщества. Теперь обычному потребителю контента необходимо прилагать определенные усилия, что требует эмоциональных ресурсов и в дальнейшем ведет к выгоранию и потере интереса.

Таким образом, несмотря на преимущества, которые представляет цифровая реальность для нас сегодня, андеграундным сообществам необходимо помнить о рисках, связанных с утратой значимости человеческих взаимодействий и отношений. Устойчивость андеграундных сообществ, основанных на солидарности, может оказаться под угрозой, если все взаимодействие уйдет в цифровую вселенную. Будущее этики солидарности андеграунда в цифровую эпоху зависит от его способности определить, что действительно является ключевым в его идее и какую цель он хочет достигнуть.

Литература и источники

1. Castells, M. The Rise of the Network Society // M. Castells. – 2nd ed. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. – Vol. 1. – 656 p.

2. Бобова, Л. А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций / Л. А. Бобова // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 5 (32). – С. 213–220.

3. Борода, Д. А. Информационная этика как социальный вызов в андерграундной культуре / Д. А. Борода // Гуманизм и Современность : материалы Междунар. науч. конф., 27 марта 2025 г., г. Минск : в 2 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. : А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2025. – Т. 1. – С. 24–27.

4. Papacharissi, Z. Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics / Z. Papacharissi. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 160 p.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ОТ СУБЪЕКТА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА К ОБЪЕКТУ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

О. А. Вашко

Стремительное использование моделей искусственного интеллекта (ИИ) студентами в изучении академических дисциплин поставило перед философией образования принципиально новый вызов. В контексте преподавания логики является ли ИИ новым эффективным инструментом для развития абстрактного мышления студентов, или же его использование ведет к незаметному и фатальному уничтожению самой способности к самостоятельному рассуждению? Классически под логическим мышлением имеется в виду не только автоматизированное применение правил и законов, но и рациональная ясность, последовательность, аргументированность, которые традиционно формируются в борьбе с логической некорректностью. Внедрение технологии, способной мгновенно дать правильный ответ на стандартную логическую задачу, существенно изменило образовательный ландшафт.

Безусловно, в настоящее время ИИ является незаменимым инструментом, выполняющим операционную функцию и обладающим значительным дидактическим потенциалом для предоставления объяснений и вариантов решения задач. Сторонники интеграции генеративной модели в образовательный процесс и изучение дисциплины «Логика» апеллировали бы к его бесспорным операционным преимуществам.

Во-первых, ИИ может выполнить функцию неутомимого «тренажера» по решению логических задач, предоставляющего студенту возможность для многократной отработки навыков применения знаний на практике – правил деления и определения понятий, формализации суждений, построения таблиц истинности, проверки силлогизмов, поиска нарушения правил вывода сложных умозаключений, ошибок аргументации, нарушения законов логики и др. – с немедленной адаптивной обратной связью [1, с. 40].

Во-вторых, ИИ может взять на себя функцию наставника –

адаптивного, интерактивного средства педагогической поддержки, помогая структурировать сложную задачу, генерируя примеры корректных и некорректных рассуждений для сравнительного анализа. Так, использование ИИ как инструмента может способствовать ускоренной и более самостоятельной отработке навыков, которые являются необходимой, но недостаточной составляющей логического мышления.

С другой стороны, применение студентом ИИ, предоставляющего готовые решения логических задач, влечет за собой эпистемологические и антропологические риски. Основная опасность заключается в том, что происходит подмена процесса мышления результатом, что ведет к формированию «симулякра» понимания в бодрийяровском смысле – копией без оригинала. Студент «попадает в плен этих симуляций, которые образуют спиралевидную, круговую систему, не имеющую начала и конца» [2, с. 47].

Логическое мышление представляет собой внутреннюю деятельность субъекта по выявлению связей и закономерностей, построению шагов их вывода и обоснования. Если студент использует ИИ для получения готового решения, даже сопровождаемого объяснением, то происходит так называемый эпистемологический разрыв в мышлении: у него есть знание о результате, но отсутствует личный опыт его генерации. Так формируется «иллюзия компетентности», когда внешне успешное выполнение задания маскирует несформированность внутренних когнитивных схем [3, с. 4]. В терминах Л. Витгенштейна, студент заучивает «движения», но не постигает «правила» [4, с. 43]. Внешне корректный ответ, сгенерированный ИИ, не является свидетельством сформированной у студента внутренней когнитивной способности к построению и проверке умозаключений. Происходит разрыв между результатом (ответом) и процессом (интеллектуальным усилием), что противоречит фундаментальной цели образования как формирования мышления.

Следующий риск использования ИИ студентами связан с искажением интеллектуальных добродетелей: формирования логической автономии, ясности и правильности мышления, последовательности в рассуждениях через преодоление тупиков, алогичности и поиск ошибок, ответственности за собственные умозаключения. Делегируя возможность решения логических задач ИИ, студент отказывается от экзистенциально значимого акта самостоятельного мышления, что ведет к инфантилизации и порождает интеллектуальное иждивенчество.

Использование технологии приводит к доверию предоставленной информации и формирует проблему некритичного принятия результатов «черного ящика», так как его процесс размышления непрозрачен, он полностью не объясняет ход своих рассуждений и умозаключений. Это противоречит базовому принципу логики – контролируемости каждого

умозаключения. Так, студент, не способный самостоятельно вывести решение задачи, также не в состоянии верифицировать предложенный ИИ вывод, ограничиваясь лишь внешней правдоподобностью предложенного варианта. Более того, данный инструмент может генерировать ошибочные или вымышленные данные (так называемые «галлюцинации ИИ»), логически корректные, но содержательно ложные или бессмысленные умозаключения, вводя в заблуждение [5, с. 23–24].

Формирование логического мышления возможно лишь при кардинальном переопределении роли ИИ в образовательном процессе: он должен быть сознательно исключен в виде субъекта анализа из фазы генерации итогового решения и включен в учебный процесс как объект для критического анализа. Если задания по логике направить на логическую экспертизу текстов, сгенерированных ИИ, например, на выявление скрытых посылок, проверку корректности выводов, классификацию ошибок, нарушение законов и правил логики, возможно, это могло бы превратить его из помощника в «оппонента», из гносеологического субъекта в эпистемологический объект, в так называемый действенный «тренажер» для отработки формальных операций.

В современных условиях важным педагогическим решением становится сдвиг системы оценивания с результата, то есть готового решения, на процесс. Так, ценностью становится демонстрация студентом последовательности собственного рассуждения, его размышления, устные объяснения и аргументация своих выводов, что делает нерелевантным простое заимствование результата у алгоритмического помощника.

В процессе исследования проблемы выявлено фундаментальное противоречие: ИИ, выступая мощным инструментом для отработки операционных навыков и снятия когнитивных барьеров, одновременно создает существенные эпистемологические и антропологические риски. Проведенный анализ позволяет утверждать, что бесконтрольное использование искусственного интеллекта для решения логических задач студентами не формирует, а скорее препятствует становлению подлинного логического мышления, подменяя его симулякром. Однако из этого не следует необходимость тотального запрета технологии. Возможность формирования логического мышления сохраняется при условии интеграции технологии в образовательный процесс в строго подчиненной роли. ИИ должен быть низведен с позиции «субъекта-решателя» до позиции «объекта-инструмента» – материала для применения логических законов и правил, объекта для логического анализа и рефлексии. Будущее обучения логике в эпоху ИИ лежит не в борьбе с технологией, а в усилении философско-методологической составляющей: необходимо сместить акцент с оценивания конечного продукта на контроль и оценку самого процесса рассуждения.

Литература и источники

1. Вашко, О. А. О возможностях практического применения теоретических основ академической логики / О. А. Вашко // Диалектическая методология в системе трансдисциплинарных исследований: к 95-летию со дня рождения академика НАН Беларуси Д. И. Широканова (1929–2023) : материалы Междунар. науч. конф., 21 мая 2024 г., г. Минск / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. : А. Н. Спасков (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2024. – С. 40–43.

2. Ким, М. А. Роль симулякра в современной культуре / М. А. Ким // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 46–48.

3. Солдатова, Г. У. «Оборотная сторона» цифровой компетентности российских подростков: иллюзия компетентности и рискованное поведение онлайн / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Вопросы психологии. – 2017. – № 3. – С. 3–15.

4. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – Москва : АСТ, 2011. – 347 с.

5. Гиренок, Ф. И. Почему сознание – это не интеллект? / Ф. И. Гиренок // Вестник Московского университета. Серея 7 : Философия. – 2023. – № 2. – С. 19–32.

ИИ В МЕДИЦИНЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Е. В. Введенская

Активное внедрение систем искусственного интеллекта и цифровых агентов (от диагностических нейросетей до чат-ботов и носимых устройств) представляет собой не просто технологическое обновление, а глубинную трансформацию парадигмы здравоохранения. Этот процесс несет в себе двойственную природу, сочетая беспрецедентные возможности с серьезными системными рисками.

Возможности: эффективность, точность и персонификация.

Ключевые преимущества ИИ лежат в сфере обработки больших данных. Алгоритмы машинного обучения, особенно глубокие нейронные сети, демонстрируют высочайшую эффективность в анализе сложных медицинских изображений (КТ, МРТ, гистологических срезов), зачастую превышая человеческую точность в выявлении ранних признаков онкологических, кардиологических и других заболеваний. Это позволяет говорить о новом уровне ранней диагностики. Другое значимое направление – постоянный мониторинг показателей пациента с помощью носимых устройств и мобильных приложений, что закладывает основы для предиктивной медицины, ориентированной на профилактику, а не на лечение уже развившихся патологий состояния здоровья. Автоматизация рутинных административных и документационных задач также

высвобождает время врача для прямого взаимодействия с пациентом.

Риски: от «цифрового патернализма» до философских ограничений.

Однако технологический прогресс сопряжен с комплексными вызовами, ставящими под вопрос этические и философские основы врачевания. Наиболее важным последствием является трансформация модели взаимоотношений «врач – пациент». Традиционная патерналистическая модель, основанная на эмпатии, сострадании и личной ответственности врача, стремительно вытесняется моделью «технического» типа [1, с. 66]. Врач рискует превратиться в оператора системы, выполняющего предписания алгоритма, что ведет к обезличиванию пациента и утрате доверия. Этот феномен, обозначаемый как «цифровой патернализм», подрывает автономию и авторитет специалиста, делегируя принятие решений «непрозрачному» ИИ [2, с. 125].

Философский анализ, обращающийся к наследию Авиценны, Декарта и Канта, выявляет фундаментальную ограниченность современного ИИ [3]. В отличие от человеческого интеллекта, способного к абстрагированию, постижению универсалий (Авиценна) и интеллектуальной интуиции (Декарт), ИИ оперирует статистическими корреляциями в заданных массивах данных. Он лишен понимания сущностей, целеполагания, рефлексии и морального сознания (Кант). Следовательно, его применение в сложных, нестандартных клинических ситуациях, требующих целостного, творческого и этического подхода, несет в себе скрытые риски.

К практическим «этическим ловушкам» относятся: предвзятость алгоритмов, обученных на нерепрезентативных данных, что может усиливать социальное неравенство; генерация ложной или вредной информации («галлюцинации»); проблемы с обеспечением конфиденциальности данных и информированного согласия; а также критическое отсутствие прозрачности и объяснимости принимаемых системой решений [2, с. 121–124].

Социальный риск заключается в углублении цифрового разрыва: доступ к передовой «цифровой» медицине может стать привилегией, одновременно маргинализируя как экономически уязвимые группы, так и пациентов, предпочитающих традиционные, человеко-центрированные формы коммуникации [2, с. 125].

Заключение: необходимость сбалансированной гибридной модели.

Таким образом, будущее медицины не должно сводиться к бинарному выбору между человеком и машиной. Для ответственной реализации потенциала ИИ необходима фундаментальная разработка строгих этико-правовых рамок и стандартов валидации. Идеальной представляется гибридная модель, в которой ИИ выступает как мощный инструмент, ассистент, обрабатывающий данные и предлагающий

варианты, но окончательное решение, несущее моральную ответственность и учитывающее уникальный контекст жизни пациента, остается за врачом. Главной целью должно стать усиление, а не подмена человеческого фактора, сохранение медицины как «территории» профессионального мастерства, эмпатии и доверия.

Литература и источники

1. Введенская, Е. В. Трансформация взаимоотношений врача и пациента: от биоэтики к робоэтике / Е. В. Введенская // Человек. – 2023. – Т. 34, № 6. – С. 65–83.

2. Введенская, Е. В. Цифровые агенты в медицине: новые возможности и вызовы / Е. В. Введенская // Этическая мысль. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 115–128.

3. Введенская, Е. В. Критика искусственного интеллекта: философская оптика / Е. В. Введенская // Технологос. – 2025. – № 1. – С. 87–97.

О НЕКОТОРЫХ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫХ АЛГОРИТМОВ

П. И. Вермишова

Существование современного человека немыслимо без практически ежедневного обращения к информационным ресурсам. Это означает, что ежедневно миллионы людей используют интернет для обращения к приложениям (ведомственные, банковские услуги), к мессенджерам, социальным сетям, платформам развлечений, услуг и товаров.

За последнее десятилетие усилился тренд на ужесточение возрастного порога доступа к ряду сайтов и мессенджеров, появилось требование обязательной идентификации. В качестве примеров – сканирование переписки в мессенджерах (Chat Control в Евросоюзе), предоставление персональных данных органам власти (пакет Яровой в России), биометрическая идентификация пользователей в Индии (Aadhaar), цифровые удостоверения для трудоустройства в Великобритании (BritCard), в ряде стран прорабатывается внедрение национальных приложений для доступа к материалам 18+. Параллельно с этим количество информации о личности, получаемой организациями и структурами власти, увеличивается по экспоненте, а степень прозрачности социальных действий каждого субъекта достигла невиданных ранее высот.

Осмыслению противоречий между правами и свободами человека и цифровой властью посвящены труды ученых в области философии, социологии, политологии.

Позиция исследователя Н. Селвина выделяет 4 блока технологий, определяющих цифровое общество: сети, интернет, алгоритмы и данные [7]. Также отметим, что в подобном обществе существует стратификация

на пользователей, создателей, владельцев платформ. Последние – digital owners – являются представителями нового капитализма [2; 4], именно они становятся выгодоприобретателями. Онлайн-платформа определяется как программируемая цифровая архитектура, предназначенная для организации взаимодействия между конечными пользователями, корпоративными организациями и государственными органами. Ее цель – систематический сбор, алгоритмическая обработка, распространение и монетизация пользовательских данных [9, p. 4].

Концепция надзорного капитализма Ш. Зубофф объясняет необходимость для монополий использования данных о пользователях: на их базе алгоритмы предсказывают поведение человека и предлагают ему сделать выбор без выбора, лишая его свободы воли [2]. Капитализм платформ Н. Срничека подчеркивает превращение данных и опыта человека в новый вид сырья информационного общества [4].

Обе концепции акцентируют внимание на ключевой особенности современного капитализма как способа производства: это не только анализ, но и предсказание, моделирование поведения и образа жизни человека и общества, поведенческий таргетинг. Данные способны фиксировать происходящие с человеком трансформации в области вкусов, предпочтений, ценностей, образа жизни, происходящих и запланированных событий, их анализ может раскрыть сущность человека, сделав его понятным и прогнозируемым для заинтересованных лиц. Анализ различных аспектов и характеристик платформ и используемых ими алгоритмов представлен в значительном числе работ, в особенности зарубежных [3; 6; 8]. В качестве персонализированных алгоритмов понимаются вычислительные системы, анализирующие данные пользователей для создания контента, продуктов и впечатлений, специально адаптированных под индивидуальные потребности.

Нужно указать, что сами данные в настоящее время являются товаром. Homo digital формирует значительный пакет цифровых следов, включая данные нательного («носимого») интернета. Пользуясь разнообразными услугами через сеть, человек оставляет данные о себе биографического свойства и поведенческого характера, при этом рассчитывая на сохранность предоставленных сведений. Официальная информация о личности, следы активности в социальных сетях, сведения из аккаунтов организаций, информация из «утечек» могут быть скомпонованы не только для составления цифрового двойника, но и процедур социального скоринга (оценки, рейтинга). Примером скоринга и его возможностей для управления социальным поведением является опыт Китая. Изучение с помощью возможностей ИИ цифрового профиля дает инструменты влияния и контроля владельцам платформ, использование технологий умного управления.

Так, к примеру, рекомендательная система OZON учитывает около

300 различных свойств товара, ее цель – «наиболее точно предсказать вероятность взаимодействия на основании свойств товара» [1], т. е. оптимизировать вовлеченность. Кроме того, в модель входит обучение на поведенческих метриках пользователя, таких как просмотры товаров, запросы, время на платформе, возвраты к просмотрам, покупки и отказы и т. д. Платформы используют данные различным образом, например, кластеризация (группировка клиентов по продажам, средней цене, частоте совершения покупок, возрасту).

На платформах кинотеатров обезличенная информация о клиентах собрана заранее, что позволяет предлагать первоначальный контент каждому пользователю по его стандартным демографическим характеристикам. Далее платформа анализирует клики, просмотры трейлеров, досмотры фильмов, предпочтения, длительность, частоту входа, реакции, даже количество перемотанного времени в сериале, всего около 180 показателей. Любое действие юзера на платформе записывается, обрабатывается и анализируется. Каждому параметру присваивается вес. Модель проходит обучение на данных ежедневно.

Этический взгляд на персонализированные алгоритмы предполагает сфокусироваться на некоторых аспектах, не вполне прозрачных для пользователей:

1) свобода выбора не предполагает подталкивания пользователя к определенному варианту;

2) закрытость информации о механике алгоритмов и аксиологических принципах их создателей не позволяет увидеть фундаментальные принципы архитектуры, следовательно, нет уверенности в ценностной составляющей, отсюда возможная предвзятость алгоритмов;

3) отсев и отбор вариантов для пользователя способны формировать эффект эхо-камеры, ограничения и сужения контента;

4) риск социальной изоляции, разделения и сегрегации пользователей.

Также необходимо обратить внимание, что онлайн-платформы приобретают черты эпистемических агентов, обладающих колоссальными банками данных. Думается, что сегодня алгоритмы учатся анализировать наш опыт и предсказывать наше поведение, следующим логичным шагом станет формирование необходимого поведения и контроль за ним. Подобные инструменты являются скрытыми технологиями власти. Как указывает Яскевич А. С., дальнейшее проникновение цифровых технологий в основные сферы жизни приведет к изменению моделей бизнеса и управления, предполагая усиление воздействия на отдельных индивидов и социум в целом [5, с. 55].

Социально-антропологические последствия применения персонализированных алгоритмов и рекомендательных сервисов заключаются в рисках формирования зависимостей от технологий, утрате

навыков поиска и оценки информации, социальной изоляции, становления цифрового авторитаризма.

Литература и источники

1. Алгоритм рекомендаций на Ozon. URL: https://docs.ozon.ru/ legal/ terms-of-use/ site/ algorithms/ recomendation-algorithms/ (дата обращения: 25.01.2026).

2. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. – М. : Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.

3. Римский, А. В. От эфира к алгоритмам: трансформация власти в эпоху цифровых медиа и социальных сетей / А. В. Римский, М. С. Сорокопуд, А. В. Ахмаров // NOMOTHETIKA : Философия. Социология. Право. 2025. – № 50 (1). – С. 146–154.

4. Срничек, Н. Капитализм платформ / Н. Срничек ; пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с.

5. Яскевич, Я. С. Социальная аналитика и цифровая экономика в контексте глобальной коммуникации и вызовы информационного общества / Я. С. Яскевич // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2018. – № 3. – С. 52–57.

6. Brincker, M. Disoriented and Alone in the «Experience Machine» – On Netflix, Shared World Deceptions and the Consequences of Deepening Algorithmic Personalization / M. Brincker. – SATS, Vol. 22, № 1, – 2021. – P. 75–96. – URL: https://doi.org/ 10.1515/ sats-2021–0005 (date of access: 20.01.2026).

7. Selwyn, N. What is digital sociology? / N. Selwyn. – Polity Press. 2019. – 152 p.

8. The Value of Personalized Recommendations: Evidence from Netflix / K. Zielnicki [et al.]. – Arxiv.org. 10 Nov 2025. – URL: https://arxiv.org/ html/ 2511.07280v1 (date of access: 20.01.2026).

9. van Dijck, J. The Platform Society: Public Values in a Connective World / J. van Dijck, T. Poell and M. De Waal. – New York : Oxford University Press. – 2018. – 320 p.

ТАНЕЦ ЧЕЛОВЕКА И СУДОРОГА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

И. Н. Вольнов

Живопись, литература, поэзия, музыка и другие искусства сегодня находятся под сильным давлением со стороны искусственного интеллекта (ИИ), таком, что только специалист в конкретной области может отличить созданное человеческом от созданного ИИ. В этой ситуации совершенно особенная роль у пластического танца, который остается одним из последних видов творчества, где это давление остается до сих пор слабым. Оно появится, но позже, после того как удастся обеспечить ИИ телесностью, поместить его в тело *биоморфного андроида*, в главных

чертах соответствующего телесности человека. На сегодняшний момент это является сложнейшей научно-технической задачей.

Развитие современного ИИ идет по нечеловеческому пути, то есть без удержания его аналогии с человеком, хотя, казалось бы, ИИ в виде искусственных нейронных сетей структурно соответствует строению головного мозга человека. Нарушение аналогии происходит во многих аспектах, часть из которых перечислены в [1]. Здесь обсудим аспекты телесности. Первый состоит в том, что процессы обучения и эксплуатации ИИ разделены во времени, тогда как у человека они протекают одновременно. При изменении условий, естественная адаптивность человека позволяет ему менять поведение в режиме реального времени. ИИ в этом случае, выводится из эксплуатации, переобучается под новые условия и опять вводится в работу.

Известно, что телесность человека одновременно является и условием проявления сознания, и самим сознанием. Можно уточнить известную формулу Р. Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую», которая для танцора, звучала бы: «Я танцую, следовательно, я существую», т. е. пластика танцора есть его тип и форма мышления и сознания. ИИ не имеет телесности, или его телесностью является электронно-компонентная база, на которой он реализован.

Другое отличие человека от ИИ состоит в том, что его обучение выполняется не так, как у человека в непосредственном опыте, а в интерпретациях этого опыта (как правило словесных и описательных). То есть оно принципиально вторично и содержит ту или иную степень интерпретационного искажения прямого опыта.

Представим, что ИИ обрел телесность. Для нас это будет означать то, что придется глубже заглянуть в самих себя и раскрыть те потенции своего тела, которые до сих пор оставались под спудом. Придется признать, что телесность полностью не описывается на внешнем, наблюдаемом уровне, на котором находится наука и, на котором только и может быть сделан робототехнический аналог тела человека. У нас есть второй, психический, не наблюдаемый, уровень телесности. У каждого имеется опыт сновидений и проживания в них событий в полноте сознания с активностью всех пяти чувств, вместе с мышлением и волей, в то время как физические проводники этих чувств, включая мозг, находятся в пассивном состоянии. Здесь кроется причина любого движения, которая прямо связана с мыслью. Мысль дает первый импульс движению чувств, ума, тела. Феномен навязчивых мыслей доказывает, что мысль обладает самостоятельным поведением, способным сопротивляться нашей воле. А это есть прямое указание на то, что мысль – живая. Работа с ненаблюдаемым запрещена научной методологией, а феномен жизни был и остается извечной загадкой для материалистической науки.

Пластический танец сегодня остается одним из последних оплотов

человеческого, а у самого человека есть запас времени, когда он может принять меры, исключающие вред самому себе от такого ИИ. Именно пластический танец в его столкновении с ИИ, может стать отправной точной преодоления сильнейшей материалистической тенденции, подчинившей себе научное познание и породившей этот ИИ. Танец имеет потенцию перенаправить развитие ИИ в сторону удержания аналогии с человеком, что приведет не к угрозе его существованию, но ускоренному развитию.

Литература и источники

1. Вольнов, И. Н. Ограниченность искусственного интеллекта и трансграничность мышления / И. Н. Вольнов // Идеи и идеалы. – Т. 17, №2. – Ч. 1. – С. 219–230.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК НАСЕЛЕНИЯ

С. Н. Воронина

Темпы стремительного цифрового развития подчеркивают важную особенность современного общества: способность людей приспосабливаться к новым условиям часто связана с их умением быстро накапливать обширный культурный ресурс для адаптации. Взаимосвязь между культурой и цифровыми преобразованиями подчеркивает важность комплексного подхода, который учитывает не только технологические достижения, но и культурные изменения, возникающие в эпоху цифровых технологий. В рамках исследования цифровых преобразований в обществе с точки зрения социокультурного контекста существует различные теории. Одной из них является «теория цифровой культуры», которая описывает влияние цифровых технологий на процесс создания новых форм культурного выражения, художественное творчество, медиаиндустрию, а также способы потребления культурных продуктов.

Исследователи определяют теорию цифровой культуры как «сложную конструкцию, включающую глобализационные процессы, при которых мировоззрение формируется как в непосредственном (физическом), так и виртуальном пространстве, а также популяризацию культуры, сетевых сообществ, новых СМИ, игровых практик, цифровой рекламы, потребления, надзора и т. д.» [1, с. 28]. Виртуальный мир осуществляет «отбор» человеческого опыта, выделяя то, что заслуживает передачи в культурной сфере. Он формирует категориальную структуру сознания новой эпохи и активно способствует созданию единого образа жизненного мира человека, отражающего его отношение к природе и обществу [2, с. 6].

В процессе цифровых преобразований в обществе активно развиваются и приобретают популярность цифровые сервисы и ресурсы для досуговых и образовательных целей, включая платные. По результатам исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в мае–июне 2023 г (N=1848 чел.) по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта было установлено, что среди жителей Беларуси наибольшей популярностью пользуются развлекательные сервисы как для просмотра фильмов, так и для прослушивания музыки (24,1 %). Книжные сервисы (ЛитРес, Сторителл и др.) и образовательные ресурсы (Coursera, Яндекс Практикум и др.) используют около 5 % населения. Следует отметить, что горожане более активно внедряют в свои пользовательские практики платные сервисы в сравнении с сельскими жителями. Так, платные сервисы для прослушивания музыки используют 25,6 % горожан, в то время как среди сельских жителей данный показатель составляет 18,5% (таблица 1).

Таблица 1. Использование платных сервисов, услуг и программ населением Беларуси в целом и в зависимости от типа населенного пункта проживания, в%

Варианты ответов	**Все население**	**Тип населенного пункта**	
		Город	**Село**
Для просмотра фильмов, сериалов, шоу, анимации (КиноПоиск, Netflix и др.)	24,1	25,4	19,0
Для прослушивания музыки (Яндекс Музыка, Spotify и др.)	24,1	25,6	18,5
Для покупки, чтения, прослушивания книг (ЛитРес, Сторителл и др.)	5,7	6,2	3,6
Для обучения, мастер-классов, прохождения курсов (Coursera, Яндекс Практикум и др.)	5,2	5,7	3,6

Наиболее активно пользуются указанными ресурсами респонденты младше 30 лет: 40,0 % и 48,0 % пользуются сервисами платного просмотра фильмов и прослушивания музыки соответственно. По мере увеличения возраста респондентов активность использования подобного рода ресурсов снижается. Наименее активными пользователями выступают респонденты старше 50 лет (таблица 2).

Таблица 2. Использование платных сервисов, услуг и программ населением Беларуси в разных возрастных группах, в%

Варианты ответов	Возраст		
	До 30 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Для просмотра фильмов, сериалов, шоу, анимации (КиноПоиск, Netflix и др.)	40,0	29,8	13,1
Для прослушивания музыки (Яндекс Музыка, Spotify и др.)	48,0	29,4	10,6
Для покупки, чтения, прослушивания книг (ЛитРес, Сторителл и др.	7,7	6,7	4,0
Для обучения, мастер-классов, прохождения курсов (Coursera, Яндекс Практикум и др.)	10,0	5,9	2,9

В рамках исследования было установлено, что чем выше уровень образования респондентов, тем чаще они используют платные сервисы и ресурсы как в досуговых, так и образовательных практиках. Так, треть респондентов с высшим образованием обращаются к платным сервисам для просмотра фильмов и прослушивания музыки, в то время как среди опрошенных с базовым образованием данные показатели составляют 11,5 % и 6,6 % соответственно.

В условиях цифровизации важно учитывать выявленные особенности, чтобы формировать эффективные стратегии внедрения новых технологий, учитывая потребности различных социальных групп, что позволит максимально гармонично интегрировать цифровые технологии в культурную и образовательную сферы общества.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках гранта «Культурные практики как маркер трансформации современного культурного пространства Беларуси», финансируемого по договору № Г24–047 от 02.05.2024 г.

Литература и источники

1. Салтанович, И. П. Социокультурный аспект цифровых преобразований общества: анализ основных теорий / И. П. Салтанович // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2025. – № 1. – С. 21–30.

2. Данилов, А. Н. Виртуальный мир и рождение нового человека / А. Н. Данилов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2023. – № 4. – С. 4–9.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕНАТАЛЬНЫХ СКРИНИНГОВ

В. В. Вустенко

Искусственный интеллект в перинатологии является многообещающим инструментом [1, p. 238], позволяющим, как считают приверженцы цифрового прогресса, вывести оказание медицинской помощи на самый высокий уровень. Но при этом возникает ряд этических проблем, в частности, при проведении пренатального скрининга.

Юридические и этические подходы к перинатологии существенно отличаются в разных странах, что привело даже к попытке в ряде стран разработать модель профессиональной ответственности в перинатальной этике [2, p. 364]. С другой стороны, взгляды на юридические и этические тонкости применения искусственного интеллекта в некоторых странах тоже разные, а порой и противоположные.

Любые исследования в перинатологии могут проводиться только с соблюдением принципов этики [3, p. 391]. Этические нормы важны и при лечении каждой пациентки. Этические принципы, которые необходимо соблюдать при разработке, внедрении и использовании систем искусственного интеллекта, например, обобщила в 2019 году Европейская комиссия [4, p. 2]. Управление искусственным интеллектом в перинатологии требует соблюдения множества разноплановых этических норм, призванных предупредить и противостоять потенциальному вреду цифровизации в медицине [5, p. 2; 6, с. 366]. В целом, внедрение искусственного интеллекта в медицинскую практику вызывает целый ряд вопросов [7, p. 9].

Для снижения рисков внедрения искусственного интеллекта важно, как минимум, создание четкой нормативно-правовой базы использования искусственного интеллекта в здравоохранении, что может помочь решить юридические и этические проблемы и обеспечить соответствие приложений искусственного интеллекта высоким стандартам безопасности, эффективности и справедливости [8, p. 828].

Четырьмя основными этическими принципами при использовании искусственного интеллекта в клинической практике являются: уважение к самостоятельному принятию решений пациентами, отсутствие причиняемого вреда, действия во благо и справедливость. На основании информированных добровольных согласий врачами и пациентами должны совместно приниматься решения, учитывая наилучшие имеющиеся научные данные и ценности, цели и предпочтения пациента. Совместное принятие решений включает в себя обмен информацией, обсуждение и, в конечном счете, принятие решения касательно своего здоровья пациенткой

[9, p. 172], а не исключительно искусственным интеллектом.

Возвращаясь к реальности проведения скрининговых исследований с ежесекундными киберугрозами, применение моделей искусственного интеллекта становится дополнительным источником врачебных ошибок и причиной потери персональных данных как пациентов, так и медицинского персонала. Широкое внедрение цифровизации на фоне в действительности кибернебезопасного Интернета вызывает ощущение внедрения искусственного интеллекта самим искусственным интеллектом, воздействующим на умы законодателей посредством уже общедоступных Интернет-чатов-советчиков в браузерах и им подобным ботам. Модели цифрового интеллекта в медицинской диагностике только начали внедряться, потому недостаточно обучены, недостаточно выверены и, чаще всего, не валидированы, а материал для обучения моделей искусственного интеллекта часто недостаточно точен и не может учесть особенности множество демографических и социально-экономических факторов. Создание регистров с медицинскими данными, которые в последствии ложатся в основу обучения модели искусственного интеллекта, является дополнительной предпосылкой для утечки всей информации в безграничное цифровое пространство. А само создание регистра обязательно сопряжено со случайными ошибками, что влечет за собой погрешности в обучении модели и дезинформацию с различными последствиями. В сфере пренатальной диагностики цифровизация связана также с рядом этически и юридически значимых проблем трансграничной передачи данных, например, требования по международной сертификации врачей, выполняющих пренатальный скрининг, не всегда могут быть выполнены со строгим соблюдением буквы закона разных сертифицирующихся стран, хотя существенно повышают качество проводимых скринингов в мире. Врачебные ошибки, возникающие вследствие слепого выполнения алгоритмов неправильно обученного цифрового интеллекта, в последствии не могут быть приписаны ни одной нейросети − это ответственность самих врачей. Широкая популярность всех цифровых инноваций среди студентов-медиков и врачей без опыта и глубокого понимания медицины на фоне ещё слабых знаний в профессии и ещё меньших в современных технологиях − угроза человечеству. Само по себе проведение скрининговых исследований не исключает риск ошибки. Нет ни одного метода исследований, используемого в пренатальном скрининге, обладающего абсолютной точностью. А бездумное применение средств искусственного интеллекта в пренатальных скринингах дополнительно приводит к множеству этических проблем, так как влияет на принятие решения по вынашиванию беременности и, вследствие этого, не только на жизнь ещё не рожденного ребенка, но и на всю семью и социум в дальнейшем. Возникшие из-за врачебной ошибки психологические реакции у пациентов часто становятся дополнительным

источником жалоб в выше стоящие инстанции и страховые компании. Таким образом, этические аспекты применения искусственного интеллекта в перинатологии для проведения пренатальных скринингов остаются дискутабельными, заслуживая внимания специалистов в разных сферах деятельности.

Литература и источники

1. Prospective applications of artificial intelligence in fetal medicine: A scoping review of recent updates. / E. Miskeen, J. Alfaifi, D. M. Alhuian [et al.] // Int J Gen Med. − 2025. − № 18. − P. 237−245. − URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/ 39834911 (date of access: 29.01.2026).

2. Chervenak, F. A. Ethics in perinatal medicine: A global perspective. / F. A. Chervenak, L. B. McCullough. // Semin Fetal Neonatal Med. – 2015. − № 20 (5). − P. 364−367. − URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/ 26049210 (date of access: 29.01.2026).

3. Chervenak, F. A. Ethics of research in perinatal medicine. / F. A. Chervenak, L. B. McCullough. // Semin Perinatol. − 2009. − № 33(6). − 391−396. – URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/ 19914524. (date of access: 29.01.2026).

4. Ethics guidelines for trustworthy AI // Shaping Europe’s digital future: web-site. – 2019, 08 April. – URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/ en/ library/ ethics – guidelines-trustworthy-ai (date of access: 29.01.2026).

5. Cath, C. Governing artificial intelligence: ethical, legal and technical opportunities and challenges / C. Cath // Philosophical transactions of the royal society a: mathematical, physical and engineering sciences. – 2018. – Vol. 376, iss. 2133. – URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/ 30322996 (date of access: 29.01.2026).

6. Шляпников, В. В. Некоторые проблемы этики искусственного интеллекта / В. В. Шляпников // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2, ч. 2. – С. 365–376. – URL: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ nekotorye-problemy-etiki-iskusstvennogo-intellekta/ viewer (date of access: 29.01.2026).

7. Pammi, M. Multiomics, artificial intelligence, and precision medicine in perinatology. / M. Pammi, N. Aghaeepour, J. Neu // Pediatr Res. − 2023. − № 93 (2). − 308−315. − URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/ 35804156 (date of access: 29.01.2026).

8. Pierucci, U. M. Artificial Intelligence in Fetal Growth Restriction Management: A Narrative Review. / U. M. Pierucci, G. Tonni, G. Pelizzo [et al.] // J Clin Ultrasound. − 2025. − № 53 (4). − P. 825−831. − URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/ 39887783 (date of access: 29.01.2026).

9. Ethical Considerations in Fetal Cardiology. / S. Samples, R. Gandhi, J. Woo, A. Patel. // J Cardiovasc Dev Dis. − 2024. − № 11 (6). − P. 172. − URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/ 38921672 (date of access: 29.01.2026).

СИНЕРГИЯ СОЗНАНИЯ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Е. А. Гаврилович

Современный мир переживает глубокий системный кризис, наиболее остро проявляющийся в сфере индивидуального и коллективного сознания. Кризисное состояние характеризуется фундаментальными противоречиями между технологическим прогрессом и духовно-нравственными ориентирами современного общества, что приводит к дезориентации индивидов и социальных институтов. С одной стороны, наблюдается религиозное возрождение как попытка восстановления утраченных ценностей, с другой – распространение нигилизма, особенно среди подрастающего поколения и молодежи, выражающееся в отрицании абсолютных смыслов и норм.

Этический и мировоззренческий хаос обусловлен как известными факторами, например, глобализацией, так и недостаточно исследованными процессами, такими как цифровая перегрузка или высокоскоростная социодинамика. Традиционные общественные науки часто оказываются бессильными перед этими вызовами, поскольку их методологический инструментарий, ориентированный на статичные модели, не пригоден для анализа нелинейной динамики трансформаций современной социальной реальности. В результате возникает потребность в междисциплинарном подходе, интегрирующем философию, гуманитарные науки и технические дисциплины.

Тезис о детерминирующей роли материальных условий в процессе формирования сознания остается спорным, игнорируя сложность и автономию духовной сферы. Колоссальное влияние средств коммуникации, цифровых технологий и электроники требует анализа не только философами, психологами и социологами, но и гуманитарно подготовленными инженерами и экономистами, способными моделировать системные эффекты. Отставание образовательных систем от реальности, конфронтация «нового мира» с традиционными институтами усугубляют ситуацию, порождая как защитные реакции различные последствия: национализм, фундаментализм, консерватизм.

Перелом эпохи отсылает к афоризму Фридриха Ницше: «Бог умер; и мы его убили» [1, с. 236], – формуле, предвосхитившей экзистенциальный вакуум и кризис традиционных ценностей. Сегодня эти ценности требуют осмысленного наполнения новыми смыслами через синтез рационального и трансцендентного, этического универсализма и культурного плюрализма. Такой подход позволит перейти от хаоса к устойчивому развитию сознания, гармонизируя технологический и гуманитарный векторы цивилизационной динамики.

В этом контексте осмысление процессов, происходящих в сознании – высшем уровне психического отражения и саморегуляции, невозможно без новой методологической парадигмы, в качестве которой может рассматриваться синергетическая картина мира, сменяющая квантово-механическую модель и акцентирующая изменчивость бытия как фундаментальную характеристику реальности. Ключевым для синергетики является принцип функциональной когеренции – согласованного взаимодействия элементов сложной системы, обеспечивающего ее устойчивость. Если ранее общественное сознание и его динамика выводились преимущественно из материально-преобразующей деятельности, то в синергетическом подходе его определенность трактуется более широко как эмерджентная функция всей совокупности взаимосвязанных компонентов целостной системы «человек – изменяющийся мир».

К этим базисным элементам относятся природные ресурсы, демографический и интеллектуальный потенциал, технологические возможности, идеологические и культурные ресурсы. Стремительные трансформации этих сфер, согласно синергетической парадигме, не ведут к дальнейшей фрагментации, но инициируют необходимое сближение и гармонизацию различных модальностей общественного сознания: научного, морального, эстетического, религиозного, политического, правового. Этот процесс предполагает их взаимообогащение и синтез на базе новых онтологических и эпистемологических оснований.

Преодоление системного кризиса заключается не в регрессе к устаревшим догмам, а в переходе к философскому и религиозному экуменизму, то есть осознанному диалогу и сотрудничеству разнородных дисциплин и мировоззренческих систем. Глубокое философское осмысление содержания и форм этой гармонизации станет ключевой предпосылкой целенаправленной трансформации систем воспитания и образования. Только таким образом можно ответить на вызовы эпохи, переосмыслив прогресс не как линейное технологическое накопление, а как качественный эволюционный рост сознания личности и общества в их неразрывной синергетической взаимосвязи.

Будущее человечества определяется способностью распознать в кризисе потенциал коэволюционного скачка к новой, более сложной и когерентной организации коллективного разума. Путь к этой целостности лежит через подлинный междисциплинарный и межкультурный диалог, сущность которого выразил Мартин Бубер: «Вначале есть отношение» – лишь через установление осмысленных связей между различными элементами системы, между «Я» и «Другим», между дисциплинами и культурами, можно преодолеть фрагментацию и достичь новой целостности [2, с. 16].

Таким образом, синергия сознания как преодоление кризиса в

изменяющемся мире реализуется через коэволюцию человека и изменчивой реальности, где функциональная когеренция разнородных форм бытия и разума обеспечивает трансформацию цивилизации в новую, целостную и устойчивую парадигму существования.

Литература и источники

1. Великие философы о жизни: афоризмы и цитаты ; А. Л. Айзенштадт (авт.-сост.). – М., СПб. : Диля, 2015. – 864 с.

2. Бубер, М. Два образа веры : пер. с нем. / М. Бубер ; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. – М. : Республика, 1995. – 464 с.

КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ТРАНСФОРМИРУЮТ ОБРАЗ И КУЛЬТУРУ НАРОДА (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКИХ БЛОГОВ ТАТАРСТАНА И КАЗАХСТАНА)

И. Р. Гафиятуллина

Цифровизация проникла во все сферы жизни общества, будь то профессиональная деятельность, развлекательная сфера, культура или даже религия. Свою роль в этом процессе сыграла и мировая пандемия COVID- 19, во время которой всевозможные онлайн-сервисы и платформы получили широкое распространение и востребованность среди пользователей разных возрастов и географического положения. Период вынужденной изоляции и перехода в онлайн-пространство показал, что современная молодёжь за поиском необходимой информации или контента определённого характера преимущественно обращается в интернет. Это затрагивает не только сферу профессиональной деятельности, но также духовную плоскость и способствует усилению желания укрепить свою национальную идентичность.

Стоит отметить, что в сегодняшних условиях глобализации общества именно интернет-пространство имеет огромное воздействие и ресурсы для сохранения и развития этнической культуры, в том числе через призывы соблюдать «исконные» традиции и обычаи, свойственные для того или иного народа, а также следование трендам национальной моды. Одновременно с этим интернет-пространство (социальные сети, сайты, приложения, видеохостинги и т. д.) позволяет сохранить многообразие народной культуры (обычаи, мифы, легенды, народное искусство, фольклор, поэзия и проза и т. д.), также выступая мощным инструментом для органичного вплетения многовековых традиций в современное общество [2, с. 186].

Особую роль в этом процессе играют социальные сети, т. е. блоги в интернете. Именно этот формат коммуникации между автором контента и

его потребителем через формирование абсолютно новых форм социального взаимодействия и влияние на самоидентификацию социальные сети трансформируют не только культуру народа, но сам её образ. Так, блогосфера, о которой мы говорим в данной статье, не только распространяют «культурные» тренды, но создают их (распространение мемов (картинок), отсылающих к определённым аспектам народной культуры, вирусных видео и хэштегов), способствует распространению использования в обыденной жизни, к примеру, элементов национальной одежды или облачение в национальный костюм, следование традициям и обычаям своей этнической группы (к примеру, проведение свадеб в национальном стиле, проведение тематических национальных вечеринок и т. д.).

Одновременно с этим популяризация этнической культуры в социальных сетях зачастую негативно сказывается на исторической памяти, упрощая сложные исторические концепции или события, а также придавая им субъективный взгляд, исходя из национальной принадлежности блога.

Если мы говорим о виртуальном пространстве Республики Татарстан, то здесь национальные блоги (татароязычные) делятся на две категории: те, которые ведутся на татарском языке (направлены сугубо на носителей культуры, владеющих родным языком), и те, которые ведутся на русском языке (рассчитаны на носителей культуры, не владеющих родным языком, и на тех, кто не знаком с татарской культурой, тем самым расширяя потенциальную аудиторию).

Особый интерес вызывает тематическое разнообразие этнических блогов в Татарстане. Среди наиболее популярных – традиционные ремёсла и народные промыслы; этническая одежда и праздники; языковые инициативы (блоги ведутся сугубо на татарском языке, что позиционируется как сохранение и популяризация родного языка); знакомство с традициями и культурными особенностями; национальная кухня; синтез национальных многовековых традиций и современных веяний.

В ответ на запрос аудитории на появление блогов, публикующих контент на этническую тему, крупным медиа-холдингом Татарстана был инициирован проект *«Шәп блогер»*, который призван выявить талантливых носителей культуры, которые хотят вести блог на родном языке (помимо татарского, речь идёт о удмуртском, чувашском, марийском, мордовском, кряшенском и башкирском языках) и готовы в своей работе опираться на достоверные источники, сочетая их с современными формами подачи материала.

По такому же языковому принципу делятся и этнические блоги Республики Казахстан. Но, в отличие от коллег в Татарстане, казахстанские блогеры всё чаще в качестве языка публикации контента

выбирают национальный язык (в данном случае казахский), мотивируя это тем, что знакомство с культурой и следование традициям своего народа невозможно без знания родного языка.

Интересно, что в Казахстане национальные блогеры преимущественно освещают следующие темы: образ и место казахской женщины через историю и к современности, степная цивилизация, изучение культуры и истории Казахстана, этно-музыка, история через туризм и т. д. Стоит отметить, что всё чаще подобные блоги ведутся молодыми людьми (в возрасте от 15 до 35 лет), используются видео-форматы, когда авторы записывают небольшие ролики (от 3 до 10 минут), где наглядным образом показывают ту информацию, которую хотят донести до своего читателя. Всё чаще в казахстанских блогах звучит идея о сильной казахской женщине, которая на протяжении всей истории народа играла значимую роль (в противовес увеличению количества новостей, где женщина выступает жертвой).

Примечательно, что в обоих случаях (и блогеры Татарстана, и блогеры Казахстана) национальные блоги тесно переплетены с религией, поскольку и для татар, и для казахов вероисповедание (в данном случае ислам) является неотъемлемой частью национальной идентичности, тесно переплетаясь с культурой и помогая сохранить традиции и обычаи своего народа. Среди таких аккаунтов в социальных сетях – блоги историков; общественных деятелей, этнографов, журналистов и т. д., которые либо одновременно с этническим контентом публикуют информацию религиозного характера, либо тесно переплетают эти две идентичности, показывая, как религиозное влияние трансформировало культурные традиции и обычаи, отсеяв тем самым те элементы культуры, которые не соответствуют требованиям религии ислам. Такого рода аккаунты востребованы, поскольку для современной казахстанской и татарстанской молодёжи – вера не является пережитком прошлого, а становится неотъемлемой частью будущего, при этом органично вплетаясь в цифровую культуру.

Литература и источники

1. Гизатуллина, Д. Н. Особенности социальных сетей как инструмента формирования этнической идентичности / Д. Н. Гизатуллина, Л. П. Куприянов // Научный аспект. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 2380–2393.

2. Зайцева, В. П. Интернет-пространство как средство сохранения и развития этнической культуры / В. П. Зайцева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2022. – № 2 (115). – С. 185–191.

3. Кудренко, С. С. Современное межкультурное общение посредством интернет-пространства / С. С. Кудренко // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 36. – С. 2643–2649.

4. Ткачук, Н. В. Интернет-пространство как площадка проявления этнической коммуникации и идентичности титульных этносов югры / Н. В. Ткачук // Социальная компетентность. – 2021. – Т. 6, № 2 (20). – С. 250–260.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО СПОРТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Го Цзимао

Прерогативы развития современного мира и динамика социальных тенденций во многом обусловливают становление интернационализации как новой парадигмы высшего спортивного образования. Среди наиболее значимых в современном мире социальных тенденций, тесно связанных с развитием спорта и высшего спортивного образования, необходимо прежде всего выделить развитие систем искусственного интеллекта (ИИ).

Применение ИИ в современном мире оказывает колоссальное воздействие на все сферы жизни современного общества. В частности, ИИ позволяет существенно облегчить и упростить работу в сфере спорта и спортивного образования, предлагая по-новому взглянуть на процессы спортивной медицины, психологического тестирования, консультирования и подготовки спортсменов, формирования грамотного и сбалансированного питания, определения ритмов активности спортсменов, а также совершенствует способы донесения и усвоения информации в процессе обучения, совершенствует процессы организации образовательного процесса. Таким образом, применение ИИ становится одним из триггеров трансформации высшего спортивного образования, включая в трансформационные процессы ориентацию на глобальные мировые достижения применения ИИ в спорте и высшем спортивном образовании, а также на национальные концепты регуляции и этичного использования ИИ. Целью обозначенной трансформации высшего спортивного образования в век цифровизации является подготовка нового поколения специалистов, способных не только к аналитической работе с данными, но и к комплексному решению задач на стыке спорта, медицины и цифровых технологий.

Одной из наиболее перспективных и социально значимых областей применения ИИ сегодня становится спортивная медицина, тесно взаимосвязанная с подготовкой спортсменов и тренеров. Новые технологии спортивной медицины способны коренным образом изменить подходы к сохранению здоровья, реабилитации и повышению эффективности спортсменов. По сути, любой специалист, получивший высшее спортивное образование, нацелен ли он на продолжении карьеры в области спорта высоких достижений или на тренерскую работу, должен

понимать основы функционирования спортивной медицины, в частности, осознавать проблемные точки, преимущества и вызовы использования ИИ в этой сфере.

Интеграция спорта, медицины и высшего спортивного образования должна рассматриваться как стратегический императив интернационализации спортивного образования. Так, концепция интеграции спорта и медицины, активно развивающаяся в рамках стратегии «Здоровый Китай», представляет собой переход от пассивного лечения заболеваний к активному управлению здоровьем [1], что является одной из приоритетных целей развития спорта (как индивидуального, так и массового). Это требует создания новых моделей сотрудничества, где спортивные и медицинские специалисты работают совместно. Часто мы сталкиваемся с разрывом между системами: медицинские работники не имеют достаточной подготовки для назначения упражнений, а спортивные специалисты (тренеры) не понимают патологий и ограничений пациентов. Интеграция призвана устранить этот разрыв.

Таким образом, использование ИИ становится фактором успеха и одновременно вызовом для трансформации и модернизации системы высшего спортивного образования. Объединение технологического потенциала искусственного интеллекта с фундаментальными знаниями спортивной науки и медицины, подкрепленное сформированными этическими знаниями и ценностями, открывает путь к развитию парадигмы интернационализации высшего спортивного образования. В этой парадигме здоровье и максимальная реализация потенциала спортсмена и специалиста в области спорта достигаются за счет синергии экспертного мнения человека, основанного на знании национальных социокультурных и ментальных особенностей личности и общества, и точности интеллектуальных алгоритмов, что в конечном итоге служит цели построения более здорового общества.

Литература и источники

1. Синьпин, Чжан. От пассивного здоровья к активному здоровью: прогресс исследований в интеграции спорта и медицины / Чжан Синьпин // Журнал Университета Сунь Ятсена (Медицинские науки). – 2025. – Т. 46, № 1. – С. 11–20.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЦИФРОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕРМЕНЕВТИКИ М. ХАЙДЕГГЕРА И Х.-Г. ГАДАМЕРА

А. А. Горчанина

В условиях тотальной цифровизации культуры и экспансии

технологий искусственного интеллекта классическая эстетическая проблематика претерпевает фундаментальные изменения. Традиционные категории, выработанные для описания материальных объектов искусства (живописи, скульптуры, архитектуры), оказываются недостаточно релевантными при столкновении с феноменами виртуальной реальности, генеративного искусства и NFT. Центральным философским вызовом становится вопрос об онтологическом статусе цифрового произведения: является ли оно симулякром, лишенным бытийной основы, или же представляет собой новую форму «полагания истины»? Для ответа на этот вопрос представляется продуктивным обращение к феноменологической герменевтике М. Хайдеггера и Х.- Г. Гадамера, чей методологический аппарат позволяет преодолеть субъективизм «эстетического сознания» и рассмотреть искусство как событийную структуру [3].

В фундаменте хайдеггеровской онтологии искусства лежит понимание творения как спора «Мира» (раскрытия смысловых горизонтов) и «Земли» (сокрытости, материального сопротивления). Применительно к цифровому искусству возникает соблазн интерпретировать его как чистый «Мир», лишенный «Земли», поскольку цифровой объект дематериализован и существует в виде программного кода. Однако, опираясь на хайдеггеровскую критику техники как «Постава», можно заметить, что цифровая среда создает новый тип «вещности». «Землей» цифрового произведения выступает не физический носитель (холст или камень), а непрозрачность алгоритма и аппаратная архитектура, которые, оставаясь сокрытыми, обеспечивают явленность образа на интерфейсе. Цифровое произведение, таким образом, не утрачивает онтологической весомости, если оно способно совершать «учреждение истины» – выводить пользователя из автоматизма восприятия, свойственного техническому отношению к миру, в пространство аутентичного вопрошания о бытии [4].

Особую эвристическую ценность для анализа цифрового искусства представляет концепция «игры», разработанная Х.-Г. Гадамером. Гадамеровская игра понимается онтологически – как медиальный процесс, имеющий собственную сущность и захватывающий игроков. Цифровое искусство, особенно в его интерактивных и генеративных формах, буквально реализует эту метафору. Оно не существует как статичный объект созерцания, а сбывается только в акте взаимодействия с реципиентом. Онтологический статус цифрового артефакта описывается гадамеровской категорией «преобразования в структуру»: несмотря на отсутствие фиксированной материальности, произведение обретает идеальную идентичность и смысловую устойчивость в процессе своего исполнения [2].

Герменевтика Х.-Г. Гадамера позволяет также переосмыслить темпоральность цифрового искусства через понятие «праздника» и «современности». Цифровое произведение, доступное к воспроизведению

в любой точке пространства и времени, рискует быть воспринятым как лишенное уникальности. Однако в логике Х.-Г. Гадамера именно «праздничная» структура времени – способность произведения всякий раз заново собирать сообщество зрителей и актуализировать смысл «здесь и сейчас» – является гарантией его бытия [1]. В цифровую эпоху доступ к искусству через экран становится формой «причастности», где дистанция не уничтожает, а трансформирует опыт встречи с истиной.

Важнейшим аспектом остается языковая природа понимания, постулируемая обоими мыслителями. Поскольку «бытие, которое может быть понято, есть язык», программный код цифрового искусства можно рассматривать как специфический модус языка, требующий герменевтического усилия перевода в смысловое поле человеческого опыта [2]. Опасность, на которую указывал М. Хайдеггер, – превращение языка в технический инструмент передачи информации – преодолевается там, где цифровое искусство становится поэзией в широком смысле: не утилитарным использованием знаков, а событием, в котором открывается инаковость бытия.

Таким образом, применение оптики феноменологической герменевтики к анализу цифрового искусства позволяет сделать вывод: дематериализация носителя не означает утрату онтологического статуса. Бытие цифрового произведения смещается от субстанциальности «вещи» к процессуальности «игры» и «события». Оно обретает свою истину не в статичном наличии, а в динамике диалога между алгоритмом, интерфейсом и интерпретирующим сознанием, осуществляя тем самым тот «прирост бытия», который Х.-Г. Гадамер считал главной характеристикой подлинного искусства.

Литература и источники

1. Гадамер, Х.-Г. Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. – М. : Искусство, 1991. – 367 с.

2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.

3. Михайлов, А. А. Современная философская герменевтика: критический анализ / А. А. Михайлов. – Минск : Университетское, 1984. – 191 с.

4. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Исток художественного творения / М. Хайдеггер ; пер. с нем. А. В. Михайлова. – М., 2008. – С. 101–226.

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Е. О. Далимаева

В марте 2023 года группа разработчиков искусственного интеллекта опубликовала открытое письмо с призывом приостановить дальнейшее развитие технологий, в частности моделей, превосходящих GPT-4. Сам факт такого обращения указывает на острую необходимость прогнозирования и осмысления последствий внедрения искусственного интеллекта. Авторы документа обращают внимание на несколько ключевых проблем: отсутствие надежных механизмов управления и контроля над искусственным интеллектом (в дальнейшем – ИИ); неспособность создателей предвидеть направления его эволюции. Тревогу у разработчиков, которые осознали, что открыли ящик Пандоры, вызывает и тот факт, что уже сегодня ИИ способен конкурировать с человеческим разумом и потенциально заменять людей во многих задачах; утрата контроля над информационными ресурсами ведет к неуправляемой пропаганде и распространению ложных данных. Авторы письма делают вывод, что бесконтрольное развитие ИИ может представлять экзистенциальную угрозу для человеческой цивилизации [1].

Проблеме экзистенциального влияния ИИ на человечество посвящена и последняя книга знаменитого американского дипломата и геополитика Генри Киссинджера «Искусственный разум и новая эра человечества». В книге звучит тревожное послание государственным деятелям всего мира, призванное обратить их внимание на риски, связанные с быстрым и бесконтрольным развитием нейросетей, и предпринять усилия к тому, чтобы ограничить темпы и охват изменений, которые такое развитие несет. Он и его соавторы считают, что влияние искусственного интеллекта обещает стать по-настоящему прорывным, приводя к таким изменениям в человеческой идентичности и восприятии реальности, каких мы раньше не встречали [2, с. 13].

Одной из дискуссионных тем остается использование ИИ в системе образования. Внедрение искусственного интеллекта в образование уже трансформирует способы преподавания, обучения и управленческой работы – от персонализированных курсов до автоматической проверки заданий. С точки зрения работодателя, робот-преподаватель выглядит идеальным сотрудником. Он никогда не опоздает, не потребует повышения зарплаты или карьерного роста и не будет уставать от монотонной работы. В отсутствие «человеческой» составляющей у него не может быть личных предпочтений или предвзятости по отношению к ученикам. Робот не разражается, он будет относиться ко всем учащимся

одинаково. Кроме того, система ИИ обладает огромным объемом заложенных знаний и мгновенно ответит на любой вопрос, в том числе и не только по теме урока и изучаемому предмету. Однако главный недостаток такого «педагога» – отсутствие настоящего разума и эмпатии. Социализация детей требует от педагога тонкой подстройки и нестандартного мышления, а не просто перебора алгоритмов.

Как отмечается, современный искусственный интеллект – это не самостоятельный разум, а инструмент, усиливающий интеллектуальные возможности человека. Только преподаватель-человек способен подстроиться под уникальные способности каждого ученика. Когда ученик отстает, именно учитель объяснит сложный материал понятными словами, сможет вдохновить, замотивировать и взять на себя роль наставника. И часто именно вовремя встретившийся педагог помогает молодому человеку обрести свое призвание.

Когнитивные последствия применения ИИ связаны с изменением способов восприятия информации, мышления и обучения. С одной стороны, интеллектуальные системы позволяют персонализировать образовательные траектории, облегчая усвоение знаний и развивая навыки критического анализа. С другой стороны, существует риск когнитивной зависимости: учащиеся и пользователи могут все чаще полагаться на алгоритмы при решении задач, что снижает уровень самостоятельного мышления. Как отмечают С. В. Пальмов и соавторы, алгоритмическая предвзятость и непрозрачность решений ИИ могут формировать искаженные когнитивные модели у пользователей, влияя на их восприятие фактов и истины [3]. Классические эксперименты показали, что наличие «всегда под рукой» доступа к информации меняет стратегию запоминания: люди чаще запоминают, где найти информацию, чем саму информацию (так называемый «Google-эффект»). Это не просто техническая привычка, а перестройка эпизодической и семантической памяти, которая уменьшает тренировочный эффект запоминания и может снизить способность воспроизводить знания без внешней поддержки.

В положительном ключе ИИ расширяет возможности персонализации обучения и снижает когнитивную нагрузку на рутинных этапах – подбор дифференцированных пояснений, автоматическая дифференциация упражнений, мгновенная обратная связь и сопровождение шагов решения позволяют студенту и учителю сосредоточиться на задачах более высокого порядка (анализ, синтез, проблемное решение).

Кроме того, ИИ меняет формы социальной коммуникации. Алгоритмы социальных сетей и рекомендательные системы влияют на когнитивные фильтры восприятия, формируя так называемые «информационные пузыри». Это приводит к ограничению разнообразия информации и снижению способности к критическому осмыслению

альтернативных точек зрения.

Социальные последствия применения ИИ – сложнее и многослойнее. Во-первых, ИИ меняет распределение образовательного капитала: доступ и цифровая грамотность определяют, кто получает качественную поддержку от ИИ, а кто – нет, что усиливает образовательное неравенство при отсутствии институциональных мер. Во-вторых, меняются профессиональные роли педагогов: часть работы по объяснению и проверке фактов может быть делегирована ИИ, а роль учителя смещается в сторону постановки задач, оценки процесса и воспитания критического отношения к ответам машин. Это вызывает устоявшийся конфликт ожиданий между учащимися (быстрый эффект, ощутимая помощь) и преподавателями (требование устойчивого понимания и формирование навыков критического мышления). В результате без целенаправленной политики внедрение ИИ может привести либо к усилению пассивности учеников, либо к усилению контроля со стороны школ и вузов – оба пути несут риски для качества образования.

Таким образом, социальные последствия применения ИИ проявляются в изменении структуры общества, усилении цифрового неравенства и трансформации трудовых отношений, а когнитивные – в перестройке механизмов восприятия, мышления и обучения. В совокупности это требует от общества разработки этических стандартов, образовательных программ и механизмов регулирования, которые позволят использовать потенциал ИИ для развития, минимизируя риски социальной фрагментации и когнитивной зависимости.

Литература и источники

1. Маск подписал письмо с просьбой приостановить разработку систем ИИ / Sputnik Беларусь. – URL: https://sputnik.by/ 20230329/ mask-podpisal-pismo-s-prosboy-priostanovit-razrabotku-sistem-ii-1073795120.html (дата обращения 28.01.2026)

2. Киссинджер, Г. А. Искусственный разум и новая эра человечества / Г. А. Киссинджер, Э. Шмидт, Д. Хаттенлокер ; пер. с англ. К. Ахметова. – Москва : Альпина PRO, 2022. – 198 [1] с.

3. Пальмов, С. В. Исследование этических и социальных аспектов применения искусственного интеллекта / С. В. Пальмов, Д. Ф. Кабирова [и др.] // Индустриальная экономика. – 2025. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ issledovanie-eticheskih-i-sotsialnyh-aspektov-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 02.12.2025).

ОБ ИСКУССТВЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С. Г. Доронина

Сегодня любая научная конференция и др. мероприятия, посвященные современным проблемам развития культуры и общества, редко обходятся без обсуждения темы искусственного интеллекта (далее ИИ). Это происходит по ряду обоснованных причин, одна из которых связана с повсеместным использованием ИИ в человеческой деятельности, в том числе и в сфере искусства, вследствие чего появляются такие новые понятия, как «искусство искусственного интеллекта», «эстетика искусственного интеллекта», инициирующие процесс переосмысления прежних представлений о феномене творчества.

Скептические точки зрения склоняются к мнению о принципиальной невозможности наличия у ИИ творчества и связанных с ним субъективного опыта, эмоций, вдохновения, озарения, интенциональности и т. д. ИИ лишен этих фундаментальных человеческих характеристик и представляет пусть и искусного, но имитатора, осуществляющего сложные процедуры по статистической обработке данных. Псевдотворчество нейронных сетей может удовлетворять многим общепринятым критериям, таким как новизна, эстетичность, полезность и даже оригинальность, но оно лишено творчества в глубинном понимании этого слова.

Несмотря на очевидность таких умозаключений, все чаще можно услышать в среде ученных и творческих деятелей аргументы в пользу наличия у ИИ креативности и даже интуиции, призывы к синтезу человеческих и машинных усилий в целях увеличения эффективности решения креативных задач. Излишний оптимизм подобных воззрений в нынешних реалиях отсутствия общепринятых норм и правил, по которым бы «играло» современное искусство, узаконенной полипарадигмальности [1, с. 5–6], не учитывает этических и эстетических, социальных и многих др. последствий подобных воззрений, так или иначе участвующих в формировании культурных ценностей.

В экспертном сообществе в сфере искусства до сих пор не существует понимания допустимых границ применимости ИИ в творчестве, как и четких критериев, позволяющих отличить произведение человека от работы машины. Эти выводы хорошо демонстрируют следующие аномалии – все чаще возникают ситуации, когда на крупных конкурсах в области, например, фотоискусства одерживают победу произведения, созданные ИИ. Так, в 2023 г. немецкий фотограф и художник, Б. Эльдагсен выиграл одну из самых престижных премий Sony World Photography Awards, представив работу, сделанную ИИ, под названием «Псевдоамнезия: Электрик» (позже он отказался от награды).

Ранее подобный случай был отмечен в связи с выигрышем в конкурсе компании DigiDirect австралийской студии Absolutely Ai, представители которой также отказались от награды, поскольку настоящая причина их участия в конкурсе заключалась в желании привлечь внимание к проблеме творчества, инициировать открытую дискуссию о месте и роли ИИ в художественной фотографии. Другим примером, свидетельствующим о парадоксах, происходящих в мире современного искусства, является проданный в 2018 г. за 432,5 тыс. долларов на аукционе «Кри́стис» в Нью-Йорке «Портрет Эдмонда де Белами», созданный ИИ. Получивший популярность проект «Следующий Рембрандт» от специалистов «Ма́йкрософт», в рамках которого на основании анализа нейросетью 346 работ Рембрандта был создан инновационный портрет, сопоставимый с художественной ценностью подлинных произведений мастера, – еще одна иллюстрация продолжающегося процесса «размывания» границ понимания творчества и искусства. Согласно некоторым исследованиям [3], во многих случаях созданные таким образом произведения воспринимаются зрителями как более оригинальные и привлекательные по сравнению с копиями настоящих профессиональных художников.

В плену у техничной аутентичности и технической воспроизводимости оказываются не только зрители, но и эксперты, – музеи уже всерьез рассматривают работы, выполненные ИИ, в качестве представляющих ценность экспонатов. Так, Музей современного искусства в Нью-Йорке (МоМА) приобрел для своей коллекции серию произведений, сгенерированных с помощью нейросетей турецким медиахудожником, Р. Анадолой, одно из которых имеет название «Без присмотра – Машинные галлюцинации». Обе части наименования этого произведения, последовательно дополняющие друг друга, как нельзя лучше отражают тенденции, происходящие в современном искусстве, которое оказалось «без присмотра».

Одно из объяснений, позволяющее пролить свет на одну из причин, приведших к вышерассмотренным тенденциям, заключается в том, что произошедший синтез науки, технологий и искусства существенно трансформировал представления, как о творчестве, так и об агентности. Сегодня нечеловеческие субъекты уже не просто выполняют функциональную задачу, связанную с исполнением замысла людей, а становятся равноправными партнерами и соучастниками творчества. Так, К. Алладо-Макдауэлл, позиционирующий себя в качестве писательницы (трансгендерное искусство), пионера в области ИИ-литературы, автор романа «Фармако-ИИ», созданного с помощью языковых моделей GPT-3, считает, что благодаря нейронным сетям горизонты его мировоззрения и в целом творчества существенно расширились. «Результат – удивительно цельное и, да, – отмечает К. Алладо-Макдауэлл, – прекрасное произведение. Оно впечатляет не потому, что GPT-3 пишет как человек (и

пишет, и не пишет), а потому, как процесс сотрудничества породил произведение, которое ни ИИ, ни человек не смогли бы написать в одиночку» [2].

Эти и аналогичные им точки зрения и эксперименты акцентируют внимание на необходимости слияния усилий людей и технологий с целью рождения инноваций в искусстве, что может свидетельствовать о частичной атрофии у homo sapiens собственных источников вдохновения, навыков креативного мышления и воображения. Нет сомнений в том, что ИИ увеличивает эффективность и скорость создания и реализации многих сложных проектов, выдает неожиданные и оригинальные решения. Также трудно переоценить значимость виртуальных художественных платформ и галерей, обеспечивающих широкий открытый доступ к искусству, выходящий за рамки географических дистанций и социально-культурных границ. Если говорить о «творчестве» ИИ, который с легкостью имитирует любые стили, жанры, течения в искусстве и преодолевает рамки человеческого воображения и культурных архетипов, то речь идет все же о вычислительных мощностях, логике декомпозиции, обработке данных, но не о творчестве в прямом значении этого слова. ИИ использует интеллектуальную интерпретацию заранее заданной «создателем» основы, программы, благодаря которой происходит «вливание» живых целеполаганий в неодушевленное «тело» машины и их последующая визуализация. При этом нейронные сети находятся в абсолютно безучастной, нейтральной позиции относительно любого результата, а заинтересованный в нем человек, ожидающий «чуда», – в положении изоляции, исключающей возможность вмешаться в уже запущенный процесс исполнения произведения. У индифферентного к красоте «технического гения» случается «случайная красота», – это правда, но происходит это благодаря сложным человеческим манипуляциям, а не творчеству машины.

Чрезмерное воспевание креативности нейросетей в работах последнего времени указывает на продолжающую усиливаться зависимость человека от технологий. Наше понимание прежде человеческих черт и способностей постепенно становится все менее антропоцентричным, в то время как представления о машинах, в частности об ИИ, – все более антропоморфными, что свидетельствует о постепенном смещении онтологических рамок понимания «естественного» и «искусственного», об эпистемологическом сдвиге в рассмотрении (не)живого в научном и социальном дискурсах.

Хочется отметить, что современная наука, чрезмерно акцентирующая внимание именно на технических аспектах развития общества и культуры, во многом принимает активное и даже доминирующее участие в пропаганде обозначенных выше форм мировосприятия. Если это так, то возникает закономерный и злободневный

вопрос – как и кем должны в современных реалиях формироваться и кодифицироваться нормы восприятия искусства и его эстетические каноны, создаваться этические и правовые способы регулирования творческой деятельности человека и ИИ?

Литература и источники

1. Рубцова, Е. В. Историчность парадигм искусства и проблема современной художественности : дис.... канд. филос. наук: 09.00.04 / Рубцова Елена Валерьевна ; ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького». – Екатеринбург, 2004. – 163 с.

2. K. Allado-Mcdowell. Post-human co-creation. – URL: https://www.kalladomcdowell.com/ read (дата обращения: 11.02.2026).

3. Mikalonytė, E. S. Can artificial intelligence make art?: Folk intuitions as to whether AI-driven robots can be viewed as artists and produce art / E. S. Mikalonytė, M. Kneer // ACM Transactions of Human-Robot Interaction. – 2022. – Vol. 11(4). – P. 1–19.

ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ЭТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ РУКОПИСЕЙ Н. Я. БИЧУРИНА И РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В XVIII ПЕКИНЕ–XIX ВВ.)

П. Н. Дудин, С. В. Кобелев

Цифровизация науки и культуры в XXI веке ставит перед исследователями не только технические, но и этические вопросы, главным из которых является проблема сохранения и актуализации интеллектуального наследия прошлого.

В архивах России хранятся массивы документов, составляющих «золотой фонд» отечественной гуманитарной мысли, которые, однако, остаются в зоне «темных данных» (dark data) – они физически сохранены, но недоступны для широкого анализа из-за сложности почерка, ветхости носителей и отсутствия цифровой индексации.

Ярким примером такого наследия являются труды сотрудников Русской духовной миссии в Пекине. Отечественные синологи (И. К. Россохин, А. Л. Леонтьев, Н. Я. Бичурин) начали системное изучение и перевод правовых уложений империи Цин («Да Цин хуэйдянь») еще в первой половине XVIII века. Фактически, российская наука обратилась к институциональному анализу китайского права на 50–80 лет раньше западноевропейской (первый британский перевод Дж. Т. Стэнтона появился лишь в 1810 г.). Однако значительная часть

этого колоссального труда, в частности рукопись Н. Я. Бичурина «Изложение китайского законодательства» (1830-е гг.), дошла до нас преимущественно в виде черновиков, работа с которыми традиционными методами палеографии требует десятилетий кропотливого труда.

В настоящем исследовании предлагается методология «цифровой реконструкции» с использованием мультимодальных моделей генеративного ИИ (GenAI). В отличие от традиционных систем оптического распознавания (OCR), работающих по жестким шаблонам, GenAI способен анализировать визуальный контекст и семантику текста.

На первом этапе исследования был применен метод *Few-Shot Learning* (обучение на малом количестве примеров). Модели ИИ был «предъявлен» эталонный чистовой вариант рукописи (хранящийся в РНБ), написанный каллиграфическим почерком. Усвоив особенности лексики (юридические термины, архаизмы) и структуру документа, нейросеть смогла с высокой точностью (до 95%) дешифровать черновой вариант рукописи (из фондов ГАРТ), который ранее считался трудночитаемым из-за многочисленных правок, выцветших чернил и помарок.

Применение данной технологии позволило решить ряд конкретных источниковедческих задач:

1. Очистка от визуального «шума». При анализе главы о Палате внешних сношений (Лифаньюань). ИИ успешно отделил авторский текст от позднейших библиотечных штампов и физических дефектов бумаги, восстановив целостность структуры документа.

2. Реконструкция авторской мысли. При расшифровке реестра военных чинов ИИ позволил прочесть не только итоговый текст, но и зачеркнутые фрагменты. Это дало возможность проследить, как Н Я. Бичурин подбирал русские эквиваленты для маньчжурских терминов (например, *сяоцисяо, цяньцзун*), формируя понятийный аппарат отечественного китаеведения.

3. Поиск «исчезнувших» институтов. Анализ 4-й и 5-й глав рукописи («Ревизионная комиссия именных Указов» и «Контора Герольдмейстерских дел»), отсутствующих в других переводах, позволил с помощью семантического поиска в китайских корпусах выдвинуть обоснованные гипотезы о прототипах этих ведомств в структуре цинской администрации.

Использование ИИ в данном контексте выходит за рамки утилитарной задачи «распознавания текста». Это акт восстановления исторической справедливости и сохранения культурной памяти. Технология позволяет демократизировать доступ к уникальным источникам, снижая временные и финансовые затраты на их обработку в сотни раз (с нескольких лет до нескольких месяцев работы одного исследователя).

Вместе с тем, при работе в подобном формате возникает вопрос о

статусе «цифровой герменевтики». Передоверяя нейросети первичное прочтение сложного рукописного текста, исследователь сталкивается с этическим риском «алгоритмической галлюцинации». Однако в нашем кейсе способность ИИ к контекстному достраиванию (восстановлению выцветших слов по смыслу) становится не ошибкой, а формой сотворчества. Мы переходим от субъект-объектной парадигмы (исследователь – текст) к сложной системе, где ИИ выступает как «агент-посредник», требующий от ученого не просто верификации данных, но и нового уровня критического мышления. Это трансформирует саму этику научного труда: рутина делегируется машине, а ответственность за интерпретацию смыслов становится исключительной прерогативой человека.

Кроме того, цифровая реконструкция обладает эстетической ценностью: она позволяет увидеть «лабораторию» ученого XIX века, красоту его интеллектуального поиска и сложность работы с инокультурным материалом. Внедрение подобных методологий в практику гуманитарных наук способствует укреплению связи времен, демонстрируя преемственность отечественной научной школы и открывая новые горизонты для социологии права и истории науки.

Литература и источники

1. Дудин, П. Н. «Дай Цин хуэйдянь»: место в структуре законодательства империи Цин и отражение в трудах отечественных и западных исследователей / П. Н. Дудин // V Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона. – Иркутск, 2021. – С. 196–205.

2. Дудин, П. Н. Государственное (конституционное) право современного Китая как наследие маньчжурского имперского органического права / П. Н. Дудин, З. Ф. Хусаинов // Российская юстиция. – 2023. – № 12. – С. 66–75.

3. Дудин, П. Н. Современное китайское государство [Рецензия] / П. Н. Дудин // Вестник Российской академии наук. – 2023. – Т. 93, № 6. – С. 592–600.

4. Дудин, П. Н. Главы 4-я и 5-я рукописи Н. Я. Бичурина (архимандрита Иакинфа). «Изложение китайского законодательства». 1835 г. / П. Н. Дудин // Исторический архив. – 2025. – № 3. – С. 18–23.

5. Дудин, П. Н. Модернизация институтов публичной власти имперского Китая в начале XX в. / П. Н. Дудин // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. – 2025. – Т. 21, № 1. – С. 106–118.

6. Дудин, П. Н. ГИС маньчжуро-монгольской территориальной системы / П. Н. Дудин // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2022. – № 4 (48). – С. 79–86.

7. Дудин, П. Н. О предварительных результатах работы с чистовиком неопубликованной рукописи отца Иакинфа (Н. Я. Бичурина) «Изложение китайского законодательства». Глава первая «Княжеское правление» / П. Н. Дудин // XXXIII Международный конгресс по источниковедению и

историографии стран Азии и Африки. Материалы конгресса. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 60–61.

8. Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайскаго (а ныне манжурскаго) правительства / Пер. с манжурскаго на российской язык Коллегии иностранных дел надворной советник Алексей Леонтиев. – Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1781–1783. Т.1 [Текст]. – 1781. – 16 [5], XLV [11], 398 с.

9. Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайскаго (а ныне манжурскаго) правительства / Пер. с манжурскаго на российской язык Коллегии иностранных дел надворной советник Алексей Леонтиев. – Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1781–1783. Т.2 [Текст]. – 1782. – [9], 377, XXX [1] с.

10. Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайскаго (а ныне манжурскаго) правительства / Пер. с манжурскаго на российской язык Коллегии иностранных дел надворной советник Алексей Леонтиев. – Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1781–1783. Т.3 [Текст]. – 1783. – [27], 584, XXIII [1] с., 1 л. табл.

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КЕЙС ЯПОНИИ

Ф. Х. Евлоева

Развитие генеративного искусственного интеллекта породило комплекс правовых и этических вызовов, центральными из которых являются проблема авторства произведений, созданных ИИ, и правомерность использования авторского контента для обучения моделей. Эти вопросы ставят под сомнение традиционные границы интеллектуальной собственности.

Разработчики технологий, как правило, апеллируют к доктрине «добросовестного использования», утверждая, что машинное обучение на публично доступных данных представляет собой законное применение, не нарушающее исключительных прав авторов. Правообладатели же видят в такой практике извлечение коммерческой выгоды из результатов их интеллектуального труда, что создает угрозу фундаментальным основам креативных индустрий.

Позиция Японии в этом отношении является сложным синтезом амбициозных планов стать «самой дружественной к ИИ страной» и необходимостью защиты собственной креативной индустрии как национального достояния.

Первым практическим шагом в разрешении этого противоречия стало принятие 28 мая 2025 года верхней палатой парламента Японии «Закона о содействии исследованиям, разработкам и использованию технологий искусственного интеллекта» («Закон о содействии

использованию ИИ»). Этот закон, призванный снизить общественное недоверие и контролировать неправомерное использование ИИ, отражает «мягкий» регуляторный подход: он не накладывает жестких ограничений на бизнес, но обязывает разработчиков ИИ сотрудничать с правительством. Хотя санкции за отказ от сотрудничества в законе не упоминаются, данный пункт создает широкий ряд мер регулировки безопасного использования ИИ. Для реализации этой нормы была создана Рабочая группа по институциональному регулированию ИИ.

Реакция на конкретную технологическую угрозу последовала осенью 2025 года. Выступая на пресс-конференции в Кабинете министров, государственный министр Японии по вопросам интеллектуальной собственности и стратегии в области искусственного интеллекта, Минору Киути предложил компании OpenAI воздержаться от нарушений прав интеллектуальной собственности Японии. В своем выступлении министр назвал аниме и мангу «незаменимыми сокровищами» национальной культуры, которыми страна гордится перед лицом всего мира. Масааки Тайра, министр цифровых технологий, также выразил надежду, что OpenAI добровольно выполнит указанное требование.

Данное обращение японского правительства является ответом на выпуск «Sora 2», модели искусственного интеллекта, способного генерировать видео с изображениями персонажей аниме и видеоигр, защищенных авторским правом. Так, сразу после публикации данной модели, пользователи Sora начали генерировать контент, выполненный в стиле узнаваемых произведений Японии или использующий образы культовых героев. Использование интеллектуальной собственности, защищенной авторским правом, не было ограничено. Хотя позже стало известно, что компания OpenAI перед публикацией своей новой модели связывалась с киностудиями и агентствами, предоставив возможность отказаться от использования их материалов при обучении ИИ. Но остается неизвестным, получили ли это предложение японские авторы.

Член Либерально-демократической партии Японии, Акихиса Сиодзаки, выразил свое мнение в связи с этим событием в своих социальных сетях: «Выход Sora 2 в очередной раз высветил проблему искусственного интеллекта и авторских прав», написал он.

Вместе с этим, Торговая ассоциация Японии (CODA) также выступила с официальным обращением к OpenAI. Ассоциация потребовала прекратить обучение и генерацию контента нейросетей на основе произведений своих членов, а компания Nintendo заявила, что готова принять необходимые меры против нарушения прав на интеллектуальную собственность.

Таким образом, правообладатели и авторы настаивают на незаконности обучения генеративных моделей ИИ на охраняемом авторским правом контенте без явного разрешения. Это подчеркивается

фундаментальным различием между машинной генерацией и творческим актом человека, без работы которого искусственный интеллект не был бы способен создавать собственный контент. Творчество людей – произведения литературы, музыки, – с этой точки зрения, является непосредственным воплощением человеческого опыта и должно охраняться соответственно.

В заключение можно утверждать, что скептицизм значительной части японского общества выступает как сдерживающий фактор, компенсирующий мягкость государственной политики в области ИИ. На примере ситуации с Sora 2 видно, что это формирует запрос на переход от рекомендательных принципов к интеграции правовых норм, прямо закрепляющих неприкосновенность объектов национальной культуры, авторского права и интеллектуальной собственности граждан как необходимое условие для дальнейшего развития технологий.

Литература и источники

1. Кочеткова, И. В. «Проблема 2025 года»: изменения в трудовом законодательстве Японии / И. В. Кочеткова // Юрист. – 2025. – № 6. – С. 60–65.

2. Савельева, М. В. Искусственный интеллект как участник современных правоотношений / М. В. Савельева // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25, № 1. – С. 86–94.

3. Хисамова, З. И. Правовое регулирование искусственного интеллекта / З. И. Хисамова, И. Р. Бегишев // Baikal Research Journal. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 19.

4. Artificial Intelligence 2025 – Japan : Global Practice Guides / Chambers and Partners. –URL: https://practiceguides.chambers.com/ practice-guides/ artificial-intelligence-2025/ japan (date of access: 31.01.2026).

5. Japan’s emerging framework for responsible AI: legislation, guidelines and guidance : International Bar Association. – URL: https://www.ibanet.org/ japan-emerging-framework-ai-legislation-guidelines (date of access: 31.01.2026).

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. И. Егоров

В современной системе высшего образования в России цифровизация является одним из наиболее важных процессов, определяющих как методы обучения студентов, так и содержание образовательных программ для различных специальностей.

На примере инженерного образования, которое на сегодняшний момент является одним из наиболее востребованных не только в России, но и в мире, необходимо рассмотреть положительные и отрицательные

стороны цифровизации.

Положительными сторонами цифровизации инженерного образования являются:

– ускорение и упрощение процесса передачи знаний за счет применения таких технологий, как цифровые библиотеки, онлайн образовательные курсы и платформы;

– получение необходимых студентам знаний и навыков в любое время и в любом месте;

– гибкие образовательные технологии, которые способствуют индивидуализации получения образования, то есть появляется возможность подстраивать курс под каждого обучающегося;

– возможность получать знания и навыки, востребованные на современном рынке труда.

С другой стороны, цифровизация инженерного образования имеет и отрицательные стороны, такие как:

– замещение цифровыми технологиями физической инженерной практики, что приводит к тому, что студенты не готовы к работе в современных компаниях на реальном оборудовании. Кроме того, в процессе работы современным выпускникам технических университетов приходится самостоятельно вникать в особенности работы той или иной организации;

– замена «живого эксперимента» проведением «виртуальных» экспериментов в условиях, имитирующих реальные. Из-за этого студенты не имеют возможности для получения знаний самостоятельно, а также необходимых навыков для их получения;

– отсутствие «живого знания», которое можно получить благодаря взаимодействию «учитель-ученик», которое является одним из ключевых в концепции «общества знания» [1, с. 91]. Кроме того, обучающиеся не учатся взаимодействию с другими людьми, а также навыкам работы в команде, которые являются востребованными в современной инженерной практике;

– отсутствие критического мышления у студентов, которое приводит к неспособности превращать полученную ими информацию в знание, которое может быть в дальнейшем применено в практической деятельности;

– потеря студентами способности запоминать информацию, так как они могут найти ее с помощью цифровых технологий (в частности, благодаря сети Интернет и нейронным сетям). Это приводит к цифровой зависимости студентов [2, с. 102], что негативно сказывается на их дальнейшей трудовой деятельности.

Одним из решений для минимизации негативных последствий цифровизации инженерного образования является применение цифровых технологий в качестве вспомогательных инструментов для обучения

студентов инженерных специальностей, а не замена ими очных занятий, а также увеличение количества часов на гуманитарные предметы, такие как философия, социология, экономика, культурология и другие, которые будут способствовать не только развитию критического мышления, но и формированию различных коммуникационных навыков, которые будут полезны будущим специалистам для их дальнейшей работы.

Таким образом, цифровизация инженерного образования имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Поэтому цифровые технологии необходимо внедрять в учебный процесс рационально, комбинировать традиционное обучение с дистанционным, а также научить студентов критически анализировать получаемую ими информацию.

Литература и источники

1. Даниелян, Н. В. Трансформация представлений об образовании в концепции «общества знания» / Н. В. Даниелян // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2014. – № 3–4. – С. 89–95.

2. Горбунова, Ю. А. Цифровизация высшего образования: позиция технореализма / Ю. А. Горбунова // Образовательные ресурсы и технологии. – 2020. – № 4 (33). – С. 99–107.

ВИДЕОИГРЫ КАК ТЕХНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПРАКТИКА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И КУЛЬТУРНЫХ НАРРАТИВОВ

Е. С. Игнатюк

Сегодня компьютерные игры представляют собой нечто большее, чем просто досуг, эволюционировав в значимый социокультурный и технологический гибрид. В этой сфере наблюдается постоянный диалог между инновационными разработками и смысловым наполнением. Со стороны технологий игры предлагают уникальные инструменты восприятия – будь то алгоритмически создаваемые вселенные, как в «No Man's Sky», или глубокое погружение в виртуальную реальность в «Half-Life: Alyx». Одновременно их сюжетная основа часто уходит корнями в культурный пласт, перерабатывая фольклорные мотивы (например, славянские легенды в серии игр «The Witcher») или сложные философские концепции. Таким образом, цифровые платформы становятся, по выражению М. Маклюэна, «продолжением» человека, активно формируя новый тип культурного взаимодействия [1].

Философская рефлексия позволяет рассмотреть видеоигры в качестве особой среды, где технические средства материализуют культурные смыслы. В рамках этой интерактивной симуляции игрок занимает позицию субъекта, для которого противопоставление реального и

цифрового теряет однозначность, актуализируя поиск ответов на вопросы самоопределения и свободы воли.

Отношения между технологической основой и культурным наполнением игр носят диалектический характер: культурный контекст задает этико-смысловые рамки (что ярко демонстрируют моральные выборы в игре «Spec Ops: The Line»), а техника усиливает их воздействие через механики нелинейного сюжета или социального взаимодействия в сети. В терминах Ж. Бодрийяра, данная среда предстает как гиперреалистичная, где игровые симулякры не просто отражают, но и активно формируют культурные явления, порождая масштабные сообщества – от фан-культуры косплея до профессионального киберспорта. Эмпирическим подтверждением этому служит сама индустрия разработки игр: ее прогнозируемый оборот превышает $200 млрд к 2025 году, а ее запросы становятся драйвером развития искусственного интеллекта и дополненной реальности, оказывая влияние и на сферу образования [2, с. 41–42].

В игровой индустрии технологии выступают соавторами сюжетов. Алгоритмы процедурной генерации, как в «No Man's Sky», материализуют культурные архетипы (например, тему космической экспансии), создавая уникальный опыт погружения. Обратная зависимость проявляется, когда культурный контекст определяет развитие технологий: так, фольклорные мотивы в «Cyberpunk 2077» требовали усложнения ИИ для диалогов, а моральные выборы в «Detroit: Become Human» повлияли на адаптацию нелинейных сценариев в других областях. Этот симбиоз демонстрирует принцип «коллективного интеллекта» (П. Леви): игровые сообщества в соцсетях совместно интерпретируют вселенные, создавая фанатский контент, который, в свою очередь, влияет на разработку новых версий игры. С философской точки зрения, здесь возникает парадокс субъективности: игрок, обретая виртуальную свободу действий (agency), одновременно подчиняется логике алгоритмов. Эта динамика отражает фукианскую концепцию власти, где технологическая платформа выполняет функцию паноптикума, создавая иллюзию автономии [3, с. 96–97].

Современные видеоигры трансформируются из средства развлечения в инструмент философского, образовательного и научного познания. Так, игровые механики в симуляторах (например, «Kerbal Space Program») эффективно доносят принципы физики, облекая их в культурно значимые сюжеты о преодолении неудач. Параллельно VR-проекты (такие как «Those Who Remain») становятся платформой для исследования экзистенциальных тем. Для культурного контекста Беларуси и постсоветского региона показателен феномен игры «S. T. A. L. K. E. R.», где локальный чернобыльский нарратив был переосмыслен в международный хит. Этот успех мотивирует местные студии к

разработкам в области дополненной реальности (AR). Таким образом, видеоигры служат практическим подтверждением идеи о коэволюции технологий и культуры, которые не противостоят, а взаимно обогащают друг друга, закладывая основы гуманистической парадигмы в цифровую эпоху [4].

Флагман мировой игровой индустрии по финансовым показателям – китайский рынок – наглядно демонстрирует модель, в которой технологический арсенал служит средством трансляции культурных кодов. Яркий пример – игра «Genshin Impact», где механики процедурной генерации ландшафтов и система «гача» объединены с визуальной эстетикой аниме и философскими концепциями даосизма, создавая глубоко погружающий игровой опыт. Аналогичный принцип синтеза истории и технологий можно наблюдать в белорусском проекте «World of Tanks», глобализировавшем исторический нарратив Второй мировой войны. Однако китайский подход отличается внесением традиционной метафизики – например, идеи «тянься» рассматривается как культурный прототип современных метавселенных. Это взаимовлияние приобретает практическое измерение в формате международных коллабораций. Совместные белорусско-китайские проекты, поддерживаемые академическим партнёрством (например, между НАН Беларуси и вузами Шанхая), активно используют искусственный интеллект для адаптации и локализации сюжетов, что позволяет транслировать такие специфические культурные продукты, как «S. T. A. L. K. E. R.», на новые рынки. С философской точки зрения, данный процесс является воплощением идеи коэволюции. Китайские технологические гиганты (Tencent, miHoYo) не просто экспортируют свою культуру, но и творчески ассимилируют западные подходы к нарративу, порождая гибридные формы. В результате игрок из любой точки мира, включая Минск, может в виртуальной реальности проживать даосский квест, что стирает традиционные географические и культурные границы [5].

Таким образом, современный технокультурный ландшафт активно формируется видеоиграми, где технологии и нарративы вступают в симбиоз, создавая новые формы познания и социальных связей. Видеоигры реализуют идеи постгуманизма, позволяя игроку как субъекту симуляции преодолеть разрыв между человеком и машиной. Путь эволюции от простых аркад к сложным метавселенным подтверждает тезис, что техника становится частью культуры, а культура – двигателем технологических инноваций. Для белорусской научной традиции, ориентированной на междисциплинарность, анализ этого феномена – от исследования культурных нарративов до геймификации науки – открывает перспективные направления для осмысления цифровой реальности.

Литература и источники

1. Шереметьева, М. А. Статус компьютерных игр в современной культуре / М. А. Шереметьева // Cyberpsychology. – URL: https://cyberpsy.ru/ articles/ status-kompyuternyh-igr-v-sovremennoj-kulture (дата обращения: 28.01.2026).

2. Новикоков, В. Г. Гиперреальность, симулякры и симуляции в виртуальном пространстве как феномен антисоциальной теории Жана Бодрийяра / В. Г. Новикоков, С. В. Ковалёва // Digital sociology. – 2019. – № 2(1). – С. 39–45.

3. Беляева, У. П. Видеоигры как технокультурный феномен: история становления и социокультурная значимость / У. П. Беляева // Research Result. Social Studies and Humanities. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 91–104.

4. Геймификация: как игровая индустрия меняет образование // TA Aspect. – 2016. – URL: https://ta-aspect.by/ articles/ gejmifikaciya-kak-igrovaya-industriya-menyaet-obrazovanie (дата обращения: 28.01.2026).

5. MiHoYo, maker of hit game Genshin Impact, creates metaverse brand amid China crackdown // South China Morning Post. – 2022. – URL: https://www.scmp.com/ tech/ tech-trends/ article/ 3167222/ mihoyo-maker-hit-game-genshin-impact-creates-metaverse-brand-amid (дата обращения: 28.01.2026).

ЦИФРОВАЯ ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР БИОСОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

О. Б. Истомина

Современная гиперреальность, конструируемая ресурсами цифровой среды, значительно меняет характер не только социального пространства, но и биологические, физиологические, нейрофизиологические референции человека / личности. Цифровое пространство, продолженное особенностями «иррациональной рациональности» постмодернити, изобилует сегодня формами сужения социальных практик человека, происходит «вымещение» форм социального взаимодействия из когда-то привычного поля общественных императивов и повседневных практик коммуникаций, социальных контактов в пределах институций и норм социального конструирования бытия.

Эффективность, калькулируемость и предсказуемость как базовые принципы постмодернистской картины мира создали и успешно продвигали безальтернативное преимущество цифровых технологий, не исключая сугубо традиционные гуманитарные сферы жизни человека, например, систему образования. Однако гуманитарные сферы все более отчетливо заявляют о значительных изменениях в оценках искусственного интеллекта (далее – ИИ) как цифрового помощника.

Негативизация оценок обусловлена нарастанием нежелательных тенденций снижения когниций и мнемоники, изменением моделей социального поведения и самой социальной сущности человека, его

повседневных практик и вектора ценностных ориентаций. Критически заметны биосоциальные трансформации в деструкциях, выявленных в периоды вторичной социализации. Среди них наиболее отчетливо явлены: апатичность ко всему социальному, «выученная беспомощность», инфантилизация и избегание ответственности, амбивалентность морали, краткосрочность планов, деформации ощущений социального пространства и социального времени, «манифестация неврозов» [6, с. 5].

Очевидно, что матрица действий ИИ вышла за поле инструментальной активности homo sapiens и трансформирует биоматрицу человека, его физические данные и, конечно, в большей степени нейрофизиологическое и онтологическое начало. В связи с этим вводим в научный дискурс конструкт «биосоциальные трансформации постцифровой экзистенции», включая в него все трансформированные конструкции физической и социальной онтологии человека (см. подробнее: [3; 4; 5; 6; 7]).

Привязанность к цифровым продуктам, очевидно, менее травматична в отношении социально зрелой личности и имеет серьезные деструктивные, а подчас, патологические формы в отношении детско-подростковой аудитории. Высокие вирулентность и контагиозность форм масштабирования опыта потребления цифровых продуктов содействуют развитию биосоциальных трансформаций. Системой образования отмечены такие проявления социального и физиологического порядка, как думскроллинг, серфинг, информационное блуждание, исключающее возможность погружения в смысловое поле сообщения. Зафиксированный переизбыток получил в социальной психологии названия «цифровой аутизм», «информационное / цифровое ожирение». В повседневных практиках признаки аутистического спектра проявлены в замкнутости, неспособности выразить мысль и эмоциональные состояния, сужение реальных контактов и их перенесение в цифровые среды, неготовность решать текущие проблемы и уход в цифровую гиперреальность, инфантильность оценок, суждений, отложенное взросление. Пролонгация эффекта цифрового аутизма обозрима даже в сфере романтических отношений молодежи: новый тренд в сфере знакомств «стэк-дейтинг» предполагает «цепочку» / серию встреч с одним партнером в течение одного дня. Цель «стэк-дейтинга» – снять напряжение первой встречи и ожидания следующих. Навыки социального взаимодействия, очевидно, не равнозначны навыкам диалога в мессенджерах и требуют активной социальной включенности, эмпатии, конгруэнтности, проявлений эмоционального интеллекта. Узурпация количественных подходов в оценке деятельности, провозглашенная постмодернисткой рациональностью, находит свое выражение даже в пространстве личных привязанностей. Переход типов рациональности в личное пространство человека свидетельствует о глубинных изменениях картины мира.

«Манифестирующая эффективность» [5, с. 4] сакрализирует принятие цифровой гиперреальности и виртуального мира, содействуя ориентациям на симулякры (в описании Ж. Бодрийяра [1]). По выражению С. Жижека, созданный виртуальный мир превращает социальное в «призрачное шоу капиталистической утилитарной бездуховной вселенной» [2].

Очевидны изменения нарраций в молодежной страте. Финализируют данные процессы закономерные последствия – «краткосрочность жизненных планов, дисперсность мыслительных актов познающего субъекта» [3, с. 297].

Думается, главным, доминантным выражением биосоциальных трансформаций постцифровой экзистенции являются манипулятивные привязанности к цифровому контенту, «обольщение симулякрами», «экстаз потребления», «эстетическое ожирение», транспозиционность, аморфность целеполагания при беспрецедентно высокой контагиозности и вирулентности контента, что в целом можно назвать «информационным террором» [4, с. 48].

Таким образом, выделенные трансформации характеризуют амбивалентность конструируемой гиперреальности. Ее формы и последствия, очевидно, сложны, противоречивы и однозначно требуют философской оценки. По меткому выражению Сергея Капицы: «В XXI веке физики и лирики поодиночке экзамен времени не сдадут и должны объединить свои усилия». Не вызывает сомнения, что на современном этапе развития социального пространства и социального времени требуется социально-философское осмысление сложившегося цифрового опыта для актуализации принципов гуманизма и новых типов рациональности на основе традиционных духовно-нравственных императивов.

Литература и источники

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрияр. М. : Постум, 2015. – 240 с.

2. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню реального / С. Жижек – URL: http://www.lacan.com/ reflections.htm. (дата обращения: 26.10.2023).

3. Истомина, О. Б. Современные образы образования и социальная реальность / О. Б. Истомина // Повышение профессионального мастерства педагогических работников в России: вызовы времени, тенденции и перспективы развития : материалы Всерос. с межд. уч. науч.-практ. конф., Иркутск, 2019. – С. 297–303.

4. Истомина, О. Б. Гиперреальность современности в оценках молодежи / О. Б. Истомина, А. А. Кузьмина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2023. – № 4. – С. 47–53.

5. Истомина, О. Б. Информационные вызовы и угрозы современности: социально-философский анализ / О. Б. Истомина, А. А. Кузьмина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 3–11.

6. Истомина, О. Б. Бытие и неопределенность социальных стратегий: вызовы времени / О. Б. Истомина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 3–10.

7. Истомина, О. Б. Биосоциальные трансформации постцифровой экзистенции / О. Б. Истомина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2024. – № 4. – С. 48–55.

ДОСТИЖЕНИЯ И ИЗДЕРЖКИ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В. Н. Калмыков

Предвосхищения информационной, гомотехногенной цивилизации содержатся в марксизме, у русских космистов (Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский) и гуманистов XX века (этика ненасилия Л. Н. Толстого, М. Ганди). Дальнейшее развитие концепция постиндустриализма, информационного общества получила в работах Д. Белла, Д. Гэлбрейта, О. Тоффлера, М. Кастельса. Информационное общество характеризуется увеличением числа работающих, занятых производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы - научных знаний. Важной чертой современной цивилизации является цифровизация - массовое внедрение цифровых технологий в различные сферы социума: экономику, бизнес, управление, образование, медицину, обслуживание, быт, и т. д. Актуализировались идеи древнегреческого мыслителя Пифагора, который пришел к выводу, что принцип, созидающий и упорядочивающий космос, есть числа. Это убеждение преодолевало наивную «физику» древних натурфилосов и предварило идею математического естествознания, способствовало зарождению математического символизма. Цифровизация в настоящее время направлена на создание цифровой картины мира в формате, пригодном для обработки компьютером. Цифровая грамотность в современных условиях – важнейший фактор социальной мобильности, индикатор компетентности в информационно-коммуникативной среде.

Жизнедеятельность современного человека сейчас трудно представить без использования интернета. Каковы же существуют плюсы и минусы движения к человеку эпохи интернета?

«Новейшие возможности современных цифровых технологий можно считать потенциалом возникновения дополненной виртуальной реальности, способной создавать множественные слои информационных матриц» [1, с. 64]. С помощью компьютерной техники и интернета трехмерные объекты заменяются информационными аналогами, графическими, объемными, цифровыми, то есть на существующий мир накладывается виртуальное изображение и возникает дополненная

реальность. Воображаемый, чувственно представляемый мир (перцептуальный) соотносится с объективным внешним миром, что результируется в смешанную реальность.

Цифровизация открывает преимущества, возможности и перспективы дальнейшего развития цивилизации. Происходит интеллектуализация технологий, делающая возможной контролируемое технологическое развитие. Перспективы дальнейшей цивилизационной динамики, основанной на знании, зависят от глубоких преобразований всех сторон бытия, от обеспечения действенной взаимосвязи науки, образования, воспитания, культуры и хозяйственной практики. В информационном обществе пространство и время как бы сжимаются, ведь удаленные в пространстве объекты становятся быстрее доступными, что приводит к колоссальной экономии времени.

Информация наряду с положительным эффектом несет заряд негативности. В глобальной информационной сети пересекаются научность и псевдонаучность, правда и дезинформация, фейки, свобода пропаганды высокой нравственности, духовности, и вседозволенность манифестации низменных пороков и извращений.

Постиндустриальное общество в основном решает проблемы материального благополучия и социальной защищенности человека. Вместе с тем обостряется противоречие между различными зонами жизнедеятельности человечества, что таит угрозу целостности глобальной цивилизации. Новые опасности несет использование цифровых устройств для совершенствования оружия массового и точечного поражения. Цифровизация вызывает «разломы» в социуме, порождает новые формы неравенства и сегрегации, используется для манипуляции массовым сознанием. Поэтому обеспечение информационной безопасности каждой страны становится одной из главных задач, ибо населению навязывается цифровой диктат. Неискушенный, недостаточно самостоятельно мыслящий человек утрачивает элементарные коммуникативные навыки, теряет способность к аналитическому мышлению, слепо доверяет социальным сетям.

Приобретая компьютерную грамотность, что выступает одним из звеньев социализации, индивид поднимается на новую ступень человека разумного. Интернет позволяет быстрее получать информацию, которая, однако, не приведена в систему. Информационное перенасыщение становится препятствием для поиска и уточнения важной для познания и жизнедеятельности информации.

В обзоре международной конференции, посвященной цифровому обществу, приведена не бесспорная, но заслуживающая внимания точка зрения В. В. Миронова: «электронизация способна обеднять поле общения, ибо обеспечивает прямое восприятие наиболее доступного и не требует сознательной рациональной деятельности и по сути возвращает человека в

дописьменный период его развития» [2, с. 134].

Одним из атрибутов «человека информационного» является присущее некоторой части населения клиповое мышление – «особый способ организации когнитивно-эмоциональной сферы человека, связанный с разделением тематического поля сознания на лаконичные замкнутые фрагменты, "картинки", предполагающий полный или частичный отказ от последовательных логических умозаключений» [3, с. 89]. Вместо логики и углубления в текст предпочтение отдается визуальным символам и у зависимого от социальных сетей человека в форме алгоритмизации ума происходит примитивизация мышления и поведения. Алгоритмический язык ЭВМ у ряда людей приводит к тому, что мышление становится инструментальным, принижаются интуитивные параметры человека, притупляются особенности естественного языка, его многозначность, иносказательность (в баснях, анекдотах), метафоричность, красочность. Скомпонованная определенным образом информация, направленная на психику, идейные установки человека и общества, способна разрушать национальный менталитет, принципы государственности и т. д. Этому следует противопоставлять правдивую информацию, принципы гуманизма, справедливости, здорового образа жизни, и т. п.

В целом, необходим поиск психологических приемов возвращения пленников Всемирной паутины к активной общественной и личной жизни, нахождения разумной меры, баланса между существованием в реальном мире чувств, способностей, вкуса к жизни и мире приобщения к информационно-техническим достижениям [4, с. 148]. Важной становится социально-психологическая подготовка человека и общества к разумному взаимодействию с киберпространством, формирование информационной культуры.

Литература и источники

1. Ярославцева, Е. И. Потенциал цифровых технологий и проблемы творчества человека / Е. И. Ярославцева // Вопросы философии. – 2020. – № 11. – С. 58–66.

2. Ершова, Р. В. Международная конференция «Цифровое общество как культурно-исторический концепт развития человека / Р. В. Ершова, А. Ю. Алексеев // Философские науки. – 2018. – № 4. – С.133–142.

3. Лазаревич, А. А. Наше интернет-поколение. Человек в пространстве электронных сетевых коммуникаций / А. А. Лазаревич // Беларуская думка. – 2014. – № 10. – С. 88–93.

4. Калмыков, В. Н. Концепция информационного общества как этап развития теории постиндустриализма / В. Н. Калмыков // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2018. – № 1 (106). – С. 143–149.

ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ НОВЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЦИФРОВОГО МИРА И СОПРОТИВЛЕНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

А. Кара

Человеческая культура на протяжении десятков тысяч лет развивалась крайне медленно и дошла в таком виде до наших дней. Стремительные изменения в культуре происходили лишь тогда, когда одна человеческая общность пыталась оккупировать и ассимилировать другую. Возможно, именно по этой причине когда мы предполагаем масштабные перемены, мы испытываем глубокий страх – вероятно, из-за страха оккупации, живущего в наших культурных генах, даже если мы сами желаем этих перемен. В то время как молодое поколение относится к любым изменениям более открыто, у старшего поколения всегда возникает беспокойство. Однако именно люди создали цифровой мир и внесли вклад в его развитие. Виртуальный мир возник благодаря усилиям людей почти всех наций. Неужели мы, подобно герою романа Мэри Шелли «Франкенштейн», больше всего боимся созданного нами же человеческого монстра [1]?

За последние сто лет в мире произошло невероятно много изменений. Автомобили вошли в нашу жизнь чуть более века назад, а широкое использование поездов насчитывает едва ли полтора столетия. Интересно, как реагировали наши предки несколько поколений назад, когда видели эти новые изобретения в повседневной жизни? Освящались ли поезда священниками перед каждым рейсом? Или были люди, считавшие автомобиль «дьявольским изобретением»? Любой новый объект, входящий в человеческую культуру, несомненно, сталкивается с серьезным сопротивлением. Культурные коды обладают глубинной устойчивостью, что подтверждается концепцией коллективного бессознательного К. Г. Юнга [2, с. 124–156].

Процесс усвоения объектов и изменений, принесенных модерном, не был легким, но нельзя отрицать, что возникшая адаптация и привязанность оказались беспрецедентно быстрыми по сравнению с прошлым. Инновации сталкиваются с сопротивлением в зависимости от их места в жизни и приносимой пользы. Но по мере того как культура поглощает предмет, она адаптирует новый объект и приходящий с ним язык к своей собственной реальности и локальности. К примеру, когда в доме впервые появилось радио, для него стелили на стол, украшенный местными цветами, а на само радио клали салфетку, связанную оригинальной вышивкой с традиционными узорами. На обвинение в том, что молодежь слушает «чужеземные» песни далеких стран, культура отвечала прагматичным балансом: «Зато мы узнаем новости нашей страны и

слушаем прекрасные проповеди богословов из других городов»!

За последние столетия традиционные культуры и местные обычаи, безусловно, утратили многие позиции под натиском модерна, но они никогда не исчезали. Им удается эволюционировать и вбирать в себя новые элементы культуры, новые универсальные мотивы.

Несколько веков назад у каждой страны была своя уникальная одежда, и она являлась символом национальной идентичности. Ношение одежды других народов воспринималось как смена веры или даже как предательство своего народа. Сегодня же почти весь мир носит схожую одежду, однако каждая нация продолжает сохранять свои особые ценности и самобытность. Это наглядно показывает, что культурные коды гораздо глубже, чем кажется. Я считаю, что не стоит игнорировать наблюдения К. Г. Юнга [3] о коллективном бессознательном человеческих сообществ.

Безусловно, цифровой мир оказывает иное и более глубокое влияние, чем то, как модерн изменил нашу жизнь. Хотя упрощающий эффект материальных объектов был велик, их способность перестраивать наше сознание была ограничена. Нет сомнений в том, что цифровая революция обладает весьма глубоким и многогранным влиянием. И мы все еще находимся на начальной стадии этой революции. У нас недостаточно данных, чтобы делать четкие прогнозы о будущем. Прежде чем мы успели усвоить социальные сети и их феномены, в нашу жизнь внезапно вошел Искусственный интеллект. Всего несколько лет назад проект «Метавселенной» (попытка создания полностью виртуального мира) был временно отложен, не получив достаточной поддержки. А ведь тысячи инвесторов уже скупали землю и дома в этом виртуальном мире. Этот пример стал своего рода предвестником того, в каком мире нам, возможно, предстоит жить.

Подобные примеры, несомненно, демонстрируют антиутопические аспекты цифрового мира и заставляют всех нас испытывать глубокое беспокойство за будущие поколения и нашу культуру. Вместе с тем, цифровой мир предлагает нам возможность самовыражения как никогда прежде. Чтобы иметь право голоса в средствах модерна, таких как радио и телевидение, нужно было быть либо государством, либо очень богатым человеком. В противном случае человек подвергался одностороннему воздействию этих инструментов. В этом плане модерн – это эпоха односторонней пропаганды. Однако в цифровом мире ситуация иная. Хотя для инфраструктуры по-прежнему требуется крупный капитал, взаимодействие перестало быть односторонним. Поскольку в цифровом мире каждый пользователь одновременно является издателем, мы не встречаем информационной повестки, направляемой исключительно элитарной группой. По этой причине многие стороны обществ – как благие, так и порочные – внезапно выплеснулись наружу. Все то, что мы хотели скрыть, утверждая: «мы не такая нация», предстало перед глазами

всего мира. Формирование универсальных ценностей на основе такого колоссального объема локальных данных, возможно, станет худшим наследием для потомков. События в крошечном городке, о которых раньше знали лишь немногие жители, теперь транслируются в прямом эфире на огромную аудиторию. В итоге локальные ценности и практики могут получить глобальное признание и превратиться в символ, представляющий целую страну, не пройдя через реальную этическую фильтрацию. Хотя войти в цифровой мир легко, установить в нем баланс между этикой и свободой пока не кажется возможным.

Цифровой мир – это пространство, где мы обнажаем друг перед другом наши сны и сокровенные мечты. Это может стать нашей «Последней вечерей», где кошмары, бред, счастье, бесконечные знания и развлечения смешаны воедино, а последствия этого выбора нам еще только предстоит узнать.

Литература и источники

1. Шелли, М. Франкенштейн, или Современный Прометей : роман / Мэри Шелли ; пер. с англ. П. С. Узлякова. – Минск : Мастацкая літаратура, 2012. – 302 с.

2. Юнг, К. Г. Очерки по психологии первобытной культуры / К. Г. Юнг // Избранное. – Минск : Попурри, 1998. – С. 124–156.

3. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг ; пер. с нем. А. А. Чечулина. – Москва : АСТ; Минск : Харвест, 2005. – 477 с.

НЕЙРОСЕТЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: НОВЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

Р. В. Карапетова

История нейросетей началась еще в середине XX века, когда впервые были предложены идеи об использовании сетей, аналогичных структуре человеческого мозга, для решения сложных задач. Однако серьезные исследования в этой области начались в 1980-х годах, когда появились первые компьютеры с достаточной мощностью для обработки таких сложных алгоритмов. К началу 2000-х годов развитие технологий позволило создавать более сложные и эффективные нейросети. История развития нейросетевой технологии продолжает расти, и многие ученые считают, что будущее искусственного интеллекта связано именно с этими технологиями [1].

Примеры использования нейросетей включают в себя:

1. Распознавание изображений: нейросети могут анализировать фотографии и определять объекты на них.

2. Обработку естественного языка: могут анализировать тексты и

отвечать на вопросы или генерировать новые тексты.

3. Прогнозирование временных рядов: анализ исторических данных для предсказания будущих событий.

4. Обнаружение мошенничества: использование для анализа транзакций и выявления подозрительной активности.

5. Рекомендательные системы: предложение пользователям товаров или услуг на основе их предпочтений.

Нейросетевые технологии продолжают развиваться и применяются все шире благодаря своим уникальным возможностям и эффективности в решении сложных задач [5].

Применение нейросетей охватывает широкий спектр областей, включая распознавание образов, обработку естественного языка, прогнозирование временных рядов и многое другое. Таким образом, нейронные сети являются мощными инструментами для обработки информации и решения сложных задач, имитируя принципы работы человеческого мозга.

Возможности нейросети для обучения будущих педагогов заключаются в следующем:

1. Автоматизация процесса обучения: нейросети могут помогать в создании интерактивных курсов, заданий и тестов, которые адаптируются под индивидуальные потребности студентов. Это позволяет сделать обучение более интересным и эффективным.

2. Анализ данных: с помощью нейросетей можно анализировать данные о результатах студентов, чтобы определить, какие методы обучения работают лучше всего. Это помогает преподавателям оптимизировать учебный процесс и повышать его эффективность.

3. Поддержка онлайн-обучения: технологии нейросетей позволяют создавать виртуальных наставников, которые могут отвечать на вопросы студентов, давать советы и рекомендации. Это особенно полезно для студентов, которые учатся дистанционно.

4. Развитие коммуникативных навыков: нейронные сети могут использоваться для создания виртуальных собеседников, которые помогут студентам развивать навыки общения и аргументации. Это важно для будущих педагогов, так как им нужно уметь эффективно общаться с учениками и коллегами.

5. Обратная связь: благодаря использованию нейросетей студенты могут получать мгновенную обратную связь по своим заданиям и проектам. Это стимулирует их учиться быстрее и качественнее.

6. Улучшение навыков преподавания: студенты могут использовать нейросети для разработки собственных учебных материалов и уроков. Это способствует развитию креативности и навыков планирования.

7. Индивидуализация обучения: современные нейросети могут анализировать успехи и трудности каждого студента и предлагать

индивидуальные планы обучения. Это делает процесс обучения более гибким и эффективным.

8. Проверка знаний: нейросеть может проводить автоматическое тестирование знаний студентов, что позволяет быстро оценить уровень подготовки каждого учащегося. В целом, использование нейросетей в образовании открывает множество возможностей для улучшения качества образования и повышения эффективности учебного процесса [3].

Возможности нейросетей для дистанционного обучения включают следующее:

1. Генерация контента: нейросети могут создавать текстовые материалы, видео и изображения, которые могут использоваться в процессе обучения. Например, генеративная модель вроде GigaChat может написать эссе или сочинение на основе предоставленных данных.

2. Анализ данных: нейронные сети могут анализировать большие объемы данных, чтобы определить тенденции и закономерности. Это помогает улучшить качество обучения и адаптировать учебный процесс под нужды студентов.

3. Персонализация обучения: нейросеть может анализировать данные об успеваемости студента и предоставлять ему персонализированные рекомендации по улучшению результатов. Это позволяет каждому студенту получать индивидуальный подход к обучению.

4. Автоматизация процессов: нейронная сеть может автоматизировать некоторые рутинные задачи, такие как проверка заданий, оценка знаний и создание отчетов. Это освобождает преподавателей от части работы и позволяет им больше времени уделять непосредственному взаимодействию со студентами.

5. Виртуальные помощники: нейроаналитические системы могут быть использованы для создания виртуальных помощников, которые будут помогать студентам решать проблемы и отвечать на вопросы. Такие помощники могут работать круглосуточно и быть доступны всем студентам одновременно.

6. Онлайн-оценка знаний: нейросетевые модели могут оценивать знания студентов онлайн, предлагая задания и проверяя их выполнение. Это особенно полезно при проведении массовых тестов и экзаменов.

7. Платформы для взаимодействия: нейромаркетинговые платформы могут использоваться для создания интерактивных учебных курсов и программ, где студенты могут общаться друг с другом и с преподавателями через виртуальную среду [4].

Таким образом, нейросети имеют огромный потенциал для улучшения процесса дистанционного образования и повышения его эффективности.

Вопрос о том, может ли нейросеть полностью заменить живого человека, остается открытым и вызывает много дискуссий. На данный

момент нейронные сети обладают рядом ограничений и недостатков, которые не позволяют им полностью заменить людей во всех сферах деятельности. Некоторые из основных причин, почему нейросеть не может полностью заменить человека, включают следующие аспекты:

1. Ограниченные возможности для творчества и инноваций: хотя нейросети могут быть использованы для создания новых произведений искусства или музыки, они часто повторяют уже существующие стили и шаблоны. Люди же обладают способностью к творчеству и могут генерировать новые идеи и концепции.

2. Отсутствие эмпатии и моральных норм: нейросети не обладают эмоциями и моральными принципами, которые важны для взаимодействия с людьми. Они не могут понять контекст ситуации или принять решение на основе моральных ценностей.

3. Зависимость от данных: для того чтобы нейросеть работала эффективно, ей необходимо предоставить большое количество данных. Если данные будут неправильными или недостаточными, это может привести к ошибкам в работе нейросети.

4. Трудности в объяснении своих действий: даже самые продвинутые нейросети не могут объяснить свои решения и логику своих действий так, как это делают люди. Это затрудняет понимание и доверие к их решениям.

5. Технические ограничения: современные нейросети требуют большого количества вычислительных ресурсов и времени для обработки данных. Это ограничивает их применение в реальном времени и некоторых других областях.

Таким образом, хотя нейросети демонстрируют впечатляющие достижения в ряде областей, они все еще далеки от полного замещения людей во многих аспектах жизни.

Литература и источники

1. Архитектура нейронной сети: всё, что вам нужно знать. – URL: https: // rating-gamedev.ru/ blog/ dostoinstva-i-nedostatki-neironnyx-setei.

2. Бурнашев, Р. Ф. Применение нейронных сетей в автоматическом переводе и обработке естественного языка / Р. Ф. Бурнашев, Л. А. Анварова // Universum: технические науки : электрон. научн. журн. – 2024. – 4 (121). URL: https://7universum.com/ ru/ tech/ archive/ item/ 17192 (дата обращения: 15.09.2024).

3. Нейронные сети: основы и примеры. – URL: https: // otkudazvon.ru/ blog/ posts/ mobilnie-prilozheniya-i-obrazovanie-kaksmartfoni-menyayut-protsess-obucheniya/.

4. Нейросети в образовании: революция в обучении. – URL: https: // https://baxtiyor.uz/ fargona-jamoat-salomatligi-tibbiyot-instituti-kirish-ballari-2022–2023/.

5. Чичулин, А. Нейросети. – URL: https: // otkudazvon.ru/ blog/ posts/ mobilnie-ustrojstva-i-innovatsii-v-obrazovaniikak-smartfoni-menyayut-uchebnie-metodi/.

МАШИННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КАК ФЕНОМЕН ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Н. К. Кисель

Цифровая культура современного общества во многом обусловлена существенным технологическим сдвигом: появлением и широким распространением машинного обучения, нейронных сетей, генеративных больших лингвистических моделей, автоматизацией их верификации. Цепочки атрибуции знаний в онлайн-среде, обращение к алгоритмическим аудиторам, валидность подписи данных, аудит прозрачности моделей и их эвристики – эти и многие события, задающие контекст цифровой эпохи, приводят к постановке целого ряда вопросов как специального, так и философско-методологического характера. Синтагматический подход к их анализу сегодня, в частности, демонстрирует машинная эпистемология, представляющая собой своеобразную реакцию на изменение природы знания в условиях доминирования алгоритмических систем и больших данных.

Машинная эпистемология – это междисциплинарное направление исследований тех способов, с помощью которых машины и алгоритмы могут обрабатывать, извлекать и интерпретировать знания. Она исследует источники знаний, их валидность и верификацию в условиях автоматизированной генерации больших данных и автономных агентов.

Машинная эпистемология объединяет философский подход к природе знания и понимания с техническими аспектами, связанными с искусственным интеллектом и машинным обучением. Если для классической эпистемологии характерен интерес к возможностям и результатам человеческого познания, то машинная эпистемология задается проблемой построения и обоснования знания вычислительным алгоритмом [1]. Наиболее четкое и современное использование термина зафиксировано в работе Г. Уилера, в 2016 году обосновавшего необходимость выделения машинной эпистемологии в качестве отдельной дисциплины, изучающей вопрос, как алгоритмы глубокого машинного обучения (особенно в эпоху Big Data) формируют знание, отличное от человеческого [2].

По мере становления и развития машинной эпистемологии сформировались ее основные проблемные поля: 1. Проблема данных и источников. Если машинная система обучилась на определённых данных, то насколько можно доверять полученным выводам, и как качество данных влияет на результаты? Это обстоятельство поднимает вопросы о достоверности и репрезентативности обучающей выборки. 2. Проблема интерпретируемости. Как можно объяснить решения машин, основываясь на их алгоритмах? Это особенно актуально в таких областях, как медицина, финансы и право, где важна прозрачность решений.

3. Проблема сетевой безопасности и доверия к генерируемым текстам и изображениям. Как купировать риск дезинформации и «лживых сигнатур».
4. Проблема новой этики и ответственности. Кто несет ответственность за действия машин, принимающих решения на основе обработанного знания? В конечном счете это вопрос о том, как машины могут влиять на общество и какие моральные границы должны быть установлены для их использования.

Не меньший интерес, на наш взгляд, представляет анализ активно формирующегося компьютерного образа знания. Работа с большими данными, в частности, в русле методологии «кейс-стади» обнаруживает, что отход от привычной каузальности к отношениям корреляции между параметрами модели носит все более значимый характер. С корреляцией без каузальности мы сталкиваемся в процессе применения машинной эпистемологии в образовании, медиа, бизнесе, научных исследованиях (например, в практиках вычислительного эксперимента).

Использование вычислительного эксперимента приводит к появлению в сфере теоретического знания новой формулировки научного закона. Наряду с лингвистической и модельной формами закона появляется процедурная, компьютерная форма научного знания. Она имеет место тогда, когда при отсутствии математической модели исследуемых явлений, последние удовлетворительным образом отслеживаются и контролируются в заданном диапазоне параметров с помощью компьютерных устройств, реализующих определенные программы и скрывающиеся за ними вычислительные алгоритмы.

Теоретическое мышление в науке, в первую очередь, нацелено на выявление каузальных связей, позволяющих строить валидные модели физического и социального мира, отличающиеся особой эвристикой. Эта отличительная особенность научного познания сделало его суперценностью в реалиях техногенной цивилизации.

В то же время большие лингвистические модели (LLM) демонстрируют просто плавное улучшение статистики, которое в определённый момент пересекает порог правильного ответа. Они вычисляют вероятность следующего слова на основе триллионов прочитанных предложений, мимикрируют под правильные ответы, потому что видели их в обучающей выборке. Но если условия задачи слегка изменить, убрав привычный контекст, модель начинает генерировать машинные галлюцинации, и на повестку дня выходит проблема верификации и динамики распространения знаний в условиях автоматизации научных открытий и использования искусственного интеллекта для генерации гипотез и проверки теорий.

В силу отсутствия присущих человеческому мышлению ментальных симуляций использование больших лингвистических моделей актуализирует вопрос о субъекте познания применительно к машинной

эпистемологии. В цифровую эпоху мы сталкиваемся с переходом от человека как единственного «критического наблюдателя» к гибридной инфраструктуре знания, где роль иерархии знания распределена между людьми, алгоритмами, сетями и платформами. Возникает необходимость формирования баланса в системе человек-машина, в создании «совместной» эпистемологии, где человек сохраняет финальное право на проверку и принятие решения.

На сегодняшний день перед интеллектуальным сообществом стоит ряд проблем. Это, например, формирование «гибридной» эпистемологии, сочетающей статистические доводы и каузальные объяснения в рамках единой инфраструктуры; разработка концептуальных методов прогнозирования риска ошибок; введение правовых и нормативных инновации в ходе экспликации стандартов ответственности, аудита и прозрачности используемых моделей.

Таким образом многочисленные вопросы, поставленные в рамках машинной эпистемологии, открывают новые горизонты для исследований в области современной философской эпистемологии, а также науки и технологий, подчеркивая необходимость междисциплинарного подхода к пониманию и осмыслению знаний, создаваемых искусственным интеллектом.

Литература и источники

1. Тихонов, А. Н. От классической эпистемологии к машинной: новые подходы / А. Н. Тихонов // Философская мысль. – 2021. – № 5. – С. 20–30.

2. Wheeler Gregory (2016): Machine Epistemology and Big Data. In: McIntyre, Lee und Rosenberg, Alex (eds.). – URL: https://epub.ub.uni-muen (дата обращения: 20.01.2026).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АРАБСКОГО МИРА: ПРЕИМУЩЕСТВА И ОГРАНИЧЕНИЯ

Т. В. Клячина

Цифровизация проникла практически во все сферы жизни общества: экономику, науку, образование, государственное управление, здравоохранение, культуру и пр. В научной среде продолжается активная дискуссия относительно определения понятия «цифровизация», которая в переводе с латинского означает отцифровка. Отсутствие единого определения объясняется многообразием методологических подходов, применяемых для изучения данного процесса, что приводит к различным интерпретациям и акцентам в трактовке его содержания. Так, регионально-сетевой подход акцентирует внимание на том, что цифровизация способствует преодолению проблемы географической удалённости,

обеспечивая потребителям возможность доступа к объектам культуры и искусства, расположенным в значительной удаленности, в т. ч. и за рубежом [4, с. 88]. Ряд исследователей определяют цифровизацию как «современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму» [2, с. 186].

Появление цифровых музеев, онлайн выставок, галерей, активное развитие онлайн образования, формирование новых жанров цифровой культуры (видеоблогинг и цифровые игры), появление направлений подготовки специалистов в области цифрового дизайна, 3D моделирования, интернет-маркетинга – это и многое другое указывает на формирование нового культурного пространства, оказывающего существенное влияние на все сферы общественной жизни [1, с. 455–456].

Цифровизация культурного наследия, под которым мы понимаем материальную и нематериальную часть культуры, созданную предшествующими поколениями и воспринимаемую как нечто значимое (например, народное творчество, промыслы, памятники архитектуры, музейные экспонаты, язык и пр.) [3, с. 138–139], в настоящее время интенсивно развивается во многих регионах мира, включая арабский мир. В данной статье проводится анализ особенностей цифровизации на примере арабской культуры.

Арабский мир включает 22 страны, каждая из которых отличается историческим и культурным многообразием и представляет значительный интерес для научных исследований. В последние годы наблюдается активное развитие сотрудничества между Россией и арабскими странами, что способствует возрастанию интереса к арабской культуре и стимулирует необходимость более глубокого ее изучения.

Государственные и частные музеи арабских стран активно внедряют цифровые технологии, предлагая всем желающим посетить онлайн-экскурии музеев и выстовок, позволяющие пользователям виртуально изучать экспонаты из любой точки мира. Так, например, арабский музей современного искуства в Катаре приглашает пользователей познакомиться с современным арабским искусством, не выходя из дома, и прогуляться по музею Исламского искусства с помощью технологий дополненной реальности. Крупные библиотеки проводят оцифровку своих коллекций, обеспечивая свободный и удалённый доступ к научным и литературным трудам. Так, электронная библиотека «Дар Аль-Мустафа» Каирского центра предоставляет свободный доступ для чтения и скачивания книг исследователям ислама. Появление онлайн-платформ и приложений для изучения арабского языка способствовало, с одной стороны, упрощению процесса обучения за счёт внедрения новых интерактивных форматов, а с другой – расширению доступа к языковому образованию для всех желающих. Видеоблоги, подкасты и социальные сети предоставили

широкие возможности для обмена и распространения полезной информации среди большой аудитории, в том числе в сфере арабской культуры, что способствует повышению доступности и популяризации культурного знания.

Вместе с очевидными преимуществами цифровизации существуют и значимые недостатки. Среди них следует выделить: распространение не только достоверной, но и недостоверной, неподтверждённой, искаженной информации, что снижает качество получаемого знания; избыточный объём информации, пассивное ее потребление приводит к тому, что она теряет свою ценность и значимость; отсутствие непосредственного «живого» контакта с объектами культурного наследия, который обеспечивает полноту восприятия и глубокое эмоциональное и тактильное взаимодействие.

Таким образом, цифровизация обладает рядом неоспоримых преимуществ, однако она сопровождается определёнными ограничениями, главным из которых, по мнению автора, является отсутствие непосредственного «живого» взаимодействия с изучаемыми объектами.

Литература и источники

1. Акинин, А. А. Влияние цифровизации на развитие культуры в Российской Федерации / А. А. Акинин // Образование и право. – 2024. – № 2. – С. 454–458.

2. Гендина, Н. И. Цифровизация в сфере культуры: сущность, нормативно-правовое регулирование, приорететные направления, совершенствования кадрового обеспечения / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, Л. Н. Рябцева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 50. – С. 183–197.

3. Медведева, Н. В. Понятие «культурное наследие» и основные теоретические подходы к его изучению / Н. В. Медведева, А. С. Стоналова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2016. – № 3 (16). – С. 138–143.

4. Прончатов, А. О. Содержание цифровизации в сфере культуры: методологические подходы к изучению / А. О. Прончатов // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2022. – № 3 (304). – С. 85–92.

АВТОРСТВО В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Е. А. Коваль

Появление систем генеративного искусственного интеллекта стало вызовом для академического сообщества, поскольку потребовалось оперативно принимать решение о том, можно ли использовать такие системы в академическом письме, и в каких пределах. Возникла потребность в переосмыслении понятий «авторство» и «самостоятельность

исследования». Особенно остро данная проблема проявилась в области гуманитарных наук, где основным результатом исследования является текст, а эмпирическая часть, как правило, отсутствует.

К настоящему моменту академическое сообщество в лице институций, занимающихся воспроизводством норм публикационной этики (COPE, ICMJE и др.), определилось с тем, что искусственный интеллект не может быть автором или соавтором научного текста; сгенерированный текст нельзя цитировать. Это связано с тем, что необходимым атрибутом авторства является ответственность, а генеративный ИИ ответственности за производимый им контент не несет. Однако принципиальным является вопрос: о каком виде ответственности в данном случае идет речь?

Юридическая ответственность может наступать только в случаях, когда приняты правовые акты, регламентирующие использование искусственного интеллекта при подготовке рукописи, и предусматривающие конкретные виды ответственности и условия их применения. Нормотворческая деятельность в данной области ведется, однако в большинстве случаев предполагается моральная ответственность, которая наступает в случае нарушения норм публикационной этики.

Согласно М. М. Бахтину, моральная ответственность – это экзистенциальная характеристика. Человек существует как человек, только пока он ответственен, «ведь можно пройти мимо смысла и можно безответственно провести смысл мимо бытия» [1, с. 42]. Однако здесь очень важно не попасть в порочный круг рассуждений: если каждый поступок является индивидуально-ответственным, то можно присваивать авторство сгенерированного текста, особенно если был проведен фактчекинг и / или были внесены определенные изменения. Главное – не отказываться от ответственности за то, под чем ставится подпись, вне зависимости от того, каким образом подписываемое было получено: собственным творческим трудом или результатом генерации по промпту. Если бы это суждение было корректным, то пришлось бы признать нормативность таких практик, как скрипторство, плагиат, рерайтинг и т. д. Однако подобные практики находятся за пределами и моральной, и правовой нормативности. В большинстве юрисдикций введен запрет на отказ от права авторства и права автора на имя.

Это связано с тем, что формальное признание ответственности не делает поступок моральным, в противном случае на статус моральных суждений претендовали бы такие пассажи, как «Я украл, и ответственно об этом заявляю!». Ответственный поступок, согласно М. М. Бахтину, совершает архитектоническое противопоставление, которое строится на принципиальной ценностной разнозначности Я и Другого [1, с. 66]. Отношения Я и Другого, «любовно заинтересованное внимание» [1, с. 59] обусловливает бережное отношение к Другому, заботу и уважение,

недопустимость присваивания результатов чужого труда. Взаимодействие человека с генеративным ИИ осуществляется в архитектоническом пространстве, где место другого занимает искусственный Другой (любая система искусственного интеллекта, способная взаимодействовать с человеком на естественном языке). Несмотря на принципиальные отличия искусственного Другого от Другого-человека, можно предположить, что ставить подпись под текстом, созданным искусственным Другим, также недопустимо.

Данное предположение может быть оспорено ввиду неопределенности правового статуса систем искусственного интеллекта и производимого ими контента: если ИИ – инструмент, то человек, пользующийся инструментом, является автором, а сгенерированный текст нельзя назвать плагиатом, поскольку в праве плагиат определяется как выдача чужого произведения за свое, а однозначно установить, какому конкретно «чужому» принадлежит сгенерированный текст, крайне затруднительно.

Однако необходимо учитывать узкое толкование авторства, сложившееся в праве. Фактически, авторство определяется через результат творческого труда, выраженный вовне. Право не защищает состояние вдохновения, муки авторства, когнитивные и эмоциональные процессы, составляющие творчество. В этой связи принципиальным становится вопрос о том, что должен делать субъект, чтобы стать автором. Философский подход, в отличие от правового, позволяет делать акцент на процессе, а не на результате. Если процессы творческого труда человека и генерации контента, осуществляемой искусственным Другим, принципиальным образом отличаются, можно ли во втором случае говорить об авторстве, или следует признать невозможность такового? Что является когнитивной причиной авторства? Можно ли дать формализованное описание возникновения потребности в авторском высказывании? Возможна ли таковая потребность (или какая-либо иная) у искусственного Другого?

Поиск ответов на подобные вопросы, вероятно, может быть более продуктивным в решении вопросов об авторстве в эпоху генеративного искусственного интеллекта, чем попытки дифференцировать вклад человека и искусственного Другого в результат их взаимодействия. Речь идет о специализированных системах ИИ, предназначенных для академического письма (например, Prism от американской компании OpenAI или DoTrace от компании «Думейт») и позволяющих маркировать вклад человека и ИИ в получившийся текст. Однако, как маркировать то, что происходит в сознании человека? Можно ли получить детальный лог вдохновения, инсайта и внутренней работы, ему предшествующей?

Подход к авторству через процесс, а не через результат, как и обращение к образу искусственного Другого, позволяет уйти от

крайностей излишней инструментализации и излишней антропоморфизации искусственного интеллекта.

Излишняя инструментализация ИИ, как правило, связана с концепцией расширения человеческих когнитивных и даже моральных возможностей [2], однако теории расширения хороши для понимания технологий, которые мы контролируем и которыми манипулируем. Можно ли сказать, что мы полностью контролируем искусственного Другого, пока он генерирует нам текст? Корректно ли сравнивать искусственный интеллект, например, с печатной машинкой или клавиатурой компьютера? Более интересной, хотя и провокативной, представляется аналогия сгенерированного текста и автореферата диссертации. Эксперты российской ВАК полагают, что автореферат, в отличие от диссертации, не охраняется авторским правом, поскольку не является новым оригинальным произведением, не обеспечивает приращение нового знания и не создается творческим трудом [3, с. 26–28] (хотя в правовом поле данный вопрос решается неоднозначно). Если генеративный ИИ создает тексты похожим образом, то атрибутивные признаки авторства отсутствуют не только в процессе, но и в получаемом результате.

В настоящее время крайне востребованным является нормативное регулирование использования ИИ в академическом письме. Поскольку жребий брошен, запретительный вариант справедливо представляется неконструктивным. Более перспективным выглядит нормотворчество с опорой на изучение антропологических и этических аспектов авторства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–02287, https://rscf.ru/ project/ 25–28–02287/

Литература и источники

1. Бахтин, М. М. К философии поступка : соч.: в 7 т. // М. М. Бахтин.– М. : Русские словари; ЯСК, 2003. – Т. 1. – С. 7–68.

2. Steinert, S. Taking Stock of Extension Theory of Technology / S. Steinert // Philosophy & Technology. – 2016. – Vol. 29. – P. 61–78.

3. О плагиате в диссертациях на соискание ученой степени. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : МИИ, 2015. – 192 с.

СОЗНАНИЕ, ВООБРАЖЕНИЕ И МУЗЫКА: КОГНИТИВНО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОНИМАНИЯ

А. Н. Ковель

Доклад посвящен анализу специфики человеческого понимания такого уникального феномена, как музыка. Взаимосвязанные процессы ее восприятия и осмысления опираются на когнитивные способности человека (внимание, воображение, память, мышление и речь) и сами по

себе представляют когнитивные процессы. В докладе, опираясь на философскую герменевтику и ее современное направление когнитивную герменевтику, а также на знания в области когнитивной психологии, будет рассмотрена специфика процессов восприятия, понимания и интерпретации музыки как когнитивных процессов с позиции их эпистемологического значения.

Культурная и художественная ценность музыкальных произведений приобретает эвристическое значение для слушателя, который не только эмоционально переживает музыку, но и осмысляет, понимает и интерпретирует ее. Иными словами, рассмотрение процессов понимания и интерпретации музыки в качестве когнитивных процессов и проявления интеллектуальной деятельности человека способно расширить горизонты смысла самих музыкальных произведений, а также оказывается перспективным с точки зрения философской проблемы понимания человека.

Музыкальное восприятие как когнитивный процесс объединяет в себе эмоциональную реакцию с работой ассоциативного и образного мышления, что позволяет слушателю вписывать услышанное звучание в пространство культурных смыслов, уже присутствующих в его опыте. Тем самым слушатель формирует собственное понимание произведения и осуществляет его интерпретацию. Множественность и вариативность смыслов-образов, возникающих в сознании человека при участии воображения как важнейшей когнитивной способности, придает музыкальным произведениям их жизнеутверждающую силу. Эта жизнеутверждающая сила проявляется в способности музыки через интерпретацию входить в современный культурно-исторический контекст и одновременно сохранять и передавать знания и мировоззренческий смысл эпохи своего создания.

Современное когнитивное направление исследований подходит к разрешению проблемы восприятия и понимания музыки посредством отстаивания существования в этих процессах ментальных репрезентаций, порождаемых самим человеком и определяемых функционально связанными механизмами мозга, где когниция – познавательный процесс и совокупность психических, ментальных, мыслительных процессов, в ходе которого происходит обработка сенсорных данных.

Последние, поступая в мозг, трансформируются в виде ментальных репрезентаций разного типа: визуальных образов, телесных ощущений, сценариев и т. д. Сенсорное восприятие можно считать значимым в том случае, когда оно связано с другими видами восприятия или опыта, которые возникают в том же контексте. Это справедливо для слухового восприятия, когда в ходе одного события активируются одновременно два или более сенсорных канала, возникает функциональная связь между ними. Вероятнее всего не существует обособленного акустического

восприятия, которое не было бы связано тем или иным образом с каким-либо еще видом восприятия, получаемым в то же самое время через другую сенсорную систему. Этим нейрофизиологи объясняют и такой удивительный феномен, как синестезия (например, цветной слух у Скрябина, кинестетическое восприятие звука в виде движения или любого движение в виде звука), когда реакция на внешние раздражители, затрагивающие одну сенсорную систему, параллельно передается и обрабатывается другой сенсорной системой.

С когнитивной точки зрения процесс понимания музыки возможно объяснить как комплекс сенсорных стимулов, которые в ходе когнитивных процессов обрабатываются и соотносятся с уже имеющимися знаниями и опытом, приобретенными и усвоенными человеком и, наконец, трансформируются в виде ментальных репрезентаций различного вида. Будь то ассоциативный отклик в виде воспоминания, фантазийный визуальный образ, сцена из фильма или книги, высказанное когда-то мнение знакомого или знание, полученное на уроках музыки. На индивидуальном уровне восприятия подобные репрезентации могут выступать как формирующая и смыслообразующая основа для конкретного понимания музыкального произведения. А понимание слушателем музыкального произведения и *сотворческая* роль – результат когнитивного процесса, в ходе которого одновременно происходит его наполнение определенным когнитивными (ментальными) репрезентациями, личным смыслом. Подобные смыслы-образы, возникающие в результате работы когнитивных способностей, представляются сугубо индивидуальными, и в этом кроется трудность обобщенного понимания и интерпретации их смысла, а именно неопределенность. Однако обобщающим началом является сенсорная система человека в целом, аудиальная система восприятия и обработки звука, когнитивные процессы, и, наконец, физиология самого звука.

Ментальные репрезентации могут отличаться друг от друга в зависимости от воспитания, приобретенного опыта, знаний, психотипа, текущего эмоционального фона, культуры и т. д. Анализ, классификация и обобщение ментальных когнитивных репрезентаций представляется крайне затруднительным, но очень перспективным исследованием. По данной причине для наиболее полного раскрытия проблемы понимания музыкальных произведений и их образов необходимо включить в исследование фигуру слушателя в качестве объекта анализа.

Важно отметить, что процессы восприятия и понимания, интерпретации музыки, равно как и возникающие при этом эмоции, аффекты и переживаемое эстетическое удовольствие не сводятся к случайной игре субъективных впечатлений. Это проявление самой человеческой природы: работы тела и сознания, памяти и воображения, той внутренней способности, благодаря которой человек наделяет

звучание смыслом, превращает его в личное переживание, соотнося его с культурно-историческим контекстом. Музыка становится пространством, где физиология, психика и смыслообразование соединяются в единый акт – акт узнавания себя в звучащем мире. А музыкальный смысл – это всегда человеческий смысл.

Перефразируя мысль белорусского и русского философа, академика РАН В. С. Степина о назначении философии науки, можно сказать, что философия музыки призвана стать формой самосознания музыки. Таким образом, в когнитивно-герменевтическом контексте исследование проблемы восприятия и понимания музыки на философском уровне раскрывается как часть более широкой проблемы понимания человека и как частный, но показательный случай работы его сознания.

ЧИПИРОВАНИЕ И «НЕЙРОПРАВА» ЛИЧНОСТИ

Е. Л. Коноплёва, М. Г. Соколова, Е. Л. Цепова

Чипирование – помещение внутри тела человека мини-устройства с особым информационным кодом. Это может быть оправдано, например, в случае занятий экстремальными видами спорта (альпинизм, скалолазание, дайвинг, спелеология), позволяя быстро найти пропавшего.

В апреле 2024 года случился настоящий прорыв в чипировании – компания Neuralink Илона Маска поместила чип в полость черепа парализованного пациента, который в результате приобрёл способность взаимодействовать с гаджетами с помощью мысленных усилий.

Очевидна оправданность чипизации в отношении лиц, имеющих серьёзные проблемы со здоровьем. В области оказания медицинской помощи возможности по-настоящему велики – нейрокомпьютерный интерфейс для пациентов с нарушениями движения и речи, нейроуправляемое протезирование, ретинальная и кохлеарная имплантация, лечение болезни Паркинсона, хронической боли, эпилепсии, деменции, депрессивных состояний, и многое другое.

С этической точки зрения чипирование может быть осуществлено только на основании письменного добровольного информированного согласия дееспособного взрослого пациента. В случае недееспособных и (или) несовершеннолетних пациентов решение должны принимать их законные опекуны, исключительно в интересах здоровья и безопасности опекаемого. Например, родители, помещающие микрочипы в тела своих новорождённых с целью установления тотального контроля за их местонахождением, скорее всего, поступают эгоистично и аморально.

Следует учитывать, что «медицинское» чипирование и последующее наблюдение врачей и айти специалистов, как эксклюзивная дорогостоящая

медицинская услуга, усилит коммерциализацию медицины, дальнейшее расслоение пациентов на богатых и бедных. По мере развития высоких технологий социальная напряженность может быть сглажена, но длительное время неравный доступ к этим медицинским процедурам будет расцениваться как нарушение принципа справедливости в здравоохранении.

Массовое чипирование здоровых лиц недопустимо до тех пор, пока не исследованы возможные отдалённые последствия для физического и когнитивного здоровья человека. В частности, рентгенологическое и радиоизотопное излучение длительное время считались абсолютно безопасными, что в конечном счёте привело к большому числу трагических исходов; вспомним также талидомидовую драму. Вполне вероятно повреждение структуры мозга в месте размещения чипа, миграция или инкапсулирование чипа, аллергическая или иммунная реакция организма на инородное тело. Любая манипуляция с организмом человека должна считаться опасной, пока статистически достоверно не доказано обратное.

Кроме того, самый совершенный чип может внезапно выйти из строя, нуждаться в подзарядке, срочной деактивации или замене. Каким образом это может сказаться на самочувствии и качестве жизни его носителя? Напомним, что большинство вживлённых в мозг первого пациента компании Neuralink нитей-электродов через несколько недель вышли из строя и чип резко снизил свою активность, из-за чего Нолан Арбо впал в сильную депрессию. Банкротства компаний, устанавливающих чипы, уже оставили сотни и тысячи пациентов без обслуживания их девайсов, в полной неизвестности.

Киборгизация человека как дальнейшее развитие идеи чипирования и сращения с «машиной» может сопровождаться изменением и расщеплением психики человека, снижением его когнитивных функций. Возможен кризис личной идентичности, формирование зависимости от «нано-помощника». В качестве аналогии следует вспомнить ситуацию с появлением калькуляторов, когда молодые люди быстро «забыли» таблицу умножения и правила выполнения простейших арифметических действий. Если всегда под рукой идеальный справочный аппарат (интернет), память и мышление неминуемо ослабевают, будучи невостребованными.

Чипирование человека из-за внешнего управления может сопровождаться высоким риском потери автономии личности, манипуляций сознанием, эмоциональным состоянием и поведением (например, потребительским поведением). Это уже доказано существованием радиоуправляемых жуков в военном деле, крыс-«спасателей» для поиска людей под завалами, управлением поведением и эмоциями лабораторных животных (свиньи и обезьяны). Имплантация специального чипа позволяет влиять на настроение, провоцируя агрессию

или апатию, на состояние мозговой и мышечной активности. Невольно возникает вопрос – так ли уж нереален сценарий, при котором некая внешняя управляющая сила в качестве наказания за непослушание решит использовать «спецсредства», например, приступы невыносимой боли из-за острых спазмов гладкой мускулатуры? Нельзя не учитывать, что помимо интересов носителя чипа существуют интересы третьей стороны (производитель чипа, продавец услуг, собственник чипа, обслуживающий функционирование чипа персонал, и так далее).

Социальное принуждение к чипированию по любым основаниям является неэтичным и не может быть одобрено. В частности, обсуждаемое чипирование сотрудников, военнослужащих, преступников должно рассматриваться как нарушение их гражданских прав и свобод, принципа уважения автономии личности. Практика тотального негласного слежения и контроля со стороны руководства и(или) надзорных органов может привести к постоянному напряжению и психологическим проблемам, связанным с утратой приватности, нарушением частной жизни.

Чипизация населения с целью расширения зоны комфорта (замена смартфона, банковских карт и документов, медицинских карт, ключей, паролей и кодов доступа) неминуемо приведёт к масштабным утечкам персональных данных в случае кибератак и хакерских взломов, то есть к реализации активных мошеннических схем со стороны организованной киберпреступности.

Сегодня чипирование человека находится в «серой правовой зоне». Отечественный Приказ Минпромэнерго РФ от 07.08.2007 N 311 «Об утверждении стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года» морально устарел. Свои своды этических правил в сфере нейроэтики были предложены ЮНЕСКО (2021), компанией-производителем нейроинтерфейсов Science (2024), Министерством науки и технологий Китая (2024). Однако все эти документы носят достаточно декларативный общий характер. Этико-правовая база должна подробно оговаривать роль государства, обязанности чипирующих компаний, нейроправа личности, характер возможных компенсаций в случае причинения вреда чипируемому. По нашему мнению, в случае наличия бесспорных медицинских показаний нано-импланты должны быть равно доступны всем пациентам в рамках системы ОМС. Корпорации, устанавливающие такие устройства по рекомендации врача, обязаны иметь лицензию и работать под контролем государства. «Медицинские» чипы должны быть надёжными, безопасными, иметь внешние клавиши прекращения работы и перехода в режим оффлайн при отключении интернета. Важны вопросы собственности на чипы, соблюдения конфиденциальности, борьбы с дискриминацией обычных граждан со стороны «улучшенной породы людей» с расширенными возможностями [2, с. 63].

Необходима широкая просветительская работа с населением, формирование общественного мнения о достоинствах и проблемах чипирования. Достаточно сказать, что множество людей на самом деле верят, что большинство вакцинированных во время COVID-19 были одновременно тайно чипированы «жидкими нано-частицами». Среди обычных людей бытует много мифов об «электронных ошейниках», «цифровом концлагере», «внешнем управлении», «дистанционном чтении мыслей надзорными органами», особом психотропном нано-оружии. Попытки исследования возможных последствий массового чипирования людей в литературе и кино также стабильно приводят к негативным результатам («Джонни-мнемоник», «Апгрейд», «окончательный монтаж», «Имплант», «В чужой шкуре») [1, с. 228].

Таким образом, сегодня чипизация населения в той или иной форме неизбежна, так как технически возможна, но нуждается в тщательной социально-гуманитарной экспертизе.

Литература и источники

1. Ди Сальво, М. Защита нейроправ в эпоху нейротехнологий и искусственного интеллекта. Этические проблемы права и нейробиологии / М., Ди Сальво // Russian Journal of Economics and Law. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 202–233.

2. Мягков, Р. П. Проблемы правового регулирования применения нейротехнологий / Р. П. Мягков // Правовой альманах. – 2024. – Т. 39, № 8. – С. 59–66. URL: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ problemy-pravovogo-regulirovaniya-primeneniya-neyrotehnologiy

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. Г. Кривых

Характер происходящих в обществе стремительных изменений формулирует актуальные запросы к представителям социогуманитарных наук. Одним из направлений, вызывающих общественный интерес, является смена ценностных ориентаций у молодежи, возникновение новых социальных практик и действий. Значительный объем исследований разного уровня, от концептуально-теоретических до социологических исследований, определяет в качестве причин происходящих процессов цифровизацию как вызов современному обществу. С технической точки зрения, цифровизация – это импульсная передача закодированных данных, преобразование информации. В широком смысле – переход общества на цифровой способ связи, обработки и передачи данных. Но очевидно, что цифровые технологии обладают и значительным гуманитарным потенциалом. В философском плане актуальность проблемы связана с

рассмотрением трансформации человеческой субъектности в акте коммуникации с технологическими устройствами.

Исследователи отмечают особенности формирования когнитивных механизмов у подрастающего поколения. В первую очередь речь идет о памяти как функции психики вследствие возникновения так называемой «внешней памяти», что приводит к ухудшению внутренней памяти как средства самоидентификации. Массивы воспринимаемой информации формируют нелинейное мышление, способность схватывать образ целостно на основе возникающих глобализированных культурных кодов, означая в то же время и потерю уникальности, неповторимости переживаемой информации.

Многофункциональная цифровая среда, предоставляющая разнообразие форм деятельности, создает возможности для избирательной коммуникации. Но часто эта коммуникация носит поверхностный характер, проявляется «нулевая активность продвинутых пользователей», так называемая «этика отсутствия». Определенная технологическая предзаданность действий проявляется как имитация деятельности, стимулирование поведения субъекта при реальном отсутствии социальной активности. Эту ситуацию можно характеризовать как аномию, что вызывает серьезную озабоченность. Безусловно, временной отрезок не столь продолжителен, чтобы делать основополагающие выводы. Исследователи используют термин «миграция ценностей».

В этом контексте наиболее показательны изменения, происходящие с этическими и эстетическими ценностями. Они в содержательном плане не имеют жесткой зависимости от политических реалий, но вместе с тем выражают базисные потребности человеческой натуры в гармоничном ощущении целостности мира и нравственного миропорядка.

Осмысление нравственных ориентиров приводит к доминированию практической этики, ядро которой составляют «практические моральные проблемы, имеющие пограничный и открытый характер». Её цель – переосмысление, опираясь на принципы, разработанные традиционной этикой, инновационных подходов, тактик и методик, проявляющихся в реальной жизни. Практическая этика востребована в тех сферах, где появляются специфические ситуации, обусловленные конкретными обстоятельствами, и возникает потребность в нестандартных решениях. Специфичность возникающих ситуаций и многогранность задач не соответствуют метафизическому содержанию классической этики.

В связи с этим, повышенное внимание уделяется интуитивным процессам морального выбора, что обусловлено непредсказуемостью и неопределенностью современной действительности. Интуитивное моральное заключение формируется как эмпирически обоснованный эмоциональный отклик, культурно обусловлено, опирается на социальные ресурсы личности. Рефлексия о ценностном значении моральных

ценностей осуществляется преимущественно в прагматическом контексте в коротких циклах жизненного планирования.

Диалектический синтез Блага, Истины и Прекрасного составлял ведущий принцип классической культуры. Глубокий анализ развития этого синтеза невозможен в рамках данной статьи. Стоит отметить, что эстетические ценности во многих гранях своего существования вступали в антиномические отношения с нравственными императивами. Свидетельства этому – тотальная эстетизация в современной культуре, приобретение безобразным статуса самостоятельной эстетической категории. Для понимания специфики проявления эстетического в цифровом мире важно напомнить, что огромную роль в создании культурных смыслов играет чувственно-эмоциональная вовлеченность субъектов [1]. Сошлемся на конкретные полевые исследования, указывающие в качестве отличительных признаков эстетических эмоций валентность (субъективная привлекательность или непривлекательность), мощь, возбуждение, новизну [2]. Именно эти качества обеспечивают яркие поведенческие реакции, эмоциональную вовлеченность и запоминаемость эстетического опыта.

Современный человек существует в техносоциальном мире, испытывая потребность ярких впечатлений, эмоциональных переживаний, создающих ощущение полноты жизни. В коммуникативном акте целью являются разнообразие и новизна. Именно эти характеристики способны продуцировать социально значимые действия. Чутко реагирует на эти вызовы и сфера экономики, и сфера бизнес-отношений. Феномен экономики впечатлений включает эстетическую компоненту как один из инструментов повышения потребительской активности. В бизнесе высоко ценятся такие качества, как как навыки управления собственными переживаемыми эмоциями, проявление эмпатии, умение распознавать эмоции окружающих. Эмоциональный интеллект признан управленческим навыком будущего, ценной компетенцией и профессиональным преимуществом. Эстетически выразительная среда и в экономике впечатлений, и в формировании эмоционального интеллекта выступает значимым фактором вхождения человека в цифровую среду.

Цифровизация проявляет себя и как причина, и как алгоритм трансформации традиционных ценностей. В условиях фундаментальной неопределенности культурные универсалии рождают новые формы функционирования, отвечая на запрос общества.

Литература и источники

1. Кривых, Е. Г. Культурно-эстетическое измерение умного города / Е. Г. Кривых. – Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 3 (131). – 7 с.

2. Dimensions and Clusters of Aesthetic Emotions: A Semantic Profile Analysis / U. Beermann [et al.]; ed: G. Hosoya, G. Schindler, I. Scherer. – KR., Eid, M., Wagner, V. & Menninghaus, W. – 2021. – In Front. Psychol.

АЛГАРЫТМІЗАЦЫЯ ІДЭНТЫЧНАСЦІ «ШКЛЯНОГА ЧАЛАВЕКА» ЯК ВЫКЛІК ЛІЧБАВІЗАЦЫІ КУЛЬТУРЫ

А. Д. Крывалап

Тэрмін «алгарытмічная ідэнтычнасць» быў прапанаваны Дж. Чэйні-Ліпольдам. На яго думку, «сеткавая інфраструктура інтэрнэту, якая валодае тэхналагічнымі магчымасцямі, каб адсочваць рух карыстальнікаў на розных вэб-сайтах і серверах, прывяла да з'яўлення індустрыі вэб-аналітычных кампаній, якія актыўна збіраюць інфармацыю аб фізічных асобах і тонка настройваюць камп'ютарныя алгарытмы, каб здабываць сэнс з гэтых дадзеных. Прадуктам многіх з гэтых кампаній і з'яўляецца новая алгарытмічная ідэнтычнасць, якая фарміруецца з дапамогай матэматычных алгарытмаў для катэгарызацыі ананімных карыстальнікаў» [1, с. 165]. Гэта вядзе да таго, што працэс ідэнтыфікацыі паступова пераносіцца ў віртуальную прастору, дзе такія істотныя параметры ідэнтычнасці, як пол, раса і класавая прыналежнасць, вызначаюцца алгарытмамі аўтаматычна, то віртуальныя ідэнтычнасці карыстальнікаў існуюць аўтаномна ад іх фізічных цел. Дынамічны аспект алгарытмічнай ідэнтычнасці захоўвае ў сабе нямала непрыемных пытанняў для карыстальнікаў, таму што яны не заўсёды могуць пераканаўча і рацыянальна растлумачыць усе ўласныя пошукавыя запыты ў Google, якія захоўваюцца ў гісторыі пошуку, або актыўны ўдзел у абмеркаванні тых ці іншых пытанняў на форумах, або лайкі пад пастамі з сумнеўнымі выявамі ў сацыяльных сетках. Алгарытмы спажывання медыя «сёння» вызначаюць ідэнтычнасць карыстальніка «заўтра», што адкрывае магчымасці для прадказання паводзін і актыўнасці індывідаў.

Сітуацыя трансфармацыі ідэнтычнасці можа быць названа правам алгарытмаў. Дж. Чэйні-Ліпольд адзначае, што «ў адрозненне ад матэрыяльнасці, якая прысутнічае пры вызначэнні ідэнтычнасці па праву крыві (jus sanguinis) і па праву месца нараджэння (jus soli), матэрыяльнасць права алгарытмаў (jus algoritmi) – гэта плынь дадзеных, якія праходзяць па кабелях пад акіянам і ў хмарных серверных фермах такіх кампаній, як Google» [2, с. 1729]. Але тым не менш фактычная адсутнасць матэрыяльнага носьбіту «права алгарытмаў» не памяншае рэальнасці наступстваў для карыстальнікаў.

Выкарыстанне алгарытмічнай ідэнтычнасці дазволіць пашырыць магчымасці крытычнага аналізу сучаснага стану культуры і механізмаў працэсу сацыяльнага станаўлення, у выніку якога ствараецца культурная

ідэнтычнасць. Чалавецтва сутыкнулася з новым тыпам ідэнтычнасці, якую можна назваць ідэнтычнасцю «шкляного чалавека», адначасова трывалай і крохкай, але далікатнай і празрыстай. Метафара «шкляного чалавека» паходзіць з медыцынскага дыскурсу, дзе яна азначае «недасканалы астэагенез» (Imperfectus osteogenesis) – гэта сур'ёзнае захворванне, калі косткі настолькі слабыя, што не ў стане забяспечыць неабходны ўзровень падтрымкі. Цела не з'яўляецца празрыстым, як звычайнае шкло, але шкілету не стае цвёрдасці і трываласці, каб забяспечыць патрэбны ўзровень бяспекі. Але шкло ў той жа самы час вельмі крохкі матэрыял, не здольны абараніць ад знешніх пагроз. «Ідэнтычнасць "шкляного чалавека" – гэта новая інтэрпрэтацыя старога крызісу ідэнтычнасці, калі маральны "шкілет" з'яўляецца гнуткім і дэфармуецца пад ціскам масавай культуры. А ў сённяшніх умовах гэты "маральны шкілет" можа папросту не вытрываць і зламацца. Зразумела, што ідэнтычнасць "шкляного чалавека" – гэта метафара, якая адсылае да жыцця без хрыбетніка ці шкілета ў выглядзе схаванага мінулага. Асоба не можа быць гнуткай у дачыненні да пытанняў мінулага як раней, паколькі ўсё, што здарылася, зафіксавана ў шкле ў нязменнай форме. Індывідуальная гісторыя можа быць "знешнім" шкілетам, на які індывід не мае аніякага ўплыву ці кантролю. Псіхалагічны механізм выдалення "дрэнных" і нязручных успамінаў больш не дзейнічае. Больш немагчыма забыць некаторыя факты жыцця» [3, с. 77].

«Шкляная ідэнтычнасць» чалавека азначае празрыстасць не для ўсіх, а для карпарацый, якія дзейнічаюць у віртуальнай прасторы і без іх пасрэдніцтва немагчыма патрапіць у віртуальную прастору. Індывіды ў стане схаваць нешта ад іншых карыстальнікаў, але не ад ўладальнікаў таго ці іншага сэрвісу, для іх гэта ўсяго толькі чарговыя дадзеныя, якія магчыма аналізаваць і перапрадаваць. «Шкляная ідэнтычнасць» азначае новы тып чалавека. «Шкляному чалавеку» не патрэбна прыватнасць, каб нешта схаваць. Нічога не хаваць, ніколі не можа быць сорамна – гэта новы спосаб камунікацыі і жыцця анлайн. Фактычна, гэтым магчыма патлумачыць, чаму людзі сёння не баяцца страціць кантроль над персанальнымі дадзенымі і прыватнай інфармацыяй.

Адна з традыцыйных праблем ідэнтычнасці: Я і Іншы трансфармавалася ў Я – Іншы – Алгарытмы – гэта спалучэнне стварае цалкам новую канфігурацыю этычнага стану і рэгулявання паводзін асобы. Нормы маралі сустракаюцца з чарговым выклікам. Чалавек можа змяніць свае паводзіны перад Богам, што і з'яўляецца маральным рэгулятарам. Але ніхто не ў стане паверыць у BigData. Мараль і сорам можа быць заменены жывёльным страхам перад BigData. Традыцыйна культура грунтавалася на тым, што кожны чалавек мае што хаваць, чаго саромецца, заўсёды ёсць нешта, што з'яўляецца асабістай прыватнай таямніцай. Новыя медыя і алгарытмы ператвараюць людзей у «празрыстых істот» для позірку Іншага.

Гэта вялікае пытанне, як змяняюцца нашы ўяўленні пра тое, што этычна, а што не ў такой сітуацыі? Ці магчыма будзе наогул казаць пра мараль новага чалавека са «шкляной ідэнтычнасцю», які не здольны мець уласныя сакрэты? І гэта толькі бачная частка айсбергу ўсіх маральна-этычных праблем. Калі людзі не ў стане расшыфраваць пэўную інфармацыю зараз, то яе магчыма захаваць і дэкадзіраваць ў будучыні, калі новыя больш магутныя тэхналогіі стануць даступнымі. У кантэксце ідэнтычнасці «шкляного чалавека» гэта можа гучаць як: хто будзе ведаць заўтра, што вы сказалі ці зрабілі ўчора?

З'яўленне ідэнтычнасці «шкляного чалавека» адкрывае новыя магчымасці для разумення штодзённай практыкі анлайн-камунікацыі ў працэсе лічбавізацыі грамадства. Чалавек, які не саромеецца і не мае нічога ў сваіх дзеяннях, што можна было б схаваць, аказваецца празрыстым і крохкім як шкло. Гэта адкрывае магчымасці для прадказання паводзін і актыўнасці індывідаў. Прагнастычныя функцыі будуць у значнай ступені аўтаматызаваны і не будуць залежаць ад чалавечага фактару. Алгарытмічная ідэнтычнасць з сумесі тэхнічных і культурных праблем, падзеленых паміж рознымі сацыяльнымі інстытутамі, з'яўляецца перспектыўным аб'ектам для этнаграфічнага даследавання штодзённай культуры інфармацыйнага грамадства падчас яго бягучай лічбавізацыі.

Літаратура і крыніцы

1. Cheney-Lippold, J. A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control / J. Cheney-Lippold // Theory, Culture & Society. – 2011. – Vol. 28, № 6. – P. 164–181.

2. Cheney-Lippold, J. Jus Algoritmi: How the National Security Agency Remade Citizenship / J. Cheney-Lippold // International Journal of Communication. – 2016. – № 10. – P. 1721–1742.

3. Крывалап, А. Д. Культурная ідэнтычнасць крэатыўных індустрый / А. Д. Крывалап. – Мінск : РІВШ, 2022. – 228 с.

МАРКСИЗМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ДИАЛЕКТИКА КОДА И КЛАССА

Н. И. Кулак

Когда К. Маркс и Ф. Энгельс в своих трудах обозначили призрак, блуждающий по Европе, они, вероятно, не могли предвидеть, что спустя два века этот призрак коммунизма обретет новую обитель – виртуальное пространство. Современный капитализм претерпел кардинальную метаморфозу: если в XIX веке его эпицентром была фабричная инфраструктура, то сегодня им стала цифровая платформа.

Классический марксизм основывается на концепте «средств

производства», включающем фабрики, станки и землю как фундаментальные элементы производственного процесса. В условиях цифровой трансформации эти средства претерпели значительные метаморфозы, обретя новую форму в виде серверов, алгоритмов, платформ и сетей. Тем не менее, сущностные отношения, лежащие в основе производственных процессов, остаются поразительно схожими с их предшествующими аналогами. В контексте цифровой эпохи владельцы цифровых платформ выступают в роли современных капиталистов, контролирующих средства цифрового производства. Пользователи, генерирующие контент, создающие данные и обеспечивающие активность платформ, представляют собой цифровой пролетариат, чьи трудовые усилия являются основой функционирования этих цифровых экосистем [1].

В рамках классической экономической теории К. Маркса прибавочная стоимость определяется как разница между стоимостью, созданной трудом рабочего, и его заработной платой. В контексте цифровой экономики эта концепция претерпевает трансформацию, приобретая новые формы и аспекты. В условиях цифровизации данные, предоставляемые пользователями платформам на безвозмездной основе, становятся ключевым ресурсом для разработки и функционирования алгоритмов, направленных на прогнозирование поведенческих паттернов индивидов. Эти алгоритмы, в свою очередь, генерируют значительную экономическую ценность, существенно превышающую затраты на создание и поддержание соответствующих платформ.

Примечательно, что в цифровой экономике происходит не только количественное, но и качественное изменение в восприятии труда. Пользователи, предоставляя свои данные, фактически участвуют в процессе создания стоимости, однако этот процесс носит скрытый, имплицитный характер. Труд в данном контексте натурализуется, интегрируясь в структуру социальных взаимодействий и воспринимаясь как неотъемлемая часть цифровой экосистемы.

Один из наиболее сложных и актуальных вопросов для современного марксистского дискурса заключается в определении революционного субъекта в условиях цифровой эпохи. Традиционный промышленный пролетариат, ранее рассматривавшийся как основной носитель революционного потенциала, ныне претерпевает значительные трансформации. Процессы фрагментации, автоматизации и географической дисперсии его функций привели к утрате целостной классовой идентичности и структурированности.

В условиях новой технологической реальности, характеризующейся доминированием когнитариата и цифровых технологий, возникают новые формы сопротивления, которые можно рассматривать как потенциальные революционные субъекты. Когнитариат как класс работников умственного

труда, занимающихся производством нематериальных благ, представляет собой новую социальную группу, чьи интересы и условия труда существенно отличаются от традиционных промышленных рабочих.

Кроме того, в контексте цифровизации и глобализации формируется категория цифровых люмпен-пролетариев – индивидов, полностью исключённых из формальной экономики и не имеющих доступа к ресурсам и возможностям, необходимым для полноценного участия в производственных процессах.

Особое место в этом контексте занимает техно-экологическое движение, которое осознаёт взаимосвязь между цифровой эксплуатацией и экологическим кризисом. Данное движение представляет собой симбиоз технологических и экологических аспектов, акцентируя внимание на необходимости интеграции цифровых технологий в устойчивое развитие и справедливое распределение ресурсов.

Парадоксальным образом, технологические достижения, связанные с цифровой трансформацией, создают материальные предпосылки для формирования общества, о котором мечтали К. Маркс и Ф. Энгельс. Автоматизация производства, развитие технологий искусственного интеллекта и внедрение децентрализованных производственных систем формируют техническую базу для гипотетического общества изобилия, в котором устраняется необходимость в принудительном труде. Эта тенденция к автоматизации и децентрализации производства является неотъемлемой частью диалектического процесса трансформации экономических отношений, предсказанного К. Марксом в его теории исторического материализма [2].

В условиях цифровой эпохи марксистская теория должна перестать быть догматическим учением и превратиться в методологическую основу для критического анализа новых форм эксплуатации, отчуждения и идеологического доминирования. Эволюция от фабричного производства к цифровым платформам, от пролетариата к прекариату и от прибавочной стоимости к стоимости, основанной на данных (data-стоимость), иллюстрирует непрерывность диалектического развития общественных отношений. Эти трансформации требуют от современной интеллектуальной традиции не только реинтерпретации теоретических положений XIX века, но и творческого развития марксистского метода для анализа цифровой реальности.

Как отмечал сам К. Маркс, задача философов заключается не только в объяснении мира, но и в его преобразовании. В контексте цифровой эпохи это означает необходимость деконструкции и реконфигурации алгоритмов в интересах общественного блага, а не капитала. Борьба за цифровое будущее представляет собой фундаментальный выбор: станет ли технология инструментом эмансипации или же совершенной формой порабощения. Призрак коммунизма, о котором говорил К. Маркс, сегодня

находит свое воплощение в виртуальных пространствах, облачных инфраструктурах и нейросетях. От нашего понимания и осмысления этой новой реальности зависит, сможет ли данная концепция обрести созидательное измерение и стать конструктивной силой, способной трансформировать общество, или же останется лишь критическим инструментом анализа.

Литература и источники

1. Кулак, Н. И. Философия марксизма в оценке Г. В. Плеханова / Н. И. Кулак // Науч. горизонты. – 2019. – № 3. – С. 34–39.

2. Кулак, Н. И. Г. В. Плеханов и В. И. Ленин: два источника марксистской философии / Н. И. Кулак // Сборник тезисов конференции «Современная цивилизация, капитализм и социальная справедливость (к 150-летию со дня рождения В. И. Ленина)» ; В. В. Козловский, Е. В. Недосека (отв. ред.). – СПб. : Интерсоцис, 2020. – С. 65–67.

РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. В. Курилович

Появление генеративного искусственного интеллекта (далее – ГИИ) стало, пожалуй, одним из самых популярных результатов широкого распространения и внедрения цифровых технологий в разные сферы жизнедеятельности современного общества. Как известно, основным отличием ГИИ выступает создание нового контента (например, текста, музыки, изображения и т. д.), который является оригинальным. Знаковым в отношении применения ГИИ стал 2023 год, когда компания *OpenAI* открыла массовому пользователю доступ к *ChatGPT*. К настоящему моменту времени функционируют уже несколько десятков платформ с ГИИ: *Google Bard AI, Google Imagen, Midjourney AI, Stability AI, Jasper AI, Runway AI, DeepArt AI, COPY.AI* и др.

В научном дискурсе, как отечественном, так и зарубежном, насчитываются сотни публикаций, посвященных проблемам применения ГИИ в сфере образования. Можно утверждать, что данная тема в последние годы стала одной из самых востребованных в среде представителей разных наук: педагогов, психологов, культурологов, социологов, экономистов и др. При этом в ситуации отсутствия однозначной оценки эффективности и обоснованности применения ГИИ практически все специалисты единодушно признают, что те возможности, которые ГИИ способен привнести в решение ряда образовательных задач (например, поиск и структуризация учебной информации, проектирование

учебных курсов, персонификация обучения и др.), вызывают весьма существенные и не всегда исключительно позитивные трансформации образовательной сферы. Вместе с тем очевидно, что масштабы применения ГИИ преподавателями, студентами и администрацией учреждений высшего образования (далее – УВО) в ближайшие годы будут только расширяться.

В настоящее время сложно найти хотя бы одного представителя профессорско-преподавательского состава, который никогда бы не сталкивался с необходимостью определения того, сделаны учебные задания (например, эссе, реферат и др.) студентами самостоятельно или для их выполнения использовались чат-боты с ГИИ. Причем в данном случае речь нередко идет о повсеместном и абсолютно некритическом использовании студентами тех или иных инструментов ГИИ. В педагогической практике любого преподавателя можно, к сожалению, найти немало подобных ситуаций, связанных с нарушением этики академической честности.

Белорусские психологи Г. А. Фофанова и А. С. Солодухо рассматривают использование чат-ботов с ГИИ как угрозу не только профессиональному, но и личностному развитию молодых специалистов. При этом исследователи констатируют, что угроза заключается в падении критичности мышления, снижении самостоятельности анализа, деградации навыков письма и аргументации, доминировании поверхностных, а не глубоких знаний по учебной дисциплине (другими словами, уровень профессиональных компетенций снижается), а также в недоразвитии так называемых *soft skill*s [1, с. 98].

Проведенный российскими педагогами и психологами аналитический обзор изданных в период с 2020 по 2024 гг. научных статей, посвященных теоретическим и прикладным вопросам внедрения ГИИ в высшей школе, показал, что отечественные авторы фокусируются в основном на обобщении опыта применения ГИИ в рамках конкретной учебной дисциплины, программы или направления деятельности определенного УВО; оценке возможностей разных инструментов ГИИ в обучении студентов. При этом к числу самых распространенных вариантов использования ГИИ в сфере высшего образования специалисты относят профилирование и прогнозирование освоения студентами образовательных программ; разработку интеллектуальных, персональных, адаптивных и совместных систем обучения; планирование учебной деятельности и контроль образовательных результатов; образовательное администрирование; сопровождение использования ГИИ в образовательной практике. К числу отрицательных последствий применения ГИИ в высшей школе исследователи относят высокий риск утечки персональных данных; появление этических и социальных проблем; технологические ограничения; необходимость специальной

подготовки педагогического сообщества; проблема достоверности данных, представленных ГИИ по запросу студентов или преподавателей; вопросы академической честности и др. [2, с. 37–41].

Специалисты выделяют три основных подхода к исследованию ГИИ в сфере высшего образования [2, с. 47–48]:

1) теоретический подход, фокусирующийся на обосновании образовательного потенциала, проблем использования и функций ГИИ в высшей школе;

2) опытно-экспериментальный подход, ориентированный на анализ эффективности применения ГИИ в различных видах учебной деятельности студентов и на разных стадиях образовательного процесса;

3) опытно-аналитический подход, в основе которого лежат обобщение и обоснованная оценка степени распространенности ГИИ в образовательной практике и включенности в нее ключевых субъектов образования (профессорско-преподавательского состава, студенческой молодежи, администрации УВО).

Количественный и качественный анализ распределения научных текстов по перечисленным подходам свидетельствует о тенденциях сокращения количества теоретических и увеличения числа опытно-аналитических исследований в этой области [2, с. 43]. Другими словами, можно утверждать, что в отечественном научном дискурсе опытно-аналитический подход к исследованию ГИИ в высшем образовании выступает доминирующим. При этом наиболее активно вопросы внедрения ГИИ в образовательный процесс высшей школы разрабатываются в области преподавания иностранных языков и программирования.

Таким образом, в условиях четвертой промышленной революции очевидна научно-теоретическая и практическая значимость междисциплинарного изучения рисков использования ГИИ в сфере высшего образования. Такого рода риски связаны с реальными угрозами нерефлексивного применения ГИИ субъектами высшего образования. По оценкам зарубежных и отечественных экспертов, результатом некритичного и неконтролируемого использования ГИИ является когнитивная атрофия, прежде всего, обучающихся. По сути дела, речь идет о серьезном нарушении или даже утрате индивидами своих познавательных способностей, в том числе памяти, внимания, критического мышления и др. В этой связи уже сейчас достаточно оснований, чтобы осознать пагубные последствия для молодого поколения, которые несет в современном обществе переход от *homo sapiens* к *homo digital*.

Литература и источники

1. Фофанова, Г. А. Использование чат-ботов с генеративным искусственным интеллектом как угроза личностному и профессиональному развитию молодых специалистов / Г. А. Фофанова, А. С. Солодухо // Современная урбанистика: устойчивое развитие городов в условиях цифровой трансформации : сб. ст. Международной науч.-практ. конф. факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 21 ноября 2025 г., г. Минск / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; редкол. : В. С. Сайганова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – С. 95–99. – URL: https://elib.bsu.by/ handle/ 123456789/ 339460 – Деп. в БГУ № 018129122025, 29.12.2025.

2. Генеративный искусственный интеллект в высшем образовании: обзор теоретических подходов и практик применения / Е. А. Кошкина, Н. В. Бордовская, Д. С. Гнедых, М. А. Хромова, Р. В. Демьянчук, М. П. Исхакова, П. А. Балышев // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 6. – С. 36–57.

ЦИФРОВОЕ ИСКУССТВО: КОНЦЕПЦИИ TEAMLAB (ЯПОНИЯ) В ART&SCIENCE

И. Ю. Лампе

Цифровое искусство существенно повлияло не только на формы представления произведений, но и на концепцию восприятия искусства. Если до XX в. тело человека рассматривалось только в качестве посредника, замкнутого на внутренние мыслительные процессы и лишенного собственной значимости, то в рамках направления Art&Science в начале XXI в. возникли новые концепции, рассматривающие получение опыта переживания произведений искусства на существенно новом уровне – путем взаимодействия с окружением. Данные концепции цифрового искусства ведут к пересмотру отношения к телесности и поиску новых способов проживания опыта взаимодействия с предметами искусства.

Новое направление технологического творчества Art&Science – это вид цифрового искусства [1], «представляющий собой синтез науки, технологий, художественных идей и приёмов, которые используют авторы. В произведениях science-art происходит объединение нового (технологий) и устоявшегося, традиционного (канонов написания картин). Благодаря использованию современных компьютерных инструментов арт-композиции приобретают уникальные изобразительно-стилистические особенности и могут транслировать новые смыслы» [2]. В этом плане нам представляется интересной концепция цифрового искусства, высказанная японской командой teamLab (Токио, Япония). Команда работает в иммерсивном искусстве (immersive art), создавая интерактивные инсталляции, где зрители участвуют в создании произведений искусства.

Компания teamLab была основана в 2001 г., провела свою первую

выставку в галерее Kaikai Kiki Murakami (Тайвань) в 2011 г., после которой их работы распространились по всему миру [3]. На текущий момент teamLab имеет 24 постоянные локации в Японии.

Уникальность teamLab обозначена словами ее основателя, Тосиюки Иноко (Toshiyuki Inoko): «Мы преобразуем наши идеи в изображения и масштабы, которые никто не мог себе представить раньше» (здесь и далее пер. И. Лампе) [4]. Видение компании teamLab основано на принципе «произведение искусства без границ», т. е. искусство постоянно находится в движении и изменяется в реальном времени, в зависимости от действий посетителей. Команда teamLab использует цифровую технологию EPSON, которая работает за счет ряда сенсорных зон, проецируемых изображений и предварительно закодированных / анимированных реакций. Поведение выставочного пространства зависит от находящихся в нем зрителей. Это позволяет создавать целостные интерактивные моменты, показывающие взаимосвязь между природой и искусственными творениями, полностью погружая тело зрителя в интерактивный мир без границ.

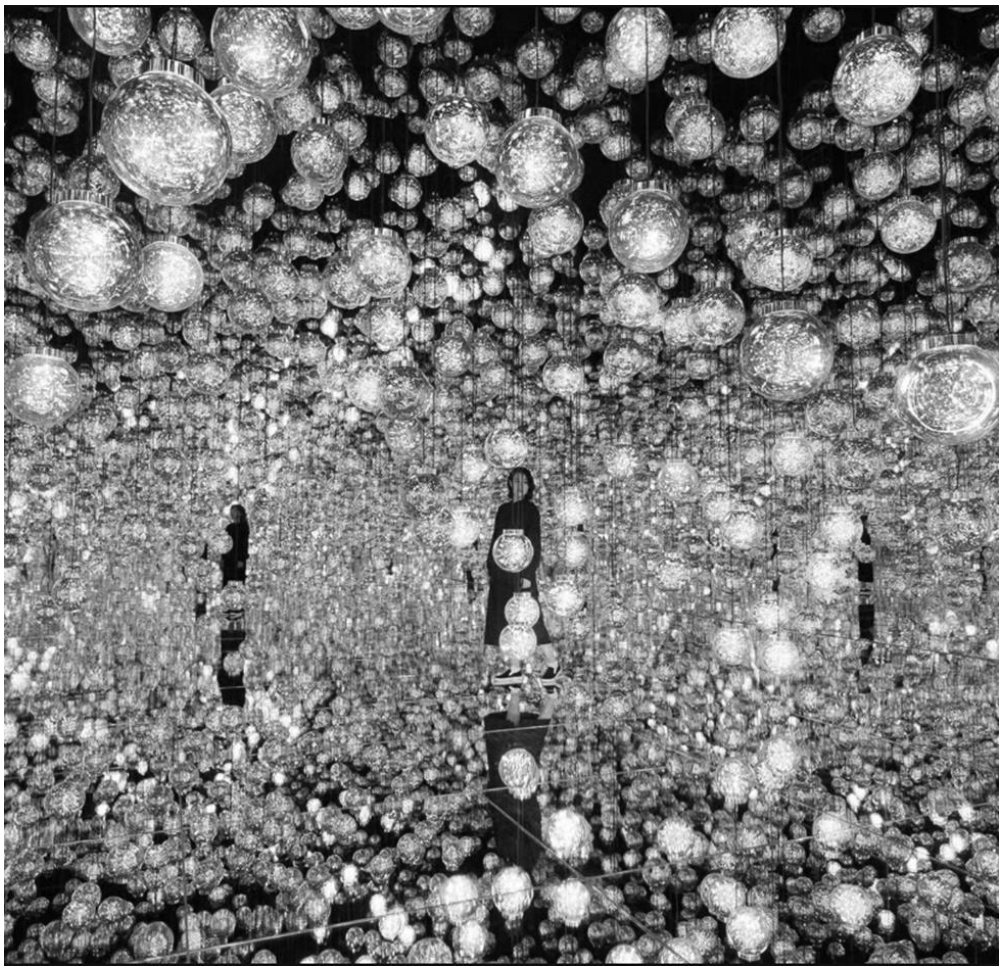
Концепция «Borderless World (Мир без границ)» teamLab звучит следующим образом: «Люди понимают и познают мир через свои тела, свободно двигаясь и устанавливая связи и отношения с другими. Вследствие этого, тело человека обладает собственным ощущением времени. В сознании людей границы между различными мыслями размыты, что приводит к их влиянию и иногда смешиванию друг с другом. *TeamLab Borderless* – это группа произведений искусства, образующих один непрерывный, безграничный мир. Произведения искусства свободно перемещаются за пределы помещений, устанавливают связи и отношения с людьми, взаимодействуют с другими произведениями, влияют друг на друга и иногда смешиваются; и имеют то же понятие времени, что и человеческое тело. Люди бродят по миру, исследуя его целенаправленно, создавая и открывая новый мир вместе с другими людьми. Мир без границ трансформируется в соответствии с нашим присутствием, и, погружаясь и сливаясь с этим единым миром, мы исследуем преемственность между людьми, а также новое понимание преемственности между нами и миром» [5]. Среди концепций, созданных teamLab, наиболее интересными нам представляются: *Цифровое искусство* (2001), *Ультрасубъективное пространство* (2001), *Совместное творчество* (2001), *Оцифрованная природа* (2002), *Пространственная скульптура и неоднозначные границы* (2009), *Телесное активное восприятие* (2014), *Преодоление границ* (2015), *Когнитивная скульптура* (2021).

В различных локациях teamLab размещены различные проекты; мы рассмотрим локацию teamLab Borderless в MORI Building DIGITAL ART MUSEUM (Токио), осветив проекты «Bubble Universe / Microcosmoses (Пузырьковая Вселенная / Микрокосмосы)» и «Sketch Factory (Фабрика Эскизов)».

Проект «Пузырьковая Вселенная» (2023 г.) относится к концепции *Когнитивные скульптуры* и состоит из двух цифровых пространств – «Микрокосмосы: Колеблющийся свет и окружающий свет» и «Вселенная пузырьков: сферический кристаллизованный свет, колеблющийся свет и окружающий свет – Один штрих». На последнем остановимся подробнее.

Цифровое пространство «Вселенная пузырьков: Сферический кристаллизованный свет, Колеблющийся свет и окружающий свет – Один штрих» – произведение teamLab (2023 г., интерактивная инсталляция, тип «бесконечный», звук: Хидеаки Такахаши), которое рассматривает вопросы фокуса и концентрации на природе различных типов света.

Рисунок 1. Цифровое пространство teamLab «Вселенная пузырьков: Сферический кристаллизованный свет, Колеблющийся свет и окружающий свет – Один штрих», тип «White (Белый)».



Находясь внутри цифрового пространства, заполненного сферами света, посетители воспринимают красоту света и задумываются над вопросами существования материальных объектов, состоящих из света, присутствующих в их восприятии, а также могут исследовать, как свет реагирует на их движение, соединяясь со своими различными

источниками.

Следующий проект «Sketch Factory (Нарисуй океан)» (teamLab, 2020 г., из серии «Sketch Aquarium (Нарисуй аквариум)» (2013 г., интерактивная инсталляция, звук: Хидеаки Такахаши) относится к концепции *Совместное творчество*, сформулированной в 2001 г., и был задуман как развивающий проект для детей, в котором teamLab способствует развитию творческих способностей ребенка и его пространственного мышления. Сначала дети рисуют рыбок и других морских обитателей, затем происходит процесс оцифровки и «оживления» их рисунков, а после этого рисунки «запускаются» в цифровой аквариум. Там они «оживают», а нарисованные рыбы взаимодействуют друг с другом. Помимо наблюдения за своими «ожившими» рыбками и за тем, как они плавают, дети могут «кормить» своих рыбок, прикасаясь к пакету с кормом [4].

Рисунок 2. Проект teamLab «Sketch Ocean (Нарисуй океан)», цифровой аквариум с рыбками.

Новые философские концепции teamLab, сформулированные на основе длительных наблюдений, их осмысления и сделанных выводов, позволяют команде по-новому посмотреть на цифровое пространство искусства, предоставить посетителям абсолютно новый опыт взаимодействия с ним, задействуя все тело человека целиком, и получить неординарные впечатления от посещения своих локаций.

Философские концепции, реализованные в серии проектов teamLab, существенно расширяют восприятие зрителей, заставляют осмысливать процесс своего познания, подвергать сомнению материальность искусства, ставить перед собой новые философские вопросы и получать совершенно

новый опыт посещения музеев, всякий раз существенно расширяя границы своего сознания.

Литература и источники

1. Ерохин, С. В. Цифровое компьютерное искусство / С. В. Ерохин. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 188 с.

2. Быкова, П. И. Цифровое искусство как новый канал коммуникации и предмет репрезентации в российских медиа / П. И. Быкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 3 (141). – URL: https://research-journal.org/ archive/ 3–141–2024-march/ 10.23670/ IRJ.2024.141.66 (дата обращения 23.01.2026).

3. Sugihara, Y. TeamLab Planets creats a Bordelss World of Art and Science / Y. Sugihara // Nippon. – URL: https://www.nippon.com/ en/ japan-topics/ g02407/ (date of access 15.01.2026).

4. Exhibitions // Digital Art Museum teamLab. – URL: https://digitalartmuseum.com/ en/ exhibition/ teamlab/ (date of access15.01.2026).

5. Concepts // teamLab. – URL: https://www.teamlab.art/ concept/ (date of access 16.01.2026).

К ВОПРОСУ О СЕМЕЙНОМ ЧТЕНИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Л. Е. Лёзина

«Экранное время», или время, проведенное перед экраном – большая проблема современного социума. Бесконтрольно увеличивающееся время взаимодействия с гаджетами, а также появление «людей нового формата», проводящих время со смартфонами с рождения – создают преимущественно иллюзорное ощущение полноты жизни. В социологической науке показано, что «цифровая и семейная социализации в современном российском обществе происходят практически одновременно, начинаясь в раннем возрасте» [7, с. 1636]. И новые формы цифровых технологий в виде искусственного интеллекта «достаточно глубоко вошли в повседневную жизнь отдельного человека и общества в целом» [6, с. 387]. В действительности происходит процесс обеднения не только жизни отдельно взятого одинокого индивида, но и форм семейных взаимодействий и семейных отношений в целом. Эти факторы имеют далеко идущие последствия в различных областях. Так, в чтении, как социальной практике взаимодействия с печатной книгой, дальнейшее движение в данном направлении при чтении художественной литературы ведёт к утрате навыка создания вторичных художественных образов. Такая образность, отмечает В. В. Миронов, «воссоздаётся из того, что написано понятийно» [5]. Этот навык создания вторичной образности присущ обществу письменной культуры и является одной из форм творческой

активности. Творчески активное чтение противопоставляется так называемому «информационному» чтению без эмоций, чувств, рефлексии. Л. С. Выготский утверждает, что уже на раннем этапе чтения «механическая способность читать задерживает, а не продвигает вперёд культурное развитие ребёнка» [3, с. 198].

Человек, не имеющий устойчивого навыка чтения художественной литературы, но смотрящий художественные произведения в видеоформатах, остаётся с навыком создания первичного художественного образа, как при устной культуре. В этом случае человек устойчиво оперирует визуальными образами, полученными извне.

Проблема, как нам видится, состоит в том, что «загаджетированный» человек, с развитым и доминирующим навыком оперирования преимущественно первичной образностью, – такой человек, обращаясь к печатной художественной литературе, не имеет возможности создавать вторичную образность, т. к. у него не развит данный навык.

Мы не отрицаем важности устных форм. «Письмо никогда не может обойтись без устной речи» [9, с. 8]. Мы лишь отмечаем необходимость освоения и закрепления навыка создания вторичной образности. Большую роль в этом процессе может сыграть социальная практика семейного чтения.

Семейное чтение рассматривается довольно широко в педагогике. О. Н. Мачехина отмечает: «чтение возникает первоначально как форма коллективного поведения» [4]. Вместе с тем типологизация форм семейного чтения ограничена рамками педагогических задач. Семейное чтение в педагогической сфере априори – с детьми:

– опосредованное чтение взрослым вслух для ребёнка, не умеющего читать – с обсуждением;

– сотворческое чтение – поочерёдное чтение вслух взрослым и ребёнком, с обсуждением;

– самостоятельное чтение – последний этап, «конечная цель» семейного чтения.

Данные этапы ведут ребёнка от восприятия текста из внешнего аудио-источника к самостоятельному молчаливому чтению «про себя». Эта стратегия восходит к историческому развитию опыта чтения в письменном обществе.

Ж.-П. Вернан характеризует древнегреческую письменность: это уже «не просто письменность другого фонетического типа, но явление радикально иной цивилизации». Новый этап в развитии письменности выводит её в широкое общественное пространство и меняет её социальную функцию: «...Письмо больше не имеет целью учреждать на потребу царю архивы в тайниках дворца; отныне оно приобретает публичный характер и делает объектом всеобщего обсуждения различные аспекты общественной и политической жизни» [2, с. 57]. В Античности, сообщает О. В. Алиева,

«книги, как правило, читались вслух на публике. Слово без поддержки читающего голоса рассматривалось как бессильное, "безголосое"» [1, с. 34]. В Средневековье «в монастырях читали, бормоча» [4] – чтобы мысли не сбивали монашескую братию с молитвенного настроя. Традиция чтения вслух сохранялась долгое время. Просвещение, открывшее ценность разума, изменило отношение к приватному чтению, рассматривая его как саморазвитие. Появилось молчаливое чтение «про себя». Кроме того, выход из публичного поля в личное общение с книгой дал эмерджентый эффект: «когда чтение перестало быть общественным занятием, у нас появилось то, что мы называем внутренним миром» [4].

Современные исследователи семейного чтения не имеют единой точки зрения в вопросах читательской активности. В. П. Чудинова, исследуя современное детское чтение, ввела термин «слабый читатель» [8, с. 6]. Мы понимаем, что эта проблема решается личным родительским примером: ведя ребёнка от социальной драматургии, по И. Гофману, – к интерактивному чтению.

В свою очередь, О. Н. Мачехина отмечает: «Несмотря на современные вызовы, семейное чтение вновь вызывает интерес, как среди профессионалов, так и среди родителей» [4, с. 125].

Но мы хотели бы обратить внимание на такие формы семейного чтения, которые выходят за рамки педагогической парадигмы.

1. Семейное чтение вслух взрослыми друг для друга вслух – как сотворчество. Эта форма ещё встречалась во второй половине XX века, в том числе и в России – автор участвовал в семейных молодёжных чтениях книги Г. И. Матвеева «Семнадцатилетние». Эта форма ушла из социальной практики семейного чтения в эпоху цифровизации.

2. Совместное молчаливое семейное чтение – «семейный читальный зал», в котором в домашних условиях читают два, три или больше поколений одной большой семьи, в режиме одновременно-«параллельного» чтения. Данная форма имеет определённое распространение в социальной практике семейного чтения. Формат семейного читального зала даёт опыт сосуществования и приятия внутреннего мира Другого. В результате возникают эмерджентные эффекты гармонизированной «близости внутренних миров» друг друга и всей семьи. Это очень важно в семейных отношениях. Необходимо рассмотреть возможность применения этой формы и как идеального типа (по М. Веберу) для исследования аспектов семейного чтения.

В заключение отметим: по всей видимости, современная ситуация с семейным чтением находится в точке бифуркации. Можно пассивно ожидать появления очевидных результатов. Но можно и пробовать регулировать ситуацию. Нет необходимости полностью отказываться от времени, проведённого перед экраном – в пользу семейного чтения. Как известно, принуждение вызывает обратный эффект. В эпоху цифровизации

необходимо выделять время из семейного досуга, наряду с другими видами взаимодействий, – и для социальной практики семейного чтения, и для успешного развития и продуктивного использования всех возможностей, которые даёт чтение.

Литература и источники

1. Алиева, О. В. Философский текст в античности: 7 лекций для проекта Магистерия / О. В. Алиева. – Москва : Rosebud Publishing, 2022. – 167 с.

2. Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан; переводчик Ф. Х. Кессиди, А. П. Юшкевич; автор послесловия Ф. К. Кессиди. – Москва: Прогресс, 1988. – 224 с.

3. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. А. М. Матюшкина. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 3. : Проблемы развития психики. – 368 с.

4. Мачехина, О. Н. Семейное чтение в России: современные проблемы и вызовы, ретроинновационный аспект / О. Н. Мачехина // Наука и школа. – 2024. – № 4. – С. 122–135.

5. Миронов, В. В. Модель классической культуры [видеолекция] / В. В. Миронов. – URL: https://yandex.ru/ video/ preview/ 6482597982893505198 (дата обращения 30.01.2026).

6. Рустамова, Г. М. Искусственный интеллект: современное восприятие / Г. М. Рустамова // Kazan Digital Week – 2024 : сб. материалов Междунар. форума, 09–11 сентября 2024 г., г. Казань. – Казань : Научный центр безопасности жизнедеятельности, 2024. – С. 384–388.

7. Хурамшина, А. З. Соотношение цифровой и семейной социализации личности: теоретический анализ / А. З. Хурамшина // Международный форум Kazan Digital Week – 2025 : сб. материалов / Сост.: Р. Ш. Ахмадиева, Р. Н. Минниханов; Под общей ред. член-корр. Академии наук Республики Татарстан, д-ра техн. наук, проф. Р. Н. Минниханова. – Казань: ГБУ «НЦБЖД», 2025. – Т. 1. – С. 1633–1638. – URL: https://kazandigitalweek.ru/ upload/ doc/ results/ 2025/ sbornik_2025_1.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

8. Чудинова, В. П. Чтение детей как национальная ценность / В. П. Чудинова // Недетские проблемы детского чтения. Детское чтение в зеркале «библиотечной» социологии. – Москва, 2004. – URL: http://www.rusreadorg.ru/ issues/ chudinova/ 1.htm (дата обращения: 30.01.2026).

9. Ong, W. J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word / W. J. Ong. – London; New York : Methuen, 1982. – 216 p.

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПЯТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

А. И. Лойко

Под влиянием ускоряющегося развития технологий искусственного интеллекта и формирования новых условий профессиональной

деятельности специалистов динамичный характер трансформации приобрела философия человека [1]. Очередной детерминантой трансформации философии человека станет пятая промышленная революция. Её содержание характеризуют термином человекоцентричности.

Трансформация философии человека носит системный характер, в частности, она коснулась категориального аппарата. К уже традиционным понятиям человека, индивида, индивидуальности, личности добавились понятия расширенного человека, постчеловека, киборга, цифровых поколений, цифровых аборигенов, цифровых кочевников, фрилансеров.

Четвёртую промышленную революцию в предметном поле философии человека воспринимали с опасениями, поскольку эту революцию связывали с автоматизацией, что было чревато угрозами для рынка труда в форме сокращения занятости. Также в четвёртой промышленной революции экспертами виделись условия для формирования цифрового неравенства, что ставило под вопрос существование инклюзивной социальной и профессиональной среды.

Ещё одни риски четвёртой промышленной революции виделись экспертам в негативной трансформации мышления цифровых поколений под действием девайсов. Девайсы создали реальную угрозу существованию критического мышления у цифровых поколений. Чтобы минимизировать эту угрозу, специалистами разработаны методики образовательного процесса и социализации цифровых поколений.

Если с четвёртой промышленной революцией философы связывали угрозы для перспектив человека, то формат пятой промышленной революции эксперты связывают с коэволюцией человека и агентов искусственного интеллекта, функционирующих на основе общей платформы теории разума, одним из ключевых компонентов которой является эмпатия [2]. В производственных процессах важную роль будет играть совместная деятельность работника с коллаборативным роботом. В результате рынок труда не будет находиться под угрозой сокращения. Но в новых условиях техническим специалистам придётся учитывать новую конвергентную среду профессиональной деятельности.

Литература и источники

1. Вечорко, А. Ю. Понятие человека в философии / А. Ю. Вечорко, А. И. Лойко // Философия исторической памяти в цифровую эпоху: сборник материалов международных круглых столов. – Минск : БНТУ, 2025. – С. 110–113.

2. Лойко, А. И. Теория разума искусственного интеллекта. – Минск : БНТУ, 2025. – Деп. в БНТУ 17.10.2025, № DEPBNTU-2025–272. – 94 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ТРЕНД «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

Т. А. Лопатик

Образование как глобальный социальный институт подготовки человека к самореализации в обществе переживает кардинальные трансформационные изменения, обусловленные тотальной цифровизацией.

Современная личность социализируется и формируется в ситуации новой технологической реальности, проводя значительную часть времени в условиях цифровой среды. Это – «новая социальная ситуация – "цифрового разрыва", "цифрового гражданства", "цифровой социализации"; – цифровизация – это объективный процесс вытеснения всего аналогового из технологии, экономики, культуры; – цифровая реальность "оцифровывает" и нас, накапливает наши "цифровые следы", опережая не только вычислительную технику, но и наше воображение» [2].

С появлением современных информационных технологий изменяются не только способы передачи информации, изменяются сами люди. «Биологически человек приспособлен к "аналоговому" миру, а цифровые интерфейсы используют другой тип взаимодействия, который может обеднять нашу эмоциональную и физическую сферу. Непонятны долгосрочные риски этих технологий для нашего вида, а также – как подготовить к ним следующее поколение» [3, с. 144].

Появилось понятие «новой нормальности», которое актуализирует кардинальность и необратимость происходящих изменений, подчеркивая отмирание прежних «норм» и необходимость адаптации к новым условиям.

Важнейший тренд «новой нормальности» в VUCA-мире – это цифровые трансформации, определяющие перестройку нашей повседневности и меняющие картину мира. Применительно к процессу социализации новая нормальность означает, что ранее принятые образцы и законы успешной социализации, а также нормы психологии и педагогики развития, задававшие рамки формирования личности от рождения до смерти, перестают соответствовать духу времени [4, с. 434].

Ученые называют гиперподключенность к Интернету и пространство смешанной реальности фундаментальными характеристиками «новой нормальности», на которые опираются основные новации цифровой эры, и которые влияют – порой неожиданным образом – на психологические состояния современного человека. Поэтому развитие ребенка и подростка в современных условиях может рассматриваться как формирование гиперподключенной, технологически достроенной цифровой личности в качестве части личности реальной, действующей в смешанной реальности, когда онлайн-мир включен в офлайн-деятельность и «переплетается» с

ней, и в условиях цифровой социальности [4].

Экспоненциальные темпы развития технологий, распространения и обработки информационных потоков требуют образовательной деятельности, осуществляемой с учетом происходящих социальных изменений и особенностей представителей нового поколения.

В своем эссе «Девочка с пальчик» Мишель Серр пишет: «Мы, взрослые, передали педагогическую функцию нашему обществу спектакля, царящая в котором изнурительная, гордая своей дикостью конкуренция оттолкнула на задний план школу и университет. Манящие и престижные массмедиа, поглощающие бóльшую часть ресурсов зрения и слуха, давно уже присвоили себе образовательную функцию» [5]. Значит ли это, что цифровая среда поглотила наших детей и отняла у педагогов возможность для целенаправленного, формирующего взаимодействия с ними?

Сложность современной ситуации в образовании заключается еще и в том, что акцент в современном образовательном процессе должен быть перенесен с «урокодательства» на тьюторское сопровождение, менторство, фасилитаторство, что предполагает увеличение во взаимодействии с обучающимися доли сотрудничества, партнерства.

«Особенность нового поколения учащихся – привычка к потоку сенсорных стимулов, сенсорному разнообразию, незамедлительной обратной связи и подкреплению. Они хотят быть не слушателями или зрителями, а "пользователями"» [1, с. 24]. Поэтому важнейшей миссией современного образования должен стать переход «от передачи знания» к «пониманию возможностей», от урокоцентричной образовательной модели образования к «ученикоцентричной» [1], в основе которой лежит персонализация, обеспечивающая эффективность образовательного процесса.

Возможность личности противостоять мощному технологическому воздействию в процессе резких трансформационных колебаний и перегрузок, при этом не только самосохраниться, но быть успешной, конкурентоспособной, может быть обеспечена тем потенциалом, который приобретается в процессе образования и самообразования. Причем, если образование как целенаправленный процесс обучения и воспитания личности в учреждении образования осуществляется на основе образовательных стандартов, то самообразование личности обучающегося, как преобразование самого себя, происходит на основе компенсации имеющихся персональных образовательных дефицитов либо выхода за рамки учебных программ для удовлетворения индивидуальных образовательных потребностей и интересов.

Следует отметить, что цифровая трансформация современного образовательного пространства не только предопределяет необходимость формирования самостоятельности и ответственности обучающихся, но и приводит к новому подходу в понимании сущности самообразования в

современных социокультурных условиях, в котором оно становится не просто потребностью, а условием полноты бытия, сохранения психологического здоровья и успешной интеграции в социум.

Образовательная деятельность опережающего характера, связанная с предвидением вызовов будущего и созданием условий для подготовки обучающихся к этим вызовам может обеспечить гибкость и доступность их обучения на основе успешной социализации, в том числе цифровой, реализации индивидуальных образовательных траекторий, удовлетворения образовательных потребностей, формирования ключевых навыков 21 века.

Литература и источники

1. Кларин, М. В. Инновационные модели обучения: Исследование мирового опыта / М. В. Кларин. – М. : Луч, 2016. – С. 24.

2. Мультимедийная журналистика: учебник для вузов / под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – (Учебники Высшей школы экономики). – 413 с.

3. Образование для сложного мира: зачем, чему и как. Доклад о форуме Global Education Leaders' Partnership Moscow 31 октября – 3 ноября 2017 года. – URL: https://futuref.org/ educationfutures_ru (дата обращения: 27.01.2026).

4. Солдатова, Г. У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г. У. Солдатова, А. Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 431–450.

5. Серр, М. Девочка с пальчик / Мишель Серр. – М. : Ад Маргинем Пресс. – 2016. –72 с.

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ТВОРЧЕСТВО: ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ И ХУДОЖНИКОВ

А. С. Макарченкова

В современном мире стремительно развиваются технологии искусственного интеллекта, распространяясь во многих сферах жизнедеятельности, в том числе затрагивая творчество. Искусственный интеллект представляет собой целое направление, состоящее из множества инструментов и программ, способных собирать данные, анализировать информацию, выводить закономерности, алгоритмы и выводить данные в новый формат [1].

Сегодня в обществе ведутся активные споры по вопросам использования искусственного интеллекта в творчестве. С одной стороны, использование искусственного интеллекта выступает в качестве эффективного инструмента, способного расширить границы возможностей

самовыражения.

Искусственный интеллект может помочь в генерации идей, сценариев, сюжетов, поиске вдохновения, предложить темы, концепции, выстроить динамические линии повествования, подобрать стиль произведения, определить ключевые звенья, отредактировать неточности. В данном случае, человек использует возможности искусственного интеллекта как вспомогательный инструмент, направляющий и помогающий сориентироваться в создании продукта. Однако, если мы говорим про искусственный интеллект как самостоятельное творчество с автоматической генерацией и минимальным вмешательством человека, то здесь возникает ряд этических дилемм [2].

Рассмотрим этические дилеммы, возникающие в сфере писательской и художественной деятельности.

1. Вопросы авторского права. Можно ли считать авторским творчество, полностью либо частично сгенерированное искусственным интеллектом?

2. Недостоверность информации. Тексты, созданные при помощи искусственного интеллекта не всегда точны, могут содержать некоторое количество ложной информации, не соответствующей логике и здравому смыслу. Генерируемые изображения также могут выдавать ошибки, связанные с расположением объектов в пространстве, нарушениями анатомии людей и животных, наложением предметов друг на друга и т. д.

3. Ценность данного творчества. Может ли оно в той же степени иметь культурную значимость для общества и потребителей, что картины и произведения, полностью созданные авторами?

4. Влияние на сообщества писателей и художников в целом. Может ли идти речь о том, что в случае распространения произведений и картин, созданных при помощи искусственного интеллекта, и их принятия в обществе, необходимость в человеческом факторе со временем может снизиться или вовсе отпасть? Способен ли искусственный интеллект заменить ценность человеческой мысли, разрушив культурный фундамент, строящийся веками и передававшийся из поколения в поколения?

В связи с вышеперечисленными дилеммами, многие художники и писатели выступают категорически против идей использования искусственного интеллекта в творчестве, ссылаясь на то, что это противоречит идеям искусства в целом, стирая аутентичность и оригинальность произведений, лишая человека способа истинного самовыражения, передачи эмоций и жизненного опыта посредством индивидуального творчества. Искусство должно быть результатом личных вложений и переживаний, иметь исключительно человеческий фактор создания. Искусственный интеллект способен обесценить творчество, уменьшая его духовную составляющую и стирая труд людей, которые за ним стоят.

Но, несмотря на большое количество беспокойства, связанного с вопросами использования искусственного интеллекта в творчестве, некоторые стараются придерживаться золотой середины, воспринимая искусственный интеллект не как способ заменить авторов, а как инструмент, помогающий расширить творческие горизонты и помочь писателям и художникам приблизиться к реализации своих идей [2].

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что обращение к искусственному интеллекту не является абсолютным злом, если использовать его в меру и по назначению, не заменяя им человека, а определяя исключительно как помощника в поисках информации и ценных идей для творческой реализации авторов.

Литература и источники

1. Кузнецова, А. В. Искусственный интеллект и информационная безопасность общества / А. В. Кузнецова, С. И. Самыгин, М. В. Радионов. – М. : Русайнс, 2017. – 117 с.

2. Репина, М. А. Искусство будущего: как ИИ меняет арт-рынок / М. А. Репина. – М. : АСТ, 2025. – 119 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В. А. Максимович

На рубеже XX–XXI веков человечество вступило в фазу тотальной цифровой трансформации, оказывающей свое влияние на самые глубинные основы культурного бытия. Цифровая реальность, представляющая собой гибридное пространство, сотканное из информационных потоков, интерактивных интерфейсов и алгоритмических сред, перестала быть просто «инструментом» или «новой площадкой» для культуры. Она стала ее конститутивной средой – новым онтологическим условием, в котором рождается, транслируется и переживается смысл. Реалии времени дают основания для констатации факта фундаментальной трансформации культуротворческого потенциала в этой новой реальности, в которой значимое место занимает цифровая среда, парадоксальным образом сочетающая глобальный универсализм и потенциал для новой партикулярности и создающая беспрецедентные возможности для развития, актуализации и инновационного формирования ценностно-смысловых и знаково-символических форм национальной культуры. Национальная культура в цифровую эпоху – это уже не только сокровищница охраняемых памятников, но и динамический проект по производству смыслов, в котором могут участвовать как государственные институты, так и цифровые сообщества, художники, программисты и

ученые. Ее жизнеспособность определяется не степенью изоляции от глобального потока, а способностью к культурному экспорту собственных смысловых миров, упакованных в убедительные и конкурентоспособные цифровые форматы – от игровых вселенных до виртуальных музеев и образовательных платформ.

Вместе с тем, современная эпоха ставит перед национальным культуротворчеством беспрецедентные вызовы. Процессы цифровизации общества, глобализация культурных форм, деинституционализация традиционного искусства создают критическую ситуацию, в которой прежние механизмы трансмиссии культурных кодов функционируют неоптимально. В ситуации происходящих трансформаций в традиционных формах искусства обнаруживаются некоторые проблемные зоны социально-гуманитарного и ценностно-смыслового плана, что чревато не просто исчезновением определённых эстетических модусов, но и может иметь свои следствием редукцию самих каналов, через которые осуществляется генерирование и циркуляция образной модели мира.

Тем не менее, процессы социокультурных изменений убеждают в том, что насыщение и обогащение ценностно-смысловых и знаково-символических форм национальной культуры в условиях цифрового общества происходит через качественную трансформацию художественных практик. Цифровая среда парадоксальным образом создаёт новые возможности для артикуляции и демонстрации знаково-символических форм национальной культуры. Интернет как пространство культурного творчества становится той ареной, где традиционные мифологические архетипы находят новые формы экспрессии – через визуальные сети, текстовые практики, цифровые нарративы. Эти формы, будучи технически опосредованы, тем не менее сохраняют органическую связь с глубинными культурными кодами и семиотическими системами, сформировавшимися в недрах национального исторического опыта.

Существенное значение имеет то, что процесс трансформации национальной образной модели мира в цифровом пространстве предполагает не столько её эрозию, сколько её миграцию и адаптацию. Традиционные символические формы переживают не рецессию, а метаморфозу – они переконтекстуализируются в новые семиотические системы, приобретают новые функциональные характеристики, но при этом сохраняют семантическую генеалогию.

Цифровая среда одновременно *сжимает* культурное время и пространство, мгновенно тиражируя образы и нарративы, и *взрывает* их изнутри, генерируя бесконечные вариации, ремиксы и альтернативные прочтения. Так, национальный миф, помещенный в мем-культуру или интерактивный сериал, теряет монолитность, но обретает искомую актуальность, вовлекая аудиторию в активную интерпретацию. Это процесс не разрушения, а децентрализации и демократизации культурного

кода, который из догмы превращается в живой язык для диалога. При этом цифровая культура не отменяет традицию, но превращает ее из коллективной памяти в активную, интерактивную и «ответствующую» среду. К примеру, оцифрованный фольклорный архив, дополненный реальностью, может «откликаться» на запрос пользователя, а историческая реконструкция в VR позволяет не просто увидеть, но и «пережить» событие. Это создает основу для эмоционально-когнитивного присвоения наследия, где знание превращается в опыт, а идентичность – в личностно проживаемое путешествие сквозь слои времени. Успех в этой трансформации будет означать не сохранение культуры в музейном смысле, а обретение ею нового культуротворческого потенциала – способности быть вечно укорененным и постоянно обновляющимся языком, на котором говорит и творит нация в XXI веке.

Литературное классическое наследие тоже является показательной конкретизацией и демонстрацией действия цифрового катализатора / цифровой платформы, превращающей канонический, «музейный» текст в живой, вовлекающий и смыслообразующий совместный проект, в котором текст становится открытым кодом, являющимся основой для модификикации, переосмысления в рамках новой этики со-творчества. Интерактивные адаптации, подкаст-сериалы с альтернативными точками зрения персонажей, цифровые карты перемещений героев, коллективные аннотации, фанфикшн-вселенные, разветвленные сюжеты, созданные сообществом на основе исходного текста, краудсорсинговые исследования – все это превращает национального классика из единоличного гения в соавтора диалога с поколениями. Именно поэтому национальное культуротворчество остаётся жизнеспособным именно благодаря своей гибкости, способности к семиотическому трансцендированию и инновационной интеграции традиционных форм в новые медийные и технологические контексты.

Перспективы дальнейшего исследования открываются в направлении детальной экспликации механизмов, посредством которых традиционные мифологические структуры и культурные архетипы адаптируются к цифровым форматам и новым эстетическим модусам. Особое внимание требует вопрос о том, как процессы гибридизации культурных форм – встреча национального с глобальным, традиционного с инновационным – трансформируют саму семиотическую ткань образной национальной модели мира. Кроме того, требует дальнейшей разработки проблема степени и характера сохранения культурной идентичности в условиях, когда трансляция национальных знаково-символических форм осуществляется преимущественно через цифровые каналы, опосредованные алгоритмическими системами отбора и дистрибуции информации.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что национальное

культуротворчество, понимаемое как художественное отражение действительности через специфические ценностно-смысловые и знаково-символические формы, сохраняет свою экзистенциальную значимость и философскую актуальность именно в момент своего кризиса. Кризис традиционных форм является не признаком исторической исчерпанности национальной культуры, но свидетельством её вступления в новую фазу развития, характеризуемую радикальной трансформацией механизмов семиотического конструирования реальности. Образная модель мира, основанная на национальных культурных кодах и архетипах, продолжает функционировать как необходимая основа для конструирования смысла и интерпретации опыта, однако сами носители и формы выражения этой модели претерпевают глубокую метаморфозу. Это требует от философской мысли пересмотра устоявшихся представлений о природе культурной трансмиссии и развития новых концептуальных инструментов для анализа гибридных форм культуротворчества, возникающих на пересечении национального наследия и цифровой действительности.

Таким образом, новая цифровая реальность выступает не как угроза самобытности, а как сложный культурный катализатор диалектического свойства. Ее роль заключается в радикальной интенсификации и усложнении всех процессов смыслообразования, что ставит национальные культуры перед сущностным выбором и открывает перед ними стратегические возможности, связанные с необходимостью перевода своих кодов на язык новой эпохи, что неизбежно ведет к их трансформации, но одновременно открывает путь к беспрецедентному расцвету и способствует актуализации духовно-творческого потенциала.

ПУБЛИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. Медведев

В эпоху стремительного расширения киберпространства, охватившего все сферы общественной жизни, требуется специально проанализировать положение философии в цифровой культуре, осмыслить ее роль и место в современном информационном обществе. Важно обсудить целый ряд связанных с этой темой вопросов: Как философ должен реагировать на вызовы цифровизации информационного общества? Должен ли он стремиться быть публичным философом в пространстве цифровой культуры? Если «да», то как он может это сделать? Что нужно предпринять, чтобы философские тексты стали распознаваемыми и воспринимаемыми читателями в огромном информационном потоке интернет-пространства? Ответы на эти вопросы

предполагают, с одной стороны, прояснение природы и особенностей цифровой культуры; с другой – постижение возможных способов адаптации философии к новой социальной реальности.

Следует отметить, что современное состояние философии, ее место в пространстве цифровой культуры можно рассматривать с позиции двух типов философской практики: академической (профессиональной) и публичной. Философия, будучи одной из наиболее ранних форм духовной культуры, способствует выработке практического отношения к таким сложным и важным вещам, как истина, благо, красота, человек, общество, природа, связанным с глубокими размышлениями человека о достойной, благой жизни в соответствии со сложившимися представлениями о непреходящих ценностях. Однако определенная «закрытость» академической философии, обусловленная сложностью используемого ею профессионального языка, концентрацией внимания специалистов на узких теоретических вопросах, далеких от решения актуальных жизненных проблем, приводит к тому, что любознательные слушатели и читатели испытывают серьезные трудности в понимании ее реальных достижений. Зачастую проблемы, над которыми усердно трудятся признанные в научной среде философы-профессионалы, воспринимаются простым обывателем как бесполезные или малозначимые для культуры.

В то же время подход философов, ориентированных на решение жизненных, практических проблем, имеет ряд отличительных особенностей. Обычно такие философы (и преподаватели философии) обращаются к истории философии, чтобы в ходе анализа различных философских традиций, направлений и школ обосновать положение о том, что истинным предметом философской рефлексии являются всеобщие мировоззренческие вопросы, постановка которых не зависит ни от исторического контекста, ни от страны, где жил и трудился конкретный мыслитель – вопросы, которые затрагивают насущные вопросы и потребности каждого. Считается, что практическая полезность философии связана с ее способностью излагать доступным языком нечто важное о добродетельной, цивилизованной жизни. Тем самым акцентуируется роль философии в возможности реализовать неуклонное стремление индивида обеспечить достойное и осмысленное существование посредством рационального мышления. Несомненно, этому способствуют суждения многих выдающихся мыслителей прошлого и современности о природе и структуре универсальных ценностей, образующих основу человеческого бытия и культуры в целом.

Обычно под «цифровой культурой» подразумеваются созданные при помощи цифровых инструментов разнообразные предметности, которые становятся доступными для всеобщего применения. Данное определение приобретает более конкретное содержание и нормативное измерение, если его поместить в философский контекст. В таком случае под термином

«цифровая культура» следует понимать совокупность приемов и форм деятельности с использованием цифровых продуктов для обеспечения доступного восприятия различных философских рассуждений как отдельными индивидами, так и общественными группами [3, p. 24].

Современное поколение философов столкнулось с масштабными технологическими изменениями, связанными с повсеместным распространением и беспрецедентным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Одним из наиболее наглядных примеров безудержной динамики ИКТ являются современное поколение учащихся, которое почти никогда не расстается со смартфонами. Очевидно, что технологические преобразования оказывают значительное влияние на способы восприятия и стиль мышления пользователей.

Одним из способов справиться с современными технологическими вызовами является подготовка и становление публичного философа цифровой культуры, который может напрямую обратиться к широкой аудитории для обсуждения актуальных социальных тем, используя при этом доступный для понимания язык, инструменты медиа и цифровые средства визуализации.

Следует отметить, что понятие «публичный философ» может употребляться в двух значениях. Во-первых, под этим термином понимается «профессионально подготовленный философ, который отважится вступить в постоянный публичный дискурс и будет искать компромисс в ходе обсуждения весьма острых политических проблем» [2, с. 16]. Во-вторых, под ним подразумевается практико-ориентированный философ, который пытается объяснить и дать рекомендации к решению конкретных жизненных вопросов. Несмотря на имеющиеся функциональные различия этих двух типов публичного философа, оба они притязают поддерживать высокий интерес широких масс народа к философским знаниям. Для этого философу необходимо не просто обозначить свое присутствие, но и активно работать в цифровом пространстве культуры, овладевать ИКТ. Разумеется, публичная (или практическая) философия не умаляет и не подменяет собой профессиональную философию, поскольку использует содержание, разработанное в профессиональной философии. Публичная философия, с одной стороны, «служит средством прояснения проблем и прокладывает путь к рациональным и приемлемым решениям» [1, с. 145], поддерживая национальное или общечеловеческое «согласие относительно неких основополагающих и бесспорных идей», с другой – стремится популяризировать философские знания, используя для этого современные цифровые технологии.

Для присутствия в публичном пространстве виртуальной реальности философ может использовать широкий набор цифровых технологий: подготовить видеолекцию, дополнить текст соответствующими

изображениями, создать чат для обсуждения насущных вопросов с разными лицами, визуализировать процесс совместного использования ресурсов посредством вебинаров, видеоинтервью, записей научных конференций, сделать доступными для любого пользователя свои научные труды, публикуя их на веб-сайтах, обучать лайф-коучингу на интернет-платформах и т. д.

Итак, публичная философия должна использовать различные цифровые инструменты, чтобы сделать философские размышления (тексты, сообщения) доступными и понятными для широкой аудитории. Процесс внедрения философских материалов в киберпространство должен сопровождаться с учетом специфики и потребностей тех общественных групп, на которые эти материалы рассчитаны. Коммуникативные потребности целевой аудитории могут варьироваться, поэтому рекомендуется включать больше эстетических элементов в философские рассуждения, чтобы они выглядели более понятными для слушателя. Тем самым практическая философия сможет создать качественный контент в цифровой культуре. Полагаясь на мощь человеческого разума, используя цифровые технологии, философы способны предложить универсальные, ценные идеи, привлекательные для широкого круга участников киберпространства.

Литература и источники

1. Липман, У. Публичная философия ; пер. с англ. И. Мюрберг. – М. : Идея-Пресс, 2004. – 160 с.

2. Шевченко, В. Н. Зачем нужна обществу публичная философия / В. Н. Шевченко // Философский журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 5–18.

3. Skowroński, K P. Philosophy in Digital Culture: Images and the Aestheticization of the Public Intellectual's Narratives / K. P. Skowroński // Eidos. A Journal for Philosophy of Culture. – 2020. – Vol. 4, № 1. – P. 23–37.

ФЕНОМЕН ИРОНИИ В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ И САМООРГАНИЗАЦИИ

Т. В. Медведок

В эпоху глобальной цифровизации и информационного перенасыщения феномен иронии претерпевает не просто структурные, но и фундаментальные смысловые изменения. Традиционного понимания иронии как риторического приема или эстетической игры уже недостаточно для описания процессов, протекающих в современном сетевом обществе. Представляется продуктивным рассмотреть иронию через призму синергетики – как нелинейный механизм самоорганизации

культуры, который выполняет двойственную роль: помогает субъекту адаптироваться к «текучей современности», но одновременно усиливает его отчуждение.

С точки зрения синергетики, культуру можно представить, как открытую сложную систему, а иронию – как специфическую флуктуацию, возмущение. В периоды стабильности ирония работает как механизм «мягкой деконструкции»: она позволяет обществу обновлять смыслы, расшатывать закостенелые догмы, не разрушая при этом несущие конструкции культуры. Вспоминая идею Ю. М. Лотмана о том, что динамика культуры колеблется между постепенным развитием и «взрывом» [3, с. 24], можно сказать, что в цифровой среде ирония часто становится катализатором именно взрывных процессов. Вирусный контент и интернет-мемы провоцируют непредсказуемые изменения в информационном поле. Однако в условиях современной цифровой турбулентности ирония рискует превратиться в воронку, затягивающую любые серьезные смыслы в бесконечный релятивизм.

Особенно заметна трансформация самой сути иронии. Если классическая сократическая ирония, как писал С. Кьеркегор, была «абсолютной негативностью», необходимой для расчистки пути к истине и обретения субъективности [2, с. 180], то цифровая ирония утрачивает такого рода направленность. Она вырождается в то, что П. Слотердайк метко назвал «циническим разумом» – формой «просвещенного ложного сознания», действующего по принципу: «они ведают, что творят, но все равно делают это» [4, с. 22].

Сегодня индивид, погруженный в алгоритмические потоки больших данных, использует иронию как психологический щит. Превращая пугающую реальность (кризисы, войны, неопределенность) в мем или повод для насмешки, индивид снижает уровень тревоги. Застревая в бесконечном потоке новостей, человек теряет ощущение времени и способность строить планы на будущее, живя лишь реакцией на текущий момент. Ироническая дистанция, призванная освободить сознание, в цифровой среде становится стеной, изолирующей человека от реального действия.

Этот процесс можно назвать «алгоритмизацией иронии». Сами алгоритмы соцсетей подталкивают к этому: они продвигают короткие и едкие комментарии, оставляя сложные размышления без внимания широкой аудитории. В социальных сетях живое критическое сомнение подменяется автоматическим воспроизводством иронических шаблонов. Сложные проблемы не осмысляются, а «зашучиваются». В терминах синергетики это ведет к росту энтропии: тотальная иронизация («постирония») стирает границы между правдой и вымыслом, искренностью и троллингом. Система оказывается в точке бифуркации: общество может либо скатиться к полной атомизации и недоверию, либо,

пройдя через хаос, выйти на новый уровень самоорганизации – например, через запрос на «новую искренность».

Особую тревогу вызывает влияние этого фона на молодежь. «Иронический фильтр» блокирует восприятие любых серьезных ценностных нарративов, превращая их в информационный шум. Как отмечает И. П. Ильин, постмодернизм (а вместе с ним и свойственная ему ирония) «всегда сильнее в негативе своего критического пафоса, чем в позитиве отстаивания своих ценностей» [1, с. 191]. Так формируется тип «рефлексивного конформиста»: гражданина, который внешне соблюдает ритуалы, но внутренне полностью отчужден от целей общества.

И все же диалектическая природа иронии оставляет место для оптимизма. Как системный механизм, она не только разрушает, но и расчищает место для нового. В условиях кризиса доверия к метанарративам именно способность к здоровой иронической дистанции – в противовес циничному нигилизму – может стать основой для формирования критического мышления, устойчивого к манипуляциям. Требуется совершать переход от иронии, которая скрывает истину и отчуждает человека, к иронии, которая помогает обнаружить противоречия и стимулирует поиск новых смыслов. Задача современной философии – найти способы переплавить эту цифровую иронию из инструмента отчуждения в инструмент ответственной рефлексии.

Литература и источники

1. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.

2. Кьеркегор, С. О понятии иронии / С. Кьеркегор. – Логос. – 1993. – № 4. – С. 176–198.

3. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

4. Слотердайк, П. Критика цинического разума / П. Слотердайк ; пер. с нем. А. Перцева. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2021. – 800 с.

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ИММУНИТЕТА МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

О. Н. Мухаммадиева

Экономический и социальный уровень жизни людей зависит от фундаментального совершенствования духовной и воспитательной сфер. В частности, в этом процессе важную роль играет постепенное формирование таких качеств, как преданность Родине, предприимчивость, сила воли, идеологический иммунитет, доброта, ответственность,

терпимость, правовая культура, новаторское мышление и трудолюбие, воспитываемых с детства. Для формирования духовности молодежи важно глубоко прививать принципы национальной идеи в образовательный процесс общеобразовательных школ, всесторонне разъяснять учащимся основы народного воспитания и передавать молодежи учение наших предков об образовании. В этой связи большое значение имеет введение предмета «Воспитание» в систему общего образования. Как утверждает Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзияев: «Глядя на молодежь, ее успехи, мы испытываем радость и гордость, что в наши ряды вливается такая мощная созидательная сила. В нынешнее сложное время в воспитании подрастающего поколения настоящими патриотами, стойкими в любых испытаниях, в еще большем объединении и сплочении нашего народа, несомненно, огромны роль и значение махалли – уникальной системы самоуправления» [1, с. 3].

В эпоху научного развития и информационной глобализации крайне важно обеспечить активное участие молодежи в проводимых в обществе реформах, сформировать целостное отношение к изменениям в общественной жизни, направлять поток информации, предоставляемой людям, в интересах национального развития и защищать граждан от пагубного влияния иностранных идеологий. Сегодня, поскольку большинство пользователей Интернета – это молодежь, мы должны защищаться от потока деструктивной информации. Потому что такая информация негативно влияет на наши национальные ценности, традиции, духовный мир и воспитание растущего молодого поколения. Как отмечает Ю. Топольская: «Социальные сети охватывают уже 68,7% населения мира – это 5,66 млрд человек. Число пользователей социальных сетей в два раза превышает число тех, кто ими не пользуется. Расходы на рекламу в социальных медиа растут. Такие данные приводятся в отчете "Digital 2026", представленном компаниями Meltwater и We Are Social. За год прирост составил 4,8%, или 259 млн новых аккаунтов. Интернетом пользуются более 6 млрд человек, этот показатель также стал рекордным» [2].

В процессе глобализации поток разрушительных информационных воздействий представляет опасность для ума молодежи, создает угрозу развитию общества и национальному менталитету. Так, по мнению Е. А. Папковой, влияние информации может оказаться настолько сильным, что может привести к серьезным деформациям на уровнях психики, поведения, то есть нанесения человеку серьезного социального, психологического и психического ущерба [3, с. 19].

Главным оружием идеологических угроз являются средства массовой информации и Интернет, который называет "всемирной паутиной". Противостоять им можно только посредством всестороннего, глубоко продуманного, научно обоснованного, систематического и

непрерывного идеологического воспитания. По словам И. Шаповаленко: "В дальнейшем интеллектуальное развитие молодежи предполагает выход на качественно новый уровень, связанный с развитием творческих способностей и предполагающий не просто усвоение информации, а проявление интеллектуальной инициативы и создание чего-то нового: речь идет о способности увидеть проблему, поставить и переформулировать вопросы, находить нестандартные решения" [4, с. 273].

В информационную эпоху молодым людям необходимы знания и опыт, чтобы предотвратить поток "нечистой и предвзятой" информации. Создание здоровой информационной среды для молодежи и защита целостности их духовного мира является одной из наших главных задач.

Формирование у молодежи навыков работы в интернете, укрепление их идеологической устойчивости, увеличение национальных информационных ресурсов в глобальной сети, оказание материальной и моральной поддержки молодым веб-разработчикам, увеличение числа различных конкурсов на соответствующих сайтах и поощрение молодежи могут стать эффективными решениями этой проблемы. Однако это требует от молодежи умения работать с информацией, осознавая при этом свои социально-духовные качества, национальные интересы и ценности. В этих действиях молодежи необходимо обладать сильной информационной стойкостью и быть вооруженной конструктивными знаниями. По мнению Т. Голушко, актуальная, достоверная, доступная, полная информация является предметом и продуктом интеллектуальной деятельности человека, имеет определяющее значение в ходе оперативного принятия им решений, с другой стороны, столь мощный инструмент может оказывать умышленное целенаправленное давление, серьезное деструктивное воздействие или даже представлять угрозу личности [5, с. 1495].

Таким образом, ключевыми мерами по защите молодежи в информационном пространстве и формированию у них информационной культуры выступают: разработка национального законодательства, направленного на защиту молодежи и детей в информационном пространстве; повышение медиаграмотности и этикета онлайн-коммуникации; создание технических механизмов для поддержки безопасной работы в интернете; обеспечение широкого участия и сотрудничества государственных органов, образовательных учреждений, семей, организаций гражданского общества, средств массовой информации и т. д. в решении этих вопросов.

Литература и источники

1. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису и народу Узбекистана: [сайт]. – Узбекистан, 2025. – URL: https://president.uz/ ru/ lists/ view/ 8834 (дата обращения: 26.12.2025).

2. Топольская, Ю. Социальные сети захватили 68,7% населения мира. Расходы на рекламу в социальных медиа растут / Ю. Топольская. – URL: https://www.sostav.ru/ publication/ sotsialnye-seti-zakhvatili-68–7-naseleniya-mira-78976.html (дата обращения: 16.10.2025).

3. Папкова, Е. А. Информационное воздействие и информационная безопасность. // Информационное противодействие угрозам терроризма. – 2010. – № 15. – С. 19. – URL: https://elibrary.ru/ negzht.

4. Шаповаленко, И. В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). – Москва : Гардарики, 2005. – с. 273.

5. Голушко, Т. Информационный иммунитет как ключевое понятие информационно-психологической безопасности личности / Т. Голушко // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 1495.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ НОРБЕРТА ВИНЕРА

Н. И. Мушинский

Ускоренное развитие технологий искусственного интеллекта, проникающих в настоящее время во все области общественных отношений, неизбежно порождает этические проблемы. Об этом в своё время предупреждал ещё Норберт Винер (1884–1964), стоявший у истоков «информационной эры», сумевший предвидеть её опасные социокультурные последствия (занимаясь в годы войны разработкой электронных устройств для производства больших объёмов вычислений в рамках реализации, в том числе, «атомного проекта»). В современных условиях особый интерес представляют размышления Винера об изменяющихся по мере совершенствования искусственного интеллекта принципах и критериях справедливости.

Винер отмечает, что человеческие представления о справедливости существенно различались в разные периоды времени, они отнюдь не являются чем-то устоявшимся навсегда данным, хотя на это и претендуют деятели церкви: «Понятия справедливости, которых люди придерживались на протяжении истории, столь же различаются, как и религии мира» [1, с. 119]. В конечном итоге, эти различия связаны с уровнем развития материального производства и, соответственно, возникающими социальными проблемами (в том числе – современного технократического существования): «В век, когда голод становился большой угрозой … При высокой смертности… людям справедливо предписывалось плодиться и размножаться… Точно так же… проблемами могут стать перепроизводство продуктов питания, бесцельность существования и расточительство. Развитие медицины – один из факторов, способствующих

перенаселению» [2, с. 75, 76]. Для Винера очевидно, что научно-технический прогресс, напрямую решая одни человеческие проблемы (бедность, голод, холод, и т. п.), по своим вторичным последствиям косвенно порождает новые, зачастую не менее опасные (ухудшение экологии, истощение планетарных жизненных ресурсов, рост международной конфронтации при наличии всё более разрушительных вооружений). Продуцируя новые способы нарушения принципов справедливости, техногенная цивилизация рискует «обнулить» все свои достижения, – если уничтожит человечество в мировом атомном пожаре, либо в глобальной экологической катастрофе.

Чтобы наглядно показать коллизии взаимоотношений человека-техники (особенно информационной) и справедливости, Винер использует ряд художественных метафор, таких как Голем, «обезьянья лапа», рыбак и джинн из «Тысячи и одной ночи», «лампа Аладдина», «ученик чародея» из стихотворения Гёте и т. п. Так, в работе «Бог и Голем, инкорпорейтед» («God and Golem, Inc.»), вышедшей в русском переводе в 1966 г. под не вполне точным названием «Творец и робот», Винер вспоминает популярную средневековую легенду. Некий пражский раввин, стремясь сравняться с божественным началом, сотворил искусственного монстра, вдохнул в него жизнь и наделил самостоятельным мышлением (современный аналог – «искусственный интеллект»). В итоге Голем вышел из повиновения и убил своего творца. «Машина… – это современный двойник Голема», – предостерегает Винер.

Сходный образ – «обезьянья лапа», выполняющий все желания талисмана (прямая аллегория «электронной машины») из книги Уильяма Уимарка Джекобса, английского моралиста начала XX в. Искусственный интеллект, в отличие от живого человека, обладающего бесконечным набором коннотаций, усвоенным через массив культуры в ходе личностного становления, «понимает» всё буквально, идёт к цели «прямым путём». В упомянутой повести, когда старики попросили у «лапы» скромную сумму в 200 фунтов, они вскоре получили компенсацию за погибшего на фабрике сына.

Аналогично современный человек, всё шире используя искусственный интеллект для решения частных задач (в том числе в вооружённом противостоянии), рискует, что цель будет достигнута простейшим способом при уничтожении обеих сторон и самого создателя программы. «Когда вы… настраиваете машину так, чтобы она играла на выигрыш, вы получите его…, – но при этом машина не обратит ни малейшего внимания на любые соображения, за исключением тех, которые… приводят ее к выигрышу. Если вы ведете военную игру…, то победа будет достигнута любой ценой, даже ценой уничтожения вашей собственной стороны» [2, с. 70]. Искусственный интеллект может охватить огромные объёмы информации, вполне «осмысленно» управляя сложными

системами в разных областях, однако он не обладает «цифровой этикой», в него невозможно заложить органически присущее каждому живому человеку «чувство справедливости».

Универсальный критерий справедливости, полагает Винер, по-прежнему выражают лозунги Французской революции – «liberte, egalite, fraternite» (свобода, равенство, братство): «Это означает… равенство, где то, что было справедливым для А и В остается справедливым и в том случае, когда А и В поменяются местами» [3, с. 104]. Недопустимо действовать с позиции силы, применяя, в том числе, кратковременное превосходство в разработке технологий искусственного интеллекта: «Эти великие принципы справедливости означают и требуют, чтобы ни один… не использовал принуждение для навязывания невыгодной сделки» [1, с. 120], как это сейчас часто происходит на международной арене.

Искусственный интеллект во много раз превосходит живого человека по скорости реакции и охвату информационных потоков, но «ощущение справедливости» ему недоступно. Оно формируется у каждого человека в ходе бесконечного количества реальных жизненных ситуаций, как это описывал Винер в своей автобиографии: «Я то преисполнялся невероятным самомнением …, то под влиянием резких замечаний отца… впадал в мрачное уныние… Впрочем, … внутренняя потребность в справедливости смягчали пагубность воздействия» [4, с. 11–12]. Именно чувство справедливости позволяет моральному субъекту согласовывать общие принципы с конкретными обстоятельствами согласно критериям гуманизма и здравого смысла, что недоступно самому совершенному искусственному интеллекту.

Помимо прочего, Винера беспокоило разрушительное для принципов справедливости стремление технически развитых стран выступить в роли «мирового гегемона», диктующего «правила» для всех остальных: «Сегодня мы подвергаемся риску создать огромное "мировое государство", где… сознательная примитивная несправедливость может быть единственно возможным условием для статистического счастья масс: создания… мира, худшего, чем ад» [1, с. 210]. Критерии справедливости должны быть общеобязательными и одинаковыми для всех, поскольку «нельзя ожидать, что… если условия контракта не имеют твердо установленного значения …, договаривающиеся стороны смогут в какой-то мере справедливо урегулировать вопрос о смысле сделки» [3, с. 105]. Кроме универсальности, критерии справедливости необходимо чётко эксплицировать в целях общедоступности и возможности подстраивать под них конкретные виды деятельности: «Помимо общих принципов справедливости, право должно быть настолько ясным и воспроизводимым, чтобы каждый гражданин мог заранее определить свои права и обязанности» [1, с. 120]. С аксиологической точки зрения, Винер придаёт важное значение сохранению традиционного миропонимания, не смотря на

разного рода научно-технические и общие социокультурные инновации, обусловленные применением искусственного интеллекта: «Здесь… недвусмысленность, прецедент и достаточно ясная традиция… стоят больше, чем теоретическая справедливость, в частности справедливость в привлечении к ответственности» [3, с. 107]. Тем не менее, теория и практика соотносятся у Винера диалектически, универсальные определения сохраняют свою значимость, «ряд правовых систем основан на известных абстрактных принципах справедливости» [3, с. 105]. Очевидно, что подобная трактовка справедливости, в интерпретации Н. Винера, непосредственно направлена против политики «двойных стандартов», ставшей обычной среди стран «коллективного запада» в цифровую эпоху.

Литература и источники

1. Винер, Н. Творец и Будущее / Н. Винер. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 732 с.

2. Винер, Н. Творец и робот. Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией / Н. Винер. – Москва : Прогресс, 1966. – 103 с.

3. Винер, Н. Человек управляющий / Н. Винер. – СПб : Питер, 2001. – 288 с.

4. Винер, Н. Я – математик / Н. Винер. – Москва : Издательство «Наука», 19 67. – 355 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВОМ ОБРАЗОВАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. В. Найер

Республика Беларусь не стоит на месте, цифровизация образования активно развивается: электронные дневники, зачетки, дистанционные платформы, видеоконференции и другое, все это становится привычной частью учебного процесса. Все это с одной стороны, значительно облегчает процесс обучения, предоставляя доступ к ресурсам и удобным инструментам, но с другой стороны, она создает новые риски и проблемы, связанные с защитой персональных данных.

В соответствии с абз. 9 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99–З «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных) персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано [1].

На основании законодательства Республики Беларусь можно выделить следующие виды персональных данных.

Согласно Закону Республики Беларусь от 21 июля 2008 г, № 418-З «О регистре населения» (далее – Закон о регистре населения) выделяют основные (п.1 ст. 8 Закона о регистре населения) и дополнительные (п. 1 ст. 10 Закона о регистре населения) персональные данные [2].

В Законе о защите персональных данных выделяются специальные персональные данные, к которым относятся биометрические и генетические персональные данные.

В образовательном процессе осуществляется обработка как основных и дополнительных персональных данных, так и специальных категорий, включая биометрические сведения, что требует соблюдения повышенных требований к защите информации. При этом стремительное развитие цифровых образовательных платформ приводит к появлению новых типов данных, которые фактически обрабатываются, но не имеют правового закрепления.

К таким данный можно отнести цифровую информацию о действиях пользователя в образовательных системах. Онлайн-платформы фиксируют время входа, длительность занятий, активность в модулях, историю выполнения заданий, скорость выполнения заданий, переписку в чатах и взаимодействие с преподавателями. Такие данные создают цифровой профиль обучающегося и могут использоваться для анализа успеваемости, адаптации учебных программ и других целей. При этом они прямо не закреплены в законодательстве, что вызывает затруднения в их правомерности обработки и вопросах защиты.

В том числе прослеживается проблема правовой определённости при проведении видеоконференций. Не установлен режим обработки персональных данных, возникающих в процессе проведения видеоконференции. Аудио – и видеоданные, а также технические сведения, формируемые в ходе видеосвязи, прямо не выделены законодателем в качестве самостоятельной категории персональных данных, что обуславливает применение общих норм закона. Следовательно, отсутствие специального нормативного закрепления порождает неоднозначность в правоприменении и затрудняет единообразное понимание объёма и способов защиты персональных данных.

Таким образом, возникает необходимость в законодательном закреплении вышеуказанных данных и в разработке практических механизмов их защиты для обеспечения безопасности образовательного процесса.

Литература и источники

1. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.06.2022 г. № 175-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.02.2026).

2. О регистре населения : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2002 г., № 418-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.10.2022 г. № 209-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.02.2026).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РАКУРСЕ СПОРТИВНОЙ ЭТИКИ

М. С. Наркевич-Йодко

Современный спорт, как профессиональная сфера и область сложных социальных отношений, зачастую ассоциируется со множеством процессов, имеющих негативную моральную окраску. Не утихают дискуссии о необходимости гуманизации спорта и усиления в нем этической составляющей. Новые технологии и достижения научной мысли естественным образом проникают и в спорт, усиливая уже существующие моральные коллизии и добавляя новые, беспрецедентные. Вероятно, понятие «спорт» в будущем будет подразумевать совершенно другое явление [1, с. 138].

Искусственный интеллект (ИИ), как и в прочих областях человеческой деятельности, в спорте также открывает новые возможности. Его положительная роль может, например, проявиться в таких моментах, как 1) эффективность тренировок и оптимизация нагрузок; 2) анализ спортивных результатов; 3) повышение объективности судейства.

В первом случае успешно анализируются биофизические параметры, уровень усталости и стресса. Также разрабатываются программы тренировок, адаптированные под конкретного спортсмена – сводятся к минимуму травмы и перегрузки. Портативные индивидуальные устройства сейчас есть не только у профессиональных спортсменов и возможности их растут. Показательным является пример совершенствования тренировочного процесса в пожарно-спасательном спорте на основе использования ИИ [2].

Второй аспект связан с обработкой больших массивов данных (например, статистика матчей), что позволяет разрабатывать новые тактики игры, обращать внимание на недооцененных спортсменов и т. д.

Наконец, искусственный интеллект может помочь значительно снизить процент судейских ошибок, особенно в таких субъективно оцениваемых видах спорта, как фигурное катание. Успешно применяются эффективные системы Hawk-Eye (теннис), VAR (футбол) [3]. Согласно ряду источников, процент объективных решений возрастает до 98,8%.

Тем не менее, возникают новые моральные риски, которые лежат в компетенции спортивной этики. На наш взгляд, на первое место здесь встает конфиденциальность полученных результатов и персональных данных, поскольку для успешного функционирования систем ИИ

необходима личная информация спортсмена, включая биометрию. Присутствует вероятность утечки информации и репутационная угроза.

Далее отметим такую общую тенденцию, как «замена человека». Усиление автоматизации традиционно человеческих функций (судьи, спортивные комментаторы, аналитики и т. д.) может кардинально изменить саму суть спорта, обезличить его. Более того, возникает проблема оспаривания судейских решений, принятых искусственным разумом, особенно в эстетических видах спорта. Нюансы человеческого восприятия здесь невозможно воспроизвести. Так этическая составляющая усиливается и оттеняется эстетической.

Если продвинуться глубже в суть проблемы, мы сталкиваемся с так называемым «технологическим допингом». Сейчас речь идет больше о технических системах, которые нарушают принцип честной борьбы. Однако, следуя «аргументу наклонной плоскости», мы возвращаемся к потенциальной возможности модификации организма, на этот раз с помощью ИИ.

Нельзя обойти стороной проблему справедливости как равенства условий, то есть доступа к передовым технологиям каждого спортсмена и команды, что далеко не всегда возможно. «Бедные и богатые» клубы и так существуют, а приоритет в использовании сложнейших разработок еще больше усугубит имеющееся социальное неравенство в спорте.

Очевидно, что имеющиеся этические проблемы и риски необходимо, если и не свести к нулю, то хотя бы минимизировать. Без этого невозможно сохранить и без того запятнанную этическую репутацию спорта. Отметим в этой связи важный закон «Об искусственном интеллекте», принятый Европейским парламентом в 2024 г. В нем спорт упоминается как объект права в отношении конфиденциальности данных, устранении предвзятости и непрозрачности применяемых технологий. Вновь актуализируется необходимость создания этических комиссий и комитетов, обновление и дополнение кодексов спортивной этики с учетом современных реалий. При этом не следует забывать, что ИИ, при всей его популярности и очевидной пользе, «не является универсальным решением, значение человеческого опыта остается принципиальным» [4, с. 1080].

Таким образом, проблема этизации спорта (при усложнении моральных дилемм в нем) и его гуманизация (при опасности нового расчеловечивания спорта) не утратила своего значения. Речь должна идти о балансе инноваций и этических стандартов.

Литература и источники

1. Померанцев, А. А. Искусственный интеллект в спорте и физической культуре: тренды, угрозы и адаптация к новой реальности / А. А. Померанцев, А. А. Уполовнева // Человек. Спорт. Медицина. – 2024. – № S2. – Т. 24. – С. 137–144.

2. Искусственный интеллект и спорт: [сайт]. – URL: https://www.vedomosti.ru/ press_releases/ 2025/ 11/ 27/ iskusstvennii-intellekt-i-sport (дата обращения: 30.01.2026).

3. Технологии меняют игру: как искусственный интеллект используют в спорте. – URL: https://trends.rbc.ru/ trends/ industry/ (дата обращения: 30.01.2026).

4. Кравцов, Е. А. Искусственный интеллект в спорте: области применения, возможности и риски / Е. А Кравцов, Ж. А. Культелеева // Вестник науки. – 2025. – №11 (92). –Т. 2. – С. 1070–1080.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА КАК ПРОСТРАНСТВО НОРМАТИВНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Д. И. Наумов

В социально-философском аспекте проблематика сущности, содержания и механизма регулятивного воздействия социальной памяти современного белорусского общества на индивидуальное и коллективное поведение представляет интерес в силу следующих причин. Во-первых, необходимо охарактеризовать сущность и содержание нормативного программирования в пространстве социальной памяти современного белорусского общества, т. е. определить его роль в конституировании социетального порядка. Во-вторых, необходимо выявить то, как и почему социальная память, аккумулирующая смысловое и нормативно-ценностное содержание прошлого, функционально встраивает его в механизм регулирования поведения современного человека. В-третьих, требуется определить нормативный компонент социальной памяти, не только характеризующий институционально-нормативные условия существования современного белорусского общества, но и обеспечивающий культурную связь между разными поколениями как историческими акторами. Таким образом, актуализируется необходимость выявления роли социальной памяти в конституировании посредством нормативного программирования ориентационной составляющей социетального порядка современного белорусского общества.

В настоящее время термин «нормативное программирование» преимущественно используется в теории права, где он эксплицирует роль юридических норм, формализованных в различных нормативных правовых актах, в формировании жизнеспособной модели правомерного поведения индивида. Как считает О. А. Степанов, нормативное программирование представляет собой формирование такой универсальной модели поведения субъектов права, «которая проявляется в индивидуальном поведении в качестве социальной программы, обеспечивающей отождествление индивидуальных и общественных ценностей» [1, с. 10]. Соответственно, содержание данного процесса составляет кодифицированная правовая

информация, конструирующая ситуацию регулятивного воздействия на сознание индивида с целью интериоризации им конкретных правовых программ действия. С точки зрения О. А. Степанова, «нормативное программирование, связанное с разработкой символьно-цифровых конструкций, обеспечивающих правовую гармонизацию на международном уровне» [2, с. 193], можно рассматривать в качестве инструмента противодействия кибертерроризму.

В концептуальном пространстве социальной философии термин «нормативное программирование», как представляется, должен использоваться для характеристики конституирования стандартов мышления и социального поведения, являющихся продуктами социальных отношений между людьми. Они формируются на основе единых правил и нормативных образцов, которые отсылают к прошлому и «отпечатываются в социальной памяти общества в виде символических кодов» [3, с. 22]. С одной стороны, нормативные регулятивы интегрируют индивидов в рамках единого социокультурного пространства, социализируя их когнитивную деятельность и поведение. С другой стороны, они устанавливают постоянные императивные универсальные критерии для оценки различных сторон жизнедеятельности индивида (когнитивной, аффективной, коммуникативной, деятельностной и т. д.).

В данном случае социальная память рассматривается как совокупность социокультурных механизмов и социальных институтов, обеспечивающих селектированный отбор и преобразование актуальной социальной информации в ретроспективную информацию. Основной целью этого является аккумулирование, межпоколенческая передача, сохранение и использование в современных условиях исторически накопленного общественного опыта. С одной стороны, в эпистемологическом аспекте категория социальной памяти эксплицирует конституирующее влияние социальных институтов и структур власти на общественные процессы, специфику группового осознания, оценивания, мемориализации или избирательного забывания событий и процессов прошлого. С другой стороны, она эксплицирует коллективную интенциональность коммеморативной активности индивидов, которая является обязательным условием для достижения ценностно-смыслового консенсуса в обществе.

В социально-философском контексте нормативное программирование может рассматриваться как самореплицирующийся процесс по формированию и структурированию ценностно-смыслового универсума общества на основе определенных идеалов, норм, правил, ценностей, мифов, верований, репрезентаций образов прошлого, исторических нарративов, фреймов и паттернов поведения. Имплицитно они выступают в качестве оснований культурной легитимизации, которые, с точки зрения Т. Парсонса: «Трансцендентны по отношению к

конкретному и случайному характеру интересов, влияния и солидарности, выступая на социетальном уровне в виде ценностных приверженностей» [4, с. 28]. Воспроизводимый социальной памятью ценностно-смысловой универсум определяет функционирование мотивационного механизма социального поведения, обеспечивающего его оценивание, регулирование и корректирование в определенных культурных, ролевых и институциональных рамках. Этот процесс обеспечивает единство культуры и социальности, определяет субъективно-избирательное отношение к прошлому, формирует социокультурный контекст индивидуальной активности и коллективного взаимодействия.

Таким образом, социальная память как в формате закреплённых схематизированных образов-репрезентаций, так и в разнообразных социальных практиках, конституирует пространство нормативного программирования индивидуального поведения и макросоциальных процессов, социальную эффективность которого в современном белорусском обществе подтверждает его жизнеспособный социетальный порядок.

Литература и источники

1. Степанов, О. А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики / О. А. Степанов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 4–23.

2. Киберпространство БРИКС: правовое измерение: монография / И. И. Шувалов, Т. Я. Хабриева, Фэн Цзинжу и др.; отв. ред. Дэн Руйпин, Т. Я. Хабриева ; сост. Жун Фу, Н. М. Бевеликова. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. – 336 с.

3. Данилова, Л. С. Механизмы социального взаимодействия: монография / Л. С. Данилова, М. В. Плотников. – Н. Новгород: изд-во НИСОЦ, 2017. – 128 с.

4. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. –270 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Ю. Ф. Никитина

В 1920–1930-е годы человеческая и социальная инженерия становится важным инструментом так называемой «административной антропологии», разработанной А. Рэдклифф-Брауном и Б. Малиновским.

Социальная инженерия – «деятельность по проектированию, конструированию, созданию и изменению организационных структур и социальных институтов; комплекс прикладных методов социологии и др.

социальных дисциплин, составляющих инструментарий такой деятельности» [1].

К. Поппер, один из теоретиков социальной инженерии, определяет ее как деятельность по проектированию новых социальных институтов, по перестройке, управлению уже существующих социальных институтов путем частичных, постепенных реформ и изменений [2].

Идеи о социальной инженерии получают свое развитие в контексте концептуализации К. Поппером идей о двух типах обществ (открытые, закрытые общества) и критики историцистских социально-философских теорий.

Любые историцистские социально-философские учения, как отмечает К. Поппер, отличаются фатализмом, принципом бессилия попыток изменить ход истории, поскольку последний всецело обусловлен особыми историческими или эволюционными законами. Роль личности сведена к минимуму, единичный человек всецело зависим от коллектива, класса, нации и т. п. Даже открыв и познав законы исторического развития, человек не в силах их изменить, не в силах действовать вопреки этим законам. Все его планы и действия – средства, с помощью которых неотвратимые законы развития осуществляют то, что им и предначертано. Отличительная черта всех историцистских социально-философских учений, как отмечает К. Поппер, внутренний конфликт – согласование изменчивости и стабильности. Подобные принципы историцизма фундировали закрытый тип общества. В работе «Открытое общество и его враги» К. Поппер рассматривает его в качестве бесперспективного и должного быть смененным открытым типом общества [2].

Открытое общество, согласно К. Попперу, это общество готовое к трансформации, приемлющее и не вытесняющее плюрализм, несмотря на все сопряженные с ним риски и угрозы. Именно в рамках данного типа общества, как полагает К. Поппер, реализуется постепенная социальная инженерия (the piecemeal social engineering, социальная инженерия частных решений или технология постепенных преобразований). Ее отличительные черты: борьба с фатализмом, присущим историцизму, внимание к роли и месту человека, уход от метафизического, трансцендентного, опора на методику постепенных шагов на пути трансформации общества [2].

Идея историцизма, согласно К. Попперу, не предполагает рационального планирования общественного развития. Иными словами, закрытые общества пронизаны фаталистическим настроением, согласно которому ход исторического развития предопределен законами свыше и не подлежит корректировке, регулированию со стороны индивида. В открытом же обществе, как полагает К. Попперу, доминирует утилитаристский подход в оценке социальных институтов. В первую очередь оценивается их функциональность, целесообразность и

эффективность. Индивид занимает активную социальную позицию, выступает инженером общественного устройства. Изменения в открытом обществе, согласно К. Попперу, происходят не в результате революции, а поэтапного, планомерного реформирования действующих организационных структур, их оптимизации в соответствии с целями, обусловившими создание данных структур [2].

В цифровую эпоху методики социальной инженерии претерпевают изменения. Так, разработка новых методик проектирования веб-ресурсов, в частности медийной технологии пользовательского контента web-2.0, превратили Интернет в динамичную среду, пространство просьюмеризма. Присутствие в социальных медиа представителей различных возрастов, пола, социального положения обусловило пристальный интерес к ним со стороны маркетологов. Маркетинг как совокупность мер, направленных на создание, продвижение продукта или услуги потребителю наиболее эффективным образом, демонстрирует высокую степень чувствительности к новым технологиям. Объем аудитории и ее активность в социальных сетях спровоцировали оформление такого направления в области маркетинговых исследований, как SMM (Social Media Marketing, комплекс маркетинговых стратегий, использующих социальные медиаплатформы в качестве инструментальной базы для взаимодействия с целевой аудиторией).

В социальных сетях скрытый маркетинг осуществляется, как правило, с помощью агентов влияния. Стратегии действий агентов при этом могут существенно разниться. Во-первых, агент может представиться рядовым потребителем и через отзывы, оставленные им в сообществах, на форумах, через обмен мнениями с потенциальными потребителями, влиять на формирование мнения о товаре. Это связано с тем, что в подавляющем большинстве потребители перед приобретением того или иного продукта предпочитают ознакомиться с отзывами других покупателей, на основе которых и принимают решение о приобретении товара. Во-вторых, в качестве агентов влияния могут выступать лица, обладающих медийным весом. В этом случае говорят об Influencer Marketing (маркетинг влияния), т. е. форме маркетинга, при которой основное внимание уделяется не непосредственно целевой аудитории в социальных сетях, а определенным людям, обладающих авторитетом, влиянием в медийной сфере, вокруг которых уже сформирована аудитория и налажен канал воздействия на нее.

При этом инфлюенсером может быть любой человек, приобретший известностью как до регистрации в социальных сетях, так и благодаря им.

В ситуации, когда инструменты традиционного маркетинга демонстрируют свою несостоятельность ввиду того информационного шума, изобилия рекламы, которые имею место быть, в силу чего, вырабатывается то, что принято называть баннерной слепотой, когда

человек перестает обращать внимание на яркие рекламные щиты и растяжки на улицах, не фокусируется либо вообще переключает каналы во время рекламных роликов на ТВ, на автомате пролистывает рекламные записи в соцсетях, не слышит аудиорекламу, популярность Influencer Marketing нарастает. Однако успевшая стать уже классическим примером маркетинга влияния явная реклама со звездами, также переживает свой кризис, поскольку искушенные и пресыщенные зрители скептически и с недоверием относятся к взаимосвязи продукта и звезды шоу-бизнеса, рекламирующей его, рассматривая последнюю в качестве нанятой рекламодателем для пиара товара.

В этой связи нативная (естественная) реклама стала основным инструментом маркетинга влияния в социальных сетях. Как показывают психофизиологические исследования, нативная реклама, изменяя форму подачи рекламного сообщения, полностью переворачивает его восприятие, позволяя пройти барьерные фильтры в нашем мозге, блокирующие контент, который нами осознается как навязываемый. В связи с произошедшими изменениями вследствие цифровизации представляется необходимым и важным экспликация изменений методологических принципов социальной инженерии в эпоху цифровизации, осмысление субъект-объектных отношений социально-инженерной деятельности в новых, цифровых, условиях.

Литература и источники

1. Инженерия социальная // Электронная библиотека ИФ РАН. – URL: https://iphlib.ru/ library/ collection/ newphilenc/ document/ HASH60422a1b2906e4bcb3e060 (дата обращения: 02.02.2026)

2. Поппер, К. Р. Нищета историцизма ; пер. с англ. – М. : Издательская группа «Прогресс» – VIA, 1993. – 187 с.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВЫХ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

М. С. Повар

Современное общество вступило в этап стремительной цифровой трансформации, в рамках которой социальные сети формируют особую информационную реальность, существенно отличающуюся от традиционных форм коммуникации. Онлайн-платформы становятся ключевым пространством взаимодействия, обмена контентом и конструирования общественных настроений, оказывая значительное влияние на социальное поведение пользователей, особенно представителей молодого поколения. Виртуальная среда не только определяет характер повседневных коммуникаций, но и формирует новые способы восприятия

социально-политических событий, создавая условия для распространения смыслов и интерпретаций, которые становятся важным элементом современных гибридных информационных процессов [1].

В условиях цифровизации информационные потоки приобретают высокую скорость, фрагментарность и эмоциональную насыщенность. Пользователи социальных сетей всё чаще воспринимают события через призму визуального и краткого контента, что способствует упрощению сложных процессов и повышает уязвимость аудитории к манипулятивным воздействиям. Алгоритмы онлайн-платформ усиливают эффект «информационных пузырей», закрепляя определённые взгляды и снижая критическое восприятие альтернативных точек зрения. В результате формируется особая цифровая реальность, в которой интерпретация событий зачастую оказывается важнее самих фактов.

Гибридные войны в научной литературе определяются как комплексное сочетание политических, экономических, информационных, психологических и технологических воздействий, направленных на достижение стратегических целей без официального объявления войны. Их ключевой особенностью является манипуляция общественным сознанием, подрыв доверия к институтам власти и дестабилизация системы управления противостоящей стороны. Существенная часть таких действий разворачивается именно в цифровой среде, где информационные воздействия могут осуществляться скрытно и с минимальными затратами ресурсов [2].

С начала XXI века развитие информационных и коммуникационных технологий придало гибридным конфликтам качественно новое содержание. Социальные сети, ставшие неотъемлемым элементом повседневной жизни миллионов людей, превратились в ключевую площадку для распространения манипулятивных сообщений, дезинформации, политической мобилизации и воздействия на массовое сознание. Онлайн-пространство позволяет формировать общественные настроения в кратчайшие сроки, практически независимо от географических и государственных границ, что значительно усложняет контроль над информационными потоками со стороны национальных государств.

Особое внимание исследователи уделяют тому, что информационные воздействия в условиях гибридных войн всё чаще ориентируются на социально-демографические и психологические особенности целевых аудиторий, включая возраст, ценностные установки, уровень медиаграмотности и эмоциональную восприимчивость. Молодёжь в этом контексте рассматривается как одна из наиболее чувствительных и одновременно активных социальных групп. Молодые люди постоянно присутствуют в социальных сетях, участвуют в сетевых сообществах, создают и распространяют контент, формируя собственные каналы

коммуникации. Таким образом, молодёжь выступает не только объектом информационного воздействия, но и его активным субъектом, влияя на процессы политической социализации и формы социального действия.

В современном научном дискурсе информационная составляющая гибридных войн рассматривается как ключевая, поскольку борьба за интерпретацию событий и установление доминирующих смыслов всё чаще разворачивается именно в цифровом пространстве. Социальные сети становятся инструментом влияния, способным формировать коллективные эмоции, усиливать поляризацию общества, провоцировать конфликты и задавать рамки общественного обсуждения. Манипулирование информационной повесткой позволяет трансформировать общественные настроения без применения прямого силового давления [2].

С начала XXI века ведущие государства вступили в жёсткое противоборство за ресурсы, политическое влияние и контроль над формированием исторического будущего. Это противостояние всё чаще протекает в форме гибридной войны, интегрирующей все известные виды воздействия – от политического и экономического до информационного, психологического и кибернетического. Основная цель подобных конфликтов заключается не столько в физическом уничтожении противника, сколько в подрыве его воли к сопротивлению, дезориентации общества и формировании моделей поведения, отвечающих интересам инициатора воздействия.

В современном цифровом пространстве ключевым инструментом гибридных войн становятся социальные сети и мессенджеры, такие как WhatsApp, Viber, Telegram, Facebook Messenger и другие. Эти платформы позволяют осуществлять целенаправленное воздействие на психоэмоциональное состояние больших масс людей, трансформируя социальное недовольство и тревожность в нетерпимость, неповиновение, саботаж и протестные формы поведения. Молодёжь, активно использующая онлайн-коммуникации, оказывается в центре этих процессов, выступая одновременно объектом и активным участником информационного противоборства.

Мессенджеры обладают рядом специфических преимуществ для реализации информационно-психологических воздействий. К ним относятся мгновенная рассылка сообщений широкой аудитории, интеграция текстовых, визуальных и аудиовизуальных материалов, относительная анонимность отправителей, а также возможность краудсорсинга, при которой сама аудитория вовлекается в создание и распространение контента. Эти особенности делают социальные сети и мессенджеры особенно эффективным инструментом гибридного воздействия и определяют их возрастающую значимость в современных стратегических конфликтах [3].

Таким образом, социальные сети и мессенджеры стали

неотъемлемой частью современных гибридных войн, формируя цифровое пространство, в котором молодёжь выступает одновременно объектом и субъектом информационного воздействия. Цифровые коммуникации создают новые механизмы политической социализации, оказывают существенное влияние на социальное поведение и открывают возможности для активного участия молодых людей в общественных и политических процессах. Изучение данной динамики имеет важное значение для понимания современных форм информационного противоборства и разработки стратегий безопасного, ответственного и осознанного участия молодёжи в цифровой среде.

Литература и источники

1. Информационное общество в Республике Беларусь: стат. сб. Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [сайт]. – Минск, 2023. – 65 с. – URL: https://www.belstat.gov.by/ ofitsialnaya-statistika/ publications/ izdania/ public_compilation/ index_77679/ (дата обращения: 14.11.2025).

2. Кандауров, Б. И. Информационные войны в гибридном измерении / Б. И. Кандауров // The Newman in Foreign Policy. – 2022. – № 65 (109). – Т. 2. – Март–апрель. – С. 24–30.

3. Караяни, А. Г. Мессенджер как орудие гибридной войны / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, С. В. Цыганков // Педагогические науки. Психология и педагогика служебной деятельности. – 2020. – № 4. – С. 45–52.

ЭТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ГИИ)

И. Е. Прись

Прежде всего искусственный интеллект (ИИ) – зеркало, представление не мира, реальности, а наших представлений о мире, реальности. Он совершает все ошибки, включая этические, которые совершает человек, а также свои собственные – обусловленные своей специфической природой [1–3]. Традиционные проблемы этики технологии – проблемы ответственности, приватности, искажения, справедливости, предвзятости, прозрачности, манипуляции, отчуждения, эксплуатации и другие – возникают и в этике ГИИ [4]. Эти проблемы ГИИ может усиливать или ослаблять, в зависимости от его употребления и интеграции в социальные практики. Например, ответственность оказывается более сложной, распределённой. В то же время сам ГИИ может помочь в её установлении. Что касается приватности (личные данные, индивидуальный профиль), то ИИ может её как разрушить, так и обеспечить (например, выступить в роли конфиденциального виртуального психолога). Искажения зависят, в частности, от дизайна,

программы и данных, на которых обучается ГИИ. Поскольку ГИИ способен генерировать статьи, книги, стихи, музыку, изображения, может усиливаться проблема отчуждения человека от произведённого продукта или даже возникать новая – более острая – проблема замещения интеллектуальной или творческой деятельности человека деятельностью синтетической. Ещё одна опасность состоит в том, что когнитивная и этическая разгрузки, достигаемые использованием ГИИ, могут привести к снижению способности к самостоятельным эпистемическим и этическим суждениям. Если ИИ выступает в роли «сократовского собеседника», помогающего постепенно развить критическое и этическое мышление пользователя, взаимодействие с ним может сделать более этическим. Если же ИИ лишает человека автономии, замещая его, или усиливая его исходные ошибочные взгляды, он может сделать человека менее этическим [5].

Новыми этическими проблемами являются также проблемы ИИ-авторства и социальных отношений с ГИИ. Либеральная позиция приписывает ГИИ авторство, консервативная – его отрицает, а умеренная – признаёт его, не признавая наличия у ГИИ ментальных состояний [6]. Для либералов и консерваторов авторство предполагает наличие ментальных состояний, интенциональности, в частности, намерений, и нормативных способностей. Первые признают их наличие у ГИИ, тогда как вторые отрицают. Сторонники умеренной позиции не считают, что наличие ментальных состояний – необходимое условие авторства. Выполнение некоторой функциональной роли (генерации связного текста, удовлетворяющего тем или иным критериям) с их точки зрения может быть достаточным для авторства.

Все три позиции, однако, разделяют одну и ту же антропоцентричную предпосылку: что ментальные состояния могут быть только такими, как у человека.

Согласно нашей точке зрения о ГИИ как о квазисубъекте, ГИИ может иметь квазиментальные состояния, в частности, квазинамерения, быть квазиавтором. Некоторые сторонники умеренной позиции обращаются к понятию интенциональной установки Д. Деннета. Но это понятие вместе с понятием реального паттерна как раз и позволяет приписывать искусственной системе ментальные состояния в буквальном, пусть и не антропоцентричном, смысле – а не в смысле «как если бы», как это делает, например, М. Кленк, применяя к ГИИ теорию аффорданса Дж. Гибсона [4; 7].

Таким образом, мы склоняемся к существованию некоторого неантропоцентричного (но имеющего семейное сходство с соответствующим антропоцентричным) концепта квазиавторства. В этом направлении указывает анализ Ж. Габаре произведений искусства, созданных ГИИ [8]. Синтетические произведения искусства имеют свою

собственную природу и интенциональное измерение в более широком смысле. Проблема возникает только в том случае, если мы оцениваем их мерками человеческого искусства. Например, синтетический портрет не представляет конкретного человека, подобно портретам, нарисованным людьми, а представляет ту базу данных, все те портреты, на которых ГИИ был обучен. Это портрет портретов, представление представлений. Для понимания синтетического искусства Габаре предлагает «механизм дистанцирования», позволяющий рассматривать произведения ГИИ как результат искусственного генеративного процесса, а не человеческого творческого интенционального процесса.

Можно согласиться с Кленком, что этическая оценка должна учитывать, как пользователи интерпретируют и воспринимают поведение ГИИ (аффорданс «переживания опыта как реального») [4]. Но, на наш взгляд, этого недостаточно. С точки зрения теории аффорданса, ГИИ не может иметь намерений, быть автором ни в каком смысле. Его выходные данные могут иметь лишь иллюзию осмысленности. Как следствие, он не может быть этическим агентом. В частности, подход «как если бы» игнорирует собственную природу синтетического искусства. Восприятие синтетического портрета или синтетического стихотворения, как если бы они были написаны человеком, оказывается ложным. Понятие квазисубъекта (квазиавтора) позволяет отделить в гибридном произведении искусства вклад человека от вклада ГИИ, а также придать определённую ценность квазитворчеству последнего. Интерпретация «как если бы» не позволяет это сделать. Исследования показывают, что многие люди предпочитают синтетическую поэзию по причине её большей простоты, ошибочно полагая (именно потому, что они её предпочитают), что она создана человеком; человеческая поэзия им кажется менее понятной [9]. Этот пример иллюстрирует тот факт, что пользователи ложно интерпретируют поведение ГИИ. Этика ГИИ должна иметь более прочное основание, чем опыт его спонтанного восприятия.

Как считают некоторые исследователи, синтетическое искусство предполагает исследование, новизну и, быть может, даже креативность. В этом случае введение понятия квазиавтора нам представляется необходимым. Квазиавтор, как и автор, имеет нормативный, а не дескриптивный статус. Это не имитация автора. Как было сказано, обычно считается, что для авторства необходимо наличие намерений и понимания. Это можно оспаривать. Но даже, если это так, у ИИ могут быть квазинамерения и квазипонимание [10].

Подход «как если бы» кладёт в основание этики ГИИ иллюзию, фикцию. Иллюзией, фикцией оказываются намерения, авторство, этика ГИИ. Иллюзией, фикцией также оказываются социальные отношения с ГИИ. Но, подобно тому, как неверно оценивать синтетические произведения искусства в терминах «как если бы», неверно оценивать

социальные отношения с ГИИ, «как если бы» это были отношения с людьми. Это не отношения с людьми, не опыт реальных человеческих отношений, и эти отношения не иллюзия, а реальные квазиотношения, то есть отношения с ГИИ. ГИИ может влиять на нас, манипулировать нами (иногда, быть может, для нашего блага. Проблема патернализма в этике ГИИ ставится более остро), вводить нас в заблуждение, но не как человек, а как квазисубъект. Следовательно, его надо принимать в собственной онтологической реальности. Эффект взаимодействия человека с ГИИ отличается от межличностной коммуникации. Для осмысления этого различия мы предлагаем и здесь воспользоваться механизмом дистанцирования, который Габаре предлагает для анализа произведений искусства, созданных ГИИ.

Литература и источники

1. Прись, И. Е. Искусственный интеллект: о «новой этике» М. Габриэля / И. Е. Прись // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 137–145.

2. Прись, И. Е. Является ли большие языковые модели полноценными лингвистическими и когнитивными агентами? О тезисе Г. Каппелена и Дж. Девера «Идти до конца» / И. Е. Прись // Проектирование будущего и горизонты цифровой реальности : труды Восьмой междунар. белорусско-российской науч.-практ. конф., 29–30 мая 2025 г., г. Минск / НАН Беларуси, Отд. гуманит. наук и искусств, Ин-т философии НАН Беларуси, Ин-т прикл. матем. им. М. В. Келдыша Рос. акад. наук ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2025. – С. 199–208.

3. Прись, И. Е. Искусственный интеллект (ИИ) и расширенный разум / И. Е. Прись // Интеллектуальная культура Беларуси в глобальных и региональных контекстах : материалы Девятой междунар. науч. конф., 20–21 ноября 2025 г., г. Минск : в 2 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2025. Т. 1. – С. 241–245.

4. Klenk, M. The Ethics of Generative AI / M. Klenk // the Encyclopedia of Applied Ethics, 3rd edition [Electronic resource] / ed. by R. Chadwick. – To appear. – URL: https://arxiv.org/ abs/ 2512.04598 (date of access: 12.01.2026).

5. Berber, A. AI-aided Moral Enhancement: Exploring Opportunities and Challenges / A. Berber // A Companion to Applied Philosophy of AI / eds.: M. Hähnel & R. Müller. – John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, 2025. – P. 428–441.

6. Van Woudenberg R. Authorship and ChatGPT: a Conservative View / R. Van Woudenberg, C. Ranalli, & D. Bracker // Philosophy & Technology. – 2024. – 37:34.

7. Прись, И. Е. Интенциональный реализм Д. Деннета как контекстуальный реализм / И. Е. Прись // Философские исследования (Институт философии НАН Беларуси). – 2022. – Вып. 9. – С. 298–307.

8. Gabaret, J. L’art des IA. – Paris : PUF, 2025. – 432 p.

9. Porter, B. AI-generated poetry is indistinguishable from human-like written poetry and is rated more favorably [Electronic resource] / B. Porter, E. Machery // Scientific

Reports. – 2024. – Vol. 14, 26133. – URL: https://doi.org/ 10.1038/ s41598–024–76900–1 (date of access: 11.01.2026).

10. Прись, И. Е. Осмысленны ли генерируемые искусственным интеллектом (ИИ) тексты / И. Е. Прись // Философия в XXI веке: традиции и инновации : материалы III Междунар. науч.-практической конференции, 11 апреля 2025 г., г. Зеленоград : в 2 ч. ; под общ. ред. Н. В. Даниелян. – М. : МИЭТ, 2025. – Ч. 2. – С. 75–82.

ОТЧУЖДЕНИЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПЕРЕЖИВАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ПРОГРАММИСТОВ

Д. В. Рынденко, Е. И. Цюхай

В условиях нарастающей цифровизации программирование становится значимым направлением, определяющим многие стороны бытия человека и общества. Динамичность развития IT-сферы со свойственными ей требованиями укладываться в жесткие сроки и обладать специализированными техническими и коммуникативными компетенциями ведет к трансформации ценностно-смысловой сферы специалистов [1, с. 136]. Это усиливает эмоциональное напряжение, что может проявиться в состоянии эмоционального выгорания.

Спецификой деятельности программистов зачастую является негативная оценка программистами собственной компетентности и продуктивности [2], что может быть связано с преимущественно когнитивной нагрузкой и получением результатов труда в нематериальной форме, а также с недостаточно четким разделением вклада каждого сотрудника в конечный продукт.

На этом фоне у программистов отмечается тенденция к снижению чувства личной сопричастности к выполняемому делу, то есть моральной ответственности. Данный феномен в последние годы становится все более актуальным для специалистов технологических профессий, которые сталкиваются с неопределенностью задач, распределенной коммуникацией, виртуальностью структуры [3].

Профессиональная успешность каждого из нас может рассматриваться сквозь призму нашего отношения к себе как профессионалу, осознания ценности и смысла труда, а также соответствия наших интересов требованиям выбранной профессии [4, с. 22]. Согласно В. Франклу, человек считает что-то ценным, лишь когда обнаруживает подтверждение осмысленности своих действий, что буквально может «зажечь» смысл в человеке [5].

Ценностные ориентации личности – это организованная система, влияющая на восприятие человеком мира, мотивацию и выбор [6].

Ценности ориентируют человека на внешние объекты, внутренне его «затрагивающие», стимулируют в нем изменения и приводят в движение. Согласованная с ценностями деятельность «захватывает» человека, и эта сфера жизни начинает оказывать значительное воздействие на него. По мнению А. Лэнгле, «ценности влияют на бытие, которое меняется под этим влиянием» [7, с. 70].

Длительное, эмоционально и когнитивно нагруженное профессиональное взаимодействие способно перерасти в эмоциональное выгорание, если специалист перестанет видеть в нем ценность. Как утверждает К. Маслак, выгорание есть индивидуальная реакция на возникающий рабочий стресс, затрагивающий отношение личности к себе и окружающим [8, с. 69]. Специфика деятельности IT-специалистов (командный формат работы, насыщенное взаимодействие с коллегами, руководителями и заказчиками и др.) повышает риск эмоционального истощения и внутренней опустошенности.

Можно предположить, что в ходе профессиональной деятельности выраженность моральной ответственности и актуальность тех или иных ценностей у программистов может быть связана с характером их отношений с работой. Тогда как устойчивая система ценностей и принятие ответственности могут способствовать превенции эмоционального выгорания и повышению мотивации к преодолению профессиональных вызовов.

Исследование. Выборка была представлена 105 белорусскими программистами, занятыми в разработке программного обеспечения и поддержке его функционирования. Возраст респондентов варьировался от 19 до 46 лет (средний возраст – 25,9 лет). Половой состав выборки – 73 мужчины и 32 женщины, что в целом отражает ситуацию на рынке труда в IT-сфере.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью опросников:

1. «Профессиональное выгорание» Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой, созданный на основе методики MBI К. Маслач и С. Джексон;

2. «Отчуждение моральной ответственности» (MD-8). С. Мур в адаптации Я. А. Ледовой;

3. «Профиль личности» Ш. Шварца в адаптации В. Н. Карандашева.

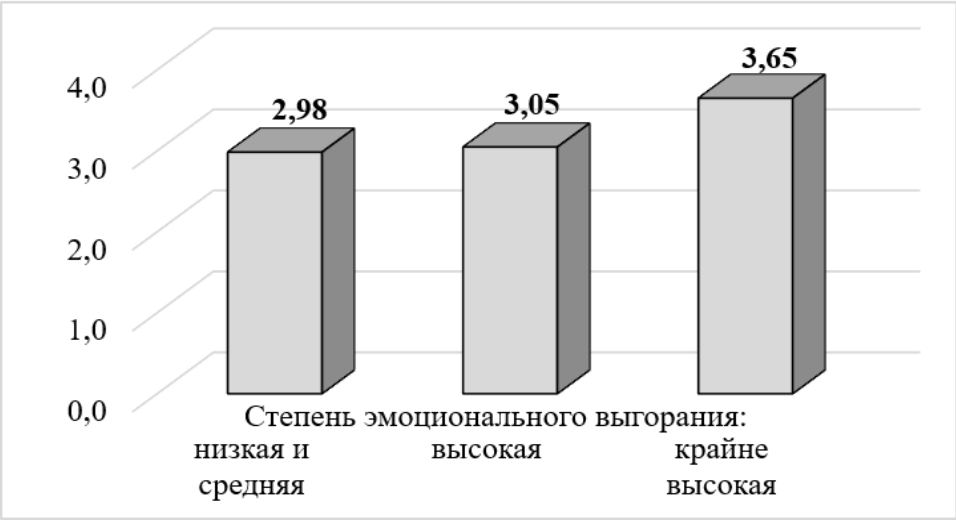
Полученные данные были обработаны в пакете SPSS Statistics (рассчитывались критерии Краскела-Уоллиса и Фишера).

По степени эмоционального выгорания выборка подразделялась на группы: с низкой и средней степенью – у 43 респондентов (41,0 %), с высокой – у 32 респондентов (30,5 %) и крайне высокой – у 30 респондентов (28,5 %). Значительная степень выгорания обусловлена необходимостью постоянной концентрации на сложных задачах и непрерывного обучения. Жесткие дедлайны и высокая ответственность за

критические ошибки создают неблагоприятные условия для хронического стресса. Многочасовая работа за компьютером в сидячем положении и отсутствие четких границ между профессиональной и личной жизнью (особенно в условиях удаленного формата) могут приводить к эмоциональному выгоранию [9].

Средние значения отчуждения моральной ответственности программистов с различной степенью выгорания представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Отчуждение моральной ответственности программистами с различной степенью эмоционального выгорания



По мере усиления выгорания у программистов наблюдается рост *отчуждения моральной ответственности* (p=0,017), что свидетельствует об активном использовании ими подобного способа психологической защиты для снижения внутреннего дискомфорта.

Значимые различия в выраженности механизмов морального отчуждения выявлены у программистов с разным уровнем выгорания. Так, в группе с крайне высокой степенью выгорания по сравнению с другими группами возрастает склонность к:

– *дегуманизации* (p<0,001);

– *использованию эвфемистических ярлыков (p=0,001);*

– *моральному оправданию (p=0,007).*

Подобные действия могут привести к профессиональной деформации в виде оправдания высшими целями снижения качества работы, а окружающие могут восприниматься как обезличенные объекты.

Понимание сущности эмоционального выгорания у программистов дает анализ структуры их ценностно-смысловой сферы (рисунок 2).

Рисунок 2. Ценностные ориентации программистов с различной степенью эмоционального выгорания

При усилении выгорания отмечается снижение средних значений всех ценностных ориентаций. Установлены значимые различия между программистами с различной степенью выгорания в выраженности: *универсализма* (p=0,003); *традиций* (p=0,013); *самостоятельности* (p=0,001); *власти* (p=0,038); *конформности* (p=0,004) и *стимуляции* (p=0,018);

Снижение значений ценностных ориентаций на фоне негативных последствий выгорания свидетельствует о пересмотре программистами своего отношения ко всем сторонам их бытия и общем ослаблении интереса к достижению значимых результатов в профессии.

При невысокой степени выгорания в системе ценностей программистов доминирует самостоятельность, стимуляция и конформность что отражает образ независимого специалиста, разделяющего стандарты и культуру профессионального сообщества.

Таким образом, с усилением выгорания отмечается не только некоторое отчуждение моральной ответственности, но и пересмотр значимости всех ценностных ориентаций программистов, что вызвано стремлением к экономии личностных ресурсов для сохранения внутренней стабильности и избегания дальнейшего истощения.

Литература и источники

1. Кот, А. С. Профессиональное благополучие специалистов сферы информационных технологий / А. С. Кот, А. А. Качина // Организационная психология. – 2024. – № 14 (1). – С. 134–157.

2. Муравьева, О. И. Профессиональное выгорание программистов: специфичность феномена / О. И. Муравьева, К. В. Козлова // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 73. – С. 98–110.

3. Гофман, О. О. Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор / О. О. Гофман, Н. Е. Водопьянова // Организационная психология. – 2023. – № 13 (1). – С. 117–144.

4. Леонтьев, Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля / Д. А. Леонтьев // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 14–37.

5. Франкл, В. Теория и терапия неврозов. Введение в логотерапию и экзистенциальный анализ / В. Франкл. – СПб. : Речь, 2001. – 234 с.

6. The Big Five Personality Factors and Personal Values / S. Roccas [et al.] // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2002. – Vol. 28. – P. 789–801.

7. Лэнгле, А. Эмоции и экзистенция / А. Лэнгле. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2017. –284 с.

8. Maslach, C. A multidimensional theory of burnout / C. Maslach // Theories of Organizational Stress. – Oxford : Oxford, University Press, 1998. – P. 68–85.

9. Lenberg, P. Misaligned Values in Software Engineering Organizations / P. Lenberg, R. Feldt, L. G. W. Tengberg // Cornell University Journal of Software : Evolution and Process. – 2018. – Vol. 2. – P. 14–24.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ДЕГРАДАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Акбар Саиткасимов

В условиях глобализации, когда человечество стремится к социально-духовному прогрессу, позитивное отношение молодежи к социальным и гуманитарным процессам, ее морально-правовая культура и социальная ответственность приобретают огромное значение. Эти процессы вносят существенный вклад в повышение стабильности, мира и спокойствия в обществе. Дальнейшее совершенствование мер по стабилизации нравственного облика молодежи, непрерывные действия в этом направлении ускорят всестороннее развитие общества, создав уникальную основу для возникновения в нем новых традиций прогресса.

У некоторых представителей молодёжи встречаются такие черты, как отсутствие воли, трусость, лень, низость, лицемерие и безнравственность, которые негативно влияют на важные процессы духовного развития и подрывают ситуацию социальной стабильности. Поэтому в эпоху техногенной цивилизации задача обеспечения стабильного уровня нравственного образа молодёжи в глобальном масштабе становится все более сложной. Английский драматург Бернард

Шоу подчеркивал: «Теперь, когда мы научились летать по воздуху как птицы, плавать под водой как рыбы, нам не хватает только одного: научиться жить на земле, как люди» [1, с. 173]. Это означает, что, достигнув невероятных технологических высот, человечество часто упускает самое главное – научиться жить в гармонии друг с другом и с миром.

Нравственные качества молодежи являются важной составляющей духовного существования общества. В то же время они являются продуктом воспитательных процессов. Нравственность – это социально-духовное явление, постоянно совершенствующее мировоззрение и интеллект молодых людей, ведущее их к вершине совершенства и открывающее плодотворные перспективы. Деструктивные ситуации в поведении молодежи подрывают их социальную жизнь и приводят к возникновению нестабильной обстановки в обществе, семье, учебном заведении и трудовом коллективе. Э. Дюркгейм отмечал: «Люди не равны по физической силе и талантам, и все же мы стремимся придавать всем им одинаковую моральную ценность» [2, с. 109–110].

На наш взгляд, нравственный образ молодежи характеризуется активизацией их поведения посредством деятельности, связанной с получением и анализом информации и данных об окружающей среде, их взглядами на социально-духовную деятельность под влиянием внутренних и внешних факторов, гуманистических принципов и способностью соответствующим образом менять направление своей культурной деятельности. Поведение молодежи также представляет собой совокупность процессов, связанных с совершением социально значимых действий, которые актуальны благодаря их восприятию моральных норм, исторических традиций и духовных ценностей, сложившихся в обществе, а также уровню их способностей на социально-психологическом и культурном уровнях.

Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзияев утверждает: «Наша ключевая задача – обеспечить условия для самореализации молодёжи, создать заслон на пути распространения "вируса" идеологии насилия. Считаем, что для этого надо развивать многостороннее сотрудничество в сфере социальной поддержки молодого поколения, защиты его прав и интересов. В связи с этим, Узбекистан предлагает разработать Международную конвенцию ООН о правах молодежи – унифицированный международно-правовой акт, нацеленный на формирование и реализацию молодёжной политики в условиях глобализации и бурного развития информационно-коммуникационных технологий» [3, с. 4].

Анализируя слово «деградация», можно сказать, что оно означает упадок, снижение, падение, опускание на низкий уровень. «Деградация, регрессия – процесс ухудшения характеристик какого-либо объекта или

явления с течением времени, постепенное ухудшение, упадок, снижение качества, разрушение материи вследствие внешнего воздействия по законам природы и времени. Деградация часто противопоставляется прогрессу» [4, с. 1]. В деградации морали мы также понимаем возрастающий уровень её упадка во всем мире. «Духовная деградация – это падение нравственности, при котором люди забывают базовые ценности, заложенные ещё с момента образования общества. К ним относятся доброта, искренность, достоинство, сопереживание. Также духовная деградация может характеризоваться отсутствием эмпатии, сострадательности, понимания к близким» [5, с. 1].

Духовная и моральная деградация – это процесс, подрывающий стабильность общества. В эпоху глобализации виды угроз и способы их быстрого воздействия возросли и стали более распространенными. К числу угроз, негативно влияющих на духовную и нравственную деградации жизни молодёжи, можно отнести: религиозный экстремизм, международный терроризм, наркомания, массовая культура, торговля людьми, космополитизм, лудомания, миссионерская деятельность, прозелитизм, нигилизм, насилие, неофашизм, шовинизм, эгоцентризм, индивидуализм, СПИД, звездизм (слепое подражание звездам), вандализм (разрушение культурных и материальных памятников), безнравственность, проституция, распущенность, однополые браки, хепининг.

В условиях глобализации информационного пространства интернет-система характеризуется способностью в определенной степени деградировать моральный фактор человека. Такие бурные процессы развития в информационной сфере становятся фактором, влияющим на моральный образ жизни молодежи в современных условиях. В источнике соцсети утверждается: «Интернет позволяет преступникам вовлекать людей в незаконную деятельность. В сети есть достаточно сообществ, которые пропагандируют и распространяют:

– экстремистскую и нацистскую идеологию;

– опасные увлечения и квесты (например, "зацепинг"), употребление наркотиков, трэш-стримы, шок-контент;

– причинение вреда себе или окружающим: так называемые движения "селфхарм" ("вред себе") и "пиплхейт" (пропаганда ненависти к людям), анорексию и прочие;

– нетрадиционные духовно-нравственные ценности (оккультизм, сатанизм, феминизм, чайлдфри, смену пола и другие);

– насилие, каннибализм, убийства и самоубийства, иной депрессивно-суицидальный контент» [6, с. 4].

Информационное общество вызывает беспрецедентные социально-культурные события в истории человечества. Информационная эпоха порождает процессы, невиданные ранее, которые полностью меняют логику человеческой жизни. Ускорение обмена информацией, наряду с

расширением возможностей повседневной жизни человека, также обеспечивает его погружение в информационный мир. Информационные технологии и телекоммуникации стали повседневной необходимостью для людей. Человечество еще не способно синтезировать разнообразную информацию в огромном и быстро меняющемся информационном пространстве и в полной мере освоить потребительскую культуру.

В источнике соцсети утверждается: «К октябрю 2025 года население планеты достигло 8,25 млрд человек. 70,1% из них пользуются мобильными телефонами – 5,78 млрд. Интернет-аудитория составляет 6,04 млрд человек. Уровень проникновения интернета в мире составляет 73,2%. *З*а год количество уникальных пользователей интернета выросло на 5,1% (+294 миллиона). 96% от общего числа юзеров выходят в онлайн через мобильные телефоны, и только 59,6% – через ноутбуки и компьютеры. Эти показатели отражают глобальный сдвиг в сторону мобильного потребления контента и подтверждают, что именно мобайл остается ключевой средой для взаимодействия брендов с аудиторией» [7, с. 6]

В обществе информационное пространство очень широко, его влияние огромно, и оно распространяется с помощью современных быстрых средств. Это гарантирует, что информационная система принципиально отличается от других сфер общественной жизни. В частности, невозможно ограничить информации различного уровня, широко распространяемые через современные средства массовой информации (особенно интернет), которые являются быстрыми и передовыми информационно-коммуникационными системами. Таким образом, следует отметить, что в информационном обществе существуют определенные сложности в системе защиты молодежи от различных угроз, исходящих через информационные потоки. В этом процессе защита молодежи от различных угроз требует очень высокого уровня духовного мировоззрения.

Литературы и источники

1. Гримак, Л. П. Разривы человической психики. – М. : Политиздат, 1989. – 173 с.

2. Дюркгейм, Э. Ценностные и реальные суждения // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 109–110.

3. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев выступил на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 20.09.2017. – URL: //https://president.uz/ ru/ lists/ view/ 1063.

4. Деградация. – URL: https://ru.wikipedia.org/ wiki/

5. Духовная деградация. – URL: https://ya.ru/ neurum/ c/ psihologiya-i-otnosheniya/ q/ chto_takoe_duhovnaya_degradaciya_290b98bb.

6. Безопасность в сети Интернет в 2026 году. – URL: https://www.kp.ru/ expert/ elektronika/ bezopasnost-v-seti-internet/

7. Digital 2026 Global Overview Report: тренды цифрового маркетинга из нового отчета Data Reportal. – URL: https://www.byyd.me/ ru/ blog/ 2025/ 10/ digital-2026-global-overview-report.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ: ОТ КОНТРОЛЯ К ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЗМУ

И. П. Салтанович

Цифровая трансформация образования развёртывается перед нами как гораздо более сложное явление, чем простой перенос учебного процесса в цифровую среду. Это – фундаментальное переосмысление социальных отношений внутри образовательных систем, переформатирование власти, авторитета и агентности, а также переворот в восприятии знания и культуры. Современные социологические исследования, опубликованные в 2025 году, выявляют парадоксальное положение: цифровые технологии, открывая возможности для демократизации образования и персонализации обучения, одновременно создают новые формы контроля, алгоритмической дискриминации и потери человеческой автономии. В данной статье предлагается рассмотреть цифровизацию образования сквозь призму социально-этического и эстетического измерений, связывая теоретические рамки с конкретными находками новейших исследований.

Социотехнические трансформации в образовании

Недавнее исследование «Искусственный интеллект в образовании: социологическое исследование технологий в учебных средах», опубликованное в журнале «Frontiersin Education», применяя к анализу искусственного интеллекта в образовании теорию акторно-сетевого взаимодействия, предложило критический взгляд на то, как ИИ функционирует не просто как инструмент, а как социотехническая сила, способная переструктурировать отношения *контролируемости управляемости* в образовательных учреждениях. ИИ встраивается в процессы распределения учебных ресурсов, оценивания, профилирования студентов – и везде несёт с собой отпечатки предубеждений, закодированных в его алгоритмы. Авторы обращают внимание на то, что так называемый «технологический нейтралитет» маскирует глубокие этические и политические следствия: алгоритмы могут воспроизводить и усиливать существующие социальные неравенства по признакам расы, класса и пола – особенно в контексте систем автоматического принятия решений.

Параллельное исследование, сосредоточенное на EdTech в

африканских школах (журнал International Journal of Educational Technology, 2025), выявляет более сложную картину: хотя простое внедрение цифровых технологий значительно повышает педагогическую интеграцию, действительно *умножает возможности* в обучении, особенно для студентов из малообеспеченных слоёв, сама природа этого улучшения требует критической рефлексии. Технологии могут открыть доступ к знаниям, но в то же время создают новые зависимости от цифровой инфраструктуры и платформенных экосистем. Это ставит нас перед необходимостью переосмыслить понятие «справедливость» в цифровом контексте: справедливость ли это, когда образование становится доступным, но опосредовано коммерческими платформами, контролирующими данные студентов?

Цифровая идентичность и культурные практики молодёжи

Социологические исследования молодёжной культуры, проведённые в прошлом году, использовали метод нетнографии для анализа того, как студенты конструируют свою идентичность через социальные медиа и цифровые платформы. Ключевой вывод состоит в том, что цифровая идентичность не является простым отражением внутреннего «я» – это скорее результат постоянного «переговорного процесса» между собственными представлениями молодого человека и архитектурой платформ, которые определяют, что можно увидеть, кто может взаимодействовать, какие формы выражения поощряются или подавляются.

Одновременно «Исследование цифровой этики: глобальные тенденции и расходящиеся пути», проведённое на основе опроса более 5000 студентов, показало, что молодёжь демонстрирует высокую ответственность в отношении своей цифровой идентичности. Студенты глобально являются ранними «адаптерами» генеративного ИИ. Так, 70% студентов используют генеративный ИИ для создания контента, 62% из них также уверены в своей способности распознавать дипфейки, а 41% практически знают кого-то, кто стал жертвой онлайн-мошенничества. Это свидетельствует о растущем осознании молодежью цифровых рисков и необходимости развития критической медиаграмотности как основного компонента современного образования.

Однако социокультурное измерение здесь не исчерпывается риском и безопасностью. Исследования показывают, что социальные медиа оказывают глубокое влияние на формирование культурной идентичности молодого поколения, взаимодействуя с национальными ценностями и традициями. Подлинная задача образования – помочь молодежи критически рефлексировать эту комплексную динамику, сохраняя при этом автономию мышления и культурную самобытность в условиях глобального давления цифровой унификации.

Эстетика алгоритма: от механизма управления к творческому потенциалу, от технологического управления к человекоцентризму

Цифровизация образования и культуры неотделима от эстетического «переизобретения» знания и искусства в эпоху алгоритмов. Здесь мы встречаемся с парадоксом: алгоритмы часто преподносятся как объективные, нейтральные инструменты, на самом деле жестко воплощая определённые эстетические предпочтения и ценностные ориентации. Алгоритм рекомендаций социальной сети не просто показывает контент – он формирует вкус, управляет вниманием, создаёт визуальный и нарративный мир, в котором обитает пользователь.

Философско-социологическое исследование алгоритмической эстетики, предложенное в недавних публикациях, делает различие между «эстетикой алгоритма» (как алгоритмы формируют наше восприятие прекрасного и безобразного) и «алгоритмической эстетикой» (как компьютерные процессы могут быть использованы для создания новых форм искусства). В контексте образования – это различие критично: когда мы используем ИИ для персонализации обучения, мы не просто приспосабливаем контент к когнитивным стилям студента – мы невольно навязываем определённую эстетику познания, структурируя информацию в соответствии с алгоритмическими предпочтениями эффективности, релевантности и предсказуемости.

Принципиальный сдвиг в недавних исследованиях состоит в движении от технократического видения (где технология является решением всех проблем образования) к этическому видению, где технология подчинена человеческим ценностям и достоинству. Цифровая этика, как она артикулируется в современной философской и социологической литературе, начинается с признания того, что человеческое достоинство должно находиться в центре всех соображений при проектировании и внедрении технологий.

Конкретная этическая задача образования в цифровую эпоху состоит в том, чтобы развить у студентов компетенцию критической цифровой рефлексии – способность не просто использовать технологии, но понимать их социально-политические импликации, распознавать манипуляцию и алгоритмическую дискриминацию, защищать свою автономию и достоинство в цифровом пространстве. Это требует переформатирования роли педагога: от источника знаний к медиатору, который помогает студентам «навигировать» в сложном ландшафте цифровизации, сохраняя при этом критическую дистанцию и моральную рефлексию.

Цифровая трансформация как культурный процесс

Социологические исследования цифровой культуры (особенно работы, фокусирующиеся на молодёжи и студентах) указывают на то, что

цифровизация – это не столько технический, а глубокий культурный процесс, связанный с переоценкой того, что мы считаем знанием, искусством, культурой, образованием. Платформенное общество, о котором говорят современные исследователи, характеризуется тем, что культурные практики всё больше опосредуются алгоритмическими системами, которые определяют тематику, говорящего, какие голоса усилить, а какие оставить маргинальными.

Образование в таких условиях должно стать пространством восстания против алгоритмической культуры унификации. Это означает создание образовательных сред, где студенты не только потребляют цифровой контент, но и критически анализируют его, создают собственные нарративы и формы выражения, которые не полностью определяются логикой платформ. Речь идёт о том, чтобы образование стало пространством культурной самозащиты и творческого «переизобретения» знания в условиях цифровизации.

Цифровизация образования, культуры, науки – это вопрос не только технический, но ещё и фундаментально философский, этический и эстетический. Она ставит перед нами вопрос о том, какого рода человека и какого рода общества мы хотим создавать в цифровую эпоху. Если мы оставим цифровую трансформацию образования исключительно на откуп технологическим компаниям и рыночной логике, мы рискуем усилить существующие неравенства, подорвать человеческую автономию и обеднить эстетический и этический горизонт образования.

Альтернативный путь – это путь критической, рефлексивной, человекоцентричной цифровизации, где технологии служат целям человеческого развития, где образование становится пространством формирования критического мышления и этического осознания цифровизации, и где красота, творчество и смысл остаются в центре образовательного процесса. Это требует переосмысления роли философии, социологии и гуманитарных наук в целом – не как комментаторов уже произошедших технических изменений, а как активных участников в формировании этически и эстетически осознанного подхода к цифровой трансформации общества.

Литература и источники

1. Bouakaz, L. AI in Education: A Sociological Exploration of Technology in Learning Environments / L. Bouakaz, Sh. Khalid // Front. Educ. – 2025. – Vol. 10. – P. 1–9.

2. Jensen, K. Human Rights as a Lay Category of Thought: Content and Structure in the United States / K. Jensen, B. Witkovsky, M. Krause // Socius: Sociological Research for a Dynamic World. – 2025. – Vol. 11 – P. 1–17.

3. Guenduez, A. A. Digital ethics: Global trends and divergent paths / A. A. Guenduez, N. Walker, M. A. Demircioglu// Government Information Quarterly. – 2025. – Vol. 42 (1) – P. 1–20.

4. Various Sociology Department publications. – University of Wisconsin, Nov. 2025: [сайт]. – URL: https://sociology.wisc.edu/ 2025/ 11/ (дата обращения: 04.01.2025).

ИГРА В ИСКУССТВО, ИГРА В НАУКУ

Е. В. Свечникова

Искусство, выражающее идеи влиятельных метанарративов, всегда серьезно. Его художественная реальность – это миры, характеризующиеся тотальностью, значительностью, пафосом. Сейчас, когда метанарративы утратили свое всемогущество и новизну, а новых значительных идеологий и связанных с ними дискурсов не появилось, искусство также утрачивает свое значение и серьезность. Оно становится локальной игрой и продвигает малые нарративы, например, экологическую повестку, гендерную тематику, сциентизм. Как точно подметил Н. Буррио, «Художественная деятельность представляет собой не какую-то незыблемую сущность, а игру, чьи формы, способы и функции варьируются от одного периода или социального контекста к другому» [1, с. 12].

Неклассическое искусство XX в. имело ярко выраженное игровое начало. Чем как не игрой или шуткой является выставление пустых залов, демонстрация отсутствия картин или озвучивание «немого» произведения без звуков? Художник И. Кляйн показал пустоту на выставке «Le Vide» («Пустота», 1958 г.), Л. Парсонс демонстрировала пустые залы в галерее Лоренс-Монк в 1990 г.; пьеса композитора Д. Кейджа 4′33″ («Четыре минуты и тридцать три секунды», 1952) представляет собой тишину [2]. В авангарде XX в. ярко выражены абсурд и ирония, которые являются «эхом» распада метанарративов и грандиозного образа классического искусства. Игрой же является интерактивность и иммерсивность современного искусства. Зритель участвует в создании перформанса, коллажа, читатель – в создании романа. Эта коллективная игра вовлекает аудиторию в творческий процесс, но отнимает у автора часть его творческой свободы.

В новой эстетической парадигме, формирование которой мы наблюдаем в настоящее время, формируется и новая ирония, и новая серьезность – которая, по существу, является утилитарностью, прагматичностью, идеологизированностью и документальностью. Например, создавая абстракцию, автор выступает за экологию, о чем письменно оповещает зрителей. Если художник испещряет полотно десятками одинаковых линий, по сути оно является абстрактным

полотном, но по замыслу, на котором автор фокусирует внимание зрителей, это выступление за экологию, ведь черточки обозначают морские судна, с помощью образа которых автор визуализирует ежегодный объем электронно-бытовых отходов! Имеется в виду картина Kate Shi «350», снабженная QR-кодом, с помощью которого автор информирует, как надо правильно утилизировать технику. Если коллажист создает свое произведение, он подчеркивает, что оно экологично, в духе концепции «ноль отходов» («Zero Waste»). Концепция превалирует над художественной формой, идеологический акт для художника становится важнее эстетического.

Современное искусство отражает основные этические проблемы современности, в числе которых – проблемы экологии, постколониализма, глобализации, исторической памяти, миграционных процессов, искусственного интеллекта и робототехники, и т. д.

Особый интерес представляют собой направления, в которых художественно осмысливаются актуальные проблемы внедрения искусственного интеллекта и других цифровых технологий, развития робототехники и биотехнологий, в частности «Art&Science».

Художник играет в науку. Представители классического искусства осваивали науку ради научных целей и результатов (как, например, Леонардо да Винчи, изобретавший боевые машины, летающие аппараты и многое другое). Современные же художники (например, представители таких направлений, как био-арт, сайенс арт), используют научные технологии для достижения художественных целей. Так, канадский поэт-экспериментатор Кристиан Бёк (Christian Bök) использовал технологию редактирования генома CRISPR (аббревиатура от «clustered regularly interspaced short palindromic repeats») для того, чтобы зашифровать в геноме бактерии стихотворение (проект «Xenotext»), и бактерия при этом стала не только хранителем зашифрованного текста, но и «писателем», создающим новый текст. Бактерия в процессе генетической транскрипции и трансляции продуцирует белок, аминокислотная последовательность которого также дешифруется как текст, отличный от исходного (поэт считает, что этот эксперимент раскрывает эстетический потенциал генетики). Но глобальная цель 25-летнего проекта «Xenotext» – отправить в мир послание, которое переживет человечество и будет существовать миллиарды лет в устойчивых к радиации, холоду и обезвоживанию бактериях-экстремофилах вида *Deinococcus radiodurans* [3].

Художественные эксперименты существуют как невербальный дискурс – отражение тенденций современности. Так, творчество американского медиахудожника Рефика Анадола (Refik Anadol) отражает роль компьютерных технологий в современном мире: с помощью компьютерных алгоритмов Р. Анадол обрабатывает огромные массивы данных и создает иммерсивные инсталляции (проекты «Архивные

сновидения» («Archive Dreaming»), «Машинные галлюцинации – Космос: Метавселенная» («Machine Hallucinations – Space: Metaverse» и др.). Так физическое трансформируется в цифровое и получает новое визуальное воплощение. «“Живопись на основе данных ИИ” представляет собой не просто новую технику, а философское размышление о меняющихся отношениях между человеческим творчеством и машинным интеллектом, приглашая зрителей задуматься о потенциале ИИ не только имитировать реальность, но и выходить за ее пределы» [4].

Творчество австралийского перформансиста Стеларка (Stelarc) отражает формирование нового техногенного мира, в котором будут существовать гибридизированные формы живых существ – киборги, чьи тела будут включать механизированные и электронные компоненты. Художественные проекты Стеларка развивают тему альтернативной анатомии (проекты «Ухо на руке», «Третья рука», «Экзоскелет»), показывают зависимость человека от техники («Тело на руке робота» («Propel: Body on Robot Arm»)) и готовят нас к постгуманистическому будущему [5]. Тело человека становится художественным материалом, формой, которую можно изменять. Это лежит за гранью прежней этики и эстетики и отражает новейшие тенденции в искусстве.

Технологии могут радикально изменить человека, генетически и технически его модифицировать, усилив его физические возможности, умственные способности, увеличив продолжительность жизни. Переопределение человека («Что такое человек, что значит быть человеком?») влечет за собой переопределение искусства и эстетики.

Литература и источники

1. Буррио, Н. Реляционная эстетика. Постпродукция / Н. Буррио. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. – (Garage pro). – 216 с.

2. Свечникова, Е. В. Мимезис и антимимезис в мировой культуре / Е. В. Свечникова // Диалоги о культуре и искусстве : материалы XIV Всероссийской науч.-практ. конф., 23–25 октября 2024 г., г. Пермь. / Пермский государственный институт культуры. – Пермь, 2024. – С. 95–105.

3. Bök, C. The Xenotext: Book 2 / C. Bök // 2025. – 160 p. – URL: https://chbooks.com/ Books/ T/ The-Xenotext-Book-2 (date of access: 06.12.2025).

4. Archive Dreaming – AI Data Sculpture / официальный веб-сайт Рефика Анадола // 2017. – URL: https://refikanadol.com/ works/ archive-dreaming/ (date of access: 07.12.2025).

5. Lawler-Dormer, S. Redefining The Human Body As "Meat, Metal and Code": An Interview with Stelarc / S. Lawler-Dormer // SLEEK. – 2018. – URL: www.sleek-mag.com/ article/ stelarc-interview-posthumanism (date of access: 07.12.2025).

ЦИФРОВОЙ ПОВОРОТ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

С. З. Семерник

Метафора «поворота» в интеллектуальных дискуссиях XX в. стала своего рода «общим местом» рассуждений о судьбе человека и общества. Эти дискуссии разворачивались на площадках философии, искусства, науки, культуры в целом. Как правило, под «поворотом» понималась трансформация предметно-объектной области исследования, восходящая к категориальному уровню понимания проблемы и затрагивающая глубинный концептуальный слой ее анализа. В результате «поворота», по мнению исследователей, возникал мощный трансформационный эффект, наполняющий эпистемологическую проблематику праксиологической составляющей, что означало переход от «описательных» понятий к «действующим» понятиям, способным не только объяснять мир, но и преобразовывать / конструировать его [1].

Интерес к идее «поворота» свидетельствует, с одной стороны, о том, что в XX веке обостряется ощущение динамизма общественных процессов. Выражение «эскалация перемен и ускорение ритмов истории» становится «визитной карточкой» современной эпохи. С другой стороны, идея «поворота» указывает на поиски человеком не только модели общественного развития, но и на его отчаянные попытки ответить на вопросы о самом себе: Кто я такой? Для чего и зачем я живу? Что составляет нравственную основу моей жизни?

Факт существования очередного «поворота» в базовых презумпциях культуры, которые мы наблюдаем сегодня, свидетельствует о том, что человек до сих пор не определился окончательно в своем ответе на данные вопросы. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть идею «поворота» в оптике этической проблематики, предлагающей верифицировать базовые смыслообразующие константы человеческой жизни.

Одним из наиболее рельефно выраженных поворотов в современной культуре выступает так называемый «цифровой поворот», связанный с процессами «оцифровывания» всех сторон общественной жизни. Погружение человека в мир цифровых технологий и их производных требует разработки адекватного данным процессам инструментария. Таким образом в пространстве интеллектуальной человеческой деятельности возникают цифровые гуманитарные науки, базирующиеся на новой методологии и новых принципах миропонимания: «Цифровые гуманитарные науки (digitalhumanities) – это область научной деятельности на пересечении компьютерных (цифровых) технологий и гуманитарных дисциплин. В методологическом отношении они интегрируют

методологии гуманитарных наук (антропология, история, право, социология, лингвистика, литература, искусство, философия, археология, музыка и др.) с компьютерными науками, открывая новые возможности для информационного поиска, сбора, анализа и визуализации данных, применения методов математической статистики» [2, с. 13].

В связи с этим возникает вопрос: ведет ли цифровизация гуманитарной сферы к деэтизации культурного пространства человека? Сохраняют ли вопросы духовно-нравственного и этического порядка свое первостепенное значение в эпоху цифровых технологий? Для ответа на данный вопрос необходимо переосмыслить проблему человеческого как такового и актуализировать задачу рассмотрения ее в соотнесенности с объектами «нечеловеческого» происхождения.

Литература и источники

1. Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. / пер. с нем. С. Ташкенова. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.

2. Давыденко, В. А. Новые повороты как стратегические переориентации гуманитарных наук / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова // SiberianSocium. – 2022. – Т. 6, № 3 (21). – С. 8–38.

ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

О. В. Сидоренко, В. Д. Сенчук, С. А. Смычок

В условиях стремительного внедрения цифровых технологий в образование все острее встает вопрос не только об их эффективности, но и о философско-этнических последствиях. Особенно это актуально при работе с уязвимыми группами населения: в частности, с учащимися с расстройствами аутистического спектра (РАС). В учреждении образования в 2025/ 2026 учебном году продолжается реализация экспериментальной деятельности по апробации модели обеспечения коррекционно-развивающей образовательной среды для интеграции лиц с РАС в образование в сфере информационных технологий [3, с. 1]. В рамках данной модели активно рассматриваются возможности применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) – от адаптивных обучающих систем до эмоционально-интеллектуальных ассистентов. Однако наряду с потенциальными преимуществами возникают серьезные этические и философские вызовы.

Одна из ключевых проблем – риск редукции личности ребенка к набору данных. ИИ-системы, даже самые продвинутые, работают с поведенческими паттернами, реакциями, временем ответа, частотой кликов. Они не способны уловить внутренний мир, уникальность восприятия, глубину эмоций, которые характерны для учащихся с РАС. Сведение педагогического взаимодействия к алгоритмическому подкреплению может привести к утрате гуманистической основы образования – диалога, сопереживания, принятия личности «здесь и сейчас».

Следующая этическая дилемма – вопрос автономии и согласия. Учащиеся с РАС часто испытывают трудности в выражении желаний, понимании абстрактных условий пользовательских соглашений или целей сбора данных. Кто дает согласие на использование ИИ? Как обеспечить, чтобы технологии служили интересам самого ребенка, а не удобству системы, родителей или педагогов? Отсутствие прозрачности в работе алгоритмов усиливает эту проблему.

Третья проблема – культурная и языковая нейтральность. Большинство ИИ-платформ разрабатываются в англоязычной среде и отражают западные нормы коммуникации, поведения, эмоционального выражения [2]. Для белорусского контекста это создает риск культурной дезадаптации: система может интерпретировать тихое, сдержанное поведение как «дефицит», а не как проявление уважения или сосредоточенности, свойственное белорусской традиции. Это особенно важно в условиях, когда Республика Беларусь делает акцент на сохранении национальной идентичности, родного языка и культурных ценностей.

Четвертый аспект – философское противоречие между «исправлением» и «принятием». Некоторые ИИ-решения направлены на коррекцию поведения, приближенную к «норме». Но современная парадигма принципа инклюзии в образовании, закрепленная в Конвенции ООН о правах инвалидов, говорит не об исправлении, а о создании условий, в которых индивидуальные особенности становятся ресурсом [1, с. 3]. Технологии должны поддерживать в ребенке его уникальность, а не формировать из него стандартного пользователя. Именно здесь возникает серьезный вызов при использовании технологий ИИ. Многие ИИ-системы обучены на данных, собранных от «типичных» пользователей и стремятся направить отклоняющееся поведение в сторону статистической «нормы». Например, эмоциональный интеллект может учить ребенка с РАС имитировать социальные улыбки, не понимая, что это может быть бессмысленно. Такой подход не расширяет возможности ребенка, без его понимания, ведь главная цель в обучении и воспитании в учреждении образования не сделать ребенка с РАС менее «аутичным», а в том, чтобы ему помочь стать успешным именно таким, какой он есть.

Наконец, существует угроза замещения живого взаимодействия

машинным. Для учащихся с РАС реальное, пусть иногда и сложное, общение с педагогом, сверстниками, животными – бесценно. Оно развивает социальные навыки через опыт, ошибку, эмпатию. ИИ может стать полезным инструментом: например, в качестве социального тренажера или помощником в организации различных образовательных запросов. Но он не должен вытеснять человека из образования.

Таким образом, использование ИИ в коррекционно-развивающей среде для учащихся с РАС требует не только технической компетентности, но и глубокой этической рефлексии. Необходимо разрабатывать этические рамки, включающие приоритет интересов ребенка, обязательное участие педагогов и родителей в проектировании ИИ-решений, адаптацию технологий к белорусскому культурно-языковому контексту, четкое разграничение между вспомогательными и замещающими функциями ИИ. Только при таком подходе технологии станут не угрозой, а мостом от изоляции к участию, от недопонимания к диалогу, от стандарта к уникальности.

Литература и источники

1. Конвенция о правах инвалидов: принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. – Нью-Йорк, 2006. – 35 с. – URL: https://terskyrayon.gov-murman.ru/ napravleniya-deyatelnosti/ dostupnaya-sreda/Конвенция%20ООН%20о%20правах%20инвалидов.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

2. Журавлев, А. Е. Цифровизация и развитие психики ребенка: вызовы нового времени // Профессиональное интернет-издание Психологическая газета. – URL: https://psy.su/ feed/ 9964/ (дата обращения: 20.01.2026).

3. Приказ Министерства образования Республики Беларусь от 11.08.2025 № 373 «Об экспериментальной и инновационной деятельности в 2025,2026 учебном году» // Информационно-правовая система Эталон ONLINE. – URL: https://etalonline.by/ document/?regnum=u625e2229 (дата обращения: 20.01.2026).

ОБ ИСТОКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ УСТРОЙСТВАХ НА XI РУСИ–XII ВВ., ОБОБЩЕНИЕ РАБОТ ПРОФЕССОРА Р. А. СИМОНОВА

Е. Р. Симонова

Многолетнее применение цифровых технологий в России привело к необходимости осмысления процесса цифровизации в историческом развитии. Цифровизация в современном мире нередко связывается с компьютеризацией, история которой обусловлена использованием вычислительных устройств и имеет свои корни в истории математики.

Когда же источники вычислительного характера появляются на

Руси? Р. А. Симонов, отвечая на этот вопрос, называет «семитысячники» [1, с. 109–112], представляющие собой расчеты единиц счета времени: годов, месяцев, недель, дней, часов, високосов, високосных часов, индиктов, солнечных и лунных «кругов» в 7 тысячах лет, которые, по мнению известного историка-слависта А. А. Турилова, уже в домонгольский период, а именно, в XI в. попали из Болгарии на Русь [2, с. 38].

По мнению Р. А. Симонова, на Руси XI в. существовала особая социальная среда (скорее всего, в монастырях), которая обладала способностью как воспринимать и транслировать хронолого-математические знания, так и считать большие числа (до десятков миллионов) на русской кириллице, поэтому при счете в XI–XII веках на Руси применялся, как убедительно доказал Р. А. Симонов, средневековый абак.

Возможность счета на абаке подтверждается уникальной находкой Новгородской археологической экспедиции в 2000 г. древнейшей русской книги, имеющей деревянно-восковую основу, состоящую из трех покрытых воском дощечек-цер в виде триптиха. Книга обнаружена в слое первой трети XI в., радиокарбонный анализ подтвердил датировку Новгородской псалтыри временем, не позднее начала XI века [3, с. 128– 159]. В ней «числовой алфавит» доходит до 10 000 и обозначается знаком «тма» в виде «буквенной цифры», обведенной кружком. Его можно считать своеобразным маркером славянской принадлежности числа и косвенного использования абака. Используемые в кириллице «цифровые алфавиты» представляют в своей основе греко-византийскую цифровую систему, которая под влиянием кириллицы частично изменила графику некоторых греко-византийских цифр [4, с. 48– 56].

Числовых записей, использующих знак «тма», как свидетельство использования абака, известно несколько типов. Это: 1) «семитысячники», 2) задачи для обучения счету на абаке и 3) хронолого-математические расчеты, о чем свидетельствует трактат «Учение им же ведати человеку числа всех лет» Кирика Новгородца (1136 г.) [5, с. 17–19; 6, с. 17]. Все эти тексты имеют несколько общих черт: они кириллические, восходят к XI–XII вв., связаны с наглядно-инструментальным счетом (абаком) и вспомогательным использованием цер.

Соответствующая традиция на Руси подтверждается свидетельствами источников XVI–XVIII вв. о том, что русские вычислители считали на абаке античного типа плодовыми косточками (вишневыми и сливовыми), которые носили у пояса в мешочках; этот счет имел название «счета костьми». Сохранился задачник, предназначавшийся для обучения счету на абаке такого вида [7, с. 26–38].

Получается, что на Руси в XI–XII вв. существовала традиция счета

многозначных чисел на абаке, подтвержденная данными археологических и рукописных источников. Причем эти данные обладают исключительно важным информационным потенциалом, характеризующим социальную жизнь Руси XI–XII вв. как своего рода предысторию современной компьютеризации [8, с. 390–398]. Этот аспект до сих пор изучался недостаточно подробно и требует дальнейшего продолжения исследований.

Литература и источники

1. Симонов, Р. А. Малоизвестные русские средневековые источники по хронологии – «семитысячники» / Р. А. Симонов // Историко-астрономические исследования. – Москва : Наука, 1975. – Вып.12. – С. 109–112.

2. Турилов, А. А. О датировке и месте создания календарно-математических текстов – «семитысячников» / А. А. Турилов // Естественнонаучные представления Древней Руси / Отв. ред. Р. А. Симонов. – Москва : Наука, 1988. – С. 27–38.

3. Зализняк, А. А. Новгородская псалтырь начала XI в. – древнейшая книга Руси / А. А. Зализняк, В. Л. Янин // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2001. – № 1. – С. 128–159.

4. Симонов, Р. А. О греко-византийской основе «буквенных цифр» кириллицы / Р. А. Симонов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 4 (10). – С. 48–56.

5. Мильков, В. В. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / В. В. Мильков, Р. А. Симонов. – Москва : Кругъ, 2011. – 544 с.

6. Симонов, Р. А. Кирик Новгородец: Жизнь в Руси / Р. А. Симонов, Е. Р. Симонова. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. – 79 с.

7. Симонов, Р. А. Краткая история математики на Руси: Путь познания науки / Р. А. Симонов. – М. : ЛЕНАРД, 2019. – 240 с.

8. Симонов, Р. А. Древнерусские вычислительные тексты XI в. как источники изучения истории социальных процессов в средневековой Руси / Р. А. Симонов // Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития : материалы XIV Белорусско-Российского научного семинара-конференции, 24–25 ноября 2021 г., г. Москва. – Минск : Центр. науч. б-ка им. Я. Коласа Нац. Акад. Наук Беларуси; Москва : НИЦ «Наука» РАН, 2021. – 640 с.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

П. С. Смирнов

Цифровая революция, развернувшаяся на рубеже XX–XXI веков, изначально несла в себе утопический заряд: вера в технологии как

инструмент демократизации, расширения доступа к знаниям и построения более справедливых социальных связей была практически повсеместной. Однако сегодня очевидно, что обещанная свобода во многом обернулась новыми, более продуманными формами контроля, эксплуатации и социального расслоения. Технологии, призванные объединять, парадоксальным образом стали инструментами углубления многоуровневого раскола, затрагивающего экономику, политику и саму экзистенциальную структуру личности. Целью данной работы является социально-философский анализ этих процессов через призму концепции отчуждения, которая, зародившись в классической философии, обретает сегодня новую актуальность.

Классическое понимание отчуждения, заложенное в работах К. Маркса, было неразрывно связано со сферой материального производства. Отчуждение рабочего от продукта своего труда, от самого процесса деятельности, от своей родовой сущности и, в конечном счете, от других людей было прямым следствием капиталистического способа производства [1, с. 90–94]. В цифровую эпоху эти классические формы не исчезают, а трансформируются, распространяясь из фабрики на всю социальную ткань реальности.

Современные исследователи предоставляют актуальный концептуальный аппарат для анализа этих трансформаций. Ш. Зубофф в своей работе «Эпоха надзорного капитализма» вскрывает экономический двигатель нового отчуждения. Автор показывает, что доминирующей бизнес-моделью стала экспроприация человеческого опыта, который объявляется «бесплатным сырьем» для производства «поведенческого излишка». Этот излишек, в свою очередь, используется для создания «продуктов предсказания», которые продаются на рынках будущего поведения. В этой модели человек отчуждается не просто от результатов своего труда, а от самой своей жизни, которая превращается в источник данных для извлечения прибыли корпорациями [2, с. 24].

Если Ш. Зубофф описывает внешнюю архитектуру эксплуатации, то корейско-немецкий философ Хан Б.-Ч. анализирует ее внутренние, психополитические механизмы. В работах «Общество выгорания» и «Психополитика» он утверждает, что неолиберальная власть цифрового общества действует не через запрет, а через соблазн и поощрение. Она превращает индивида в «предпринимателя самого себя», который добровольно и с энтузиазмом эксплуатирует сам себя в погоне за эффективностью и успехом. Отчуждение здесь становится тотальным, поскольку исходит не извне, а изнутри, маскируясь под свободу выбора. Результатом такой самоэксплуатации становится не революция, а массовое распространение депрессии и выгорания [3, с. 17].

Социально-психологические последствия этого процесса глубоко исследованы Ш. Тёркл. В работе «Одинокие вместе» она демонстрирует,

как технологии, обещая нам более тесную связь, на деле приводят к эрозии эмпатии и подлинной близости. Поверхностная, контролируемая «связанность» в сети вытесняет сложное, рискованное и спонтанное живое общение. Это приводит к парадоксальному феномену «публичного одиночества»: индивид окружен тысячами «друзей», но абсолютно одинок в своих подлинных переживаниях, которые некому доверить [4, с. 280].

Кульминацией этих процессов становится формирование отчужденного «цифрового двойника». Под давлением сетевой презентации и в условиях экономики внимания индивид вынужден конструировать идеализированный, рыночно-ориентированный образ своего «Я», который часто имеет мало общего с его реальной личностью. Этот аватар, оптимизированный для получения социального одобрения (лайков), становится товаром, а его владелец – менеджером собственного бренда. Нарастающий разрыв между подлинным «Я» и его отчужденным цифровым двойником становится источником постоянной онтологической тревоги и ведет к потере аутентичности.

Проведенный анализ показывает, что отчуждение в цифровую эпоху является системным, многомерным феноменом. Оно проявляется на экономическом уровне (экспроприация данных), на политическом (невидимая власть алгоритмов), на социальном (эрозия эмпатии) и на экзистенциальном (потеря аутентичности и смысла). Технологии, будучи встроенными в логику капитализма, становятся не инструментом освобождения, а средством углубления старых и создания новых, более тонких форм социального неравенства и отчуждения.

Литература и источники

1. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.

2. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. – 784 с.

3. Хан, Б.-Ч. Общество выгорания. – М. : Ad Marginem Press, 2022. – 88 с.

4. Тёркл, Ш. Одинокие вместе: почему мы ожидаем большего от технологий и меньшего друг от друга. – М. : Альпина нон-фикшн, 2019. – 414 с. 5. Срничек, Н. Капитализм платформ. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. – 128 с.

МУЗЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КОММУНИКАЦИЙ

Е. Ю. Смыкова

Под влиянием информационных вызовов в социуме активизируются процессы структурных трансформаций на макро – и микроуровнях. Среди

всех социальных подсистем именно культура наиболее интенсивно реагирует на трансформационные процессы, концептуализируя глобальные сдвиги, предлагая адаптационные механизмы и новые «языки» описания меняющейся реальности.

Глобальные вызовы, обусловленные в том числе и ситуацией пандемии, значительно ускорили цифровую трансформацию учреждений культуры, в том числе и музеев, предложив новые форматы работы с аудиторией и тем самым переосмыслив их миссию.

Ситуация складывается таким образом, что музеи в силу объективных обстоятельств только в последние годы начинают выходить на «доковидные» показатели по различным направлениям деятельности – организации временных экспозиций, экскурсий, культурно-образовательных мероприятий (лекций и др.).

Переход в онлайн-пространство поставил музеи перед фактом активного использования цифровых технологий и новых форматов работы, что позволило привлечь аудиторию. Виртуальные туры, творческие онлайн-проекты, образовательные программы, геймификация и новые платформы – это лишь часть решений, которые сегодня активно используют музеи для расширения взаимодействий с аудиторией.

Современный музей представляет собой не просто хранилище артефактов, а многофункциональный культурный хаб, образовательный центр и площадку для социальной коммуникации. Успешность музея сегодня зависит не только от ценности коллекции, но и от способности быстро адаптироваться к изменениям, быть гибким в отношении запросов аудитории, активно задействовать все возможные инструменты для коммуникации.

Благодаря современным технологиям музеи расширяют свое присутствие в Интернет-пространстве не только созданием сайта, но и полноценной интеграцией в цифровую среду за счет виртуальных туров, 3D-экскурсийи др. Внедрение дополненной реальности (AR), используемое уже рядом музеев страны, позволяет с помощью смартфонов или планшетов увидеть 3D-модель экспоната, получить дополнительную информацию об артефакте. Значительно расширяет возможности музеев использование искусственного интеллекта – задействование ИИ-гидов или разработка алгоритмов, которые помогают кураторам при создании выставок, экспозиций, поиске идеи и т. д. Серьезным шагом в деятельности музеев является работа в направлении оцифровки произведений, что позволяет создать цифровые архивы и коллекции.

Сегодня перед музеями стоит задача сделать посетителя активным участником различного рода мероприятий. В первую очередь решение данного вопроса видится в организации мероприятий, основанных на принципах интерактивности и иммерсивности (эффект погружения). Реализация данного направления осуществляется на уровне конкретных

культурных мероприятий – иммерсивных выставок (использование всего пространства музея – проекции на потолок, стены, звуковое сопровождение и др.), нарративных и ролевых экскурсий (посетители становятся участниками квестов, героями историй и т. д.); а также задействования различных цифровых инструментов в виде интерактивных инсталляций (объекты, которые реагируют на движение, звук, прикосновения посетителей и меняются под их воздействием) или тактильных, сенсорных зон (пространства, где можно потрогать копии экспонатов).

Таким образом, цифровая трансформация, не меняя ключевую миссию музея как института памяти и хранителя историко-культурного наследия, открывает новые перспективы, которые не только расширяют формы репрезентации артефактов, но и формируют качественно иные форматы интерактивной коммуникации с аудиторией.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАНИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Д. Сойко

Цифровизация оказывает значительное влияние на сферу образования. Она затрагивает множество его аспектов: профессиональную компетентность педагогических работников, инновационный потенциал учреждений образования, информационно-коммуникационное и научно-методическое сопровождение образовательного процесса, качество и эффективность образовательного процесса в целом. Ключевыми направлениями цифрового развития образования можно считать: повышение доступности образования, персонализацию обучения, совершенствование механизмов коммуникации между субъектами образовательного процесса, автоматизацию и повышение эффективности образовательного процесса. Процесс внедрения цифровых технологий в образование не может проходить автономно, оно всегда подразумевает реакцию его субъектов, и от нее во многом зависит эффективность данного процесса. Восприятие и опыт использования цифровых технологий среди преподавателей, учащихся и административного персонала учреждения образования определяет дальнейшие векторы развития цифровизации в образовании.

Данные республиканского социологического исследования, проведенного в 2024 году Академией последипломного образования, демонстрируют, что у 66% педагогических работников в учреждениях общего среднего образования имеется рабочее место, оборудованное

компьютером / ноутбуком с доступом в Интернет, что на 4% выше, чем в 2023 году. 34% респондентов, соответственно, указали, что такое место у них отсутствует, в сравнении с 2023 годом данный показатель уменьшился на 4% [1]. В связи с этим, педагогические работники отвечали на вопрос, касающийся их уровня владения навыками работы в цифровой образовательной среде. Анализ результатов показал, что большинство респондентов высоко оценивают навыки работы в электронной информационно-образовательной среде (например, электронный журнал, электронный дневник) – данный вариант указали 40% педагогов. На «выше среднего» педагогические работники оценивают собственные навыки работы с открытыми информационными ресурсами, базами данных (41%), навыки работы в формате онлайн-обучения (37%). Навыки разработки онлайн-уроков большинство респондентов оценивают на «средний» уровень.

Чаще всего при работе с цифровой информацией педагогические работники выполняют следующие действия: коммуникации в мессенджерах и социальных сетях (69%); использование пространства в сети Интернет для хранения документов, изображений, других файлов (65%); использование научно-популярного, развлекательного и иного контента из сети интернет (книг, лекций, медиа-файлов, фильмов и иного контента) (59%); использование цифровых сервисов с интерактивными заданиями для организации учебной работы (42%). Реже всего респонденты указывали: ведение блога (регулярное его пополнение записями, изображениями или мультимедиа), создание другого интернет-контента (4%); редактирование и управление контентом веб-сайтов (5%) [1]

Основными особенностями восприятия и опыта использования цифровых технологий педагогическими работниками являются:

1. Высокая потребность в приобретении необходимых практических навыков использования цифровых технологий в образовательном процессе. В исследовании Академии образования за 2024 год, большинство респондентов отмечали затруднения в организации самостоятельной работы учащихся с использованием информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ) (43%) и применением ИКТ в образовательном процессе (42%); 26% респондентов в отдельных случаях нуждаются в развитии своих профессиональных компетенций в области использования ИКТ в образовательном процессе [1]

2. Эффективность использования цифровых технологий педагогами зависит от доступности качественных технологий на рабочем месте. Согласно данным исследования работы учителей российских школ с цифровыми платформами в 2022 году, проведенного в партнерстве Московского городского педагогического университета и Академии Минпросвещения России, большинство педагогов (54,5%) регулярно

используют цифровые образовательные платформы, 40,4% используют иногда и только 4% вообще не пользуются цифровыми образовательными платформами [2]. Результаты исследования также показали, что доступность цифровых технологий, в частности возможность скачивания материалов, является одной из самых значимых характеристик цифровых ресурсов для 43,6% педагогов.

3. Необходимость дублирования текущей документации в электронном виде скорее негативно сказывается на качестве образовательного процесса. Спецификой работы педагогов с цифровыми ресурсами является обязательное дублирование бумажной документации в электронный формат. По данным республиканского исследования 2024 года, на сегодняшний день, в своей профессиональной деятельности педагогических работников больше всего не устраивает не просто высокий объем отчетной документации (50%), но и необходимость дублирования документации и отчетности в электронном и бумажном форматах (43%) [1]. Многие респонденты, отвечая на открытый вопрос «Предложите способы и решения, необходимые для повышения качества общего среднего образования», указывали внедрение технологий, направленных на оптимизацию процесса заполнения документов.

4. Большинство педагогических работников используют цифровые технологии с целью повышения квалификации и профессиональной самореализации. На сегодняшний день педагогические работники предпочитают получать новые профессиональные знания опосредованно. Данная тенденция возросла с 40 до 45% по сравнению с 2023 годом [1]. Также имеются данные об основных мотивах использования цифровых ресурсов; согласно этим данным, большинство педагогических работников (66,4%) используют цифровые образовательные платформы с целью профессионального и личностного развития.

Немаловажным элементом цифровизации образования является возникновение и активное внедрение в образовательный процесс Искусственного Интеллекта (ИИ). Искусственный интеллект на данный момент активно применяется в сфере образования, начиная от ведения и проверки экзаменов, заканчивая автоматическим подбором материала по темам, в которых обучающийся испытывает трудности. Данный процесс имеет свои преимущества и недостатки. Говоря о преимуществах, можно выделить следующее:

– ИИ является профессиональным инструментом педагога, который помогает и автоматизирует некоторые аспекты его деятельности (выставление оценок, ведение отчетной документации, структурирование планов урока, подготовка материалов к занятиям и т. д.). Данное преимущество позволяет освободить время для профессиональной самореализации педагога, исследовательской и воспитательной работы с обучающимися;

– системы ИИ оказывают помощь в мониторинге прогресса учащихся в реальном времени, помогая педагогам заранее выявлять тех, у кого могут возникнуть трудности с изучаемым материалом, и вовремя предложить помощь;

– ИИ, как и цифровизация в целом, делают информацию более доступной. Любой обучающийся из любой точки мира может ознакомится с материалами, размещенными педагогами в открытом доступе, и дистанционно изучить интересующий его вопрос. Цифровизация открывает возможности для получения образования всем слоям населения. [3]

Несмотря на значительные преимущества, технология применения искусственного интеллекта в образовательных целях имеет свои недостатки. К основным можно выделить такие: высокая стоимость внедрения, сложность поддержания функционирования данной системы, а также небольшое количество специалистов, способных развивать внедрение искусственного интеллекта в образовательные процессы [4]. Чрезмерное использование ИИ в целях образования может привести к утрате критического мышления и деградации навыков самостоятельного анализа. ИИ неспособен заменить эмоциональную поддержку и живое общение с учителями и сверстниками, что критически важно для развития личности и социальных навыков. Одним из самых важных этических аспектов является размытие границ между автором и его «помощником», что порождает проблемы с академической честностью и усложняет оценку реальных знаний и умений обучающегося.

Таким образом, сфера образования является одним из перспективных направлений применения систем Искусственного Интеллекта. Наряду со всеми преимуществами и возможностями, которые открылись перед людьми с появлением ИИ, возникли и значимые морально-этические, методологические, правовые и другие противоречия.

Литература и источники

1. Сойко, А. Д. Профессиональные компетенции и образовательные запросы педагогических работников учреждений дошкольного и общего среднего образования Республики Беларусь // Информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования. – Минск, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

2. Ананин, Д. П. Педагог и цифровое образование / Д. П. Ананин, К. А. Баранников // Педагог и цифровое образование. – Москва, 2022. – URL: https://www.researchgate.net/ publication/ (дата обращения: 29.01.2026).

3. Немытых, С. Л. Искусственный интеллект в образовании: вызовы, возможности, перспективы / С. Л. Немытых, А. В. Дьячкова // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов. – Екатеринбург, 2023. – URL: https://elar.urfu.ru/ bitstream/ 10995/ 133849/ 1/ 978–5–91256–641–7_2023_103.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

4. Таран, В. Н. Преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в образовании / В. Н. Таран, Д. А. Курлов, Н. И. Потапович // Дистанционные образовательные технологии : материалы VII международной научно-практической конференции. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография "Ариал", 2022. – С. 98–100.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК АНТРОПОТЕХНИЧЕСКИЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Е. С. Старовойтова

Искусственный интеллект (ИИ), преодолев стадию эксперимента, вступил в фазу культурогенеза, становясь ядром формирующейся технологической культуры. Владение инструментами ИИ становится базовым компонентом цифровой грамотности, аналогичным навыкам работы с текстовыми редакторами или поисковыми системами. Однако этот процесс несет в себе фундаментальный парадокс: технология действует как усилитель человеческого потенциала, но усиливает она прежде всего того, кто обладает глубоким интеллектом, сильной волей, ясными ценностями и целостным видением мира. В связке «человек – ИИ» именно человеческий интеллект задает амплитуду возможностей. Истинная сила раскрывается в симбиозе с четким разделением ролей: человек выступает как стратег, критик и носитель смысла, а ИИ служит инструментом для генерации, поиска и анализа.

Следовательно, центральной задачей современного образования становится формирование не просто цифровых навыков, а осознанного критического мышления как операционной системы сознания для управления этим симбиозом.

Критическое мышление эволюционирует от статуса «гибкого навыка» до уровня фундаментальной компетенции XXI века, определяющей саму возможность адаптивного взаимодействия с реальностью. Оно перестает быть надстройкой, становясь операционной системой сознания – базовым каркасом, на котором выстраиваются восприятие, анализ и генерация смыслов в условиях информационной избыточности и когнитивных вызовов эпохи ИИ. Это не просто «умение думать», а комплексная способность ставить под сомнение источники информации, включая ответы ИИ, выявлять скрытые предпосылки и когнитивные искажения, декомпозировать сложные проблемы, формулировать задачи с учетом контекста и ограничений. Ключ к развитию критического мышления лежит в следовании принципу Иммануила Канта: «не мыслям надобно учить, а мыслить». Этот процесс представляет собой создание и укрепление нейронных сетей, отвечающих за анализ, оценку и гибкость ума. Основным драйвером здесь является

поиск несоответствий и противоречий. Ценность фундаментальных идей (например, закона всемирного тяготения) заключается не в заученной формуле, а в их способности служить когнитивными «опорными узлами», позволяющими мозгу самостоятельно выстраивать выводы об окружающем мире. Подобные задачи активируют префронтальную кору – «командный центр» мозга, отвечающий за сложные когнитивные функции, побуждая человека задавать вопросы, выдвигать гипотезы и искать решения. Этому процессу способствует экстракортикальный принцип организации высших психических функций, сформулированный Л. С. Выготским и развитый А. Р. Лурией. Согласно ему, высшие психические функции не созревают сами по себе, а целенаправленно «выращиваются» извне через специфическую социальную деятельность, опосредованную культурными орудиями и речью.

Как отмечал А. Р. Лурия, высшие психические функции – это сложные саморегулирующиеся процессы, социальные по происхождению, опосредованные по строению и произвольные по способу функционирования. Они формируются в процессе интериоризации – преобразования внешних, совместных и культурно опосредованных форм деятельности во внутренний план сознания, в умственные действия [1].

Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина раскрывают мышление не как врожденную данность, а как продукт интериоризации. Согласно этой модели, развитие мышления проходит ключевые стадии: от материального действия с объектами (проб и ошибок) через стадию внешней речи (где язык становится регулятором поиска) к свернутому умственному действию. На этой финальной стадии субъект оперирует уже не предметами, а усвоенными культурными кодами: языковыми, логическими, математическими. Эти автоматизированные «внутренние программы» и составляют операционную основу мышления взрослого человека. Как отмечал П. К. Анохин, завершающим и критически важным этапом мышления является сличение результата с исходной целью – механизм обратной связи, обеспечивающий корректность и адаптивность [2].

Исторически ключевым «культурным кодом» и основным инструментом интериоризации был язык. В контексте антропотехнического симбиоза возникает потребность в новом, специализированном коде для взаимодействия с небиологическим интеллектом. Таким кодом становится структурированный запрос (промт). Если язык позволил «свернуть» внешний мир в мысль, то промт-инжиниринг требует обратного – «развертывания» мысли в четкую, алгоритмизируемую инструкцию. Этой цели и служит промт-инжиниринг.

Создание точного промта представляет собой комплексную активацию мозга: целеполагание и управление рабочей памятью,

формулировка запроса требует ингибиторного контроля для подавления шаблонных вопросов, анализ ответа ИИ развивает критическую рефлексию. Эта рефлексия, однако, должна выходить за рамки чисто инструментальной эффективности, поскольку симбиоз с ИИ актуализирует комплекс социально-этических вызовов, которые должны быть встроены в ядро формирующейся технологической культуры:

– этика данных и алгоритмическая предвзятость. Критическое мышление должно быть направлено не только на оценку ответа ИИ, но и на рефлексию скрытых предпосылок в самих данных и архитектуре алгоритмов;

– проблема ответственности. В симбиотической паре, где решение является продуктом итеративного диалога, размываются традиционные границы ответственности. Кто отвечает за ошибку или вред: автор промта, разработчик модели или платформа? Формирование технологической культуры требует воспитания новой со-ответственности, где человек, берет на себя обязательство за этические последствия использования созданного с помощью ИИ продукта;

– формирование паттернов когнитивной зависимости и вытеснение рефлексии. Систематическое делегирование ИИ задач анализа и синтеза формирует устойчивые паттерны когнитивной зависимости, при которых самостоятельное смыслополагание замещается инструментальным принятием готовых алгоритмических выводов. Это вытесняет глубокую рефлексию на периферию познавательной деятельности, подменяя ее поверхностной верификацией.

Формирование технологической культуры в эпоху ИИ является по своей сути задачей антропотехнического проектирования. Она требует переориентации образовательных систем с транслирования предметных знаний на целенаправленное культивирование высших психических функций, обеспечивающих способность к критическому мышлению, этическому самоопределению и стратегическому проектированию взаимодействия. Цель – воспитание не компетентного пользователя, а архитектора антропотехнических систем, для которого искусственный интеллект служит мощным средством реализации человеческих целей, ценностей и творческих интенций. Успешность данной трансформации будет определяться тем, насколько человек сохранит за собой роль безусловного смыслового, рефлексивного и этического центра в складывающемся симбиозе.

Литература и источники

1. Лурия, А. Р. Высшие корковые функции человека / А. Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2020. – 768 с.

2. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии / А. Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2023, – 384 с.

ПОДХОД НИКОЛАЯ ПАПУЧИЕВА К ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО МИРА: ПРИМЕР БЕЛАРУСИ

С. М. Капатос

В начале нашей работы следует помнить, что Паучиев является одним из важнейших представителей современной болгарской фольклористики, антропологии, культурологии и других гуманитарных наук в Болгарии.

В своей библиографии, включающей монографии «Культурная антропология» (2014–2016), «Фольклор и национальная культура» (2012), «Антропология вещей и символических форм» (2018) и др., он излагает свой философский подход к историческому развитию славянского мира, включая Беларусь, разделяя его на три этапа: магический, т.е дохристианский языческий период, религиозный, т.е. христианский период, и научный, т.е советский период. Ясно, что он под влиянием известного великобританского фольклориста Джеймса Фрейзера (1856–1941), который в своей фундаментальной работе «Золотая ветвь» (1890 год; переведена на болгарский язык уже в 1984 году) различает этапы магии, религии и науки в историческом процессе человеческой духовной эволюции [3, с. 90–111].

На обложке первого тома «Культурной антропологии» Папучиева изображена эта ветвь, представляющая собой мифологический образ мирового древа или древа Вселенной, которое в белорусской мифологии является архетипом, объединяющим подземный (скрытый мир мифологической языческой магии), земной (представляющий образ средневекового сказочного христианского религиозного царства) и небесный (символизирующий духовную и научную, академическую, философскую эволюцию советского периода), лежащая в основе данной трилогичной модели Фрейзера [3, с. 258– 269].

Действительно, как и сам Папучиев уточняет, формирование и развитие белорусской академической философии началось именно в советский период 1920–30-х годов, с созданием собственных (научно-академических и иных) традиций, направлений исследований и научных школ, таких как Институт философии Национальной академии наук Беларуси (19 марта 1931 г.), которые являются основой современной интеллектуально-культурной ситуации страны в контексте современной общеевропейской и глобальной интеллектуально-культурной ситуации [3, с. 258–269].

В своей фундаментальной монографии «О литературе. Эссе» (2003) (переведенной на болгарский язык в 2014 году, т.е. в том же году, когда была опубликована работа Папучиева «Культурная антропология»), итальянский ученый, философ, культуролог, литературный критик и

писатель Умберто Эко (1932–2016) пишет характерно: «Только представьте себе! Вы с увлечением читаете "Войну и мир" и спрашиваете себя: а что было бы, если... Красная Шапочка войдет в лес... и... там...она столкнется в лесу со щедрым дарителем по имени Владимир Яковлевич Пропп, и он подарит ей волшебное кольцо, с помощью которого наша героиня откроет у корней священного баньяна точку Алеф и увидит всю Вселенную» (то есть, в точности древа Вселенной, упомянутого ранее) [1, с. 14; 2; 3].

Эта цитата Эко была добавлена для усиления утверждения Папучиева, что прослеживается в продолжении нашего текста о символических формах.

а) Велес – славянский бог мудрости, правитель трех упомянутых выше миров: подземного, земного и небесного, чье дерево, также является упомянутой ранее ветвью, соединяющей небо и землю, корни которой уходят глубоко в землю, в район подземного мира [2; 3].

б) Таинственный старец-монах под дубом (подобно древу Вселенной) из жития святого Сергия Радонежского, благодаря молитвам которого святой Сергий чудесным образом начал легко усваивать книжную мудрость и, как характерно пишет сам Владимир Пропп в нескольких посвященных ему статьях, что «обладая небесами духовной мудрости и знания (т. е. упомянутым ранее третьем этапом науки)», стал покровителем современного русского образования [2; 3].

в) Сам Институт философии Национальной академии наук Беларуси, который Папучиев описывает в своих лекционных курсах «Славянская филология» и «Славянская антропология» в Софийском университете как зеркало развития белорусской духовности и культуры в XX и XXI веках и разъясняет широкое и качественное преподавание (истории) философии, сыгравшее исключительную роль в формировании высоких профессиональных и нравственных качеств в рамках белорусской академической философии [2; 3].

Материалы этих курсов легли в основу монографий Папучиева, в одной из которых – «Фольклор и национальная культура» – он разъясняет главную роль фольклористики, культурологии, антропологии и других гуманитарных наук в сохранении национального самосознания и духовной культуры каждого (славянского) народа, такого как белорусский, в любой период вплоть до наших дней, в цифровую эпоху, в эпоху глобализации, в контексте регионального и мирового историко-философского процесса [4].

Папучиев противопоставляет советскую и современную эпоху цифровизации и глобализации так же, как современный британский литературовед и культуролог Питер Барри противопоставляет деконструктивизм в литературоведении второй половины 1960-х и 1970-х годов в своей фундаментальной монографии «Введение в литературную и культурную теорию», переведенной на украинский язык в 2009 году

(единственный славянский перевод) и широко используемой в различных курсах факультета славянской филологии Софийского университета. По мнению автора, «Деконструктивизм феноменально синонимичен вражеской силе разрушения и сомнения всей нашей прежней иконы, интерпретации и т. д. содержания литературного текста, но, по сути, он является механизмом обогащения наших икон, интерпретаций и т. д. его, открытия скрытых смыслов и подходов…» [4; 5, p. 73–78].

Это в точности соответствует мифологической сюжетной и тоже трилогической модели Фрейзера в «Золотой ветви» о смерти / убийстве, то есть о прерывании прежней жизни богов, которое приводит к духовному их Воскресению и, следовательно, к укреплению их (третий этап) или тому, что скажет сам Папучиев в «Заключении» второго тома «Культурной антропологии» [3].

В результате нашей работы мы пришли к выводу, что библиография Папучиева представляет собой сочетание влияний из различных областей литературоведения, фольклора и других гуманитарных наук, и в то же время отражает уникальный философский подход к историческому развитию славянского мира и Беларуси. Перспективы дальнейших исследований этого подхода и работ Папучиева лежат в рассмотрении, по его мнению, «духовного совершенства».

Литература и источники

1. Эко, У. О литературе. Эссе. / Эко У. ; пер. с италианского С. Сиднева. – Москва : Издательство CORPUS Издательства АСТ, 2016. – 344 с.

2. Папучиев, Н. Антропология на вещта и символните форми. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2018. – 494 с.

3. Папучиев, Н. Културна антропология. Т. 1 : История на идеите; Т. 2: Слово, обред, обичай. – София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2014. – 919 с.

4. Папучиев, Н. Фолклор и национална култура. – София: Първо, 2012. – 290 с.

5. Barry P. Beginning theory: An introduction to literary and cultural theory. – 2nd ed. – Manchester; New York : Manchester University Press, 2002. – 185 p.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ГИБРИДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ БЕЛАРУСИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В. А. Сыманович

Классическая философско-историческая дихотомия, в рамках которой «культура» понимается как органичное, духовное начало [1, с. 48], а «цивилизация» – как его формализованная, поздняя стадия [2, с. 34], в условиях цифровизации утрачивает объяснительную силу. Эпоха

цифровизации порождает не просто новый технологический уклад, но и новое качество социальной реальности, где сами основы производства и обмена смыслами претерпевают изменения. Этот переход можно осмыслить через трансформацию символического капитала – тех нематериальных ресурсов престижа, авторитета и культурного признания, которые, по мысли Пьера Бурдьё, лежат в основе социальной иерархии [3, с. 120–125]. Если в классической модели такой сетевого общества, которую описал Мануэль Кастельс, подрывает эту монополию [4, с. 469]. Цифровые платформы становятся новыми аренами борьбы за признание, где алгоритмические метрики конкурируют с традиционными дипломами, порождая феномен цифрового символического капитала. При этом меняется и сама структура социальных связей, из которых он вырастает: Шерри Тёркл говорит о новой форме социальности «одиночество вместе», где технологическое посредничество становится нормой, порождая новые критерии значимости взаимодействий [5, с. 105]. Таким образом, мы наблюдаем не смену парадигм, а их сложное наложение и взаимопроникновение, особенно рельефно проявляющееся в обществах, подобных Беларуси, где сильный государственный сектор сосуществует с динамичным IT-классом и стихийной цифровой культурой.

В белорусском контексте процесс перераспределения символического капитала разворачивается в нескольких взаимосвязанных плоскостях. Государственные культурные институты активно включились в стратегическую оцифровку своих культурных материальных ценностей. Проекты виртуальных реконструкций утраченного наследия или цифровые архивы Национальной библиотеки – это не только техническая модернизация, но и попытка сохранить монополию на интерпретацию истории и искусства в новом медийном пространстве, конвертируя институциональный престиж в цифровой трафик. Исследователи отмечают, что «виртуальная реконструкция становится новым языком коммуникации с аудиторией, формируя её историческое сознание» [6, с. 115]. Однако в этом же цифровом поле действуют независимые краеведческие блоги и сообщества, чей авторитет растёт исключительно за счёт доверия сетевого комьюнити, создавая ситуацию конкуренции за право быть «подлинным» голосом истории. Параллельно IT-сектор, сформировавшийся вокруг Парка высоких технологий, генерирует собственный мощный символический капитал, основанный на глобальных компетенциях, финансовой успешности и особой профессиональной субкультуре. Крупные отраслевые мероприятия, такие как «IT-WEEK» или форум «TIBO», выполняют роль ритуалов, подтверждающих статус этого нового класса. Этот капитал активно конвертируется в влияние на другие сферы: IT-предприниматели становятся меценатами современного искусства и спонсорами образовательных инициатив, формируя новые, негосударственные центры культурного притяжения и легитимации, чей

авторитет проистекает не из формальных регалий, а из воспринимаемой «прогрессивности» и связей с глобальным миром.

Наиболее динамичная трансформация происходит в поле цифровой культуры общества, где действует альтернативная экономика внимания. Здесь символический капитал создаётся и обнуляется с большой скоростью. Авторитет блогера или digital-художника в TikTok либо Telegram измеряется почти исключительно лайками и просмотрами, а мем, мгновенно возникший в белорусском байнете, становится инструментом коллективной идентификации и присвоения признания его создателям. Эта система ставит под радикальное сомнение традиционные иерархии, основанные на длительном профессиональном опыте, – культурный капитал в его классическом понимании зачастую проигрывает капиталу сетевой узнаваемости. На этом фоне государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» представляет собой попытку инкорпорировать цифровизацию в традиционную цивилизационную парадигму с централизованным символическим капиталом [7]. Цифровая инфраструктура в этой логике видится как продолжение и усиление государственных институтов, призванное повысить их эффективность и легитимность.

Итогом этих процессов становится формирование гибридной реальности, где одновременно сосуществуют и конкурируют несколько систем производства символического капитала. Эта конфигурация чревата рисками фрагментации – сценарием «цифрового неосредневековья», где разные социальные группы живут в изолированных информационных «княжествах» [4]. Однако в ней же заложен и потенциал для нового синтеза. Перспектива дальнейшего развития определяется не победой одной модели, а характером интерфейса между ними. Конкретные практики такого взаимодействия и будут формировать социальную ткань гибридной цивилизации – конкурирующей, но открытой для новых форм производства общего смысла и признания, что соответствует прогностическим поискам образа «Беларуси 4.0» как общества, основанного на знаниях и инновациях [8, с. 25].

Литература и источники

1. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби : сборник ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.

2. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер ; пер. с нем. – М. : Мысль, 1993. – 663 с.

3. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё ; пер. с фр. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.

4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

5. Тёркл, Ш. Одиночество вместе / Ш. Тёркл – М. : АСТ, 2019. – 416 с.

6. Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия: белорусский опыт // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования : материалы Междунар. науч. конф. – Минск : БГУ, 2022. – С. 112–118.

7. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы: утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 28 янв. 2021 г., № 50.

8. Стратегия «Наука и технологии:2018–2040» образ будущего Беларуси 4.0 / под ред. А. Г. Шумилина. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 115 с.

ФИЛОСОФСКАЯ ДИЛЕММА «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ» КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПРИРОДНОГО ЕДИНСТВА

А. С. Червинский

Изменения природной среды обитания под непосредственным влиянием антропогенных факторов приводят к появлению принципиально нового уровня взаимодействия человека и природы, характеризующегося структурно-функциональной взаимоопределенностью природных и социальных факторов, и к возникновению экологических систем, в которых детерминация протекания природных процессов будет носить выраженный антропогенный характер. Качественное своеобразие эволюции биосферы в период техногенеза, заключающееся в усилении ведущей роли сознательной человеческой деятельности, направленной на целесообразное изменение биосферы.

Формирование культурных экологических систем с последующим расширением границ и объединением в рамках единой экосистемы отражает процесс становления новых биотехносферных образований.

Исследования проблем формирования новых образований находятся в стадии активной разработки концептуальных основ. Решающую роль в утверждении концепции играет учение о ноосфере В. И. Вернадского, который выявил основные закономерности эволюции биосферы Земли, определил роль антропогенного фактора в ее развитии и путем теоретического осмысления эмпирических факторов, свидетельствующих о планетарных масштабах природоизменяющей деятельности человека, обосновал неизбежность преобразования биосферы в определенную социально-природную целостность, управляемую посредством техногенного воздействия [1, с. 182].

В этой проблеме есть аспекты, которые требуют специального исследования, выходящего за рамки естествознания, относятся к компетенции собственно философии. Под философскими аспектами исследования проблемы следует понимать применение методологического

аппарата к анализу процесса целенаправленного антропогенного преобразования природной среды.

Как и всякая наука, глобальная экология должна иметь свою категориальную систему, адекватность которой реальному объекту будет тем выше, чем полней ее соответствие современному уровню теоретических воззрений па двуединую проблему – охрану природы и организацию рационального природопользования. Вместе с тем заимствование из пограничных дисциплин целых категориальных блоков зачастую приводит к ситуации, когда отдельные проблемы описываются в терминах, если не полностью исключающих взаимную сопряженность, то, по меньшей мере, значительно подрывающих логику категориальных конструктов. Привлечение философии означает, что использование ее принципов, законов к категорий служит целям раскрытия сущностных характеристик объекта познания, выявления взаимосвязей и взаимообусловленностей в системе окружающей среды. Философская интерпретация социально-экологических понятий имеет важное методологическое значение, так как позволяет выявить их коррелятивные связи, определить их место в понятийной системе глобальной экологии и тем самым способствует развитию категориального аппарата молодой научной дисциплины. Соотношение основных понятий экологии с категориями философии позволяет выявить их соответствие требованиям категориальности, то есть определить предельную общность понятий, в отношении которых в социальной экологии нет и в принципе не может быть более общих, так называемых «родовых». Социально-экологическая всеобщность отражает то обстоятельство, что, несмотря на разнообразие денотатов, у них есть нечто общее, не зависящее от специфики реализации конкретных процессов, а именно их социальная сущность, внешняя по отношению к природной среде. Такие понятия предметно-содержательны, так как отражают специфические явления, несводимые к иным, нашедшим отражение в сопряженных категориях.

Основные функциональные характеристики новых образований определяются способностью к эффективной утилизации и реутилизации вовлекаемых в хозяйственный оборот природных ресурсов, рассчитанной па изоляцию хозяйственно-производственных циклов от природного обмена веществ и энергии. Определяющий показатель пределов, в которых возможно и допустимо техногенное преобразование природной среды, – сохранение способности биосферы к выполнению функций постоянного поддержания системы жизнеобеспечения наиболее необходимых, «первичных» условий существования земных организмов.

Сложности преодоления противоречий между природными и техногенными процессами заключаются не только в организации экологически оптимальных метаболизмов на уровне отдельных промышленных предприятий, но и в достижении необходимого

динамического равновесия всей техногенной системы в целом. Биотехнические системы не обладают системностью развития, свойственной живой материи, и задача обеспечения необходимой коррекции между отдельными элементами целого становится прямой обязанностью человека [2, с. 46].

Философско-методологический анализ проблемы новых образований в структуре биосферы включает в себя следующие аспекты:

– выявление основных социальных и природных предпосылок перехода на уровень управляемой природной среды с ее дальнейшей трансформацией в социально-природную систему;

– определение движущих сил сближения природных и антропогенных факторов в процессе перехода на уровень социально управляемой среды;

– описание процесса образования структурно-функционального единства природных и антропогенных факторов и установление коррелятивных связей между процессом социального развития и динамикой природных процессов.

Философская интерпретация проблемы может быть использована при разработке и дальнейшем развитии теории взаимодействия общества и природы, способствовать преодолению противоречий' между социальной необходимостью потребления природных ресурсов и потребностью сохранения природной среды.

Теоретическое и практическое значение исследования проблемы состоит в том, что оно связано с перспективой развития практики природопользования, предполагающей в будущем переход на уровень социального управления природными процессами в глобальных масштабах.

Работа выполнена при поддержке ФФИ в рамках научного проекта Г25МС-015.

Литература и источники

1. Вернадский, В. И. Живое вещество. / В. И. Вернадский. – М. : Мир, 1978. – 358 с.

2. Гиляров, А. М. Методологические проблемы современной экологии / А. М. Гиляров // Природа. – 2001. – № 9. – С. 26 –28.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Чжан Юньпэн

Интеграция цифровых технологий с культурными традициями

является важнейшим способом реализации творческой трансформации культуры и ее инновационного развития. Китайский исследователь философ Чжан Чжупин пишет о стратегии цифровизации культуры: «Это имеет огромное значение для сохранения и развития выдающейся традиционной китайской культуры, продолжения исторических и культурных традиций и построения социалистической культурной мощи» [1, с. 28]. Развитие цифровых технологий не просто добавляет новые инструменты для сохранения культурного наследия, но и создает совершенно новые фундаментальные условия для эволюции традиционной культуры в современном обществе в новом социокультурном контексте.

Цифровые технологии реконструируют онтологическое существование культурных ресурсов, преобразуя их из физических форм в хранимые, воспроизводимые и удаленно доступные формы данных. Это создает новые культурные объекты, которые выходят за рамки своих первоначальных пространственных и временных ограничений, трансформируясь из локальных в виртуальные. Эта редактируемая и переконфигурируемая форма данных закладывает основу для творческого использования и содержит потенциал для реконтекстуализации. Реализация этого технологического пути основана на цифровой трансформации культурных ресурсов, основой которой является процесс оцифровки, обеспечивающий сохранение, защиту и использование культурного наследия. Как пояснил исследователь Ли Ган в своей работе «Анализ стратегий цифровых инноваций и распространения традиционной культуры»: «Цифровизация позволяет преобразовывать информацию в измеримые числа, создавать цифровые модели и вводить их в компьютерные системы в кодовой форме, обеспечивая надежное хранение, высокоскоростную передачу, научный анализ и облачный обмен огромными объемами информации. Цифровая трансформация традиционной культуры в основном направлена на адаптацию к потребностям сохранения традиционной культуры. Благодаря внедрению различных цифровых технологий, лучшие образцы традиционной культуры представляются в цифровом виде, что упрощает проблемы хранения, управления и обмена и эффективно удовлетворяет практические потребности в защите лучших образцов традиционной культуры» [2, с. 41]. Таким образом, содействие сохранению и развитию традиционной культуры в современном контексте требует творческой трансформации наследия, особенно с учетом адаптации к тенденциям развития цифровой эпохи и к ее основным ценностям. Этот процесс не только способствует появлению культурных инноваций, но и предоставляет практический путь для широкого распространения традиционной культуры.

С точки зрения коммуникации, цифровые технологии реструктурировали механизмы распространения и восприятия культуры. Медиа постоянно участвуют в формировании социальной культуры, а

эволюция самих медиа отражает изменения в социальной культуре. В этом процессе традиционная передача культуры часто опирается на институционализированные институты (такие как школы и музеи) и СМИ. Однако на цифровых платформах и в социальных сетях распространение культуры имеет свою специфику. Диверсификация каналов распространения делает культурные контакты более рутинными и случайными, а влияние традиционной культуры значительно ослабляется алгоритмическими рекомендациями и консенсусом сообщества. Этот структурный сдвиг также определяет современный контекст традиционной культуры и подтверждает точку зрения исследователя цифровых коммуникаций Цинь Фэна: «Носители распространения и сохранения традиционной культуры устарели и в цифровую эпоху они не могут конкурировать с современной культурой, которая использует современные цифровые медиа в качестве средства и носителя... Однако, как сказал Лао-цзы: „Несчастье может быть скрытым благословением, а благословение может быть скрытым несчастьем“, цифровая медиасреда оказала влияние на традиционную культуру, но серия изменений в коммуникационной экологии, которые она вызвала, также дает нам ценные сведения о распространении традиционной культуры и преодолении трудностей в ее распространении» [3, с. 117]. Таким образом, трансформация медиаформ не только определяет траекторию культурной эволюции, но и порождает новую коммуникационную логику, которая указывает на ключевые направления и возможности для изменения и возрождения традиционной культуры в современную эпоху: она должна адаптироваться к децентрализованной и сетевой коммуникационной экосистеме.

Наконец, цифровые технологии представляют собой социальный контекст, с которым сталкивается традиционная культура. Последняя, адаптируясь к новым ритмам коммуникации и интерактивной логике, породила множество новых форм выражения. Ее востребованность все больше определяется механизмами трафика платформы и готовностью пользователей к участию. Алгоритмы незаметно формируют порядок приоритетов ее распространения, заставляя культурный смысл постоянно изменяться в процессе непрерывного вторичного создания и потребления. В своем исследовании специалист в области менеджмента и философии управления Сунь Синьбо с соавторами отметил: «Китайские предприятия сталкиваются с уникальной институциональной средой, социальной культурой и образом мышления. Поэтому крайне важно учитывать уникальный контекст Китая в цифровых исследованиях. С одной стороны, Китай находится на первом этапе Четвертой промышленной революции, что создает благоприятную почву и возможности для развития цифровизации, датафикации и цифровой трансформации. Управленческие практики, порожденные столкновением, взаимодействием и сочетанием уникальной китайской социальной системы и цифровых технологий,

предоставят миру разнообразные китайские решения. С другой стороны, высококонтекстная культура Китая определяет, что смысл информации в значительной степени определяется взаимоотношениями между коммуникационной средой и ее участниками. Местные китайские исследования помогут прояснить тонкие различия между понятиями» [4, с. 25]. Уникальный институциональный фон и высококонтекстные культурные особенности Китая, подчеркнутые в данном исследовании, дают ключевые подсказки для понимания вышеупомянутых противоречий: хотя цифровые технологии стимулируют вовлечение в культуру и внедрение инноваций, они также несут риск поверхностности и отчуждения. Продолжающийся конфликт между этими двумя противоположными тенденциями проистекает из фундаментального различия между технологической логикой и способом формирования культурного смысла. Этот непрерывный процесс взаимодействия и переговоров представляет собой необходимый путь для трансформации традиционной культуры в цифровую эпоху, в которой технологическая логика и культурная логика формируют новое динамическое равновесие посредством постоянного взаимодействия.

Современная реконструкция традиционной культуры с помощью цифровых технологий проявляется на трех взаимосвязанных уровнях. С точки зрения формы, культурные ресурсы трансформируются из физических объектов в редактируемые данные, обеспечивая основу для творческого использования и переосмысления знаний. С точки зрения механизмов распространения, цифровые платформы направляют распространение культуры в сторону сетевого взаимодействия и децентрализации, при этом традиционный авторитет частично заменяется алгоритмами и общественным консенсусом, что требует от традиционной культуры адаптации к новой «экосистеме» распространения. С точки зрения социального контекста, комбинированное воздействие алгоритмов и высококонтекстуальных культурных характеристик заставляет культурное значение сталкиваться с двойной возможностью поверхностности и реконтекстуализации в потоке и обмене. Эти три уровня трансформации в совокупности демонстрируют, что цифровые технологии глубоко укоренились в современном развитии традиционной культуры, привнося не только инструментальные обновления, но и системную реконструкцию ее способа существования, логики распространения и социального контекста. Таким образом, современная трансформация традиционной культуры неизбежно является процессом непрерывного взаимодействия, адаптации и интеграции между технологической и культурной логикой.

Литература и источники

1. Чжан, Ч. Выбор пути содействия сохранению и развитию традиционной культуры с помощью цифровых технологий / Ч. Чжан // Журнал административного управления. – 2024. – № 2. – С. 27–34.

2. Ли, Г. Анализ цифровых инноваций и стратегий распространения традиционной культуры / Г. Ли // Искусствоведение. – 2023. – № 2. – С. 41–44.

3. Цинь, Ф. Прорыв и перестройка: цифровая медиа-среда и распространение традиционной культуры / Ф. Цинь, Ц. Сюй // Журнал Внутреннемонгольского сельскохозяйственного университета (издание по социальным наукам). – № 2. – 2015. – С. 115–119.

4. Сунь, С. Цифровизация и датафикация – определение и уточнение концепции / С. Сунь, Х. Сунь, Ю. Цянь // Журнал инноваций и технологий. – № 6. – 2022. – С. 12–30.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ, КОНКРЕТНО-НАУЧНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА»

В. И. Чуешов

В наши дни при определении понятия гуманитарной культуры важную роль играют не только конкретные науки и философия, но и социальные институты. В особенности национальное государства, а также институты гражданского общества, межгосударственных объединений. Политика современного государства в области культуры регламентируется конституцией, нормативными правовыми актами исполнительных органов. В 1953 г. в СССР после объединения трех министерств: высшего образования, кинематографии, трудовых ресурсов, двух комитетов: по делам искусств, радиоинформации и управления полиграфической промышленности, издательств, книжной торговли функционировало министерство культуры.

Сегодня в одних странах культурой управляют и профильные министерства: в Беларуси, России, Эстонии, Министерства культуры *и спорта* в Казахстане, культуры, *информации и туризма* в Киргизстане, *образования, науки,* культуры и *спорта* в Армении, культуры и *туризма* в Китае, культуры и *связи* во Франции. В Великобритании, традиционно ориентированной на стандарты минимального государства, работает Департамент *цифровых технологий*, культуры, *СМИ и спорта.* Государство, проводя культурную политику использует особый нормативный правовой язык ее определений.

Дефиниции данного языка прямо или косвенно формируют институциональные аспекты определения также и понятия гуманитарной культуры. Сформулированные на нормативном правовом языке

определения культуры, гуманитарной культуры и т. п., являются эмпирическим базисом не только для практики культуры, но и конкретно-научных и философских дефиниций гуманитарной культуры.

Для отечественной конкретно-научной и философской мысли таким базисом являются, например, 15, 53 статьи Конституции Республики Беларусь, утверждающих, что государство ответственно «за сохранение культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь», а также гарантирует свободу «художественного, научного, технического творчества и преподавания».

Согласно отечественному законодателю, культура является наследием, совокупностью материальных и духовных (нематериальных проявлений творческой деятельности) ценностей, деятельность по производству, обмену, распределению и потреблению «культурных ценностей».

Опираясь на отечественные нормативные и правовые истолкования культуры, гуманитарную культуру можно определить как совокупность материальных и духовных гуманитарных ценностей, деятельность по их производству, обмену, распределению и потреблению. В отличии от одного институционального существует множество конкретно-научных и философских аспектов определения гуманитарной культуры. Десятки конкретно-научных дефиниций культуры были проанализированы, например, А. Кребером и К. Клакхоном еще 1952 г. Американские ученые убедительно показали ключевую роль специфических признаков для содержания понятия культуры. Иллюстрируя их смысл, они обращали внимание на такой специфический признак понятия культуры, как тотальность. Он впервые был использован в работе Э. Тейлора «Первобытная культура», а затем воспроизведен еще в двадцати конкретно-научных дефиниций понятия культуры другими учеными. Специфическими признаками понятия культуры, по мнению Кребера и Клакхона, может быть не только тотальность, но традиция (наследие) и многое другое.

Также и в современном, еще, правда, не созданном компендиуме специфических признаков понятия гуманитарной культуры, важно научиться выявлять специфические признаки понятия гуманитарной культуры. Раскрывая их, не следует забывать о книге Ч. Сноу «Две культуры и научная революция» (1959), в которой было показано, что специфическим признаком в определении гуманитарной культуры является ее язык и особенности деятельности гуманитарной интеллигенции. Последнюю интересует, например, ответ на вопрос: «Читали ли Вы Шекспира?». При этом данный вопрос может оставлять естественнонаучную интеллигенцию равнодушной, т. к. ее язык предназначен для ответов на другие вопросы, типа: «Как Вы понимаете

массу?» Соединяя, полученные Ч. Сноу результаты анализа понимания гуманитарной культуры с результатами анализа специфических признаков понятия культуры Кребером и Клакхоном мы можем уже сегодня получить абрис современного компендиума специфических признаков понятия гуманитарной культуры.

Уточняя его, важно только не упускать из вида ни спецификации определения понятия гуманитарной культуры через ее противопоставление культуре естественнонаучной, ни единое национальное нормативное правовое, а также плюралистичное конкретно-научное и философское толкование содержания понятий культуры и гуманитарной культуры, их специфических признаках, а также о разных уровнях конкретно-научного и типах философского исследования. В современной философии науки обычно выделяются эмпирический, теоретический, метатеоретический, а также интратеоретический уровни исследования. В силу того, как показал Цицерон, «cultura animi philosophia est», различные типы философских принципов, идей, категорий, классических, не – и постнеклассических связей между ними являются важными компонентами мета – и интратеоретического уровней конкретно-научных дефиниций гуманитарной культуры.

Рассматривая определения гуманитарной культуры в уровневой перспективе конкретно-научных исследований, можно полагать, что специфическим признаком эмпирических конкретно-научных определений гуманитарной культуры будет указание на ее предметную область, например, в частности на проблематику гуманитарных наук. Специфическим признаком теоретических конкретно-научных определений гуманитарной культуры являются указания на ее родовые особенности, понимание ее как антропологии человекотворчества.

Выявляя специфические признаки интратеоретических конкретно-научных дефиниций гуманитарной культуры следует учитывать как профессиональный авторитет их субъекта, так и его специализацию, философские ориентации, темперамент и характер.

Спецификация метатеоретических дефиниций гуманитарной культуры в наши дни чаще всего связана с ее определением, как культуры духовной и (или) религиозной. Растворение духовной (гуманитарной) культуры в культуре философской было реализовано в классическом типе философии. В не – и постнеклассической философии гуманитарная культура уже не отождествляется с философской культурой вообще, а зачастую понимается, как культура эстетическая, атеизм и(или) критика позитивизма и эмпиризма наличной гуманитарной культуры, например, в марксизме, ницшеанстве, критической теории, постмодернизме. В не – и постнеклассическом типе философии как эмпирические, так и теоретические изъяны и социальная ограниченность дефиниций наличной духовной (гуманитарной) культуры выявляются средствами философской

деконструкции, моральной иллюминации и эстетической критики, акционизма, перфоманса, революционной практики и т. п.

Вслед за М. С. Каганом метатеоретические, конкретно-научные дефиниции гуманитарной культуры уместно рассматривать в тотальном и отраслевом измерении. В отраслевом измерении гуманитарная культура сопрягается с гуманитарными гранями всех других отраслевых культур: нравственной, художественной, культурой общения и т. п. При рассмотрении в тотальном измерении специфическим признаком гуманитарной культуры будет, согласимся с М. С. Каганом, мера человеческого, устремленного к совершенству. В силу того, что тотальное и отраслевое измерения гуманитарной культуры различаются только аналитически, философское определение гуманитарной культуры обозначает и единство (синтез) гуманитарных областей и граней отраслевых культур, и синтез человеческого, устремленного к идеалу в ценностях, деятельности, игре, символическом творчестве, репрессивных механизмах и инновациях.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ИСКУССТВА

У. В. Шевчук

Одной из немногих проблем, связанных с вхождением генеративного искусственного интеллекта в жизнь современного человека и общества, является проблема творчества, а точнее – «подлинности» творчества произведений искусства, создаваемых им. Этот вопрос появился после первых произведений, созданных Г. Коэном и программой AARON. На него тем более нет однозначного ответа в настоящем времени, когда происходит внедрение генеративного искусственного интеллекта в художественную практику: современные художники, дизайнеры, музыканты и режиссеры пользуются им как инструментом создания текстовых, музыкальных, аудио – и визуальных произведений [1, с. 244]. Речь идет о таких программах, как Midjourney, Stable Diffusion, Kandinsky, Suno AI, Sora OpenAI.

Вопрос исследования заключается в том, насколько произведения, созданные технологиями искусственного интеллекта, являются подлинными. Это вопрос возникает с учетом того, что современные технологии искусственного интеллекта демонстрируют способность создавать изображения, тексты, видео и аудио неотличимые от художественных произведений, созданных человеком без использования данных технологий. Однако сама возможность воспроизведения художественных форм не является достаточным основанием подлинности.

Для более развернутого ответа на вопрос о подлинности обратимся к критериям, позволяющим провести различие между искусством и не-искусством и рассмотрим следующие: сущностный (онтологический), предметно-материальный, социальный и условно-институциональный.

Определяющим критерием среди вышеназванных является сущностный критерий, в соответствии с которым произведение искусства может быть создано только сознательным, живым существом, чье бытие характеризуется экзистенциальной направленностью к бытию как таковому [3, с. 107–108]. В соответствии с этим функция искусства заключается в представлении определенного состояния бытия, в котором пребывает его автор. Произведение искусства является формой явленности опыта бытия. Искусство соотнесено с процессом бытийствования [2, с. 230]. В этом контексте смысл художественного произведения не исчерпывается передаваемым содержанием, поскольку произведение выступает способом раскрытия бытийственного отношения автора к миру. Именно такие онтологические основания отличают художественное творчество от любых форм технического производства образов.

Сопоставление онтологического критерия с принципами функционирования генеративного искусственного интеллекта позволяет утверждать, что он не способен к созданию подлинных произведений. Процесс создания в генеративных системах представляет собой рекомбинацию уже имеющихся данных или формирование непредсказуемого результата на основе заданных алгоритмов. Любые изменения и вариации в его работе не являются результатом личного опыта или внутренней необходимости. Они лишь внешне воспроизводят художественную форму, но сущностно является симуляцией художественности, лишенной онтологических оснований.

Осмысление данной проблемы в этическом аспекте напрямую связано с риском подмены художественного творчества технологическим производством и отсутствием границы между автором, инструментом и результатом. Признание продуктов деятельности искусственного интеллекта полноценными произведениями искусства приводит к обесцениванию человеческого опыта как основания художественной деятельности и к редукции искусства до функции воспроизводства форм.

Однако следует отметить, что генеративный искусственный интеллект не функционирует абсолютно автономно, поскольку исходный запрос (промпт) все-таки формулируется человеком. Это позволяет ряду авторов (Х. Дрейфус, М. Боден) утверждать, что речь идет не об искусстве, созданном искусственным интеллектом, а о художественном произведении, созданном человеком с помощью искусственного интеллекта как единственного инструмента. В этом случае генеративный искусственный интеллект выступает расширением человеческого инструментария.

Однако, учитывая сущностный критерий, который напрямую относится к бытийствованию автора и его экзистенциальному опыту, произведения искусства, созданные генеративным искусственным интеллектом, не являются подлинными произведениями искусства. Это, безусловно, не исключает «их права на существование» и требует дальнейшего социально-этического и эстетического осмысления в контексте цифровизации искусства.

Литература и источники

1. Филенко, С. С. Искусственный интеллект и искусство: точки соприкосновения. / Государственный университет управления. – М. : Издательский дом ГУУ. 2017. – 331 с.

2. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер ; пер. с немецкого. – М. : Республика, 1993. – С. 221–238.

3. Barrett, C. The Routledge Companion to Aesthetics / Berys Gaut and Dominic McIver Lopes // Heythrop Journal. – 2003. – Т. 44, №. 1. – С. 107–118.

ЛОВУШКА КАЖУЩЕЙСЯ ЛЁГКОСТИ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ: КУРС ПО ПРОМПТ ИНЖИНИРИНГУ ДЛЯ МЕДИА В НИУ ВШЭ И ЕГО ФИЛОСОФСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Д. А. Ярочкин

Введение

Говоря о влиянии, которое оказывает развитие больших языковых моделей на цивилизацию, нельзя не отметить роль языка. Язык позволяет нам делиться опытом, формировать понятия, оказывать влияние и усваивать знания.

Несмотря на то, что сам принцип перехода символов из одной сферы в другую не менялся, существенно менялась его форма. Философия зародилась в Греции как устная дисциплина; в Федре Платон сокрушался [1, с. 135–191] о гибельности для неё печатного слова. Но что сказал бы Платон, если бы столкнулся с нейросетью? Можно ли предположить, что он увидел бы в ней угрозу для мышления или, наоборот, возврат от застывших форм письма к тексту, с которым каждый может побеседовать.

Большие языковые модели меняют статус языка в цифровой культуре: текст становится не только формой передачи опыта и знания, но и инструментом их быстрого производства, доступным почти любому пользователю. При этом внешняя связность и стилистическая «гладкость» машинного ответа создают эффект кажущейся лёгкости: возникает ощущение, что мышление, аргументация и проверка «уже сделаны [5, с. 4]», хотя на деле модель выдаёт правдоподобный черновик,

требующий отдельного обоснования и верификации [4]. Эта ситуация особенно остра в академической и медийной среде, где качество текста определяется не скоростью генерации, а проверяемостью, источниковой корректностью и ответственностью за утверждения. При этом мы понимаем, что не пользоваться этой технологией означает поставить себя в невыгодное положение [2].

Научная новизна состоит в разработке и апробации дизайн-ориентированного курса по промпт-инжинирингу для медиа, который интегрирует мультимодальную генерацию (текст / изображение / видео) с обязательными процедурами ответственного применения – верификацией, безопасностью и этико-правовой рефлексией – и переводит эти требования в прозрачную рубрику оценивания и проверяемые учебные артефакты. Это позволяет эмпирически описать типовые сбои «кажущейся лёгкости» генеративного ИИ и показать, почему в медиа – и академической среде ключевым результатом обучения становится не ускорение производства контента, а формирование практик проверки и управления рисками.

Метод

Исследование проведено как дизайн-ориентированный педагогический кейс в рамках дисциплины «Искусственный интеллект и цифровые инструменты в медиа»: промпт-инжиниринг трактовался не как ускорение производства контента, а как управление когнитивным процессом, где каждый генеративный шаг должен сопровождаться проверкой (источниковой, фактологической или медиа-форензической).

Темы эссе (и опционально видеоэссе) выбирались из списка или предлагались студентами и согласовывались с преподавателем (полный перечень – в приложении); тематически задания фокусировались на эффектах и рисках генеративных технологий в медиа и обществе. В задании 2 студенты создавали аналитическое эссе (~7000 знаков) и две адаптации (краткую и упрощённую); каждая версия включала минимум одно сгенерированное изображение, а полная версия – ссылки / список литературы и указание ИИ-модели в авторах; верификация строилась на SIFT [6] и латеральном чтении, а для проверки медиа использовались инструменты трассировки [3].

Результаты

В исследовании проанализированы экзаменационные работы студентов 1 курса (n=25) и 2 курса (n=25) по рубрике 0–10, включающей оценку основного эссе, адаптированных версий (сокращённой и упрощённой), источников и визуального компонента (если представлен). На уровне комплектности фиксировались наличие трёх версий текста, списка источников и указание используемой ИИ-модели как соавтора;

далее сравнивались итоговые баллы и профиль ошибок по критериям. Наиболее частые провалы связаны с неявным тезисом, слабой аргументацией и недостаточной верификацией источников; эти паттерны интерпретируются как проявление «ловушки кажущейся лёгкости» генеративного ИИ, когда связный черновик ошибочно принимается за завершённый академический продукт.

Дополнительно, качественный анализ открытых отзывов выявил поляризацию восприятия курса: часть студентов отмечает прирост практических навыков работы с генеративными моделями, другая – сомневается в добавленной ценности («мы и так всё умеем») и критикует трудоёмкость верификации («зачем тогда ИИ, если всё равно перепроверять»). Эти полярные реакции могут быть поняты как две стороны одной проблемы – склонности либо переоценивать ИИ и ожидать замены собственного усилия, либо, столкнувшись с необходимостью контроля качества, отвергать дисциплину проверки как «лишнюю нагрузку», что типично для ситуаций чрезмерной опоры на автоматизированные подсказки

Обсуждения

Полученные результаты поддерживают тезис введения о том, что генеративные модели изменяют практику письма не только как «ускорители», но и как агенты перераспределения усилий: от производства текста к его верификации и структурированию. Частые провалы (неявный тезис, слабая аргументация, ошибки в фактологии и источниках) в сочетании с поляризацией отзывов («мы и так умеем» vs «зачем ИИ, если всё проверять») указывают на эффект «кажущейся лёгкости»: связный черновик воспринимается как завершённый продукт, а затраты на проверку – как неестественная «надстройка», хотя именно они делают результат академически и медийно валидным.

Ограничение исследования – кейсовый характер и отсутствие внешнего контроля (например, сравнения с группой без такого контура проверки), поэтому выводы пока следует трактовать как локальные и требующие дальнейшей проверки на других когортах и в других дисциплинах.

Литература и источники

1. Платон. Федр / Платон ; пер. с древнегреч. А. Н. Егунова // Платон : собр. соч. : в 4 т. ; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; примеч. А. Ф. Лосева, А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 135–191.

2. Koralus, P. The philosophic turn for AI agents: replacing centralized digital rhetoric with decentralized truth-seeking / P. Koralus // Mind & Society. – 2025. – Vol. 24, № 2. – P. 563–586.

3. InVID Verification Plugin. – URL: https://www.invid-project.eu/ tools-and-services/ invid-verification-plugin/(дата обращения: 12.01.2026).

4. Jamaluddin, J. Hallucination: A key challenge to Artificial Intelligence-Generated writing / J. Jamaluddin, N. A. Gaffar, N. S. S. Din // Malaysian Family Physician. – 2023. – Vol. 18. – P. 68. – URL: https://e-mfp.org/ wp-content/ uploads/ 18.68.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

5. Rosenbacke, R. Beyond Hallucinations: The Illusion of Understanding in Large Language Models / R. Rosenbacke, C. Rosenbacke, V. Rosenbacke, M. McKee. – arXiv, 2025. – URL: https://arxiv.org/ abs/ 2510.14665 (дата обращения: 12.01.2026).

6. The SIFT Method – Evaluating Resources and Misinformation. – URL: https://guides.lib.uchicago.edu/ c.php?g=1241077&p=9082322.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ФОКУСЕ КОГНИТИВНЫХ И ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В. Н. Яхно

Современное образование – сфера жизнедеятельности общества, которую полномасштабно охватил процесс цифровизации. Актуальные изменения формируют уникальную инфокоммуникационную среду для студенческой молодежи. Новые характеристики жизненного мира обучающихся обладают ярко выраженной привязанностью к компьютерным технологиям и зависимостью от виртуального пространства. Как следствие формируется новый тип культуры и новые коммуникативные нормы. Динамичные преобразования жизненного пространства порождают как проблемы, несущие в себе возможные угрозы, так и создают новые условия для изменений всех сфер функционирования общества, включая культуру и образование.

Студенческую молодежь всегда интересует все новое и перспективное – она устремлена в будущее. Действительно, как изменится картина мира, производство, бизнес, торговля, сфера обслуживания? Выживет ли литература в мире господства аудиовизуальной культуры и клипового мышления? И так ли необходима человеку грамотность, когда за все сможет нести ответственность искусственный интеллект (далее ИИ). Но будущее рождается в настоящем и зависит от нас самих, наших знаний, убеждений и целей, – утверждал американский футуролог Джон Нейсбит. «Умонастроения подобны неподвижным звездам в наших головах. Наш разум, придерживаясь их, дрейфует подобно кораблю в океане информации и находит ориентиры. Умонастроения не дают нам сбиться с курса и ведут нас к нашему месту назначения» [1, с. 15]. Умонастроение «поколения цифры» будет определять будущее социума, поэтому особенности мировоззрения современных молодых людей, их способность

действовать определенным образом, очень важны. Знать эти особенности и учитывать в образовательном процессе и воспитательной практике для вузовских педагогов является необходимым.

Чтобы прояснить представления студентов и магистрантов Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого об информационной эпохе, искусственном интеллекте, современной науке и этических вызовах нашего времени, автор на семинарах по философии и философии и методологии науки ознакомил обучающихся с понятийно-категориальным аппаратом и существующими концепциями философии информации и информационной этики. Далее, в рамках дискуссий и мониторингового исследования были проанализированы данные восприятия студентами и магистрантами особенностей интеграции человека и цифровых технологий, а также возникшие когнитивные и этические проблемы. Исследование проводилось в 2024/ 2025 и 2025/ 2026 учебных годах. Выборочную совокупность составили 133 обучающихся: 71 магистрант (51 представитель дневного отделения и 20 – заочников) и 62 студента дневного отделения факультета автоматизированных и информационных систем.

Прежде всего, в рамках дискуссии выяснилось, что обучающиеся хорошо осведомлены о современной информационной эпохе, её насыщенностью динамичными процессами преобразований. Какие же феномены характеризуют ее наиболее ярко? Опрос показал, что большинство респондентов основными характеристиками цифровизации считают быстрый рост информационно коммуникационных технологий (60,2%) и формирование глобального коммуникативного пространства (39,8%). Следует отметить, что у магистрантов на первом месте оказались технологии – 64,4%, а у студентов – глобальное коммуникативное пространство – 59,8%.

Рассуждения об искусственном интеллекте обнаружили, что студенты первой и второй ступеней образования, с одной стороны, не владеют достаточной научной информацией для самостоятельного определения ИИ, поэтому на предложение: «Другое. Напишите» – практически все (98%) поставили прочерк. С другой стороны, не предлагая собственных формулировок, из предложенных вариантов, самыми востребованными оказались следующие: ИИ «в узком смысле, есть инструмент имитации и / или усиления человеческих рассуждений при решении каких-либо задач / проблем» (37,3%); «искусственный интеллект– это искусственный мозг» (25,3%) и «искусственный интеллект – это интеллектуальный робот» (24%), остальные варианты набрали: 7,1% – ИИ это «искусственный человек» и 6,3% – ИИ – «общество искусственных людей». Последующая дискуссия показала, что современное студенчество, активно и успешно осваивает цифровой формат обучения и использует

помощь искусственного интеллекта при решении многих учебных задач. А настрой обучающихся продемонстрировал, что подавляющее большинство респондентов – цифровые оптимисты.

Современный цифровой поворот форматирует человека, влияя на него более чем когда-либо. На вопрос: «Как Вы полагаете возможно ли сегодня информационное перенасыщение когнитивной сферы?» большинство опрошенных ответило: «да» – 75,1% у магистрантов и 80% – у студентов. 24,9% магистрантов полагает – «нет»; среди студентов таких 20%. Далее, оказалось, что и студенты, и магистранты допускают, что вследствие активного использования гаджетов возможно снижение способностей и объема памяти. Результаты следующие: способности и объем памяти, безусловно, уменьшатся, таков ответ 74% обучающихся в магистратуре и 72,9% студентов. Не видят угроз для памяти со стороны искусственного интеллекта 18% магистрантов и 25,1% студентов; 8% обучающихся в магистратуре и 2% студентов затруднились ответить на этот вопрос.

В связи с ростом влияния информационных технологий на процесс обучения, респондентам было предложено оценить риск утраты способности к самостоятельному творческому мышлению и действиям. Большая часть опрошенных выразила мнение, что современные девайсы не мешают развитию их творческих способностей. Если судить по ответам на вопрос: «Возможно ли сегодня снижение уровня критического мышления и способности к самостоятельному созданию интеллектуального продукта?» 58,3% магистрантов и 61,4% студентов считают, что «нет, невозможно». А 41,7% магистрантов и 38,6% студентов полагают, что «безусловно, да».

Информационная эпоха активно формирует новую электронную культуру и, соответственно, новую этику. Существуют разные варианты основных принципов этики «надежного» искусственного интеллекта. Студентам и магистрантам университета было предложено выбрать наиболее значимые для них принципы информационной этики. Анализ ответов указал на значимость таких требований к ИИ как: «персональные данные, используемые искусственным интеллектом, должны оставаться конфиденциальными» – 39,5% – магистранты и 31,5% – студенты. Далее, «Необходимо человеческое содействие и надзор над решениями, принимаемыми программным обеспечением ИИ»: 32,2% у магистрантов и 39,4% – у студентов. Третий по популярности принцип: «Предоставляемые ИИ-системами услуги должны быть всем доступны, разнообразны и справедливы»: 28,3% – магистранты и 28,9% – у студентов.

Таким образом, процесс цифровизации образовательного пространства имеет разносторонние и неоднозначные характеристики. Однако, современное студенчество оптимистично и, большей частью, позитивно оценивает современный цифровой мир. Студенты и

магистранты ГГТУ имени П. О. Сухого высказывают убеждения, что при соблюдении необходимого этического контроля за искусственным интеллектом, информационные технологии открывают им новые возможности для расширения мировоззрения, позволяют реализовать творческие способности и стимулируют их когнитивное развитие.

Литература и источники

1. Нейсбит, Д. Старт! Настраиваем ум!: Перестрой мышление и загляни в будущее / Джон Нейсбит ; пер. с англ. А. Георгиева. – М. : АСТ, 2009. – 286 с.

Раздел 5 РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

НАСИЛИЕ И РЕЛИГИЯ В МИМЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РЕНЕ ЖИРАРА

Н. А. Балаклеец

Философский дискурс о причинах, сущности, границах и способах деэскалации насилия отличается крайней неоднородностью. В ряду наиболее значимых концепций, посвященных исследованию указанной проблематики, следует упомянуть миметическую теорию Рене Жирара. В работе «Насилие и священное» (1972) философ вводит целый ряд ключевых для осмысления феномена насилия концептов, применяя их для интерпретации процессов, происходящих в архаичных обществах. Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие четкого определения автором самого насилия. Как отмечает один из самых известных интерпретаторов миметической теории Вольфганг Палафер, «Жирар отказывается от редукции насилия к четко описываемым насильственным актам. Для него насилие по сути является реляционным событием, которое дает о себе знать, как в самых интимных формах человеческого сосуществования, так и в логике эскалации гонки вооружений во время холодной войны... Траектория его феноменологии насилия простирается тем самым от незначительных, повседневных примеров развивающихся по негативному сценарию межличностных отношений до апокалиптически накаляющихся конфликтов, связанных с современным глобальным терроризмом» [4, s. 315–316].

Один из центральных концептов Жирара – миметическое желание, трактуемое в качестве источника деструктивных социальных практик. В рамках развиваемой философом концепции человек рассматривается не как рациональное существо, а, прежде всего, как существо желающее. Данный тезис обнаруживает определенное сходство с интерпретацией идей Г. В. Ф. Гегеля, предложенной А. Кожевым, однако Жирар четко формулирует свое несогласие с гегелевской диалектикой господина и раба. Желание субъекта, согласно Жирару, направлено не на признание со стороны другого, но на объект, желаемый другим. Таким образом, мы имеем дело с «треугольником желания»: желаемым объект становится именно потому, что он уже попал в поле зрения и стал предметом интереса

другого. Миметическое желание становится источником конфликта, чреватого разрушением социальной общности [2, с. 178–182].

На материале мифов и античной трагедии Жирар исследует процессы генезиса и (де)эскалации насилия, раскрывая угрозы порочного круга мести. Даже малейшее насилие, согласно мыслителю, обнаруживает чрезвычайную склонность к ответному насилию, месть приводит к ответной мести. Возникает метафора огня, не останавливающегося ни перед чем на своем пути. Чем дольше длится миметическое соперничество, тем больше зеркальных эффектов оно порождает, тем более неразличимыми становятся соперники, которые превращаются в «миметических близнецов». Насилие, таким образом, трактуется как источник стирания различий между антагонистами и приведения их к тождеству. Общность, раздираемая внутренним насилием, переходит в состояние жертвенного кризиса. Последний концепт обозначает радикальное разрушение существующего социального и культурного порядка, основанного на системе различий. Жертвенный кризис, понимаемый как стирание различий в ходе миметического взаимного насилия, является по сути способом социального самоубийства. Выход из порочного круга «интенсивной миметичности» Жирар связывает с феноменом «жертвы отпущения». Взаимное обоюдоострое насилие, приближающее общину к ее гибели, сменяется единодушным насилием, направленным на объект, аккумулирующий всю силу социальной агрессии. Поиск «жертвы отпущения» и последующее ее заклание становятся средством самосохранения общины. Насилие в его «благом», спасительном обличьи выступает средством против «дурного», миметического насилия. Вместе со смертью жертвы отпущения восстанавливается система различий и обновляется культурный порядок. На смену порочному кругу взаимного насилия приходит другой порочный круг – жертвенных ритуалов, играющий значимую, если не основополагающую, роль в культуре. Ритуальный мимесис становится своего рода «противоядием», предотвращающим наступление нового жертвенного кризиса.

Жертва отпущения становится не только средством самосохранения общины от раздирающих ее вспышек насилия, но и истоком символического мышления. Смена периода «истерического пароксизма» периодом спокойствия создает благоприятные условия для размышлений о постигшем общность чуде, что выражается в мифах, ритуалах, системах родства [2, с. 282–283].

В монографии «Вещи, сокрытые от создания мира» (1978), представляющей собой развернутый текст беседы Жирара с Жаном-Мишелем Угурляном и Ги Лефором, философ детализирует развиваемую им миметическую теорию. Философ проводит различие между мимесисом присвоения и мимесисом антагонизма. Первый из них разделяет

соперников, каждый из которых стремится присвоить один и тот же объект, внося в социальную общность раскол и конфликт. Второй тип мимесиса, напротив, направлен на объединение общины. Направляя действия соперников на устранение общего врага (становящегося жертвой), в результате он приводит к примирению бывших антагонистов [1, с. 30–31]. Стремление общества не допустить повторения жертвенного кризиса приводит к утверждению двух императивов. Во-первых, речь идет об императиве запрета, предполагающем отказ от мимесиса присвоения, который приводит к опасному соперничеству. Во-вторых, возникает императив обряда, стремящийся продлить спасительный для общества эффект жертвоприношения [1, с. 32–34].

В работе «Я вижу Сатану, падающего как молния» (1999). Жирар размышляет о проблеме перехода от насильственного к мирному мимесису. Автор воспроизводит модель миметического цикла, включающего миметическое желание, соперничество и миметический кризис, разрешением которого служит практика жертвоприношения. Материалом, фундирующим авторскую концепцию, для Жирара служат евангельские тексты. В них он открывает пагубные стороны миметического соперничества. Так, 10-я заповедь Декалога (запрещающая не действие, но желание, направленное на объекты, принадлежащие ближнему) напрямую связана с необходимостью положить предел миметическому желанию. Умение погасить в себе конфликтное желание (соблюдение 10-й заповеди), согласно Жирару, служит залогом соблюдения и предшествующих ей четырех заповедей. Таким образом, именно миметическое желание способно стать причиной насильственных действий. Вместе с тем, предвосхищая обвинения в чрезмерной акцентуации роли насилия в культуро – и социогенезе, философ подчеркивает и положительное значение мимесиса: «Миметическое желание – благое по своей сути» [3, с. 22]. Христианская практика подражания Христу возможна лишь в условиях подражательной по своей сути формы организации социальных отношений. Действенность миметических образцов, облагораживающих человека, обусловлена той фундаментальной ролью, которую играет мимесис в процессах социализации. Именно религия дает людям тот образец, который способен отвратить их от миметического насилия.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что миметическая концепция Жирара, несмотря на ряд присущих ей небесспорных моментов, способствует пониманию генезиса насилия, в том числе, в современном обществе. Интеллектуальное дерзновение философа заключается в обращении к религиозной тематике в ситуации кризиса христианской культуры. В мире, который пережил событие «смерти Бога» (Ф. Ницше) и был объявлен расколдованным (М. Вебер), Жирар настойчиво проводит мысль о фундаментальной роли религиозных феноменов для развития

общества и культуры.

Литература и источники

1. Жирар, Р. Вещи, сокрытые от создания мира / Р. Жирар. – М. : Издательство ББИ, 2016. – xiv + 518 с.

2. Жирар, Р. Насилие и священное / Р. Жирар. – М. : Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с.

3. Жирар, Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния / Р. Жирар. – М. : Изд-во ББИ, 2015. – xviii + 202 с.

4. Palaver, W. Gewalt und Wechselseitigkeit. Über die Ursache zwischenmenschlicher Gewalt, Gewalteskalation und Wege aus der Gewalt / W. Palaver // Gesichter der Gewalt. Beiträge aus phänomenologischer Sicht. – Paderborn : Wilhelm Fink Verlag, 2014. – S. 315–332.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ: ОТ СЛОВА К «ЦИФРЕ»

Е. О. Далимаева

В современном обществе цифровизация проникает во все сферы, религиозные практики не стали исключением. Особенно интенсивно цифровизация религии происходит в последнее десятилетие. Нормой стали прямые онлайн-трансляции богослужений, мобильные приложения для молитвы, виртуальные религиозные сообщества и храмы, панихиды и исповеди, виртуальные свечи во здравие или за упокой, онлайн-курсы по обучению намазу и т. д.

Целью данного исследования является анализ ключевых изменений в характере религиозной практики под влиянием цифровизации, выявление новых форм религиозного опыта, а также оценка того, как цифровые платформы влияют на религиозную идентичность в современном обществе.

В последние годы в философии и религиоведении наблюдается устойчивый интерес к феномену «цифровой религии», который включает в себя различные способы реализации религиозной практики в сети Интернет. Феномен «интернет-церквей» или «киберцерквей» начал активно развиваться ещё в начале 2000-х годов, когда появились первые попытки перенести традиционные богослужения и религиозные обряды в онлайн-пространство. Реакция официальных религиозных институтов была сдержанной. В 2002 году Папский совет по социальным коммуникациям Римско-католической церкви выпустил заявление, в котором подчёркивалось, что виртуальная среда не способна заменить живое межличностное общение, воплощённую реальность таинств и литургии, а также непосредственное провозглашение Евангелия. В то же

время признавалось, что интернет может служить средством поддержки и обогащения религиозной жизни верующих [1]. Сегодня позиция и православной, и католической церкви во многом совпадает: священнослужители говорят о расширении возможностей с помощью цифровизации (к примеру, многие люди пришли в храм впервые именно после знакомства с религиозными материалами в соцсетях), но настойчиво подчеркивают: технологии не заменяют церковные таинства. «Ни чат-боты, ни искусственный интеллект не способны заменить личное пастырское общение, вести человека по духовному пути и, тем более, принимать исповедь» [2]

Однако реальность показывает, что цифровые платформы становятся не просто местом для получения информации, но полноценным пространством религиозного взаимодействия, в котором пользователь получает доступ к духовным текстам, ритуалам и сообществам единомышленников без необходимости физического присутствия в храме или религиозном центре. На текущий момент в нашей стране действует официальный портал Белорусской православной церкви, сайт «Рымска-каталіцкага Касцёла ў Рэспубліцы Беларусь», сайт islam.by и т. д. Важным аспектом цифровой религиозной практики является влияние социальных сетей и видеоплатформ на распространение религиозного контента. Современные исследователи, анализируя религиозные видео и нарративы на таких платформах, подчеркивают, что форматы визуального и интерактивного контента существенно влияют на восприятие религиозных текстов и практик пользователями, способствуя вовлечению более широкой аудитории. Одним из примеров таких явлений является использование религиозных мобильных приложений, которые помогают верующим организовывать свою духовную жизнь, напоминают о молитвах, предлагают тексты священных писаний и способы взаимодействия с религиозной традицией в цифровом формате.

Цифровые религиозные практики способствуют формированию более индивидуализированного религиозного самосознания, поскольку верующий получает возможность самостоятельно выбирать формы участия, источники духовного контента и степень вовлечённости. Онлайн-среда ослабляет зависимость религиозной идентичности от конкретной общины или географического прихода, усиливая личностное измерение веры. В то же время участие в сетевых религиозных сообществах создаёт новые формы коллективной идентичности, основанные на общих интересах, взглядах и медиапрактиках, а не на территориальной принадлежности. Цифровые форматы делают религиозную принадлежность более публичной и репрезентируемой через профили, публикации и символику в социальных сетях, что влияет на способы самопрезентации верующих. Однако без живого взаимодействия с духовным наставником религиозная самопрезентация может превратиться

в симулякр, следование моде или способом выделиться из конкурентной среды других онлайн-пользователей.

Ещё одно важное направление рассмотрения феномена цифровизации религии – это исследование отношения верующих к онлайн-богослужениям и другим цифровым религиозным практикам. Социологические данные показывают, что молодые верующие по-разному воспринимают цифровые форматы: значительная часть видит в них удобство и возможность общения, тогда как другие считают, что виртуальные богослужения не могут заменить традиционного посещения храма и живого религиозного опыта. Однако, как отмечают исследователи, цифровые форматы всё больше интегрируются в религиозную жизнь, особенно после периода пандемии, когда социальные ограничения вынудили религиозные организации активнее использовать интернет-ресурсы и медиа [3].

Особое место занимают примеры полностью виртуальных религиозных пространств, таких как виртуальные церкви в средах виртуальной реальности. В рамках международной практики существуют проекты, где богослужения проходят в виртуальных мирах, а участники могут присутствовать в виде аватаров, взаимодействовать друг с другом и с духовным лидером, что создает новый тип религиозного опыта, приближенный к традиционному, но реализуемый в цифровом пространстве. Такие примеры показывают, что цифровые технологии способны создавать новые формы религиозных практик, которые могут существовать независимо от физического храма и социальной среды.

Несмотря на очевидные преимущества цифровых форматов (доступность, гибкость, возможность взаимодействия вне зависимости от места и времени), существуют и определённые вызовы. Среди них исследователи отмечают риск редуцирования сакрального опыта до символических действий, утрату чувств коллективности и атмосферности, которые сопровождают религиозное сообщество в традиционных условиях. Также цифровые платформы могут порождать дискуссии о том, что считать аутентичной религиозной практикой, и где проходит граница между онлайн-опытом и религиозным переживанием в физическом мире.

Таким образом, цифровая среда становится не просто вспомогательным каналом для религиозных организаций, а полноценной пространством для возникновения новых форм религиозной практики и опыта. Этот процесс сопровождается как расширением возможностей для верующих, так и необходимостью переосмысления традиционных представлений о религиозной практике, авторитете, коллективности и сакральности. В заключение можно сказать, что цифровизация религиозной жизни представляет собой важное направление в современных религиоведческих исследованиях, открывая новые перспективы для понимания того, как религия адаптируется к вызовам и

возможностям цифровой эпохи и какие социально-культурные и духовные последствия это влечёт за собой.

Литература и источники

1. Ешь, молись, смотри в экран: как религия работает в онлайне / РБК. – URL: https://trends.rbc.ru/ trends/ industry/ 6107e04a9a794780b2a7bab8?from=copy (дата обращения 26.01.2026).

2. В РПЦ высказались о цифровизации религиозной жизни / РИА. – URL: https://ria.ru/ 20211014/ tsifra-1754611066.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 26.01.2026).

3. Чеснова, Е. Н. Религия онлайн: новые практики и феномены / Е. Н. Чеснова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2023. – № 4 (48). – URL: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ religiya-onlayn-novye-praktiki-i-fenomeny (дата обращения: 27.01.2026).

КОМПЬЮТЕРНЫЕ МОДЕЛИ ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ

А. В. Данилов

Религиоведение сегодня обращается к междисциплинарным методам, включая когнитивные науки и компьютерное моделирование [2, p. 46–49]. Компьютерные модели культурной динамики позволяют выявить устойчивость религиозных норм в долгосрочной перспективе [5, p. 355]. Они воспроизводят процесс культурной эволюции, где различные стратегии поведения конкурируют между собой. Компьютерные симуляции подтверждают, что религиозные нормы устойчивы не потому, что они «лучше» или «моральнее» в отвлечённом смысле, а потому что они функционально обеспечивают выживание больших сообществ.

Кооперативные нормы и религиозные предписания в компьютерных моделях определяются как факторы, удерживающие людей в социальных сетях. Когда плюрализм мировоззрений усиливается, эти нормы постепенно теряют силу, и начинается процесс выхода из религии. Таким образом, устойчивость социальных сетей обеспечивается религиозными нормами, но при росте плюрализма они уступают место более нейтральным стратегиям [4, p. 12]. Краткосрочные стратегии, такие как насильственное доминирование или миопическая эксплуатация ресурсов, дают немедленную выгоду отдельным индивидам, но подрывают доверие внутри группы. Без доверия невозможна кооперация и устойчивое существование больших сообществ. Эволюционная теория культуры рассматривает религиозные нормы не как случайные феномены, а как долгосрочные адаптивные стратегии, обеспечивающие выживание и

воспроизводство социумов. Религиозные предписания направлены на укрепление структуры социальных связей. Компьютерные симуляции показывают, что группы, где доминируют краткосрочные стратегии, быстро деградируют: ресурсы истощаются, уровень конфликтов растёт, а социальные связи разрушаются. Напротив, сообщества, где действуют нормы взаимопомощи, запрета убийства и милосердия, демонстрируют устойчивый рост численности и стабильность. Когда этические нормы закрепляются как божественные предписания, их нарушение воспринимается не только как социальное, но и как духовное преступление. Это повышает их обязательность и снижает вероятность отклонений. Религиозные нормы создают условия для доверия, снижают уровень конфликтов и позволяют группе расширяться. Компьютерные модели подтверждают: религиозные предписания, направленные на кооперацию, становятся основой культурной памяти и закрепляются как универсальные этические принципы [3, p. 198]. Религии закрепляют успешные стратегии поведения: «Религиозные институты можно рассматривать как адаптивные системы, что подтверждается моделями культурной эволюции» [6, p. 144]. Религия не только формирует моральные нормы, но и делает их обязательными через сакральный авторитет. В результате правила, обеспечивающие кооперацию, доверие и солидарность, получают дополнительное подкрепление и становятся устойчивыми в долгосрочной перспективе. Таким образом, религиозные институты выступают механизмом культурной эволюции: они сохраняют те нормы, которые способствуют выживанию и расширению сообществ, и передают их следующим поколениям, превращая социальные стратегии в устойчивые культурные традиции.

«Пришло время религиоведению обратиться к нейропсихологии, когнитивной нейронауке, искусственному интеллекту, искусственной жизни, психологии и другим дисциплинам» [1, p. 7]. Исторический анализ может показать развитие религиозных норм во времени, социология – их роль в социальной структуре, когнитивные науки – механизмы восприятия и закрепления норм, а компьютерные симуляции – динамику их распространения и конкуренции. Вместе эти подходы формируют комплексную интерпретационную модель. Абстрактность компьютерных моделей уравновешивается эмпирическими данными историков и антропологов, а субъективность интерпретаций гуманитариев проверяется через формализованные симуляции. Использование компьютерных моделей в сочетании с другими подходами позволяет исследователю рассматривать религию как динамическую систему, где нормы формируются, закрепляются и эволюционируют в сложном взаимодействии культурных, социальных и когнитивных факторов.

Итак, компьютерные модели эволюции религиозных норм показывают, что стратегии немедленной выгоды, основанные на

индивидуалистическом потреблении ресурсов и краткосрочной рациональности, ведут к дезинтеграции сообществ. Они подрывают доверие, провоцируют конфликты и истощают общие ресурсы, что в итоге приводит к распаду группы и её неспособности к историческому воспроизводству. В эволюционной перспективе религия функционирует как адаптивная система, сохраняющая и транслирующая успешные стратегии солидарного поведения через культурную память. Поэтому нормы койнонии получили широкое распространение и закрепились в мировых религиях как универсальные регулятивные конструкции, обеспечивающие баланс между индивидуальными интересами и коллективной устойчивостью.

Литература и источники

1. Andresen, J. Methodological Pluralism in the Study of Religion: How the Study of Consciousness and Mapping Spiritual Experiences Can Reshape Religious Methodology / J. Andresen, R. K. C. Forman // Journal of Consciousness Studies. – Exeter: Imprint Academic, 2000. – Vol. 7, № 11–12. – P. 7–14.

2. Antes, P. A Survey of New Approaches to the Study of Religion in Europe / P. Antes // New Approaches to the Study of Religion / eds. P. Antes, A. W. Geertz, R. R. Warne. – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2004. – Vol. 1. – P. 43–61.

3. Boyd, R. Culture and the Evolutionary Process / R. Boyd, P. J. Richerson. – Chicago : University of Chicago Press, 1985. – 340 p.

4. Cragun, R. Religious Exiting and Social Networks: Computer Simulations of Religious/ Secular Pluralism / R. Cragun, K. McCaffree, I. Puga-Gonzalez, W. Wildman, F. L. Shults // Secularism and Nonreligion. – London : Ubiquity Press, 2021. – Vol. 10, Art. 2. – P. 1–20.

5. Geertz, A. W. Cognitive Approaches to the Study of Religion / A. W. Geertz // New Approaches to the Study of Religion / eds. P. Antes, A. W. Geertz, R. R. Warne. – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2007. – Vol. 2. – P. 347–399.

6. Wilson, D. S. Darwin's Cathedral: Evolution, Religion, and the Nature of Society / D. S. Wilson. – Chicago : University of Chicago Press, 2002. – 268 p.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ

Т. В. Зайковская

Религиозность – это сложный комплекс верований, символов, норм и практик, связанных с отношением человека к сакральному, трансцендентному. Как социокультурный феномен, она выполняет ключевые функции: обеспечивает смысложизненные ориентиры, консолидирует сообщество, легитимизирует социальный порядок и предлагает психологическую поддержку.

Традиционные формы религиозности были неразрывно связаны с

конкретным местом, культурой и этносом. Религиозная идентичность часто совпадала с национальной или племенной. Основным носителем и интерпретатором вероучения выступала религиозная институция, например, церковь, которая обладала монополией на сакральное, жестко регламентировала догматику и ритуалы и была глубоко интегрирована в структуру общества. Такая религиозность характеризовалась коллективизмом, регулярностью практик и высокой степенью авторитета религиозных лидеров.

Под влиянием модернизации, секуляризации и, наконец, глобализации, возникают современные (постмодернистские) формы религиозности, для которых характерны:

1) Приватизация веры – религия перемещается из публичной сферы в частную становясь личным делом и индивидуальным выбором человека. Авторитет институтов ослабевает, уступая место принципу «верю, но не принадлежу».

2) Религиозный плюрализм – индивид оказывается в ситуации «религиозного супермаркета», где он может выбирать, комбинировать и конструировать свои собственные духовные убеждения из элементов разных традиций (феномен «диффузной религиозности»).

3) Деинституционализация – рост числа новых религиозных движений, духовных практик, не связанных с конкретной конфессией (йога, медитация, неоязычество), и сетевых форм религиозной организации, которые более гибки, чем традиционные иерархические структуры.

4) Витрификация веры – религия все чаще существует и проявляет себя в медийном пространстве (телемолебны, религиозные блоги, онлайн-общины), что меняет способ ее переживания и практики.

Так современная религиозность становится более гибкой, подвижной и субъективной, при этом она все меньше определяется принадлежностью к большой традиции и все больше – личным поиском и экзистенциальными потребностями индивида. Глобализация, выступая как мощный внешний вызов, расшатывает традиционные религиозные институты, лишая их былой монополии, но одновременно предоставляет им новые инструменты для глобального распространения своего влияния. На уровне индивида она, с одной стороны, ведет к атомизации и приватизации веры, размывая четкие конфессиональные границы и поощряя синкретизм. С другой стороны, она же провоцирует ответную реакцию в виде фундаментализма, который предлагает жесткие коллективные идентичности в качестве защиты от неопределенности глобального мира.

Теоретическое изучение религиозности сегодня должно учитывать эту фундаментальную двойственность. Современный религиозный ландшафт – это не поле битвы между секуляризмом и традиционной

религией, а сложная, динамичная система, где сосуществуют и конкурируют процессы глобализации и локализации, институционализации и разрушения сложившихся институтов, унификации и фрагментации. Понимание этих диалектических процессов является ключом к прогнозированию роли и места религии в формирующемся глобальном обществе.

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Д. М. Зайцев

Паломничество как одна из древнейших и универсальных религиозных практик исторически представляет собой телесное, физически тяжелое путешествие к сакральному центру, сопряженное с личным или коллективным трансцендентным опытом [1]. Традиционно понимаемое как аскеза пути и реальное присутствие в священном месте, сегодня паломничество переживает глубокую трансформацию под воздействием процессов тотальной цифровизации общества. Если предыдущие технологические инновации, такие как транспорт, масс-медиа, изменяли в основном логистику и масштабы паломничества, то цифровые технологии проникают в саму сердцевину практики, реконфигурируя опыт встречи с сакральным. Цифровые медиа – от социальных сетей и мобильных приложений до технологий виртуальной и дополненной реальности – создают новые условия для возникновения, осуществления и осмысления паломнического опыта.

Мы наблюдаем комплексный процесс опосредования цифровыми технологиями всех этапов паломнического цикла: от мотивации и подготовки до совершения путешествия, фиксации опыта и его пост-паломнической рефлексии [2]. Попробуем проанализировать основные векторы этой трансформации, исследуя, как цифровые технологии наделяют сакральное новой медийной жизнью.

Центральным аспектом трансформации можно назвать возможность виртуального паломничества. Цифровые платформы предлагают альтернативу физическому путешествию, например, детализированные 3D-туры по монастырям и святыням. Христианские и мусульманские ресурсы предоставляют возможность удаленно участвовать в молитвах у Гроба Господня или совершить интерактивную умру, малое исламское паломничество. Популярность приобретает инструмент «Google Паломник» – поиск информации о духовных путешествиях к святым местам, который включает реестр как организаторов туров, так и оповестительных каналов о духовной жизни.

Современное паломничество становится все более гибридным,

стирая границы между онлайн – и офлайн-пространствами. Цифровая навигация в виде GPS-трекингов, специализированных программ и цифровых карт делает маршрут проще и доступнее. Аудиогиды позволяют индивидуализировать маршрут и темп, смещая акцент с коллективного, литургического времени к персонализированному режиму потребления сакрального. Дополненная реальность в виде приложений, накладывающих исторические или религиозные слои информации на реальный ландшафт через экран смартфона, обогащают восприятие, превращая паломничество в образовательно-медитативный квест.

Создается своеобразная коммуникативная экосистема, когда паломник постоянно находится в контакте с двумя сообществами: физическим, то есть со своими единомышленниками в пути, и цифровым, в виде подписчиков в социальных сетях. Практика live-трансляций из святых мест, хештеги с названиями почитаемых объектов создают «воображаемое сообщество» цифровых свидетелей, расширяя аудиторию сакрального события [3]. Это формирует новую форму исповедания веры – цифровое свидетельство.

Сегодня многие паломники интегрированы в цифровую экономику, активно используют онлайн-регистрацию, электронные визы, бронирование жилья через соответствующие сайты. Краудфандинговые платформы и онлайн-пожертвования становятся новым каналом финансирования поездок, изменяя традиционные модели общинной поддержки. Агрегаторы предлагают комплексные пакеты с трансфером, арендой жилья, услугами гидов, делая паломничество стандартизированной услугой. Эти инновации повышают доступность, открывают возможности совершить паломничество для людей с ограниченными физическими способностями или недостаточными финансовыми ресурсами. Церковные и религиозные институции также начали активно использовать эти инструменты для пастырского сопровождения верующих и управления потоками паломников, конкурировать с альтернативными, часто неформальными, сообществами в блогах и социальных сетях [4, с. 202].

На базовом уровне цифровизация создает новую инфраструктуру паломничества, превращая его в элемент платформенной экономики. Системы электронной регистрации и квотирования, например, официальный портал для хаджа в Мекку, обеспечивают контроль, безопасность и монетизацию потоков. Данные о паломниках становятся ценным ресурсом для управления.

Цифровая среда трансформируется в главное семиотическое пространство, где конструируются и распространяются смыслы паломничества. Социальные сети превращаются в площадки для создания визуальных и текстовых рассказов о путешествии. Возникает специфический жанр – «паломнический контент», характеризующийся

определенными ракурсами и эмоциональными режимами: благоговения, умиления, преодоления. Закрытые группы в мессенджерах для конкретных коллективов паломников, форумы и блоги формируют «расширенное сообщество пути», которое существует до, во время и после физического путешествия, обеспечивая непрерывную коммуникативную поддержку. Фотографии, видео, прямые трансляции из святых мест, электронные свидетельства о совершении обряда становятся новыми формами сакральных сувениров – цифровыми артефактами, обладающими символической ценностью и выполняющими функцию доказательства и свидетельства.

Следует отметить, что ситуация с активным внедрением цифровых технологий в данную религиозную сферу подвергается критике со стороны консерваторов, которые ставят фундаментальный вопрос о природе «присутствия». Цифровая эпоха предлагает трансмедийное присутствие, достигаемое через аудиовизуальную иммерсивность и интерактивность [5]. Сакральность, таким образом, частично мигрирует в цифровые репрезентации, создает альтернативную или предваряющую форму приобщения. Данная ситуация, по мнению апологетов старых форм духовных путешествий, может вести к коммодификации и стандартизации опыта.

Трансформация порождает ряд критических вопросов и проблем. Является ли опыт, полученный через виртуальную реальность, «настоящим» паломничеством? Признаются ли цифровые практики, например, молитва по видеотрансляции, виртуальное прикладывание к иконе, церковными институциями как носители благодати? Использование гаджетов может отвлекать от созерцательности и молитвенной практики, приводя к конфликту между «быть здесь» и «показать, что ты здесь». Непременно возникает так называемый цифровой разрыв, когда неравный доступ к технологиям создает новые формы исключения, потенциально усиливая социальное расслоение внутри религиозных общин.

Таким образом, паломничество в цифровую эпоху представляет собой динамичный, гибридный и трансмедийный феномен. Цифровые технологии не упраздняют телесное путешествие, но усложняют его архитектуру, вплетая в нее виртуальные и коммуникативные слои. Происходит переход от паломничества как исключительно физического перемещения к паломничеству как потоку опыта, распределенного между физическим и цифровым пространствами. Сакральность все чаще производится и переживается на стыке материального и иммерсивно-медийного. Возникают новые феномены – «дигитальная реликвия» и «сетевая литургичность».

Данная ситуация требует от исследователей и религиозных институций пересмотра устоявшихся категорий, таких как присутствие, сообщество, свидетельство, и выработки новых концептуальных

инструментов для понимания одной из самых древних человеческих практик в условиях радикально меняющегося медийного ландшафта. Дальнейшие исследования также должны быть сосредоточены на качественном анализе конкретных кейсов и долгосрочном воздействии цифровых практик на телесность, индивидуальное и коллективное религиозное сознание.

Литература и источники

1. Turner, V. Image and Pilgrimage in Christian Culture / V. Turner, E. Turner. – New York : Columbia University Press, 2011. – 344 p.

2. Campbell, H. A. Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds / H. A. Campbell. – London – New York : Routledge, 2020. – 308 p.

3. Wagner, R. Godwired: Religion, Ritual and Virtual Reality / R. Wagner. – London : Routledge, 2012. – 272 p.

4. Зайцев, Д. М. Некоторые особенности современного паломничества / Д. М. Зайцев // Интеллектуальная культура Беларуси: от Просвещения к Современности : материалы Восьмой междунар. науч. конф., 21–22 ноября 2024 г., г. Минск : в 2 т. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2024. – Т. 2. – С. 200–203.

5. Hutchings, T. Creating Church Online: Ritual, Community and New Media / T. Hutchings. – London – New York : Routledge, 2017. – 264 p.

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО ОТКРЫТЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

С. Г. Карасёва, Е. В. Реут

Религиозность – термин, означающий вовлеченность (человека и\или общества (его части)) в религию. Религия – это символически организованная система представлений, деятельности и институтов, основанная на опыте поиска\обретения истины трансцендентного порядка. Вовлеченность в религию может иметь разную степень в интервале от искренних исканий и практического следования религиозной идеи до формальной декларации принадлежности к культурному полю религиозной традиции. Религиозность – комплексная, подвижная характеристика, которая воспроизводит сложность структуры и функционирования религии.

Ключевая функция религии в обществе состоит в формировании вектора предельных (трансцендентных) ценностей и в ориентации на них людей, что, как следствие, снижает значимость ценностей посюсторонних. Чтобы быть последователем религии, нужно быть отстраненным в той или

иной мере от целей посюсторонней жизни и сосредоточенным в большей мере на ценностях трансцендентного порядка. Однако выдерживать уровень сосредоточенности на трансцендентных целях – задача, требующая от человека «надмирного» (т. е. сверх-) напряжения и отдаляющая его от задач повседневного существования.

С этим обстоятельством связано разделение последователей любой религии на две основные группы – специалистов, воспроизводящих смысл религиозной традиции в системе ценностей в образе своей жизни, всецело служащих ему и тем самым значительно отдаляющихся от повседневных забот, – и обычных последователей, сохраняющих повседневный образ жизни и полагающихся в следовании религиозным смыслам на специалистов как посредников между имманентной и трансцендентной сферами существования.

В целом, градации вовлеченности в религию можно распределить от безусловной, жертвенной, характерной для специалистов, хранителей традиции, – до условной, ограниченной необходимостью решения повседневных задач, что характерно для обычных последователей. Характер вовлеченности этих групп в религию зависит также от общего социально-культурного контекста, в котором существует религия.

В моноэтничных и монокультурных обществах следование религии реализуется в той или иной степени, но внутри одной традиции.

В полиэтничных и поликультурных обществах не только существует разная градация степеней религиозной вовлеченности, но добавляется еще и фактор сосуществования разных религий в одном пространственно-временном поле.

И если при этом, благодаря последователям, которые вовлечены безусловно (т. е. полностью), религии сохраняют свою каноническую чистоту, то на уровне условно, или повседневно, вовлеченных, – становятся проницаемыми и для инорелигиозных смыслов.

В светских же, т. е. преимущественно нерелигиозных обществах, – включающих в себя также множество этнических групп, культурных и религиозных традиций, да еще и в условиях глобальной информационной открытости, – религии становятся максимально проницаемыми не только для взаимных влияний, но и для нерелигиозных идей, особенно на уровне повседневности. В таких поликультурных и поликонфессиональных светских обществах для последователей религий, вовлеченных в них минимально, появляется возможность просто декларировать свою религиозную идентичность, но практически никак не реализовывать ее, т. е. не следовать религиозным канонам и предписаниям декларируемой религии. Они впитывают любые смыслы и жизненные стереотипы, наполняющие пространство их повседневности.

В итоге их религиозная вовлеченность оказывается противоречивой – декларируется как принадлежность к определенной традиции, но

обеспечивается эклектикой смыслов, большей частью нерелигиозных, однако включающих в себя и религиозные компоненты – как своей традиции, так и инорелигиозные и, нередко, – значительное количество так называемых пararелигиозных или паранормальных идей.

Подобные формы религиозной идентичности описаны в современном религиоведении при помощи концепций лоскутной, бриколаж – или имплицитной религиозности. При всем различии этих концепций их объединяет идея о предрасположенности человека к построению целостной картины реальности путем иррационального, эклектичного соединения всех доступных ему смыслов в картину, отражающую его общее мироощущение.

В условиях информационной открытости и взаимной проницаемости множества культур любой человек может конструировать собственную картину мира из смысловых элементов разных традиций, в том числе сочетая разнородные религиозные, а также не-, ино- и пararелигиозные идеи.

В связи с этим видится актуальной задача изучения картин мира и оснований мировосприятия последователей древних влиятельных религиозных традиций, прежде всего монотеистического типа, а именно – иудаизма, христианства, ислама, – поскольку эти религии по-прежнему задают предельные ценностные горизонты многих современных обществ и групп. Это актуально, в частности, и для Беларуси, общество которой обоснованно характеризуется как светское, поликультурное и поликонфессиональное, но тем не менее по преобладающим культурным традициям пропитано монотеистическими влияниями [1; 2, с. 25–27].

Одной из симптоматичных особенностей современной религиозности является восприимчивость последователей монотеистических традиций к немонотеистическим (неканоническим) смыслам, в которых различаются не-, ино- и пararелигиозные. В литературе по этому вопросу эти смыслы обобщаются терминами «паранормальные представления», «паранормальные» или в целом «научно необоснованные убеждения». Под паранормальными представлениями, как правило, понимаются необычные феномены, которые не могут быть объяснены научно и вообще достоверно путем эмпирических или рациональных доказательств [3, с. 146–156; 4, с. 94–98; 5, с. 132–145]. При этом такие феномены не описываются каноническим корпусом традиционных (прежде всего, монотеистических) религий. Принципы, алгоритмы фильтрации и адаптации (если возможно) таких представлений в канонические рамки традиционных религий вырабатываются и реализуются их специалистами – богословами.

В последние два десятилетия в Беларуси были проведены исследования, направленные именно на выявление качественных характеристик религиозности – ее степени, содержания, мотивов и влияния

на образ жизни. Это исследование типов религиозности последователей различных конфессий Беларуси и исследование адаптации последователей ислама к информационной среде современной культуры. Методологические модели и результаты исследований подробно описаны в работах С. Г. Карасёвой, Е. В. Шкуровой, А. И. Доманской, С. И. Шатравского, Е. В. Реут [6, с. 47–59].

Литература и источники

1. Карасёва, С. Г. Типология религиозности в современной Беларуси / С. Г. Карасёва – Минск : БГУ, 2018. – 219 с.

2. Карасёва, С. Г. Социально-антропологическая обусловленность религии / С. Г. Карасёва // Наука и инновации. – 2023. – № 1 (4). – С. 25–27.

3. Stone, A. Development and validation of the multi-dimensional questionnaire of scientifically unsubstantiated belief / A. Stone, M. R McDermott, A. Abdi, et al. // Personality and Individual Differences. – 2018. – № 128. – P. 146–156. – URL: https://doi.org/ 10.1016/ j.paid.2018.02.024 (date of access: 30.12.2025).

4. Tobacyk, J. A Revised Paranormal Belief Scale / J. Tobacyk // The International Journal of Trans personal Studies. – 2004. – № 23. – P. 94–98.

5. *Григорьев, Д. С.* Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика / Д. С. Григорьев // Социальная психология и общество. – 2015. – № 6 (2). – С. 132–145.

6. Реут, Е. В. Особенности приверженности различным формам магических представлений (на основе апробации авторской методики исследования) / Е. В. Реут, Е. В. Шкурова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2024. – № 2. – С. 47–59.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ БУДДИЗМА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: КЕЙС ЙОНГЕ МИНГЬЮРА РИНПОЧЕ

Д. С. Каребо

Современные буддисты активно используют цифровые технологии для популяризации дхармы, что не должно упускаться из внимания религиоведов. Один из самых известных популяризаторов буддизма – Йонге Мингьюр Ринпоче (р. 1975) – пытается найти научные корреляты буддийских концепций и через это обосновать соответствие буддийской медитации научным знаниям о мозге. В 2002 г. в США вместе с другими мастерами медитации Мингьюр Ринпоче участвовал в исследованиях нейроученых Антуана Лутца и Ричарда Дэвидсона. По результатам этих исследований Мингьюр Ринпоче был назван самым счастливым человеком на Земле по версии журналов Time и National Geographic и стал автором книги-бестселлера по буддийской медитации «Будда, мозг и нейрофизиология счастья. Как изменить жизнь к лучшему. Практическое

руководство», вышедшей в 2008 г., а в 2010 г. основал международное Сообщество медитации Тергар, которое проводит ежегодные онлайн-конференции [4; 6]. Мингьюр Ринпоче объясняет буддизм для «западных» людей как практическую науку счастья и благих состояний ума, которая должна войти в повседневность каждого человека в виде практик осознанности (майндфулнес) [2]. В докладе будет представлен проведенный контент-анализ одноименного бестселлеру телеграм-канала, контент которого направлен на русскоязычную аудиторию.

Важно заметить, что Мингьюр Ринопче касается только тех мест, где наука и буддизм пересекаются, и умалчивает о метафизических аспектах Дхармы. Данный дискурс возник на рубеже XIX и XX вв., впоследствии его назвали буддийским модернизмом [3]. Для него характерны демифологизация, то есть символическая интерпретация традиционной космологии и ритуалов, вовлеченность в актуальные проблемы современности (социальные, политические, экологические и т. д.), стремление преодолеть колониальные представления через отказ от европоцентристского понятия «религия» и упор на позиционирование как «науки», «философии», «духовности» или «этики».

Помимо контекстуализации относительно модернистского дискурса контент-анализ будет проводиться на основе авторской теории десорбции и абсорбции, с помощью которой на конкретном материале можно проиллюстрировать так называемую «буддийскую исключительность». С точки зрения этой теории буддизм всегда интерпретируется в расширительном смысле как больше, чем религия, но в двух значениях. Соответственно, десорбция направлена на то, чтобы «выжать» нерелигиозное содержание буддизма и сделать его достоянием науки, философии, культуры, национальной ценностью, туристической концепцией, лекарством для ментального здоровья и т. д. Абсорбция предполагает обратное – через практики осознанности, утверждение буддийских принципов в мировой этике, экономике, политике и т. д. – мягкой силой достигаются миссионерские цели.

Литература и источники

1. Варела, Ф. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт / Ф. Варела, Э. Томпсон, Э. Рош ; пер. с англ. К. Тулуповой. – М. : Фонд «Сохраним Тибет», 2023. – 456 с.

2. Онлайн-конференция «Будда, мозг и нейрофизиология счастья». – URL: https://conference.tergar.ru/?utm_source=tg&utm_medium=bmns&utm_campaign=profile# (дата обращения: 02.11.2025).

3. Пресс-конференция, посвященная III Международному буддийскому форуму // Международный мультимедийный пресс-центр МИА «Россия сегодня». – URL: https://pressria.ru/ 20250707/ 958056757.html (дата обращения: 07.07.2025).

4. Телеграм-канал «Будда, мозг и нейрофизиология счастья». – URL: https://t.me/buddha_brain_happiness (дата обращения: 01.02.2026).

5. Йонге Мингьюр Ринпоче. Будда, мозг и нейрофизиология счастья. Как изменить жизнь к лучшему. Практическое руководство / Йонге Мингьюр Ринпоче ; пер. с англ. ламы Сонама Дордже. – М. : Ориенталия, 2022. – 332 с.

6. McMahan, D. L. The Making of Buddhist Modernism / D. L. McMahan. – New York; Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. – 320 p.

ОТ ОБРАЗА ПРИСУТСТВИЯ К ФИКСАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗА В ХРИСТИАНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

О. Ю. Кнаус

Цифровая эпоха существенно изменила способы восприятия, фиксации и передачи религиозного опыта. Если ранее сакральное пространство храма переживалось прежде всего, как пространство непосредственного молитвенного и литургического присутствия, то сегодня оно всё чаще включено в медиальную среду. Верующий оказывается не только участником богослужения, но и наблюдателем, фиксирующим и распространяющим увиденное. Камера смартфона становится новым посредником между человеком и святыней, что ставит перед религиоведением вопрос о трансформации религиозного опыта в условиях его технической воспроизводимости.

Христианская традиция изначально уделяла особое внимание проблеме образа. Уже в эпоху иконоборческих споров VIII–IX веков был поставлен фундаментальный вопрос о соотношении видимого и невидимого, изображения и первообраза. Апологеты иконопочитания утверждали, что образ не заменяет реальность, а указывает на неё как на свидетельство Воплощения: если Бог стал видимым во плоти, Он может быть изображён. «Кто не исповедует, что Господа нашего Иисуса Христа можно изображать живописью, тот не исповедует, что Он был видим во плоти...» [1, с. 458], – аргументирует прп. Феодор Студит. Тем самым в христианской культуре сформировалась особая теология образа, связывающая возможность изображения с христологическим догматом.

В XX веке, уже в условиях развития технической цивилизации и распространения визуальных технологий, эта проблема была заново осмыслена православными богословами. Икона стала пониматься не как религиозная картина, а как форма богословского свидетельства. Флоренский П. А. называл её «границей миров»: она не копирует видимую реальность, а вводит человека во встречу с первообразом, выражая опыт духовного созерцания [2, с. 104]. Богослов Л. А. Успенский также подчёркивал её принадлежность сфере Предания и литургии: икона

показывает не внешний исторический облик, а человека в его преображённом состоянии [3, с. 323]. Тем самым икона выступает как образ присутствия и эсхатологической реальности, а не как фиксация исторического момента.

Фотография возникает в иной культурной ситуации – в эпоху модерна, где образ становится технически воспроизводимым. В отличие от иконы, создаваемой как литургический предмет, фотография изначально связана с фиксацией уже существующей реальности и претендует на документальность. Она не столько создаёт образ, сколько извлекает его из действительности посредством технического акта, фиксируя мгновение и сохраняя его историчность.

В храмовом пространстве это различие проявляется особенно ясно. Икона направляет взгляд от материального к трансцендентному и вводит в пространство богословского смысла, тогда как фотография фиксирует конкретный момент – жест, лицо, деталь обряда, – переводя литургическое событие в режим памяти и архива. Сакральное переживание оказывается не только проживаемым, но и сохранённым для последующего воспроизведения вне храма, в цифровой среде. Возникает новая форма религиозного присутствия, опосредованная изображением.

В XXI в. условиях цифровой культуры визуальные медиа становятся значимым способом выражения религиозной идентичности и коллективной памяти. Фотография, размещённая в социальных сетях, выполняет функцию свидетельства, превращая индивидуальный религиозный опыт в опыт, разделяемый сообществом. Тем самым церковное пространство символически расширяется, переходя от локальной архитектурной формы к сетевой и медиальной. Богослужение оказывается не только событием, происходящим «здесь и сейчас», но и объектом визуальной репрезентации, доступной вне его непосредственного контекста.

Такое расширение изменяет структуру религиозного опыта. Человек, фиксирующий происходящее, одновременно участвует и наблюдает, соединяя вовлечённость с дистанцией. Изображение может способствовать осмыслению пережитого, но также способно превращать событие в объект созерцания, включённый в общий поток повседневной визуальности. В результате сакральное всё чаще сосуществует с обыденным в едином медиальном пространстве. С социокультурной точки зрения это свидетельствует о переходе от культуры непосредственного присутствия к культуре воспроизводимости, в которой религиозные события получают цифровое продолжение и новую форму коммуникации.

Для интерпретации этой ситуации оказывается показательно обращение к историческому опыту христианства, уже сталкивавшегося с проблемой соотношения образа и реальности. В эпоху иконоборческих споров обсуждался вопрос о том, может ли изображение выражать

религиозный смысл, не подменяя собой саму реальность веры. В результате в христианской традиции было сформулировано понимание образа как знака, указывающего на первообраз и не совпадающего с ним.

В современном медиальном контексте цифровые изображения богослужения функционируют сходным образом: они фиксируют событие, распространяют информацию о нём, создают пространство символической причастности, но не воспроизводят саму литургическую реальность как телесно и общинно переживаемое действие. Таким образом, медиальное «присутствие» выступает одной из форм культурной репрезентации религиозного опыта, не совпадающей с практикой непосредственного участия.

В этом смысле фотография в церковном пространстве должна рассматриваться как феномен на пересечении богословия образа, философии техники и цифровой антропологии религии. Она актуализирует исторический спор о соотношении образа и реальности, переводя его в условия современной медиальной культуры, где вера всё чаще оказывается не только проживаемой, но и визуально разделяемой. Осмысление этой формы религиозной визуальности становится важной задачей религиоведческого анализа в контексте научно-технологического развития, поскольку позволяет выявить, каким образом трансформируются границы присутствия, участия и символического опыта в цифровую эпоху.

Литература и источники

1. Феодор Студит, прп. Творения : в 2 т. – М. : Сибирская Благозвонница, 2010. – Т. 1 : Нравственно-аскетические творения. – 1323 с.

2. Флоренский Павел, свящ. Иконостас // Богословские труды. – 1972. – Сб. 9. – С. 82–148.

3. Богословие иконы православной церкви / Л. А. Успенский. – Переславль : Изд-во Братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. – 656 с.

РЕЛИГИЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: КОММОДИФИКАЦИЯ, МЕДИАТИЗАЦИЯ И БРИКОЛАЖ

Е. А. Круподеря

Трансформации религиозной сферы, создаваемые медиатизацией и цифровизацией, формируют новую среду для коммуникации, формирования идентичности и осуществления религиозных практик. Эти процессы не просто адаптируют существующие формы к новым технологиям, но и порождают качественно новые явления, которые исследователи объединяют в концепте «цифровая религия» (*digital religion*) [1]. Концепция «обнуления» М. Ю. Смирнова описывает этот феномен как сброс устаревших форм коммуникации и создание нового,

«обнуленного» поля религии, где замена старых, нефункциональных практик и институтов на новые соответствует запросам современных искателей религиозных смыслов [2, с. 80]. Цифровая среда, с её огромным объёмом информации и беспрецедентной мобильностью смыслов, оказывает глубокое воздействие на структуру религиозных идентичностей, способствуя развитию двух взаимосвязанных явлений: религиозной эклектики, или бриколажа (смешивания, комбинирования элементов разных традиций, философских систем и духовных практик), и размывания традиционных культурно-религиозных кодов. А. Семёнова говорит даже о возникновении индивидуализированного политеизма, где устойчивый канон заменяется срезом актуальных на данный момент смыслов [3, с. 81].

В медиасреде и популярной культуре культурно-религиозная эклектика становится нормой: в кино, книгах, аниме и манге хронотоп и культурно-мировоззренческое поле зачастую представляют собой мозаику из элементов различных традиций и религиозных систем. С одной стороны, это – проекция реального духовного поиска части общества, отказывающейся от принадлежности к одной конкретной традиции в пользу более гибкого и индивидуального подхода. Интернет катализирует этот процесс, предлагая пользователям бесконечный поток информации и практик: от йоги до молитвенных техник, от разных систем верований мировых религий до оккультно-эзотерических учений и фундаменталистских проповедей. Но одновременно это приводит к коммодификации религии: создаётся религиозный рынок, где символы и практики покупаются и продаются как товары, а идентичность формируется как коллекция предпочтительных элементов. Таким образом, религиозно-культурный бриколаж отражает также процессы распада или фрагментации традиционных смысловых кодов.

Цифровые технологии способствуют формированию транснациональных религиозных сообществ, которые оперируют своими собственными кодами и нормами, часто не совпадающими с локальными кодами оффлайн-общин. Визуальные и дискурсивные формы проявления веры подвергаются значительным изменениям: сакральное пространство и практики в интернете теряют свой эзотеризм и «мистический трепет», становясь доступным для анализа, моделирования и виртуализации. Социальные медиа стирают коммуникативные границы между сакральным и профанным, позволяя наделять сакральными свойствами аккаунты лидеров мнений и обсуждать религиозные вопросы в неформальной обстановке. Поэтому Х. Кэмпбелл выделяет в числе характеристик сетевой религии многомерность религиозной реальности, конструируемую идентичность и сменяемость авторитетов (*multisite reality, storied identities, shifting authority*) [1, p. 68].

Изменяя структуру коммуникации от вертикали к горизонтали, от иерархии к распределенности, Интернет обеспечивает отсутствие единого,

установленного свыше авторитета и закрепляемой им системы легитимации религиозного знания. В онлайн-среде знание и авторитет распределяются между различными источниками с различной степенью официальности, включая теологов-блогеров, которых П. Х. Чон называет «стратегическими арбитрами» (*strategic arbitrators*). Для того чтобы прагматично адаптироваться к всё более плюралистической духовной сфере или «религиозному рынку», от лидеров и мирян ожидается заключение соглашений, определяемых не только оффлайн-догматическими заявлениями, но всё чаще и новыми компетенциями духовенства в интерактивном взаимодействии через различные медиа для убедительного охвата прихожан. Это предполагает, что духовенство меняет свою социальную идентичность: от образа приказывающего вождя или мудреца к роли наставника и медиатора знаний и встреч – как онлайн, так и оффлайн [1, p. 72-87].

Все это приводит к дискретизации и индивидуализации религиозного опыта, когда человек перестаёт быть пассивным реципиентом обряда, участником коллективной практики и религиозной структуры и становится активным и автономным конструктором своего духовного мира, формируя свою религиозную идентичность на основе новых принадлежностей.

Цифровизация размывает границы не только между различными религиозными традициями, способствуя появлению новых, гибридных форм духовности, но и между различными сферами жизни: в новом культурном пространстве, сформированном информационными технологиями, стирается грань между религиозной практикой онлайн и оффлайн, между религиозными переживаниями и повседневной жизнью в онлайн-среде. В интернете сакральное и профанное переплетаются, а религиозные нарративы инкорпорируются в поп-культуру, становясь частью медийного дискурса. Фильмы, музыка, книги и другие медиа-продукты не только отражают религиозные тенденции, но и активно формируют их, превращая религиозные символы и нарративы в часть общедоступного культурного репертуара. В связи с этим, С. Хьярвард, говоря о медиатизации религии, когда она подстраивается под логику медиа и конвергирует с жанрами масскультуры [4], называет результат «банальной религией»: религиозные символы и практики становятся частью повседневной жизни как элементы религиозного воображения, но при этом лишаются остроты и силы (эмоциональной составляющей и сакрального смысла) и теряют связь с институциональностью [4, p. 16–17]. Сюжеты и лор книжных и кино-вселенных включают разнообразные отсылки к традиционным формам сакрального, религиозным символам, идеям и архетипам, реанимируют мифологическое наследие, интерпретируя и реконструируя его в нужном им ключе – элементы сакральности пронизывают современную массовую культуру, особенно

популярную у молодежи, и сами артефакты массовой культуры становятся объектом сакрализации в фанатских сообществах и фанатском творчестве.

Как замечает А. Матецкая, религиозное многообразие в эпоху постмодерна «приобретает характер бесконечной игры с элементами исторических религиозных традиций, отголосками научного знания об этих традициях и артефактами массовой культуры» [5, с. 127]. Игровой характер и конструируемость постмодернистской религиозности выразительно иллюстрируются, например, феноменом фиктивных пародийных религий – например, пастафарианство как отсылка-пародия на растафарианство, вера в «летающего макаронного монстра», «манифест Кибер-Бога». Соответственно, в эпоху постмодерна с особой остротой встает вопрос о границе между игрой и аутентичностью в религиозном опыте – поскольку основным критерием истинности становится личный опыт, а не авторитетные источники, а поиск и комбинирование элементов различных традиций приводит к восприятию этого процесса как игры.

Таким образом, медиатизация и цифровизация религиозно-культурного пространства открывают как новые горизонты его развития, так и рискогенные зоны. Во-первых, как уже замечалось, серьезный статус приобретает проблема авторитета и подлинности: в потоке цифрового контента трудно отличить подлинное религиозное учение и каноническое богословие от проповеди «нецерковных священников» (выражающих неканоническую позицию или вообще не имеющих благословения на деятельность в блогосфере) или вообще деструктивных или экстремистских идеологий, маскирующихся под благочестие. Во-вторых, многие богословы и исследователи предупреждают о риске превращения интернета в нового «кумира», когда в проповеднической деятельности в сети стремление к лайкам и вниманию аудитории выходит на первое место вместо «спасения человеческих душ» [2, с. 80–82]. Также одна из новейших проблем, связанная с развитием искусственного интеллекта – потенциальная опасность дегуманизации общения и психологические риски коммуникации с чат-ботом вместо живого диалога с духовником. Религиозный бриколаж и размывание границ между сакральным и профанным, между различными культурно-символическими традициями способствуют поверхностному и коммодифицированному отношению к вере, когда религиозные практики становятся товаром, модным трендом или выбранным на какое-то время стилем жизни, а не экзистенциальной стратегией.

Литература и источники

1. Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds / Ed. by H. A. Campbell. – London : Routledge, 2012. – 216 p.

2. Маркова, Н. М. Цифровизация религии: анализ современных богословских, философских и религиоведческих тенденций / Н. М. Маркова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2024. – № 3 (51). – С. 77–86.

3. Семёнова, А. Человек, цифра, смысл / А. Семёнова // Религия в цифровом обществе. – М. : Изд-во ББИ, 2024. – С. 85–98.

4. Hjarvard, S. *The Mediatization of Religion: A Theory of the Media as Agents of Religious Change / S.* Hjarvard // Nordic Journal of Religion and Society. – 2008. – № 6. – P. 9–26.

5. Матецкая, А. В. Постмодерн и религия / А. В. Матецкая // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 12 (86): в 5-ти ч. – Ч. 3. – С. 125–128.

РЕЛИГИОЗНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Д. В. Куницкий

Осознание личностной и общенародной (государственной) значимости духовной безопасности и всей глубины содержания, которое вмещает данное понятие, находится лишь на начальном этапе своего осуществления. Данное утверждение равнозначно как для народа в целом, так и для отечественного управленческого класса и интеллигенции: притом в последней сопротивление данному осознанию, возможно, наиболее сильное. При этом пределы такого осознания уместно на данном этапе ограничивать лишь пространством Русского мира, натужно пытающегося пробудиться от обольщений иллюзиями не только XX в., но и XVIII–XIX вв.

Западная цивилизация сделала само понятие духовной безопасности абсурдным: в ней либо дух как таковой с соцветием смыслов, произрастающих из его понятия, признаётся некой химерой мысли, требующей отсечения строгим рационалистическим рассудком, либо допускается говорить лишь о духовной свободе, духовном удовлетворении, духовном развитии и самореализации, но не о духовной безопасности и ее защите. Такое состояние мысли произрастает из дехристианизации антропологии, которая, в свою очередь, является закономерным итогом многолетней эволюции западной цивилизации по пути дехристианизации и секуляризации – через льстивый антропоцентризм Ренессанса и самоуверенный гуманизм Просвещения к вульгарному материалистическому позитивизму Модерна, завершающемуся мрачным нигилизмом и гордым оккультизмом Постмодерна.

В современной западной картине бытия нет места духовному

падению и призванию к восстанию, духовной чистоте и скверне, духовного рабства и свободы в истине, а потому и сотериологии духа и противодействия ей: спасать нечего, некому и незачем. Если же попытаться выйти за пределы западной цивилизации и исторической христианской Европы в целом, то и там поиск онтологии духовной безопасности будет тщетным: даже несовершенная антропология традиционных обществ там подвергается завершающему замещению в рамках глобализации.

Среди полноты онтологии и феноменологии духовной безопасности сугубое место занимает безопасность религиозная. Вкупе они требуют осмысления в их диалектическом единстве и соответствующей концептуализации. Диалектический характер единства предполагает преодоление их формально-логического соединения как разных сущностей с пониманием произрастания их друг из друга.

В христианской метафизике и антропологии религиозность неразрывно диалектически связана с духовностью. Духовность здесь выступает как ипостась определенной религиозности, которая в широком смысле заключается в поставлении человеческой души через дух как ее высший уровень или начало в связь с теми или иными духами, которая сообщает душе те или иные духовные качества и придает ей те или иные духовные направления. Сама же религиозность, соединяющая в единое целое веру и учение (вероучение), заключает в себе данные качества и устремления духа в согласии с тем духовным расположением души, в которой эта религиозность пестуется.

Из антропологии человека как духовного существа и религиозной природы его духа раскрывается сугубая перспектива теоретического и практического понимания феномена и проблематики религиозной безопасности в отношении к духовной безопасности и общей безопасности как таковой. Концептуальной целью религиозной безопасности, являющейся стержнем духовной безопасности, является установление максимально возможной устойчивой связи и общения людей (в частности, как граждан государства) со светлыми духами и их культурными феноменологическими отпечатками с сообразующимся восприятием и усвоением соответствующих духовно-нравственных качеств, формирование соответствующих жизненных ориентаций, общественного поведения, устойчивых практик (традиционных устоев) и порядков (институтов) и, напротив, максимально возможное воспрепятствование установлению аналогичной связи и общения с темными духами и их феноменологическими отпечатками с соответствующими последствиями.

В этом свете раскрывается и правильное, философское истолкование проблемы религиозной безопасности в ее узком, межконфессиональном плане. Ложное понимание места религии и религиозности в духовной и общей жизни личности и общества ведет к пониманию таковых как

источников потенциальных угроз национальной безопасности, предотвращение которых предполагает общее понижение уровня религиозности в народе. Здесь же и конфессиональная политика государства (а нередко и самих конфессий) предполагает максимальное отстранение от богословских споров вплоть до экуменической выработки некой надконфессиональной религиозности. Данные меры вкупе призваны предотвратить опасность конфликтов на религиозной почве, но на практике закономерно лишь понижают общий уровень религиозности и сугубо традиционной христианской религиозности, лежащей в основании восточнославянской цивилизации и духовной безопасности народа и государства, а религиозную конфликтность лишь переводят в другие, гораздо более опасные формы.

Для низкой степени религиозности (секулярности, обмирщения) свойственно безразличие ко всяким возвышенным понятиям, практическому согласованию с ними жизни, сознательное или латентное признание удовлетворения низших потребностей в качестве смысла жизни. Нравственность в данном случае получает характер отвлеченности и релятивности: размышление о ней воспринимается как досуговое занятие, а следование ее нормам – лишь следствием выгодного расчета либо остатком социальной инерционности.

Логически и эмпирически доказывается, что нерелигиозное общество и в целом нерелигиозный тип жизненной мотивации непосредственно ведут к нарастающей деградации и вырождению народа [1, с. 48–50, 53], – духовной, нравственной, культурной, интеллектуальной, демографической, а в конечном счете (порой с более ли менее длительной задержкой) – политической, военной и экономической. В качестве простейшего примера можно привести уровень рождаемости, разводимости и прочих важнейших столпов демографической безопасности, прямая пропорциональная зависимость которых от уровня религиозности общества является социологически отчетливой. Равно эмпирически достоверной является обреченность любых попыток системных изменений демографических тенденций в обход проблемы религиозности. Закономерно, что секуляризация входит в число приоритетов общей стратегии неолиберального глобализма [2, с. 14].

Несомненно, конкретная религиозность как сознательное обращение людей (умом и сердцем) к общению с духовным миром (миром духов и их духовно-психологических, словесно-энергийных порождений) может иметь разную степень возвышенности и, более того, характер направления: на низших ее уровнях обнаруживается безответственный поиск необычных психических состояний, необоснованных благ, способностей, удовлетворяющих любопытство чудесных сенсаций или торгового обмена.

Именно сюда уходит корнями деструктивная религиозность, которая своей духовной архитектурой соединяется с большим спектром духовных

же по природе латентных культов секулярного общества, включая культ потребления, наживы, гедонизма: в них объектами религиозного обращения духа становятся всевозможные тварные сущности (вещи) или откровенные пороки, служение которым формирует те же самые соответствующие деструктивные духовные качества (христианская метафизика объединяет их в триаду сластолюбия, сребролюбия и тщеславия), что и во всех оккультных религиозно-духовных практиках. В этом заключается сущность феномена идолопоклонства. Этим порочным качествам соответствуют и те духи, к которым происходит обращение в оккультных практиках на основе соответствующих религиозных доктрин. Простейшим примером таковых может служить пантеон языческих богов (в частности, античных), их духовно-нравственного облика, а также этоса их жрецов. На данной онтологии основана феноменология язычества и неоязычества.

В Христианстве же находит свое выражение подлинная религиозность, обнаруживая в человеке образ и подобие Самого Бога – в качестве залога и цели человеческой жизни и самой религиозности. Здесь свойствами религиозности оказываются поиск Бога, высших начал бытия, личного и всеобщего смысла бытия и жизни, высших установлений, требований и ожиданий для человека, которые он призван исполнять, наконец, ценности и идеалы, которым он призван служить, – преимущественно в перспективе вечной, бесконечной жизни. Данная религиозность является безусловным благом, высшей традиционной ценностью и источником духовно-нравственной безопасности личности и общества.

Литература и источники

1. Петев, Н. И. Духовная секуляризация общества и эсхатологическая картина групповой и индивидуальной нравственной деградации / Н. И. Петев // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2015. – Вып.1. – С. 46–56.

2. Акиева, П. Х. Секулярный глобализм: современные вызовы / П. Х. Акиева // Образование и право. – 2023. – № 12. – С. 13–17.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА: ЛОГОСЫ И 'АЙАН САБИТА КАК ОТВЕТ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ НА ВЫЗОВЫ ВИРТУАЛЬНОСТИ

Мелас Спиридон

Современный мир переживает состояние «перекрёстка» – лиминальной зоны, где сталкиваются разные культуры и системы ценностей, а привычные ориентиры утрачиваются. Ускоренное развитие

информационных технологий и искусственного интеллекта обостряет фундаментальные вопросы о человеческой природе («Что значит быть человеком?») и бытии вообще («Что значит быть?»). Человек испытывает отчуждение от собственной сущности, сталкиваясь с новыми формами бытия, которые традиционная религиозная картина мира не успевает осмыслить. Этот разрыв между укоренёнными системами смысла и технологически опосредованной реальностью мы определяем как «цифровой разрыв» в его глубинном, мировоззренческом измерении. Он проявляется в неспособности существующего философского языка адекватно описать феномен виртуального, часто сводимый либо к иллюзии, либо к простому техническому инструменту.

Слабость современных дискуссий о виртуальности, по нашему мнению, коренится в ограничениях европейской «эксклюзивно бинарной онтологии» и логики исключения третьего. Для преодоления этого тупика необходимо обратиться к иным эпистемологическим традициям, оперирующим процессуальной логикой смысла и иерархическими моделями бытия. В качестве ключевых источников мы избираем две развитые религиозно-философские системы:

А. Суфийскую концепцию «'айан сабита» (утверждённых воплощённостей) авторитетного мыслителя Ибн Араби, центральную для традиции «единства бытия» (Акбария).

Б. Православное святоотеческое учение о логосах (святые Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник, Григорий Палама).

Наш метод – синтез герменевтики, контекстуального и сравнительно-исторического анализа, направленный на выявление структурных соответствий и построение концептуальных мостов.

А. Суфийская концепция ('айан сабита Ибн Араби):

«'Айан сабита» – это «утверждённые воплощённости» вещей, неизменно пребывающие в божественном знании. Они онтологически нейтральны и логически предшествуют дихотомии существования / несуществования. Сами по себе они небытийны («не ощущали запаха бытия»), но являются тем основанием, из которого вещь исчерпывает своё существование в эмпирическом мире («'айан мавджуда»). Их ключевая черта – нераздельное сосуществование с актуальной вещью: одна и та же «утверждённая воплощённость» пребывает и в состоянии небытийной соотнесённости (в Боге), и в состоянии «формы» (в мире). Это иерархическая зависимость: чувственно воспринимаемое существование полностью опирается на невидимый, «отсутствующий» прообраз.

Б. Христианская концепция (логосы святоотеческой традиции):

«Логосы» у святых Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника – это нетварные «божественные и благие воления», предопределяющие сущности тварного мира, вечно пребывающие в единстве Божества. Это не умственные идеи человека, а надыдейные первообразы. Анализ

А. Р. Фокина позволяет выделить три модуса: идеальный (логос как божественный замысел), реальный (логос как сущность вещи) и ментальный (логос как объект познания). При этом критически важно различать тварный ментальный аспект (понятие, изучаемое философией) и нетварный сверх-ментальный (объект «естественного созерцания», ведущего к богопознанию через аскезу).

Сравнение выявляет глубокое соответствие:

• понятия 'Айан сабита (утверждённая несуществующая воплощённость) с понятием нетварных, надыдейных логосов (божественные воления);

• понятия 'Айан мавджуда (существующая воплощённость) с понятием реальных логосов (внутренняя сущность вещи);

• широкого термина «'айан» (воплощённость) с широким термином «логос».

Оба концепта описывают особый модус бытия, который мы определяем как виртуальный в строгом смысле. Его характеристики:

1. Перманентная и непреходящая потенциальность, которая не переходит в актуальность (в отличие от аристотелевской энтелехии), но при этом действует реально и производит эффекты.

2. Иерархическая зависимость: актуальное, свидетельствуемое бытие онтологически опирается и зависит от этого виртуального уровня.

3. Относительность: виртуальное существует только в отношении к чему-то иному (к Божественному знанию, к актуальной вещи).

Обнаруженная двухуровневая структура смысла (тварный / нетварный, ментальный / надыдейный) предоставляет религиоведению мощный аналитический инструмент для осмысления цифровой эпохи.

Уровень нетварно-божественной виртуальности (логосы/'айан сабита) предлагает язык для описания «хрупкости» и конструктивной природы любой реальности, включая цифровую. Подобно тому, как вещь существует благодаря невидимому божественному прообразу, цифровая реальность конституируется кодом и алгоритмами – современными аналогами «утверждённых воплощённостей», невидимыми, но определяющими.

Уровень тварно-ментальной виртуальности (человеческие идеи, умопостигаемое) объясняет «твёрдую» данность и феноменологическую устойчивость цифрового опыта для пользователя.

Таким образом, диалог христианской и исламской мысли предлагает концептуальный мост. Он позволяет анализировать виртуальность не как нечто производное или иллюзорное, а как сложный бытийный модус с глубокими метафизическими корнями. Эта модель примиряет кажущиеся противоречия: платоновскую «твёрдую» реальность эйдосов (на уровне человеческого опыта) и постструктуралистскую «хрупкую», конструируемую реальность (на уровне божественного или, в

современности, технологического творения). Тем самым религиозная мысль даёт не готовые ответы, а адекватный категориальный аппарат для преодоления цифрового разрыва, позволяя религиоведению вступить в содержательный диалог с вызовами виртуальности.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КУБИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ОТ СХОЛАСТИКИ К ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Н. А. Никонович

Исследуя данный вопрос, следует обратиться к такому феномену, как схоластическая кубинская философия. Здесь следует иметь в виду колониальный опыт Республики Куба, который в зеркале теоретической рефлексии кубинской идентичности является достаточно болезненным. Постколониальный синдром затронул Республику Куба в значительной степени. Если говорить об истории религиозно-философской мысли, то ее генезис восходит к периоду средневековой схоластики. Как полагают исследователи, «до 18 в. на Кубе безраздельно властвовала схоластика, распространяемая и пропагандируемая различными религиозными орденам» [1, с. 327]. Оплотом схоластики являлся Гаванский университет. Распространение получила философия Аристотеля, на которую в целом опиралась вся европейская схоластика. Переосмысление схоластической, католической философии (чье распространение обусловлено влиянием Испании) связывается учеными с именем Хосе Агустина Кабальеро, кубинского католического теолога и мыслителя (XVIII–XIX вв.). В своей статье Эдельберто Лейва Лахара, профессор Университета Гаваны, дает определение взглядов Агустина Кабальеро как «кубинского реформистского Просвещения» (Ilustración reformista cubana) [2]. В целом Просвещение на Кубе связывается с такими именами, как Франциско де Аранго-и-Парреньо (Francisco de Arango y Parreño), Хосе Агустин Кабальеро (Agustín Caballero), Томас Ромай (Tomás Romay). Эдельберто Лейва Лахара указывает на следующий момент: «…реформизм, формула привилегированной испанской просвещенческой модели, был основан на культуре Просвещения» (пер. с исп. Н. А. Никонович) [2]. С научной точки зрения являются интересными исследования религиозно-философского, социально-политического дискурса, который формировался в континентальной Америке, роль креольского реформистского Просвещения (Ilustración Reformista criolla) в тех точках бифуркации кубинской мысли, которые она претерпела в результате колониального опыта. Несомненно, это спектр вопросов связан также с проблемой идентичности, теорией идентичности, исторической памятью и транзитивностью. Для кубинской философии также актуален вопрос

построения моделей идентичности. У К. Ясперса мы находим выражение «неустановившаяся экзистенция», которое, на наш взгляд, применимо к спектру проблем, проблемному полю кубинской философской мысли. «Трансформации колониальной реальности» (transformación de la realidad colonial), по выражению Эдельберто Лейвы Лахары, присущи, на наш взгляд, не только просвещенческой мысли.

Кубинские исследователи используют термин «Ilustración católica de corte ibérico» (иберийское католическое Просвещение) [3], полагая, что «На Кубе нет никаких свидетельств развития систематической работы в области религиозной или светской мысли до второй половины XVIII века. <…>. Если я использую выражение "систематическая работа", то я делаю это потому, что в истории нашего острова действительно появляются несистематизированные выражения богословской мысли (и других видов знания)» (пер. с исп. Н. А. Никонович) [3].

В настоящее время учеными ставится вопрос о «недостаточной евангелизации национальной культуры» [3]. Философская мысль колониального периода отражена в работах таких авторов, как Saylí Alba Álvarez, Universidad de Sancti Spiritus, Cuba [4], Pablo Guadarrama González, Universidad de las Villas «Martha Abreu» [5]. Фактически, мы можем говорить о колониальной философии на Кубе и влиянии испанской метрополии. Из исследований таких кубинских авторов, как Пабло Гуадаррама Гонсалес, следует, что для схоластической кубинской философии характерны те же проблемы, как и для всей средневековой схоластики – вопрос соотношения веры и разума, влияние Аристотеля и Фомы Аквинского и т. д. «Нет сомнения, что на первом этапе развития философии в этой стране испанская контрреформационная схоластика в различных ее проявлениях была практически единственной, культивировавшейся в религиозных учреждениях, а также в Королевском и Папском университете Сан – Херонимо, Гавана – основан в 1728 году – до первых десятилетий XIX века» (пер. с исп. Н. А. Никонович) [5]. Философия распространялась благодаря деятельности доминиканцев и иезуитов. Пабло Гуадаррама Гонсалес отмечает наличие нескольких религиозных колледжей разных орденов в XVI и XVII вв., например, колледж Сан-Хуан-де-Летран.

В дальнейшем происходило переосмысление схоластики, отход от ее базовых постулатов, возрастание роли естественнонаучного знания в кубинской философии. «Так к середине прошлого века в кубинской философии сложились два направления: энпириосенсуализм, тяготевший к материализму, и спиритуализм, выступавший хранителем и продолжателем традиций средневековой схоластики. Борьба между этими направлениями заполняет всю историю философии Кубы того времени. Она отражала острые политические разногласия между борцами за независимость Кубы и сторонниками сохранения колониального режима

Испании» [6], – отмечает исследователь кубинской философии О. С. Терновой. В рамках осмысления дихотомий кубинской философии кубинскими авторами указывается на переосмысление схоластических идей в более позднем периоде. «В спорах Хосе Агустина со схоластикой, до тех пор господствовавшей на острове, выражалась борьба между прогрессивными и ретроградными идеями в кубинской философии того времени. Его интерес был в основном сосредоточен на методологической перспективе, на противоречиях, развивавшихся в то время в современной мысли» (пер. с исп. Н. А. Никонович), – характеризует происходившие процессы Пабло Гуадаррама Гонсалес [5]. Данный автор связывает это с «неминуемой возможностью борьбы за независимость латиноамериканских народов».

Опыт постколониального развития затронул ряд стран в XX веке. Миросистемные трансформации, происходившие в последние столетия, переформатировали как картину мира, так и фундировали многополярное устройство современного мира. Постколониализм как феномен в достаточной степени изучался в рамках постсоветских исследований и постсоветского дискурса, однако вопрос о том, насколько историческая память, исторические нарративы влияют на процессы трансформации посколониальных стран, остается открытым.

Постколониальный дискурс развивался в трудах Ф. Фанона, Э. Сайда, Х. Бхабхи. В контексте проблемного поля постколониализма могут рассматриваться и работы С. Бенхабиб. В. Абушенко, белорусский социолог, в своих исследованиях обращается к категории «креольство». Особое измерение проблемы постколониального прошлого имеют применительно к латиноамериканскому / кубинскому региону. Куба находилась под испанской колонизацией вплоть до 1898 г (начиная с XV–XVI вв.), что привело к войне между Кубой и Испанией, а в дальнейшем – к противостоянию с США. «Латиноамериканская же ситуация интересна прежде всего тем, что позволяет проследить метаморфозы идентификаций в процессуальной динамике. В ней нарастание различий-различений в идентификационной (само)тождественности приобрело "необратимый" характер и завершилось полной сменой культурно-национальной идентичности на основе внутреннего (из нее самой) преодоления креольскости, а не в результате "ликвидации" складывавшегося креольства под воздействием внешних причин, как в упомянутых примерах. Рефлексия различий-различений как "иного" внутри европо(испано)-центрированной целостности привела к конституированию "инакового" (латиноамериканского) по отношению к этой целостности. Развитие этой рефлексии сопровождалось переводом дискурсов пространства в дискурсы времени, в поиск сути "латиноамериканского", переходом от задач политического ("первого") освобождения к поискам культурного ("второго") освобождения, трактуемого как подлинное самообретение

идентичности и аутентичности», – полагает он [7, с. 126].

В. Миньоло, аргентинский ученый, директор Центра глобальных и гуманитарных исследований Университета Дьюка, один из основателей дискурса постколониализма, осмысливает колониализм в дискурсе так называемого «оксидентализма», а также деколониальности, глобального колониализма и пограничного мышления. «Оксидентализм указывает собой именно на соучастие модерна в колониальности, на неизбежность их связи» [8, с. 158]. Далее он продолжает: «Альтернативой является постоксидентализм как основание "пограничной эпистемологии", геоисторическое и эпистемическое месторасположение другой парадигмы знания (an-other-paradigm of knowledge), которая предполагает, что взгляды на справедливость, равенство и демократию будут определены заново» [8, с. 158]. С точки зрения осмысления современной социально-культурной реальности стран Карибского бассейна имеют значение работы современных латиноамериканских / кубинских авторов, в частности, статьи Хосе Альварадо и Лино Морано-Белтрана. Анализу подлежат такие вопросы, как колониальная историческая перспектива, развитие философской мысли относительно независимости, сохранение самобытности несмотря на колониальное прошлое. Карибский бассейн рассматривается как «многофункциональное стратегическое пространство, целью которого является борьба с эмансипацией современной / колониальной власти, проявившейся в западной глобализации» [9, p. 63].

Работа подготовлена при поддержке БРФФИ (международный проект НАНБ (БРФФИ)–МНТОС «Белорусско-кубинское сотрудничество в сфере социально-гуманитарных, философских наук», договор №Г23КУБ-024, 2023–2025 гг.).

Литература и источники

1. Философская энциклопедия : [в 5 т.] / глав. ред. Ф. В. Константинов. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – Т. 3 : Коммунизм –Наука. – 584 с.

2. Edelberto Leiva Lajara. José Agustín Caballero y el pensamiento ilustrado cubano en la frontera de los siglos XVIII y XIX. – URL: https://biblioteca-repositorio.clacso.edu.ar/ bitstream/ CLACSO/ 5414/ 1/ Jose.pdf (дата обращения: 12.03.2024)

3. José Luis Gómez-Martínez. [Filosofía, teología, literatura: Aportes cubanos en los últimos 50 años. Edición de Raúl Fornet Betancourt. Aachen: Wissenschaftsverlag Mainz (Concordia Serie Monografías, tomo 25), 1999]. – URL: https://www.ensayistas.org/ critica/ cuba/ fornet/ cespedes.htm (дата обращения: 12.03.2024)

4. Saylí Alba Álvarez. Acercamiento histórico al pensamiento social cubano: principales representantes en el periodo colonial / Debates por la Historia, vol. 10, núm. 1, pp. 17–38, 2022. DOI: https://doi.org/ 10.54167/ debates-por-la-historia.v10i1.813. URL: https://www.redalyc.org/ journal/ 6557/ 655769910002/ html/ (дата обращения: 13.03.2024).

5. Guadarrama González, P (2009). Principales etapas y rasgos de la filosofía en Cuba. Cuadernos De Filosofía Latinoamericana, 30(100), 59–96. – URL: https://revistas.usantotomas.edu.co/ index.php/ cfla/ article/ view/ 695 (дата обращения: 13.03.2024).

6. Терновой, О. С. Выдающийся кубинский мыслитель Хосе Марти. – URL: https://elib.bsu.by/ bitstream/ 123456789/ 45704/ 1/ 2013_2_JILIR_chelyadinsky.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

7. Абушенко, В. Креольство как ино-модерность Восточной Европы (возможные стратегии исследования) / В. Абушенко // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2004. – № 1–2. – С. 124–156

8. Миньоло, В. Предварительные замечания к тексту «Постоксидентализм...» / В. Миньоло // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. –2004. – № 1–2. – с. 157–160

9. Alvarado, J. L. El Caribe: consideraciones históricofilosóficas para su comprensión / J. Alvarado, L. Morán-Beltrán // La Colmena 122. – Abril-Junio de 2024. – P. 63–76.

ТЕНГРИЗМ КАК ИСКОННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ

Б. Пурэвсурэн, Ж. Жаргалсайхан

Тенгризм (тенгрианство) – мировоззренческая религиозно-философская система ценностей, основанная на вере кочевых народов евразийских степей. Основные его концепты возникли в VIII–VI вв. до н. э. в среде кочевников-скотоводов Центральной Азии. Основная идея тенгризма связана с почитанием Тенгри – вселенского Неба, источника всего сущего. Тенгри – всемогущий создатель, совершенный, единственный Бог и регулятор, обладатель особой власти над всем в мире. Человек не воспринимается в нём как «высшее существо», которому всё дозволено; напротив, он – часть природы и ответственный перед ней. То есть тенгризм особо выделяет важность социальной и природной гармонии [9]. В связи с этим тенгризм следует ряду ритуалов, которые учат развивать способность общаться с небом и принципу обращения за молитвой не к Богу, а к природе (к небожественным лус савдагам) [4, с. 234]. Поэтому для кочевых народов честь, совесть и честность всегда были главными качествами.

Тенгризм получил более развитую форму как религия во время образования единого монгольского государства. Несмотря на то, что тенгризм возник примерно 2,7 тыс. лет назад (он с возрастом примерно одинаково с возрастом кочевничества), достиг он высшего уровня развития именно при Чингис-хане, когда создавалась Монгольская империя. То есть там, где развивалось классическое кочевничество, успешно развивался и тенгризм. Если религиозная мысль степных народов развивалась на

протяжении тысячелетий, пройдя стадии анимизма (веры в существование духов), шаманизма (древней формы поклонения духам), политеизма (веры в существование множества богов и профессий) и дуализма (поклонения отцу и матери), то достигла она своего пика развития в XIII в., в условиях исторического развития, включавшего объединение монгольской нации, создание могущественного государства и завоевание мира. Чингис-хан реформировал шаманскую религию и основал Тенгризм (религию Вечного неба). Тенгризм утвердился как вечный монотеизм [3]. В целом, всё находится в движении, и существует естественный закон, согласно которому оно передаётся, обновляется и изменяется. Именно поэтому религия Тенгризм передавалась, обновлялась и создавалась на основе монгольского шаманизма.

Возникновение религии Вечного неба неизбежно связано с историческими обстоятельствами XIII в. Объединение нации и завоевание мира были важнее всего остального, поскольку они сплотили монголов и человечество в религиозной идеологии и сознании, а также воплотили в жизнь учения и политику Чингис-хана, который обнаружил единственное вечное небо и его могущество. Религия Вечного неба – это не только монгольская, но и универсальная религия, равноценная буддизму, христианству и исламу [3]. Кроме того, этические учения и правовые нормы занимают особое место в основных учениях Тенгризма. Например: согласно историческим исследованиям, Чингис-хан строго наказывал воровство и предательство. Он считал, что человек должен следовать чести и справедливости, где занимал своё место и не пытался разрушить порядок, установленный для блага общества. В таком обществе личные качества, такие как смелость, верность и честь, ценились выше материальных благ и богатства. Он также поощрял идеи личной ответственности и справедливости. Человек в общественной жизни не мог жить, стремясь к наживе и личному обогащению за счёт других, поскольку сам порядок вещей воспринимался как единое целое, поддерживаемое не законом, а совестью и взаимным уважением. Для кочевого общества это было необходимо, так как гармония с природой и честные отношения поддерживали устойчивость общины [9].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Тенгризм появился на основе общественно-духовной жизни в кочевничестве и получил широкое развитие благодаря классическому его типу. Именно в классическом кочевничестве (в едином монгольском государстве). Тенгризм утвердился как религия Вечного неба. Способствовали этому следующие обстоятельства:

Кочевничество появилось как общество и производственно-хозяйственная деятельность человека, тесно связанная с природой. Природа оказывала решающее воздействие на формирование подвижного кочевого скотоводства и на производственный процесс кочевников. Труд

кочевника – это эффективное соединение человеческой трудовой деятельности и естественной силы природы. Но, из-за доминирующего участия природной силы в данной трудовой деятельности, труд кочевника выглядит почти как часть привычного жизненного процесса природы, не нарушая её законов и не воздействуя негативно на облик земли.

Кочевое скотоводство – как специфическое производственное отношение, как правило, формирует определенный образ жизни. В кочевом способе производства преобладает устойчивость по сравнению с оседлыми обществами. Кочевое общество отличается от других видов производственной деятельности своей оригинальностью, оптимальностью и не вредностью для окружающей природной среды [6, с. 129–130].

В кочевом обществе земля не является собственностью кочевника, но она – основа его жизненного пространства, условие его существования. Земля приобретает для кочевника сакральный статус, в ряде случаев заменяет ему веру в бога, ей придается божественный смысл. Поэтому кочевники считают себя органической частью земли, что обусловливает трепетное отношение к ней.

Природа и идеология являются главными стимулами для создания кочевых империй, следовательно, для их завоевательных походов. Воинственный образ жизни естественным образом порождал идею объединения. В ходе действий объединения кочевников идея объединения превращалась в идеологию «мир во всем мире». В дальнейшем объединение мира в единое целое (или покорение мира кочевникам «по призванию» Вечного неба), по сути, осуществлялось не за корыстные цели, за своего рода миротворческие цели. Это подтверждается историчеким фактом. Например, существует письмо от монгольского третьего великого хана Гуюга Римскому Папе в 1246 г. В этом письме, в частности, написано: «Есть приказ Вечного синего неба о том, что выделяются наверху смеющихся только вечное синее небо, а среди хмурившихся только вольный небом Чингис. Покоритесь и слушайтесь этого приказа в любом месте, куда доходят слух человека и копыта коня.... В то время как по воле Вечного неба от восхода до заката солнца весь мир объединится в единое целое, наша цель будет достигнута». То есть конечной целью у монгольских кочевников было объединение всего мира [6, с. 151–155].

Территория и природно-географические условия нынешней Монголии создали условие для формирования «Классического кочевничества», по которому их называют как «Великую стень» [2], точнее Восточную её часть. Территория Монголии имеет – практически единственная в мире – идеально подходящие условия для длительного существования кочевого скотоводства. Монголия, как по-другому её называют «страной Вечного синего неба» [7], есть созданная в ходе эволюции и природы земля для жизнедеятельности кочевых народов.

Вышеперечисленные особенности кочевничества стали основанием

на возникновение и развитие Тенгризма. Важно отметить, что всё, что связано с тенгризмом, имеет природное происхождение. В условиях исторического развития Тенгризм сохранился в общественно-духовной жизни монгольских кочевников и до сих пор монголы поклоняются Вечному небу.

После распада Монгольской империи Тенгризм не утратил свое значение среди монголов. Он играл важную религиозную роль в жизни степного народа. Преемники Чингис-хана в Средней Азии в основном исповедовали Тенгризм вплоть до обращения в ислам в XIV веке. Монголы того времени практиковали религиозные ритуалы, такие как молитвы Вечному небу и поклонение Чингис-хану. Необходимо отметить, что во время династии Юань монгольская знать приняла буддизм, но после ухода из Китая в 1368 году возродила поклонение Вечному небу до введения буддийской религии в 1578 году. Вместе с тем, «Тенгризм, как древняя космологическая и ритуальная система кочевников Центральной Азии, с XIII века начинает взаимодействовать с тибетским буддизмом, а с XVII века последовательно адаптирует его элементы» [1, с. 5]. То есть после третьего распространения буддизма Тенгризм успешно слился с ним и осуществилась интеграция, в которой тенгрианские элементы входили в буддийскую систему. Тем не менее «Взаимодействие двух религиозных систем не было простым наложением, а скорее органическим слиянием, при котором буддизм адаптировался к глубоко укоренённым традиционным верованиям. Такой синкретизм не только сохранил богатство обеих традиций, но и стал важным элементом духовной идентичности монгольского народа, отражая его способность к культурной гибкости и сохранению целостности в условиях исторических перемен» [1, с. 9].

Тенгризм возродился в Монголии в 1990-х годах. Эта тенденция активизировалась в новом тысячелетии. Словосочетание «Вечное небо» стали модным среди монгольской интеллигенции. В 2004 году по инициативе доктора Г. Гэрэлбаатара в Улан-Баторе была создана Всемирная академия исследований Тенгри, а в 2006 году была организована Международная конференция по исследованиям Тенгри в ознаменование 800-летия основания Великой Монгольской империи. В ноябре 2011 года Администрация Президента Монголии открыла выставку «Вечное небо» в Национальной художественной галерее в Улан-Баторе [8]. Появилось множество авторов, пишущих по теме «Вечного неба». Таким образом, исконная монгольская религия Вечного неба демонстрирует признаки возрождения.

В современном мире, где функционирует рост капитализма и индивидуальных достижений и накоплений, наблюдается и отход от идеалов Тенгризма. Развитие современных экономических и политических систем порождает неравенство, приводит к войнам и деградации

окружающей среды. Тенгризм проповедует призыв ко всему миру к добру, отвергает эксплуатацию и берет на себя ответственность за каждого человека прежде, чем за других, и прежде, чем за природу. Честность, справедливость и коллективные благополучение – главные принципы тенгризма. Всего этого остро не хватает в современном мире. Именно поэтому возрождение тенгризма приобретает сейчас большее значение, чем когда-либо. В эпоху, когда однополярный мир подходит к концу и начинается многополярный мир, основанный на «цивилизации» [5, с. 140], традиционные религии, особенно идеи тенгризма, приобретают все большее значение.

Литература и источники

1. Гантуяа, М. Синкретизм тенгризма и буддизма в религиозной традиции монголов // Национальная картина мира: Идентичность монгольких народов. Сборник научной конференции. – 2025. – С. 5–9.

2. Гумилёв, Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л. Н. Гумилёв. – М., 2002.

3. Гэрэлбаатар, Г. Мөнх тэнгэрийн үндэс. – 2005.

4. Дашпурев, Д. Монгол нийгэм: философийн анализ. – 2017.

5. Дугин А. Г. Теория многополярного мира: Плюриверсум. – М., 2024.

6. Жаргалсайхан, Ж. Монголын нүүдэлчдийн нийгэм: мөн чанар, онцлог. – 2024.

7. Лиштованный, Е. И. От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии / Е. И. Лиштованный. – Иркутск, 2007.

8. URL: https://mn.wikipedia.org/ wiki/Тэнгэр шүтлэг

9. URL: https://pikabu.ru/ story/ sovremennyiy_tengrizm

ФИЛОСОФИЯ И БОГОСЛОВИЕ В ВЕК ТЕХНОЛОГИИ

Н. С. Семенов

Еще во времена античности греческие боги являлись своего рода «техниками»; религия и техника, можно сказать, шли рука об руку. В самом деле, Гефест использовал молот и наковальню, Афина – веретено, Марс – оружие, Аполлон – солнечную колесницу, Дионис – винодельный пресс. Конечно, эта техника не была машинной; скорее, инструментом – как усилением и продолжением функций тела (в первую очередь рук и глаза). Инструментальность выступала как «проекция органа»; то есть древнегреческие боги были техниками не машины, но инструмента, обладавшими «искусством / techne». Люди же, которые, обращаясь к инструментам, дерзали выходить за пределы человеческих возможностей, наказывались. Машина сначала автоматизирует функции организма, а потом и те, которые не свойственные телу; для нее характерно заменять телесное и переступать «естественные» границы.

Что касается античной философии, то она несла в себе троякое: жизненный выбор и (философский) образ жизни; духовные упражнения; убеждающую и преобразующую речь. При этом Пьер Адо специально отмечал, что духовные упражнения были практикой, нацеленной «на то, чтобы совершенно изменить бытие»; и мы слишком кратко описываем «богатство и разнообразие духовных упражнений в античности» [1, с. 52] (Для сравнения: XX век, Мераб Мамардашвили в «Лекциях о Прусте» говорил, что занят философской работой как раз тогда, когда из самой своей слабости, из собственной глупости, способен извлекать силу мысли и творчества; и это то, что за него (или за нас с вами) никто сделать не может). В XX веке техника становится предметом особого философского рассмотрения; возникает философия техники. Уже Габриэль Марсель утверждал, что человек ныне «приведен к необходимости мыслить под знаком техники». А что она такое? – «Техника – это специализированное и рационально разработанное умение что-то производить, характеризующееся, кроме того, еще и способностью к своему усовершенствованию и передаче» [3, с. 214].

Для Хайдеггера же, сущность техники (равно и технологии) отнюдь не сводится к совокупности инструментов; она сама не технична. Это действенное господство над сущим и, тем самым, некий способ бытия, который наследует метафизике и ее завершает.

Можно долго цитировать и других авторов (Эрнст Юнгер, Жак Эллюль, Жиль Делёз, Л. Мэмфорд, Х.-М. Мак-Люэн); но лучше привести стандартный набор «плодов технологической революции», которые упоминаются критиками: разрушение традиций, бешенный темп изменений, растущая рационализация и стандартизация, автоматизм, подчинение индивида безличной массе, подавление свободы и природы; плюс то, что технология трансформирует самих людей; это ведет к появлению новых неврозов и максимальной отчужденности работников. И на самом деле, мы видим глубокую мутацию, в которой, как отмечал Жак Эллюль, «человеческие существо по сути расчленяется и собирается заново, становясь целью (и объектом) техники» [4, с. 84].

Обращается внимание и на метод, при котором феномены редуцируются к какой-то единой категории; последняя используется как ярлык для утверждения царства мира сего (которому и противопоставляется Царство Божие).

Общий взгляд на технологию предлагает и Иен Барбур. С одной стороны, формулируя свое представление о базовых ценностях (индивидуальных, социальных, экологических), с другой он определяет технологию как любое применение организованного знания для решения практических задач упорядоченными системами людей и машин [2, с. 4]. И, далее, намечает три основных подхода к ее рассмотрению, анализу и оценке. Первый усматривает в ней освободительницу (с различением

четырех видов благ: более высокие жизненные стандарты, большие возможности выбора, большее количество свободного времени, более совершенные системы коммуникации). Второй видит в ней угрозу (ибо технология устанавливает однообразие в массовом обществе, вводит узкие критерии эффективности, а также обезличивание и манипулирование; следует отметить и растущее отчуждение рабочего, как и непредсказуемую неуправляемость, что проявляется в разного рода техногенных катастрофах). Третий подход определяет технологию прежде всего как инструмент власти; технологии суть социальные построения и редко бывают нейтральными, поскольку в сами их замыслы уже заложены какие-то идеологические цели.

Видимо правы те авторы, которые считают, что лишь поняв технологию, мы «сможем решить, желаем ли мы ее влияния – и какого именно влияния – на наше общее будущее» [4, с. 101]. Но тогда прав и Дэвид Трейси, выдвигая свой тезис о необходимости «публичности» богословия. Посмотрим на сегодняшнюю ситуацию; грань между религиозными и антирелигиозными элементами все время меняется, и мы, по сути, стоим перед феноменом технологического структурирования мышления и фантазии. Это технологическое мышление бросает постоянный вызов и персоналистским ценностям, и все еще любезной многим радикалам парадоксальной трансцендентности, и самому постсекулярному богословию. Возникают вопросы – типа того, обязано ли богословие оставаться в рамках модели личностной природы Бога? Не должно ли и мышление о Боге по своему методу стать если не научно-технологическим, т о все же совершенно иным, иного типа и статуса? Конечно, возникает и проблема кризиса технократического мышления; но вряд ли она «может быть разрешена путем одного лишь противодействия, возвращения к какой-то архаичной форме или модели мышления» [4, с. 145].

Итак, и в философии, и в богословии (даже еще в большей степени) возникает проблема возможности / необходимости такого вида мышления, которое будет отличаться и от навязываемых нам традиций, и от колоссальных достижений науки и технологии, и от упований на мистические прозрения или направляющие импульсы со стороны искусства; то мышление, для которого мы пока, кажется, не можем предложить или назвать никаких обусловливающих его оснований, – кроме самой потребности в таковом. Это значит, что мы стоим в поворотном моменте, в котором должны ответить на три (по крайней мере) вызова: отрицающий возможность мыслить о Боге, отрицающий (экзистенциальную) свободу мышления, утверждающий технологический фатализм, наступлению которого будто бы не могут противостоять никакие наши нравственные, религиозные и политические решения. Ответить в плане новой дискурсивной практики, в должной мере

радикальной и эффективной. В этом направлении и идет поиск ряда авторов в современной философии и богословии.

Литература и источники

1. Адо, П. Духовные упражнения и античная философия. – М. : СПб. 2005. – 448 с.

2. Барбур, И. Этика в век технологии. – М. : ББИ, 2001. – 380 с.

3. Марсель, Г. Священное в эпоху техники // О смелости в метафизике : сб. статей. – СПб. : Наука, 2012. – 411 с.

4. Пэттисон Джордж. Размышления о Боге в век технологий. – М. : ББИ, 2011. – 462 с.

ЗАПАДНЫЙ ЭЗОТЕРИЗМ И «ВЕК РАЗУМА»

А. В. Филиппович

Западный эзотеризм – особый религиозно-философский феномен, который начал формироваться ещё в античности. Современные течения западного эзотеризма, возникшие в эпоху Возрождения, опирались на ряд концепций: многослойный живой космос, пронизанный аналогиями и соответствиями и познаваемый с помощью воображения через ритуалы, символы и образы; человек, который трансформируется в процессе движения к гнозису; идея изначального единства всех духовных традиций; знание, передаваемое от учителя к ученику в соответствии с определёнными принципами [1, p. 14–15].

В эпоху Просвещения космологические, антропологические и гносеологические представления эзотеризма были вытеснены из философии рационализмом и механицизмом. Научная революция поставила под сомнение существование и ценность «невидимого мира» эзотеризма, исключив его из серьёзного обсуждения [2, p. 100]. «Расколдовывание» мира, отрицание ценности гнозиса и воображения, утверждение разума в качестве высшей познавательной способности, отказ от аналогии микрокосма и макрокосма, признание лишь одной реальности и одной истины – все эти новации Просвещения отменяли основные постулаты эзотеризма, которые еще недавно определяли облик ренессансной философии. В «Век разума» учения западного эзотеризма предстали как набор иррациональных и архаичных предрассудков, лишённых научной ценности.

Однако западный эзотеризм не исчез, и, более того, стал неотъемлемой частью культуры эпохи Просвещения. Это было связано с тем, что ренессансная философия, неразрывно связанная с эзотеризмом, оставила глубокий след и фундаментальное наследие. Кроме того, механицизм и рационализм нередко вызывали неприятие, так как

выдвигали упрощённые модели природы, человека и познания. Эзотеризм предлагал альтернативу этим господствующим представлениям, сохраняя, в том числе, многие классические философские идеи.

Герметизм, получивший широкое распространение со времён эпохи Возрождения, к 18 в. стал часто отождествляться со всем комплексом эзотерических знаний. Герметическая картина мира сохраняла отвергнутые наукой эзотерические принципы аналогии микрокосма и микрокосма, продолжая рассматривать природу как живой организм, наполненный внутренним огнём. Герметизм, широко распространённый в Германии, способствовал развитию натурфилософии. Интерес к энциклопедиям, всеобщей истории и сравнительной мифологии породил широкое эклектичное понятие «герметического», в которое входили египтомания, орфические мистерии, пифагорейство, каббала, парацельсизм, алхимия и розенкрейцерство [3, p. 551]. Аналогичные процессы синтеза различных концепций были характерны и для других направлений западного эзотеризма.

К 18 в. христианская теософия, начало которой положил Я. Бёме, распространилась за пределы Германии и вобрала в себя некоторые новые влияния эпохи Просвещения. С 1750 г. христианская теософия переживает расцвет, который можно охарактеризовать как «второй золотой век» этого эзотерического течения [4, p. 20]. Масштабы распространения теософии позволяют говорить о «Теософском Просвещении», которое было неразрывно связано с рационалистическим Просвещением и способствовало развитию идей эзотеризма в 18–19 веках [5, p. 24]. В противовес дроблению науки на отдельные дисциплины, теософия выдвинула идеал пансофии как единого универсального знания, который был важен и для философии. Неприятие механицизма способствовало разработке в рамках теософии оригинальных натурфилософских представлений, в которых идеи западного эзотеризма дополнялись новыми естественнонаучными концепциями. Э. Сведенборг, получивший основательную естественнонаучную подготовку, создал оригинальный вариант теософии, оказавший значительное влияние на культуру Просвещения и современный эзотеризм. Другими крупными представителями теософии 18 в. были Ф. Этингер, И. Бенгель, М. де Паскуалли и Л.-К. де Сен-Мартен, сыгравшие важную роль в развитии западного эзотеризма и оставившие глубокий след в интеллектуальной жизни эпохи Просвещения. Идеи христианской теософии оказали существенное влияние на формирование взглядов Ф. Шеллинга, Г. Гегеля и А. Шопенгауэра.

Продолжили развиваться и другие течения западного эзотеризма, возникшие в эпоху Возрождения. Христианская каббала оказала влияние на философские идеи Ф. Якоби, И. Гердера и Ф. Шеллинга [2, p. 81]. Парацельсизм, с момента своего возникновения в эпоху Возрождения

способствовавший повороту философии к изучению природы и развитию естествознания, в эпоху Просвещения стал течением, которое противостояло механистической модели природы. Алхимическое видение природы, предложенное Парацельсом и его последователями, получило распространение среди теософов и естествоиспытателей, вдохновило натурфилософию И. Гёте, Новалиса и Ф. Шеллинга [6, p. 84], а также философию природы Гегеля.

Розенкрейцерство впервые появилось в начале 17 в. в виде анонимных манифестов, отражавших основные идеи ренессансного эзотеризма. Наполненные эзотерическими идеями парацельсизма, христианской каббалы, пифагорейства и алхимии, розенкрейцерские манифесты оказали влияние на формирование мировоззрения Просвещения, так как выдвигали новаторские идеи прогресса и познания природы [7, p. 28]. В 18 в. розенкрейцерство выступает в обновлённом виде, связанном не только с организационной структурой, построенной по образцу масонских лож, но и с критическим отношением к Просвещению.

Развитие эзотеризма в эпоху Просвещения тесно связано с масонством, которое к середине XVIII века получило широкое распространение. «Египетские уставы» масонства, возникшие в конце 18 в., в новой форме возродили характерный для западного эзотеризма интерес к Египту как источнику «вечной философии», традиции изначального знания. В масонских и созданных по их подобию розенкрейцерских организациях различные течения западного эзотеризма были объединены и превращены в сложные системы религиозно-философских представлений. Они привлекали представителей философии, естествознания и искусства символической и многоуровневой картиной природы и человека, пронизанной всеобщими взаимосвязями и аналогией микрокосма и макрокосма.

Эзотеризм стал основой тех типов мировоззрения, которые выступали против механистического понимания природы и человека – немецкого романтизма и схожих течений в Англии и Франции. Возрождение интереса к диалектическому мышлению в немецкой классической философии во многом является результатом влияния христианской теософии и герметизма с его принципами всеобщей взаимосвязи, полярности, преодоления и объединения противоположностей. Эзотерические концепции истории и алхимические представления о возможности совершенствования человека и человечества вдохновляли оптимистическое видение будущего в зарождающихся в эпоху Просвещения современных политических идеологиях. В конечном счёте, западный эзотеризм стал важной предпосылкой формирования новых философских представлений, стремившихся преодолеть ограниченность механицизма, поверхностный характер рационализма и эмпиризма, упрощённость материализма 18 в. Эзотеризм способствовал

возрождению в философии идеала универсального знания, интереса к искусству и мифу, более глубокому пониманию человека, природы и познания.

Литература и источники

1. Faivre, A. Access to Western Esotericism / A. Faivre. – New York : State University of New York Press, 1994. – 380 p.

2. Stuckrad, von K. Western Esotericism: A Brief History of Secret Knowledge / K. von Stuckrad. – London: Equiuox Publishing Ltd., 2005. – 176 p.

3. Goodrick-Clarke, N. Hermeticism and Hermetic Societies / N. Goodrick-Clarke // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed. W. Hanegraaff. – Leiden : Brill, 2006. – P. 550–558.

4. Faivre, A. Theosophy, Imagination, Tradition: Studies in Western Esotericism / A. Faivre. – New York : State University of New York Press, 2000. – 305 p.

5. Godwin, J. The Theosophical Enlightenment / J. Godwin. – Albany : State University of New York Press, 1994. – 448 p.

6. Goodrick-Clarke, N. The Western Esoteric Traditions. A Historical Introduction / N. Goodrick-Clarke. – New York: Oxford University Press, 2008. – 286 p.

7. McIntosh, C. The Rose Cross and the Age of Reason: Eighteenth-Century Rosicrucianism in Central Europe and its Relationship to the Enlightenment / C. McIntosh. – Albany : State University of New York Press, 2012–220 p.

СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ КАТОЛИЦИЗМЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ И РЕКОНФИГУРАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО АВТОРИТЕТА

А. В. Фурсевич

Процессы цифровизации и медиатизации, определяющие облик общества, начала XXI века, оказывают глубокое воздействие на религиозную сферу. Католическая церковь, чья коммуникационная модель на протяжении столетий базировалась на принципах иерархичности, централизации и контроля, оказывается вовлеченной в логику сетевой культуры, характеризующейся горизонтальностью, диалогичностью и множественностью центров генерации смыслов [1]. В данном случае стоит цель проанализировать, как сетевая культура трансформирует внутренние коммуникативные практики, структуры авторитета и формы общинности в современном католицизме.

Исследование построено на междисциплинарном подходе, сочетающем методы социологии религии, медиа-исследований и цифровой антропологии. Используется анализ дискурса официальных документов Ватикана по вопросам коммуникации, исследования ключевых цифровых проектов, а также теоретическое осмысление феномена в рамках

концепций сетевого общества (М. Кастельс), медиатизации религии (С. Хьярвард) и цифровой религии (Х. Кэмпбелл).

Сетевая культура как вызов иерархической парадигме. Традиционная коммуникационная модель Католической церкви может быть описана как однонаправленная вертикаль: Magisterium (Учительство Церкви) → клир → миряне. Эта модель обеспечивала единство вероучения, но ограничивала участие мирян в производстве и интерпретации религиозного знания.

Между универсальностью и фрагментацией. Глобальная сеть потенциально расширяет аудиторию Церкви, но одновременно ведет к формированию цифровых «пузырей» (echo chambers), где группы консервативных, прогрессивных или харизматических католиков укрепляются в своих, подчас противоположных, позициях, что угрожает идее каноничности (вселенского единства) [2].

Между институциональным и харизматическим авторитетом. Влияние приходского священника или епископа может быть нивелировано авторитетом популярного католического блогера, ютубера или подкастера, чья экспертиза не санкционирована официально, но признана сетевой аудиторией.

Формы институциональной адаптации: от «вертикального» вещания к диалогу. Реакция институциональной Церкви носит амбивалентный характер. С одной стороны, имеет место стратегическая медиатизация центра [3]. Папский престол активно осваивает цифровые каналы: от запуска аккаунта @Pontifex и инстаграм-профиля Папы Франциска до разработки приложений («Click to Pray») и трансляций мероприятий в высоком разрешении. Однако это часто представляет собой «вертикальную проекцию в горизонтальную среду» – перенос монологической модели проповеди в диалогичное пространство сети, что не всегда эффективно [4].

Более адаптивной выглядит практика отдельных епархий, монашеских орденов и церковных движений, создающих интерактивные образовательные платформы, онлайн-ретриты и мобильные приложения для исповеди или молитвы. Эти инициативы демонстрируют попытку не просто транслировать, но интегрировать религиозную практику в цифровую повседневность.

Рождение сетевой общинности и «народное» цифровое богословие. Наиболее значимые трансформации происходят на периферии, где формируется «низовая» сетевая культура католицизма [5]. Её проявления включают следующие области.

Виртуальные общины (e-communities): Группы в социальных сетях, чаты в мессенджерах, форумы, объединяющие верующих поверх географических и юрисдикционных границ на основе общих интересов (литургика, социальное учение, определенная духовность).

Публичная богословская дискуссия: Блоги, видеоканалы и подкасты

становятся площадкой для обсуждения богословских, этических и церковно-политических вопросов непрофессионалами («блогословие»). Это демократизирует богословие, но ставит вопрос о качестве и границах интерпретации.

Краудсорсинговые инициативы: Организация благотворительных сборов, правозащитных кампаний или петиций через сетевые платформы, что реализует социальную доктрину в новых организационных формах.

Публичная сфера и проблема таинства. Важнейший теоретический вопрос – влияние сетевой культуры на сакральное ядро религии. Пандемия COVID-19 сделала массовой практику онлайн-трансляций месс, что вызвало дискуссию о природе литургического присутствия [6]. Канонически таинства (Евхаристия) невозможны виртуально, они требуют физического, телесного со-бытия (communio). Однако опыт духовного причастия через экран создал новую, гибридную форму религиозного опыта, находящуюся между прямым участием и медиатизированным наблюдением. Это ставит перед теологами и пастырями задачу осмысления нового статуса «дигитального наблюдателя» литургии.

Таким образом, сетевая культура не упраздняет институциональную структуру Католической церкви, но вступает с ней в сложное взаимодействие, порождая гибридную коммуникативную экосистему. В этой экосистеме сосуществуют:

1. Институциональный центр, стремящийся сохранить контроль над доктриной и использовать сеть для «новой евангелизации» в логике стратегической коммуникации.

2. Диффузная сетевая периферия, где миряне активно производят смыслы, формируют новые формы общинности и подвергают публичной рефлексии жизнь Церкви.

Это приводит не к исчезновению религиозного авторитета, а к его реконфигурации: он становится плюральным, конкурентным и зависимым от сетевого признания. Будущее католицизма в эпоху сетевой культуры будет определяться способностью институции к диалогической включенности в цифровую среду, где она должна научиться не только проповедовать, но и слушать, распознавать и освящать новые формы религиозности, рождающиеся в сети, сохраняя при этом свою сакраментальную и доктринальную идентичность.

Литература и источники

1. Папские документы о социальных коммуникациях : Inter Mirifica (1963), Aetatis Novae (1992), The Church and Internet (2002) // Официальный сайт Святого Престола. – URL: https://www.vatican.va (дата обращения: 15.05.2023).

2. Человек перед лицом пандемии: теологическое осмысление // Богословский вестник. – 2021. – Т. 1, № 40. – С. 45–67.

3. Шарон, Т. Цифровая культура / Т. Шарон. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. – 368 с.

4. Campbell, H. A. Digital Religion : Understanding Religious Practice in New Media Worlds / H. A. Campbell. – London : Routledge, 2013. – 224 p.

5. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells. – 2 nd ed. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. – 656 p.

6. Hjarvard, S. Mediatization and the Changing Authority of Religion / S. Hjarvard // Media, Culture & Society. – 2016. – Vol. 38, № 1. – P. 8–17.

7. Hoover S. M. The Media and Religious Authority / S. M. Hoover. – University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 2016. – 202 p.

СДВИГ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В КОНЦЕПЦИИ ОЛИВЕРА КРЮГЕРА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

И. М. Цибизова

Немецкий религиовед О. Крюгер статье «От Аристотелевского Ordo Essendi к реляциям: Сдвиг парадигмы в религиоведении в свете социологии знания» [1] обратил внимание на неизменность определения религии в ведущих немецких энциклопедиях в течении трех веков в основанных на парадигме Аристотеля статьях, включающих этимологию, определение (*Wesensbestimmung*) и типологию религий. Требование универсальности, по словам религиоведа, привело к кризису этой парадигмы, и начиная с 1960-х гг. религиоведение выработало альтернативный подход, акцентирующий взаимодействие, коммуникацию и взаимоотношения людей с религией. Крюгер предложил объединить эти перспективы понятием «реляционная парадигма».

Поводом стали эпистемологические последствия попыток ответить на вопрос, что такое религия, после введения понятия «сдвиг парадигмы» в работе Т. Куна «Структура научных революций» [2] в 1962 г.

«Революционные изменения» в религиоведении сопровождались настоящим хаосом в данной области. Почти каждый западный религиовед стремился дать собственное определение как религии, так и религиоведению, зачастую включая доказательства иррациональности религиозных взглядов и критику идеологии религиоведческих исследований [3, с. 170; 4, с. 2]. В российском религиоведении на проблему обращали внимание Е. А. Торчинов, Д. Н. Козырев, В. А. Ковач, Т. П. Лифинцева, С. В. Луговой и многие другие [3–6].

Этимология слова «религия», близкого во всех индоевропейских языках (Religion в английском и немецком языках, religión в испанском, religione в итальянском и т. д.), не бесспорна: обычно ее выводят из латинского *religio* – «благочестие», «святыня», однако Цицерон клал в основу глагол *religere* («соблюдать», «благоговеть»), Лактанций – *religare*

(«соединять»), трактуя как «союз» [4, с. 2], что приводит к разночтениям.

Призыв к смене парадигмы, о которой говорил не только Крюгер, но и – до него – Энн Свесволд, упирающая на религиозный плюрализм, который положил конец монополии лютеранской церкви в Норвегии и роль женщин в религии, и предлагающая использовать наработки шведского религиоведа Гео Винденгрена в области исторического и языковедческого религиоведения с предостережением против впадения в «филологическую ересь» [7; 8], Волькхард Креч, призывавший рассматривать религию как нечто целостное и в совокупности всех окружающих ее связей [9, p. 17], был вызван рядом объективных причин.

«Столкновение с бампером» теории секуляризации толкает к решению проблемы на основе научных знаний, поиска истины и рационального обсуждения, основанного на доказательствах [10, p. 17]. Религию рассматривают с позиций позитивистской философии, один из основателей которой Л. Витгенштейн говорил о «ускользании от определения» наиболее общих понятий, к которым термин «религия», несомненно, относится. Дефиницию подобных понятий он осуществлял посредством «семейного сходства»: например, религия / культ. Реляционное религиоведение с упором на модную ныне контекстуализацию приводит к отказу даже от подобных попыток. Монография самого Крюгера «Виртуальное бессмертие: Бог, эволюция и сингулярность в транс – и постгуманизме» [9] демонстрирует подробнейшую (иногда даже чересчур) контекстуализацию при оговоренном автором отказом от философских обобщений.

Новые технологии несут существенные изменения в модусы исследования. Кибернетика уже в 1970-х гг. выдвинула одноименный системный подход для рассмотрения социальных явлений. Грегори Бейтсон в концепции сетевой парадигмы предложил исследовать явление в совокупности всех окружающих его систем, подчеркивая, что понимание возможно только в общем контексте. Он призывал учитывать целостность объекта и представлять его частью целостного порядка, понимаемого как всепроникающее нелокальное многообразие обратных связей [11, с. 48]. Бейтсон при защите той же реляционности и контекстуализации не отказывается от демонстрации вещи как единого целого, что представляет его подход более перспективным, чем подход Крюгера.

В религиоведении подход Бейтсона, близкий реляционному, применили при изучении бразильского Пятидесятничества Ян-Оке Алварсон и Рената Сьюда-Амброзяк еще в 2013 г. [12, p. 21–22]. Его важной составляющей является намерение не задевать чувств верующих.

Отмеченные Крюгером передовые технологии, прежде всего, компьютерные и биотехнологии, привели к появлению новых отраслей, используемых для контекстуализации проблемы. В этих целях применяются технологии *big data*, в частности, при рассмотрении проблем

социологии религии, все чаще включаемых в религиоведческое исследование и смещающих его фокус. Появляется риск сведения исследования к статистическим материалам с выхолащиванием *сути*.

Новые технологии породили и полезные, и амбивалентные, и откровенно провокационные последствия. Можно упомянуть и нейротеологию Эндрю Ньюберга, и изыскания Т. Ф. Лири, предлагавшего использовать ЛСД и измененные состояния мозга для «расширения горизонтов» и «познания Бога» [12, p. 70–75]. Разъяснения по поводу нейротеологии, не являющейся теологией как таковой, не раз делали католические священники [13] и религиоведы [14], призывая считать ее прикладной дисциплиной, инструментом нейронауки, не путать ее с теологией как таковой и разделяя последнюю на человеческую и божественную [13].

Смена парадигм Крюгера – желание избежать противоречий и идеологических споров, расширить контекст, осовременить исследование, включив новые дисциплины, тем не менее, чреватое размыванием фокуса проблемы, уходом от концептуализации, подменой религиоведения социологией религии и другими смежными дисциплинами.

Литература и источники

1. Krüger, O. From an Aristotelian Ordo Essendi to Relation. Shifting Paradigms in the Study of Religions in the Light of the Sociology of Knowledge / O. Krüger // Numen 69. – 2022. – № 1. – P. 1–36.

2. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – Москва : «АСТ», 2020. – 320 с.

3. Ковач, А. В. Религия и наука о религии: проблема определения понятий / А. В. Ковач // Tempus et Memoria. – Екатеринбург, 2014. – Т. 9, № 2. – С. 169–184.

4. Лифинцева Т. П. «Религия»: Проблема определения понятия / Т. П. Лифинцева // Полигнозис. – 2009. – № 1. – С. 110–120.

5. Луговой, С. В. Проблема определения религии в философии и религиоведении / С. В. Луговой // Вестник Балтийского фед. ун-та им. И. Канта. – 2013. – Вып. 6. – С. 30–36.

6. Торчинов, Е. А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов. – СПб : Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. – 384 с (Orientolia).

7. Gilhus, I. S. Learning from the Past / I. S. Gilhus. // Method & Theory in the Study of Religion. – 2022. – Vol. 35, № 3. – P. 1–13.

8. Gilhus, I. S. The legacy, life and work of Geo Widengren and the study of the history of religions after World War II. / I. S. Gilhus. – Leiden : Brill, 2022. – 415 p. – (Numen book series)

9. Krüger, O. Virtual Immorality – God, Evolution and Singularity in Post – and Transhumanism / O. Krüger. – Bielefeld : transcript Verlag, 2021. – 354 p. – (Cultures of Society; vol. 41)

10. Siuda-Ambroziak, R. Jumping into faith: The Phenomenon of Brazilian Pentecostal conversations. / R. Siuda-Ambroziak. // Studia religiologica. – Kraków, 2018. – G. 51, z. 1. – s. 11–32.

11. Козырев, Д. Н. «Экология разума» Г. Бейтсона и критика технической рациональности / Д. Н. Ковач // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 47–56.

12. Alvarsson, J.-Å. Religiones e iglesias en la formación de una nueva América Latina a finales del siglo XX y principios del siglo XXI / J.-Å. Alvarsson, R. Siuda-Ambroziak // América Latina del siglo XXI. Nuevas semblanzas, nuevas estructuras, nuevas identidades / A. Dembicz, A. Elbanowski (eds.). – Warszawa : Ariadna, 2013. P. 353– 410.

13. Zygulski, P. Per una teologia neuroscientificamente informata / P. Zygulski // Nipoti di Maritain. – Lucca, 2017. – An. 2, № 4. – P. 19–21.

14. Самарина, Т. В. Нейротеология: истоки, идейный фон и проблемы эвристичности / Т. В. Самарина // Logos et Praxis. – Т. 22, № 2. – С. 5–14.

ЙОГА КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ДУХОВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Р. С. Ярощук

Феномен йоги изучается преимущественно в рамках медицинских и гуманитарных наук. В медицинских исследованиях акцент делается на анализе влияния йоги на объективно измеримые физиологические параметры, связанные с механизмами здоровья и болезни. В гуманитарных же науках (философии, психологии, религиоведении) основное внимание уделяется духовным, психологическим и социальным аспектам йогических практик.

Йога предлагает научно обоснованный и целостный подход к гармонизации всех аспектов человеческого существа. С точки зрения указанного подхода, человеческая система включает в себя тело, ум, эмоции и фундаментальные жизненные энергии. Здесь уместно привести аналогию с автомобилем, который плавно едет только при условии исправности всех 4 колес. Также и человеку для успешного и сбалансированного движения по жизни необходимо использовать в должных пропорциях все свои 4 «колеса».

В современном мире с его уровнем научно-технологического прогресса и ускоряющимся темпом жизни методы йоги и медитации как способы обретения внутреннего баланса и спокойствия набирают все большую популярность среди западного населения. Представителями психологической науки йога рассматривается не только как способ преодоления негативного влияния стресса, снятия психологического напряжения, но и в качестве помощи в преодолении зависимостей и

депрессии [2]. В понимании медиков йога представляет собой форму дополнительной (альтернативной) медицины. Отмечается, что практика йоги позволяет человеку достичь чувства равновесия и единения разума с телом, что является основой здоровья и благополучия. Йога учит тому, как управлять своими телом и разумом, а также способам преодоления, ставшего привычным для многих жителей мегаполисов стрессового механизма психики «бей или беги» (fight-or-flight) [1].

Крайне высокий интерес с точки зрения рассмотрения интеграции йоги в современный мир представляет Фонд Иша – некоммерческая, благотворительная организация, которая реализует программы йоги по всему миру и имеет особый консультативный статус в Экономическом и социальном совете ООН. Одной из ключевых программ, проводимых Фондом, является «Внутренняя Инженерия», в рамках которой участникам передается древняя 21-минутная йогическая практика Шамбхави Махамудра Крийя (далее ШМК), включающая дыхательные техники, произношение звуков и медитативный процесс.

Заслуживают внимания результаты исследований, посвященных оценке влияния регулярной практики ШМК на человека. В данном случае замерялись уровень мозговой активности, качество сна, психологического здоровья и физического состояния [4]. В исследовании, опубликованном в Журнале доказательной комплементарной и альтернативной медицины в 2017 году учеными из ведущих университетов США, описывается влияние ежедневного выполнения ШМК. Цель исследования заключалась в измерении уровня субъективного ощущения стресса и общего благополучия у здорового населения. В роли респондентов выступили 142 человека, которые прошли 4-дневную очную программу, где были обучены практике ШМК. Замеру подлежал исходный уровень контролируемых показателей в начале исследования, а затем эти же показатели по прошествии 6 недель регулярной ШМК. По результатам исследования ученые констатировали тот факт, что ежедневная практика ШМК привела к значительному снижению ощущаемого участниками стресса и тревожности, а также к улучшению общего самочувствия [3]. Эти результаты свидетельствуют о том, что ШМК может представлять собой дополнительную терапию при лечении тревожности, для снижения стресса, а также для улучшения общего благополучия.

Эмпирически подтвержденная эффективность таких практик, как ШМК, получает фундаментальное обоснование в традиционных йогических взглядах на развитие человека, которые исходят из принципа постепенности и зрелости. Для получения максимума пользы в жизненных ситуациях от человека требуется определенная степень готовности. В данном контексте, духовное благополучие является продвинутой ступенью на жизненном пути. Чтобы подняться на эту ступень, необходимо последовательно пройти все предыдущие. Базисом в жизни человека

является его тело (физиология) и ум (психика). При поддержании этих двух платформ в стабильности, балансе и хорошем состоянии они могут позволить человеку отправиться на исследование более глубоких измерений жизни, которые можно назвать духовными. Здесь снова уместно привести аналогию с недорогим автомобилем, который активно эксплуатировали, но которому не оказывали должного техобслуживания. Внезапно его захотят разогнать до скорости самого лучшего гоночного болида на трассе Формулы 1. Естественно, что через определенное количество километров в час, двигатель задымится, что приведет к быстрой поломке или катастрофе. Духовный процесс подобен жизни на максимальных скоростях. Чтобы идти по духовному пути и разгонять свою жизнь до максимальных оборотов, «автомобиль» должен быть в подходящем для этого состоянии.

Подтверждение данному тезису можно найти в современной психологии, в которой есть концепция «колеса жизненного баланса». Разные авторы включают в нее свои наборы показателей, необходимых человеку для успешного и полноценного «движения» по жизни. Но все они по своей сути представляют раскрытие 4 упомянутых ранее фундаментальных категорий, то есть все так или иначе вписываются в классическую концепцию йогов.

Духовное благополучие можно определить, как достижение человеком такого уровня зрелости, где в его жизненном опыте Источник мироздания, кем или чем бы он ни был, – живая реальность, а не абстрактная, умозрительная идея или концепция.

Практики йоги являются ответвлением более широкой категории – духовные практики, – которые представляют собой различные методики, направленные на развитие внутренней осознанности, гармонии и связи с высшими аспектами бытия. Они могут служить инструментом для поиска духовного смысла жизни, обретения внутренней гармонии и благополучия. Для его достижения, как и для любого другого, необходима комбинация стремления, усилия и правильных действий. Ответы на вопрос о правильных действиях в этом направлении человечество традиционно находит в текстах и учениях различных духовных и религиозных традиций. Каждый индивид, изучив несколько, может выбрать и углубиться в ту традицию, которая видится ему наиболее подходящей, привлекательной и эффективной.

Мы исходим из точки зрения о том, что Источник мироздания един, но Пути к Нему разнятся от одной духовной традиции к другой. Этот тезис подтверждается тем, что часто в совершенно разных, на первый взгляд, духовных традициях можно обнаружить в высокой степени схожие элементы. Причина в том, что фундаментально природа каждого человека одинакова, и внутренний механизм достижения Божественного в своей сути един для всех. Отличия присутствуют преимущественно на

поверхности различных духовных направлений. Примером таких сходств может служить то, что как в православии, так и в йоге можно встретить феномен монашества (одиночный образ жизни, целибат, полное посвящение своей жизни служению Наивысшему и постоянное к нему стремление). Трудно найти духовную традицию, которая в той или иной степени не предписывала бы людям какую-либо форму поста, воздержания от пищи или, по крайней мере, осознанности в вопросе питания (работа с телом). Практику молитвы (чтения религиозных текстов, повторения имен Бога) или медитации (глубокого созерцания) также можно обнаружить в большинстве самых крупных и широко известных духовных традиций и религий (работа человека по совершенствованию своего ума).

Подводя итог, можно утверждать, что йога предлагает системный и научно подтвержденный путь к внутренней гармонии, который основывается на укреплении физического и психического здоровья. Ее социальная значимость заключается в формировании более осознанных и устойчивых личностей, способных противостоять вызовам внутренней пустоты и внешнего отчуждения. Йога, соединяя в себе древнюю мудрость о необходимости прочного физического и психологического фундамента для духовного роста с современными данными об ее эффективности, остается актуальным инструментом для достижения личного и общественного благополучия. Она позволяет привести в равновесие все «колеса» человеческой природы, создавая тем самым прочную основу для движения к гармонии в современном стремительно меняющемся мире. Таким образом, йога успешно интегрирует объективный научный подход с глубинным гуманитарным знанием, предлагая целостный ответ на запросы современного человека, касающиеся духовного роста и благополучия.

Литература и источники

1. Петрова, Л. Ю. Влияние занятий йогой на качество жизни занимающихся / Л. Ю. Петрова, Е. Ю. Внукова, С. П. Шепель, С. Б. Маврина // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2022. – № 11. – С. 26–33

2. Шипилова, Е. В. Смысловой аспект практики йоги в системе ценностей современных людей, практикующих занятия йогой / Е. В. Шипилова // Евразийский научный журнал. – 2018. – № 5. – С. 260–261.

3. Effects of Shambhavi Mahamudra Kriya, a Multicomponent Breath-Based Yogic Practice (Pranayama), on Perceived Stress and General Well-Being / CT. Peterson, SM. Bauer, D. Chopra, PJ. Mills, RK. Maturi. // J Evid Based Complementary Altern Med. – 2017. – Vol. 22, № 4. – P. 788–797.

4. Perceived Stress, Resilience, and Wellbeing in Seasoned Isha Yoga Practitioners Compared to Matched Controls During the COVID-19 Pandemic / Front. Public Health, 2022. – URL: https://www.frontiersin.org/ journals/ public-health/ articles/ 10.3389/ fpubh.2022.813664/ full (date of access: 28.01.2026).

ПРОЦЕССЫ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ И ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. К. Борецкая, В. Н. Яхно

Современный религиозный ландшафт Польши подвержен активным изменениям, которые неоднородны и выражены с различной степенью интенсивности. В одних сферах это будут процессы динамичной секуляризации, в других это – процессы десекуляризации либо приватизации религии. Эти явления происходят в уникальный исторический момент, когда кризис доверия к традиционным религиозным институтам, но не к религиозным ценностям, пересекается с бурным развитием искусственного интеллекта (ИИ), переопределяя отношения между *sacrum i profanum* на государственном, общественном и индивидуальном уровнях. В данном исследовании анализируются изменения феномена религиозности в польском обществе на основе статистических данных за 2020–2024 годы, результатов переписи населения 2021 года, а также актуальных социологических исследований религиозности молодежи.

Анализируя результаты социологических исследований религиозности населения в Польше за последние несколько лет, следует обратить внимание на имеющийся методологический дуализм, что имеет решающее значение для понимания темпов секуляризации. С одной стороны, имеются отчетные данные религиозных организаций (обычно основанные на количестве крещений или записях в церковных реестрах), а с другой – данные религиозной и конфессиональной декларации, согласно Национальной переписи населения 2021 года, отражающие субъективное чувство принадлежности граждан [1, с. 404].

Анализ данных Центрального статистического управления (ГСУ) за 2020 год указывает на относительную стабильность институциональных структур. Согласно данным 32 440 722 человека официально принадлежали к Римско-католической церкви, что, учитывая численность населения, свидетельствует о почти повсеместном распространении католицизма. Однако согласно переписи населения 2021 года конфессиональная картина выглядит иначе. Только 27 121 331 человек заявили о своей принадлежности к Римско-католической церкви, что составляет 71,3% от общей численности населения [1, с. 404]. Следует отметить имеющееся снижение количества декларирующихся католиками более чем на 6,6 миллиона человек по сравнению с переписью 2011 года, когда 87,6% поляков заявляли о своей принадлежности к католицизму.

Одним из показателей процессов секуляризации в современном польском обществе является рост числа людей, не принадлежащих к

какой-либо конкретной конфессии. В 2011 году только 929 000 человек (2,4% населения) не идентифицировали себя с конкретной конфессией, а в 2021 году это число увеличилось до 2,61 миллиона (6,87% населения). Не менее значимым является и процент отказов отвечать на вопрос о конфессиональной принадлежности, который вырос с 7,1% в 2011 году до поразительных 20,53% (7,8 миллиона человек) в 2021 году [1, с. 403]. Данное явление следует интерпретировать не только как выражение дистанцирования от религии, но и как проявление приватизации мировоззрения и нежелания делиться личными данными в эпоху цифровизации.

Таблица 1. Количественные показатели конфессиональной принадлежности доминирующих религиозных организаций 2020–2024

Церковь / Религиозное объединение	**Число верующих по данным отчетов ЦСУ за 2020 г.**	**Число верующих по данным отчетов ЦСУ за 2024 г.**	**Самодекларация согласно Национальной переписи населения 2021 г.**	**Характеристика изменений**
Римско-католическая церковь	32 440 722	31 470 000	27 121 331 (71,3%)	Снижение показателей конфессиональной принадлежности
Польская автокефальная православная церковь	503 996	504 000	151 648 (0,40%)	Институциональная стабильность при низком уровне показателей самодекларации
Греко-католическая церковь	55 000	70 000	33 209 (0,09%)	Увеличение количества верующих в последующие годы
Евангелическая церковь Аугсбургского исповедания	60 900	60 000	65 407 (0,17%)	Единственный случай, когда показатели самодекларации превышают показатели религиозной организации
Польская католическая церковь	18 116	17 633	6942 (0,02%)	Выраженные процессы индивидуализации чувства принадлежности.

Следует отметить, что процессы секуляризации в Польше носят преимущественно институциональный характер. Доверие к Римско-

католической церкви резко снизилось за последнее десятилетие. Если в 2010 году 78% респондентов заявляли о признании авторитета Римско-католической церкви, то в 2020 году этот показатель упал до 42%. Последний опрос, проведенный в сентябре 2025 года, показывает дальнейшее снижение – только 35,1% поляков заявляют о доверии церкви, в то время как недоверие выросло до 47,1%, особенно среди молодежи [3].

Кризис доверия к церкви как социальной организации и к представителям епископата обусловлен рядом причин. Прежде всего это скандалы, связанные с отсутствием прозрачности в имущественных вопросах некоторых благотворительных организаций и с ведением расследования преступлений сексуального характера с участием священнослужителей. Следует также признать, что зачастую эти случаи, связанные со скандалами, касающимися церкви гипербализируются цифровыми СМИ с целью привлечь потребителя (читателя) информационного продукта. Особенно чувствительной к вышеназванным причинам оказалась польская молодежь, среди которой количественные показатели доверия к церкви имеют наинизшее значение среди всех групп населения [4, с. 21; 5, с. 244]. Профессор Януш Марианский подчеркивает, что религиозность молодежи имеет шанс на выживание только там, где вера была индивидуализирована – принята как личный выбор, а не как унаследованная традиция [4, с. 30]. Для многих молодых людей отказ от религиозных практик является формой освобождения от влияния семьи, своеобразным бунтом против родителей. В то же время для тех, кто сохраняет веру, она служит «буфером» безопасности в неопределенном мире, снижая экзистенциальную тревогу благодаря личному переживанию близости Бога.

Использование авторитета церкви и манипуляция религиозными ценностями в сфере политики привели к поляризации общества на сторонников и противников церкви по политическим взглядам. Явления инструментализации веры приводят к политизации сакрального, что также проявляется в снижении уровня доверия к представителям религиозной организации среди населения и как следствие к приватизации религии. В современном польском обществе наблюдается не снижение религиозности или исчезновение духовных потребностей, а выбор, селекция лишь определенных религиозных ценностей верующими при одновременном выраженном снижении доверия к церкви как социальному институту с централизированным иерархическим управлением. В Польше повсеместно празднуют религиозные праздники, количественные показатели религиозных практик (прежде всего участие в таинствах) и самодекларации конфессиональной принадлежности к Римско-католической церкви не снижаются радикально. Следует так же отметить, что верующие активно адаптируют новые технологии для евангелизации, создавая, например, чат-боты на основе церковных документов (так

называемые «ChatGPT для католиков»). Прежде всего задачей использования (потребление) новых технологий является привлечение молодого, цифрового поколения. Задачей искусственного интеллекта является поддержание религиозного образования, но он не может стать объектом духовной жизни или религиозных практик.

Анализ процессов секуляризации и десекуляризации в Польше в эпоху стремительного развития цифровых технологий приводит к выводу о том, что польское общество переживает не религиозный кризис, а переосмысление роли церкви в жизни верующего. Процессы секуляризации более интенсивны на уровне взаимодействия церковь – общество, в то время как процессы десекуляризации наиболее заметны в деятельности некоторых политических партий, что зачастую выражается в попытке инструментализации религии.

Литература и источники

1. Wyznania religijne w Polsce w latach 2022–2024 / Główny Urząd Statystyczny. – Warszawa, 2025.– 444 s.

2. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2021. Ludność. Stan i struktura demograficzno-społeczna / GUS, Warszawa 2023. – 177 s.

3. Badanie zaufania do Kościoła katolickiego w Polsce / IBRiS. – Wrzesień 2025. – URL: ibris.pl/ zaufanie-do-kosciola-katolickiego.

4. Mariański, J. Doświadczenie religijne w życiu codziennym młodzieży polskiej w XXI wieku / Humaniora. Czasopismo Internetowe. – 2022. – nr 2 (38). – 15–36 ss.

5. Szymczak, W. Absencja na lekcjach religii w szkole z perspektywy doświadczeń młodzieży / Lublin, 2025. – 273 s.

Круглый стол «ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОСМОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ», ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУССКОГО УЧЕНОГО А. П. ТРОФИМЕНКО

О НАУЧНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ СОЗДАНИЯ СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ ВСЕЛЕННОЙ В СОВРЕМЕННОЙ КОСМОЛОГИИ

Л. Г. Антипенко

Современная ортодоксальная космологическая картина мира создана на основе общей теории относительности (ОТО), разработанной Д. Гильбертом и А. Эйнштейном. Но она оказалась неудовлетворительной как в теоретическом, так и в эмпирическом плане. В теоретическом − потому что гравитационное поле, описываемое на языке ОТО, невозможно согласовать с закономерностями квантовой физики; в эмпирическом − потому что ортодоксальная космология неспособна объяснить ряд глобальных процессов, наблюдаемых астрофизиками. Поэтому возникает необходимость радикального пересмотра методологических предпосылок, на которых строится ОТО и базирующаяся на ней космология.

Для решения этой задачи привлекаются две философские категории − движение и отражение. Они дополняются такими предпосылками, как релятивизм (в смысле специальной теории относительности (СТО), квантовый дуализм, феномен запутанности. Важное значение здесь придаётся принципу единства микрокосма (человека) и макрокосма (Вселенной) (П. А. Флоренский).

Квантовый дуализм трактуется как феномен когерентной связи (запутанности) между частицами и античастицами. Он сыграл свою роль при установлении внутренней структуры у элементарных частиц на примере электрона и позитрона. Позитрон, представленный в диаграммах Р. Фейнмана как электрон, движущийся в обратном направлении времени, помог нам разобраться с теоремой CPT, помог понять, что время в этой теореме есть время среднее, вероятностно-усреднённое.

Что можно сказать об отношении физиков к релятивизму? П. А. М. Дирак указывал, что в то время, как он работал над решением

квантово-релятивистского уравнения, описывающего свободное движение электрона (1928 г.), релятивизм означал, что все релятивистские теории должны оперировать только тензорами. Однако оказалось, что тензоры не являются адекватным аппаратом и надо вместо них ввести другие, двузначные величины, называемые спинорами. «Те люди, − пишет он, − которые хорошо знали тензоры, были не в состоянии порвать с ними и думать о чём-нибудь более общим, мне же удалось это сделать только потому, что общие принципы квантовой механики мне были дороже тензоров» [1, с. 296] (Отметим со своей стороны, что релятивизм в таком понимании до сих пор фигурирует в ОТО).

Что касается вопроса о спинорном истолковании волновых функций в квантовой механике, то читатель найдёт ответ на него, в частности, в работе [2]. Дирак в цитируемой нами статье просто пишет, что введение спиноров привело релятивистскую теорию к согласию с общими принципами квантовой механики и, кроме того, объяснило спин электрона, хотя это не входило в первоначальную цель работы. «Но затем возникла новая проблема отрицательных энергий. Теория была симметрична относительно положительной и отрицательной энергии, в природе же осуществляются только положительные энергии» [1, с. 296].

Первый шаг на пути решения проблемы отрицательной энергии сделал, насколько мне известно, акад. В. А. Фок. Он отринул «дырочную» концепцию Дирака, согласно которой значения положительной и отрицательной энергии были отнесены соответственно к электрону и к позитрону (позитрон был представлен как образование «дырки» в электронном море, все состояния в котором заполнены электронами). Фок указал, что при таком понимании уравнения Дирака оказывается невозможным полностью сохранить обычную интерпретацию волновой функции как величины, описывающей состояние одной частицы. «Обычная интерпретация остаётся в известном смысле применимой к тем величинам (и, прежде всего, к тем элементам Гейзенберговых матриц), которые не связаны с переходами из состояний с положительной энергией в состояния с отрицательной энергией (или с обратными переходами). Чтобы выделить эти величины, нужно построить для соответствующих операторов Гейзенберговы матрицы и отбросить в них те элементы, которые относятся к переходам между значениями энергии противоположных знаков (между значениями порядка $+mc^2$ и порядка $-mc^2$)» [4, с. 317]. Чтобы возместить эту абстракцию, надо, по Фоку, что взаимоотношение между mc^2 $-mc^2$ должно быть представлено как внутренняя степень свободы частицы [4, с. 317]. Вопрос о том, как это сделать, остался у него без ответа.

Дело в том, что когда говорят о степени свободы, обычно подразумевают степень свободы движения. Движение надо понимать как

движение во времени, изменение в зависимости от времени, и, с некоторыми оговорками, как движение в пространстве. Однако такое представление о степени свободы непригодно для описания внутренней структуры элементарных частиц. Здесь действует категория отражения. И её надо было совместить с основными принципами квантовой механики.

Первый из них − квантованность физической величины действия. Она слагается из элементов, каждый из которых равен по величине постоянной Планка h. Эти кванты отделяются друг от друга (дискретность) и вместе с тем как-то связаны между собой. Как можно было понять эту связь? Для этого надо было построить математическую модель данной совокупности. Поиск средств её описания был найден в теории комплексных функций и в неевклидовой геометрии Лобачевского. В теории комплексных функций имеет место операция сопряжения чисел $z = x + iy$ и $\bar{z} = x - iy$.В полярных координатах они будут представлены в виде $z = \rho e^{i\theta} = \rho(\cos\theta + i\sin\theta)$ и $\bar{z} = \rho^{-i\theta} = \rho(\cos\theta - i\sin\theta)$, где ρ – модуль комплексного числа, а θ − аргумент, угол поворота. На прямой, расположенной в пространстве Лобачевского, мы находим наряду с вещественными точками точки мнимые, т. е. точки, нумеруемые мнимыми числами $\rho(i\sin\theta)$ и $\rho(-i\sin\theta)$. Согласно законам неевклидовой геометрии, они являются результатами трансформации вещественной точки. Это значит, что точка а может превратиться как в точку ia, так и в точку $-ia.$ Процесс превращения точек − процесс стохастический, в нём находит место операция отражения. Последовательность переходов от одной мнимой точки к другой представляет собой геометрическую модель времени.

С этой геометрической концепцией мы переходим в область квантовой механики, к отношению времени к квантованной величине физического действия. Чтобы совместить течение времени с дискретностью величины физического действия, надо было допустить, что в этих условиях мы имеем дело с неявно выраженной вероятностно-усреднённой величиной времени. Отсюда – необходимость квантования классического времени.

При решении уравнения Дирака время распадается на две противоположные величины (со знаками плюс и минус) [2; 3, с. 52−60]. В соответствии с теоремой CPT эти две вероятностно-усреднённые величины времени мы должны отнести к двум противоположным смежным Вселенным (А и В) с частицами и античастицами соответственно. Они коррелируют между собой, при возгорании одной (увеличение светимости) происходит затухание другой (увеличение количества тёмной материи). Глобальная корреляция берёт своё начало в корреляции электрона и позитрона, что можно видеть на примере распада π^0 – мезона, при котором рождается электрон и позитрон. При измерении квантового состояния

одной частицы становится известным состояние другой частицы независимо от того, на какое расстояние они разлетелись. При этом всегда имеет место элементарный фазовый сдвиг во времени. Временные кванты рассыпаются в противоположные стороны с разными вероятностями, которые определяются соответствующими им амплитудами вероятности. В этом и заключается квантование времени.

В заключение отметим, что изложенная здесь космологическая гипотеза о двойственной структуре Вселенной зародилась при изучении феномена хиральности живого вещества [5]. Этот феномен заключается в том, что молекулы всех живых организмов существуют в двух зеркально-антиподных формах: белки содержат только «левые» аминокислоты, а нуклеиновые кислоты − только «правые» сахара [5, с. 88]. В. И. Вернадский объяснял хиральность живого вещества диссиметрией пространства-времени [6, с. 285]. Концепцию пространственно-временной диссиметрии автор данного сообщения экстраполирует на всю Вселенную, используя принцип микрокосма (человека) и макрокосма (Вселенной) (П. А. Флоренский [7, с. 440]. В формулировке этого принципа устанавливается аналогия между эволюцией живого вещества в Земной биосфере и эволюцией Вселенной.

Литература и источники

1. Из истории физики. Жизнь в физике / П. А. М. Дирак // Методы теоретической физики // УФН. – 1970. – Т. 102, вып. 2. − С. 279−313.

2. Антипенко, Л. Г. К вопросу о двуспинорной интерпретации решения квантово-релятивистского уравнения Дирака, описывающего свободное движение электрона / Л. Г. Антипенко // Успехи физических наук: трибуна. – URL: https://ufn.ru/ tribune/ trib6p.pdf

3. Антипенко, Л. Г. Проблема квантово-физической реальности − от реальности электрона до реальности Вселенной: философско-онтологический анализ / Л. Г. Антипенко. – М. : ЛЕНАНД, 2023. − 144 с.

4. Фок, В. А. Начала квантовой механики / В. А. Фок. – М. : Наука, 1976. − 377 с.

5. Гольданский, В. Возникновение жизни с точки зрения физики / В. Гольданский // Теоретическая и математическая биология. – М. : «Мир», 1968. − С. 86−94.

6. Вернадский, В. И. Живое вещество / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1978. – 361 с.

7. Флоренский, П. А. Микрокосм и макрокосм / П. А. Флоренский // Сочинение : в 4 т. / П. А. Флоренский. – М. : Мысль, 1999. –Т. 3 (1). – 662 с.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ТРЁХМЕРНОЙ СФЕРЫ В КОСМОЛОГИИ

П. Н. Антонюк

Открытие трёхмерной сферы позволило решить ряд важных проблем в математике, физике и космологии. Одна из них – задача Анри Пуанкаре, включённая в список семи задач тысячелетия, определённых Математическим институтом Клэя, и успешно решённая Григорием Яковлевичем Перельманом.

Для понимания задач, связанных с трёхмерной сферой, полезно знать историю её появления в науке. Субраманьян Чандрасекар утверждал: «Идеальный учёный должен быть историком, точно так же как идеальный историк должен быть учёным».

Первым к трёхмерной сфере «приблизился» Иоганн Кеплер (1571–1630). В своей книге о винных бочках [1, с. 178] он установил, что объём экстремального тора (у которого равны два определяющих радиуса, Кеплер назвал его суженным кольцом), равновеликого трёхмерной сфере, равен произведению площади круга на длину окружности. Здесь и дальше все фигуры характеризуются одним и тем же радиусом. Формула, полученная Кеплером, является аналогом формулы Архимеда: площадь поверхности двумерной сферы равна произведению диаметра окружности на её длину. Кеплер, не зная, что такое трёхмерная сфера, впервые правильно записал её объём. Интуиция Кеплера позволила ему сравнить объёмы трёхмерного шара и трёхмерной сферы, правильно вычислив их безразмерное отношение.

Как устроена трёхмерная сфера впервые понял Бернхард Риман (1826–1866), когда рассмотрел дифференцируемые многообразия трёх измерений [2, с. 288]. Именно Риман впервые ввёл понятия дискретных и непрерывных многообразий.

В 1917 году Альберт Эйнштейн (1879–1955) сформулировал новую модель Вселенной в виде трёхмерной сферы и явно выписал формулу её объёма, как функцию радиуса (объём и радиус Вселенной!) [3, с. 586, с. 612].

Близкие вопросы рассмотрены в работе [4].

Литература и источники

1. Кеплер, И. Новая стереометрия винных бочек. – М.-Л. : Гостехиздат, 1935. – 360 с.

2. Риман, Б. О гипотезах, лежащих в основаниях геометрии / Б. Риман // Сочинения. – М.-Л. : Гостехиздат, 1948. – С. 279–293.

3. Эйнштейн, А. Собрание научных трудов : в 4 т. / А. Эйнштейн. – М. : Наука, 1965. – Т. 1. – 700 с.

4. Антонюк, П. Н. Математические модели пространства-времени / П. Н. Антонюк. – Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, 2021. – С. 470–472.

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ КОСМОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

М. С. Батанов-Гаухман

Для решения ряда космологических проблем предложены следующие модернизаций общей теории относительности (ОТО). Эйнштейна:

1) Во всех теориях, связанных с ОТО Эйнштейна, используются 4-мерные метрические пространства с одной и / или с двумя сигнатурами (т. е. знаками перед слагаемыми метрики) (+ – – –) и / или (– + + +). Тогда как в предлагаемой гипотезе учитывается все 16 возможных видов 4-мерных пространств со следующими сигнатурами (т. е., с топологиями) [3; 4]:

$$sign\left(ds^{(a,b)2}\right) = \begin{pmatrix} (+++\,+) & (+++\,-) & (-++\,-) & (++-\,+) \\ (---\,+) & (-++\,+) & (--+\,+) & (-+-\,+) \\ (+--\,+) & (++-\,-) & (+--\,-) & (+-+\,+) \\ (--+\,-) & (+-+\,-) & (-+-\,-) & (----) \end{pmatrix}$$

2) В качестве исходного закона сохранения для построения метрико-динамических моделей стабильных сферических вакуумных образований (корпускул) различного масштаба используются вакуумное уравнение Эйнштейна с бесконечным количеством Λi-членов [7; 8]

$$R_{ik} - \frac{1}{2}Rg_{ik} + \Lambda_1 g_{ik} + \Lambda_2 g_{ik} + \Lambda_3 g_{ik} + \ldots + \Lambda_\infty g_{ik} = 0.$$

3) Два основополагающих принципа: «минимума действия» и «максимума энтропии» объедены в один принцип «экстремума усредненной эффективности» любой стохастической системы.

На основании трех вышеуказанных модификаций ОТО Эйнштейна разработана «Иерархическая космологическая модель», на основании которой удается наметить пути решения следующих задач:

– получить метрико-динамические модели практически всех элементарных «частиц», входящих в состав Стандартной Модели («бозонов», «лептонов», «барионов» и «мезонов») как стабильных деформаций вакуума;

– раскрыть причины инерции §7.2 в [5] и [10], гравитации [13], электромагнетизма §6 в [6] и электрического заряда §2.2.2 в [9];

– обосновать отсутствие барионной асимметрии Вселенной [8];

– вывести уравнение Шредингера на основании принципа

«экстремума усредненной эффективности» стохастической системы (т. е. хаотически блуждающего ядра «частицы») [15,16];

– предложить альтернативу многомерному многообразию Калаби-Яу, основанную на Алгебре сигнатур [4,17];

– объяснить причину конфайнмента «кварков» в «адронах» §4.7 в [8];

– устранить принципиальные различия между модернизированной ОТО и квантовой механикой [15];

– рассеять туман в отношении темной материи [14] и темной энергии.

– предложить пути развития опережающих нулевых (т. е. вакуумных) технологий, таких как: «вакуумная энергетика» §9 в [10], «альтернативные безынерционные способы перемещения в пространстве» §10 в [10] и §11,12 в [13], «каналы связи со сверхсветовыми скоростями передачи информации» §7 в [5], «звездно-планетарная гравитационная спектроскопия» [14], «объемный спектрально-сигнатурный анализ» §6 в [3], «не лимитированное уплотнение биокибернетической мощности» [3] и многих других.

Предлагаемая «Иерархическая космологическая модель», развиваемая на основе модернизированной ОТО Эйнштейна и нацеленная на реализацию программы Клиффорда-Эйнштейна-Уилера по полной геометризации физики, может быть положена в основу философского переосмысления окружающей реальности.

Литература и источники

1. Ландау, Л. Д. Теория поля / Л. Д. Ландау, Е. М. Лифшиц. – М. : Наука, 1988. – Т. 2. –509 с.

2. Шипов, Г. И. Теория физического вакуума / Г. И. Шипов. – М. : СТ-Центр, – 1998.

3. Батанов-Гаухман, М. С. (2023). Геометризованная физика вакуума. Часть I. Алгебра стигнатур. Препринт https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113027

4. Батанов-Гаухман, М. С. (2023). Геометризованная физика вакуума. Часть II. Алгебра сигнатур. Preprints.ru. https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113028.

5. Батанов-Гаухман, М. С. (2023). Геометризованная физика вакуума. Часть III. Искривленная область вакуума. Preprints.ru. https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113032.

6. Батанов-Гаухман, М. С. (2024). Геометризованная физика вакуума. Часть IV. Динамика вакуумных слоев. Preprints.ru. https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113039.

7. Батанов-Гаухман, М. С. (2024). Геометризированная физика вакуума. Часть 5: Стабильные вакуумные образования. Preprints.ru. https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113040.

8. Батанов-Гаухман, М. С. (2024). Геометризированная физика вакуума. Часть 6: Иерархическая космологическая модель. Preprints.ru https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113086.

9. Батанов-Гаухман, М. С. (2025). Геометризированная физика вакуума. Часть 7: «электрон» и «позитрон». Preprints.ru, https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113132.

10. Батанов-Гаухман, М. С. (2025). Геометризированная физика вакуума. Часть 8: инерционный электромагнетизм движущихся «частиц». Preprints.ru. Https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113170.

11. Батанов-Гаухман, М. С. (2025). Геометризированная физика вакуума. часть 9: «Нейтрино». Preprints.Ru. Https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113337.

12. Батанов-Гаухман, М. С (2025). Геометризированная физика вакуума. часть 10: «Планеты» и «звезды». Preprints.ru. https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113413.

13. Батанов-Гаухман, М. С. (2025). Геометризированная физика вакуума. часть 11: Гравитация и левитация. Preprints.ru. https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113413.

14. Батанов-Гаухман, М. С (2025). Геометризированная физика вакуума. Часть 12: голые «галактики» – «частицы» темной материи? Preprints.ru, https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113692.

15. Batanov-Gaukhman, M (2025). Geometrized vacuum physics. Part XIII: Connection with quantum mechanics. *Avances En Ciencia E Ingeniería*, *16*(2), 21–57. https://doi.org/ 10.65093/ aci.v16.n2.2025.28.

16. Батанов-Гаухман, М. С. (2024). Вывод уравнений Шредингера. Preprints.ru. https://doi.org/ 10.24108/ preprints-3113016M.

17. Batanov-Gaukhman, M (2025). Analog of a Compact Calabi-Yau Manifold Based on the Algebra of Signatures. Preprint.

ВСЕЛЕННАЯ: ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ КОСМОЛОГИИ

М. Г. Годарев-Лозовский

Идея единства физического мира пронизывает все творчество такого большого ученого и мыслителя, каковым был А. П. Трофименко. Но какова Вселенная? Э. Хаббл показал в 1936 году – космологическое красное смещение имеет вовсе не доплеровскую, т. е. не скоростную природу. Вселенная не расширяется, но происходит старение фотонов, поскольку не существует волн, которые распространялись бы без диссипации энергии [1]. Позже С. Б. Алеманов обосновал квантовый закон космологического красного смещения как старения света: $\nu n = nH0$. Он полагает: постоянная Хаббла – это величина, на которую уменьшается частота фотона за один период колебания вне зависимости от длины волны, что наблюдается как космологическое красное смещение [2]. Но каковы противоречия общепризнанной релятивистской космологии?

1) Нерешаемая проблема «напряжения Хаббла», т. е. проблема 10%

расхождения данных о скорости расширения Вселенной, полученных разными методами. 2

2) Величина постоянной Хаббла должна меняться по ходу расширения Вселенной, из чего следует невозможность в этом случае теоретического определения *H*.

3) Существование горизонта событий, за которым расширение Вселенной должно происходить со сверхсветовой скоростью.

4) Значение *H* в релятивистской космологии многократно «уточнялось» в диапазоне от 50 до 100 км / сек (?).

5) Нерешаемые проблемы скрытой массы, темной энергии и барионной асимметрии.

6) Космологическая сингулярность как бесконечная плотность материи.

7) Нарушение закона сохранения энергии и эмпирических наблюдений в гипотезе Большого взрыва (Известно, что в 2024 году телескоп Д. Уэбб обнаружил большую галактику ZF-UDS-7329, которая, если исходить из этой гипотезы – не могла существовать в ранней Вселенной).

А. Г. Шленов обосновал интереснейший закон всемирного излучения: «1. На каждом отрезке, равном длине волны де Бройля, любой микрообъект поглощает энергию *hH* и теряет энергию *hH*, равную энергии П-фотона, в результате чего частица демонстрирует свойства волны…Электрон на 1-й боровской орбите в атоме водорода поглощает за 1 период такую же энергию *hH*» [3, кн.2, с. 19–22]. Этот закон подразумевает, что во Вселенной присутствуют как энерговыделяющие в среду (вакуум) реакции, так и энергопоглощающие из среды реакции, связанные с движением микрообъектов, см [3, кн.3, с. 52]. «Согласно оценкам, уже имеющийся банк данных позволил бы получить 10.000 наблюдательных зависимостей, пригодных для целей космологического тестирования» [3, кн.2, с. 101]. То есть: данные для анализа обоснованности космологических теорий имеются, но не используются. D

Вероятно, что нерелятивистская космология будет основываться на следующих самых общих соображениях.

1. Принцип «бритвы Оккама» и принцип актуализма Лайеля не допускают того, что за пределами наблюдаемой Метагалактики происходит нечто существенно отличное от того, что происходит в её пределах.

2. Закон сохранения энергии не допускает начала и конца Вселенной в пространстве и во времени.

3. Безначальная и бесконечная в пространстве и времени Вселенная во многих отношениях подобна своей конечной части, т. е. Метагалактике.

4. Существует заполняющая пространство континуальная мировая среда.

Но каковы могут быть основные тезисы космологии будущего?

1. Расширение Вселенной и темная энергия – это фиктивные сущности, а космологическое красное смещение имеет не скоростную природу.

2. Микроволновый фон производен от межгалактического вещества вне метагалактического происхождения и приходит к нам из-за пределов Метагалактики (См. С. Г. Федосин: «Точные измерения температуры фонового излучения в разных направлениях на небе показывают, что фоновое излучение приходит с очень больших расстояний, много больших чем 1 Гпк» [4, с. 16]).

3. Гравитационные взаимодействия Метагалактики многократно превышают общепринятый радиус наблюдаемых объектов самой Метагалактики (См. А. Г. Шленов: «У нас отнимают 90% объема, завоеванного астрономами» [3, кн.2, с. 37–40] и см. В. П. Дорышев о величине рассчитанного им с позиций релятивистской космологии гравитационного радиуса Метагалактики: «Если учесть массу гипотетической темной материи, которая предполагается в 5,5 раза больше видимой, то получим: 40–130 миллиардов световых лет…» [5]).

4. Ненаблюдаемое скрытое вещество (включающее, в частности, маломассивные космические тела), составляет межгалактическое вещество, которое даёт 80% от общей светимости, остальные 20% светимости, приходится на галактики. Указанные значения соответствуют соотношению скрытой и видимой массы для Метагалактики в целом, с учетом присутствия энергопоглощающих из среды процессов в веществе галактик, которые дают соотношение между числом более ярких и менее ярких (недоступных наблюдению) звезд ≈ 1:30 [3, кн.3, с. 50–51]).

5. Барионная симметрия Вселенной в целом и асимметрия её части – Метагалактики объясняется тем, что в бесконечной и безначальной в пространстве и времени системе величина плотности равномерного пространственного распределения нуклонов значительно превышает величину плотности равномерного пространственного распределения анти-нуклонов, при том, что оба эти счетные множества частиц эквивалентны [6].

6. Существует нелокальная энергонасыщенная мировая среда при различной плотности пространственного распределения во Вселенной энерговыделяющих в неё и энергопоглощающих из неё реакций. Плотность пространственного распределения свободных микрообъектов, преимущественно выделяющих энергию в среду значительно меньше плотности пространственного распределения астрономических тел, в основном, потребляющих энергию из среды. Но, энерговыделение жестко связано с пространством Метагалактики, а поглощаемая веществом мощность, большей своей частью, излучается в виде энергии далеко за пределами пространства Метагалактики. При этом: «Существует баланс

между энерговыделяющими и энергопоглощающими реакциями во Вселенной – третье начало термодинамики» [3, кн.2, с. 19–22].

7. Темная материя отсутствует. «Масса – есть мера мощности, получаемой веществом от физического вакуума» [3, кн.1, с. 55]. Если комплексно рассматривать проблему «темной материи», которая, по релятивистским представлениям, занимает примерно 95% от видимой материи Метагалактики, то, как мы полагаем, её решение представляет сумму трех основных составляющих: фиктивная энергия расширения Вселенной + ненаблюдаемое (скрытое) вещество Метагалактики + скрытая энергия вне метагалактического происхождения.

8. Скрытая энергия имеет вне метагалактическое происхождение. Она производна от потери энергии при движении различными микрочастицами в свободном состоянии. Эта опосредованная через нелокальную мировую среду энергия и реализует гравитационные взаимодействия по Лесажу, т. е. за счет экранирования её телами.

9. Парадоксы релятивистской космологии устраняются рассмотрением Вселенной как бесконечного счетного множества астрономических объектов, в котором, по определению этого множества, всегда инвариантна его математическая мощность. В связи с этим принцип Стригина – Годарева-Лозовского констатирует: нарушение всякого закона сохранения (включая нарушение барионной симметрии) в конечной системе компенсируется соблюдением этого закона в актуально бесконечной системе. Иная формулировка принципа: законы сохранения в масштабе всей актуально бесконечной Вселенной строго выполняются, и они могут не выполняться (или выполняются приближенно) в масштабе конечной Метагалактики [6, с. 38].

Литература и источники

1. Hubbl, E. The real of the Nebulae / E. Hubbl. – London : Oxford University Press, 1936.

2. Алеманов, С. Б. Квантовый закон Хаббла (Квантовый закон космологического красного смещения. «Старение света») / С. Б. Алеманов. – URL: https://alemanow.narod.ru/ hubble_if.pdf (дата обращения 29.12.2025).

3. Шленов, А. Г. Микромир. Вселенная. Жизнь / А. Г. Шленов. – 4-е изд. – СПб., 2009. – Кн.1, 2, 3.

4. Федосин, С. Г. Красное смещение и космическое микроволновое фоновое излучение как следствие взаимодействия фотонов с новыми частицами / Galilean Electrodynamics, Spring – 2012. – Vol. 23, Special Issues № 1. – P. 3–13.

5. Дорышев, В. П. Радиус Метагалактики. – URL: https://samlib.ru/ d/ doroshew/ radius.shtml (дата обращения 29.12.2025).

6. Годарев-Лозовский, М. Г. Основания и предсказания теории барионной симметрии // Наука. Общество. Будущее : тезисы докладов 2-й Междунар. науч.-практ. конф. – Тверь, 2024. – С. 36–40.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

А. О. Карасевич

Познание окружающей реальности – это познание, в первую очередь, контекста. И. Е. Прись пишет: «Как показывает Ж. Бенуа, контекстуальность – фундаментальное эпистемологическое и онтологическое свойство реальности (…). Реальность реального проявляется именно в отсутствии иммунитета к контексту (…) ″Реальность″ становится определённой лишь тогда, когда на ней конструируются некоторые нормы, то есть некоторые формы обращения с ней, позволяющие определить, что в ней ″важно″, а что нет. Существует лишь контекстуализированная онтология» [1, с. 205]. Мы абсолютно согласны с высказанным выше утверждением. Контекстуальность важна также для познания психических процессов. На наш взгляд, невозможно постичь истинную природу психических процессов в отрыве от контекста – внешнего (окружающий мир, включая Вселенную) и внутреннего (психика).

Психика является сложной реальностью для изучения, поскольку она нематериальна, но реальна. Психика каждого человека субъективна и только в своем выражении в социальном мире она приобретает объективность и возможность исследования. Вероятно, самым продуктивным методом в исследовании психики является метод моделирования, поскольку с помощью него можно обозначить структуру и динамику психики, взаимосвязь ее элементов, деятельность субъекта, а также организм и окружающий социальный и природный мир, контекст.

Для того, чтобы построить графическую модель синтеза знаний о психике, необходимо ввести некоторые основания, на которые будет опираться разрабатываемая модель. Мы изображаем психику в форме круга и ставим ее в центр модели, внешнее пространство будет обозначать внешний относительно психики материальный окружающий мир (контекст) – природный (биотический и абиотический), социальный (человечество и совокупность межиндивидуального, межгруппового, межнационального взаимодействия) и предметно-культурный (вещный, то есть сотворенный человеком, нематериальный окружающий мир). Таким образом мы вводим фундаментальное обозначение материального и психического (рисунок 1). Мы выбрали круг для обозначения психики, хотя ее могла бы обозначать любая фигура. Также следует отметить, что представленная двухмерная модель обозначает психику в контексте материального мира *в определенный момент времени*, и для отображения динамики психики необходимо ввести обозначения, которые мы опишем ниже [2].

Рисунок 1 – Внутренний (психический) и внешний контекст

Психика не является гомогенной, и для дальнейшего построения модели синтеза знаний о психике, мы вводим фундаментальное деление психики на динамическую и стационарную (рисунок 2). В любой момент времени человек обладает двумя видами психики – актуальной и потенциальной. Актуальная психика проявляется в работе психических процессов – ощущений, восприятия, мышления, памяти, воображения, внутренней речи и эмоций. Двухмерная модель демонстрирует их наполнение в тот или иной момент времени. Человек также обладает потенциальной психикой – это весь тот приобретенный и врожденный психический материал, который находится в неактивном состоянии, и имеет под собой, как и динамическая актуальная психика, физиологическое основание (головной мозг и нервная система). Если провести аналогию, то стационарную психику можно представить как огромную библиотеку, которая наполнена как новыми книгами, так и древними. Новые книги – это метафоричное обозначение онтогенетически свежего психического материала (к примеру, последние умозаключения), древние книги – онтогенетически старого психического материала (к примеру, детские воспоминания). При этом книги эти различаются по

жанрам, актуальности, стилю изложения и другим признакам. Так и в потенциальной психике можно выделить множество компонентов: знаний, убеждений, ценностей, воспоминаний, целей, планов, навыков и многих других.

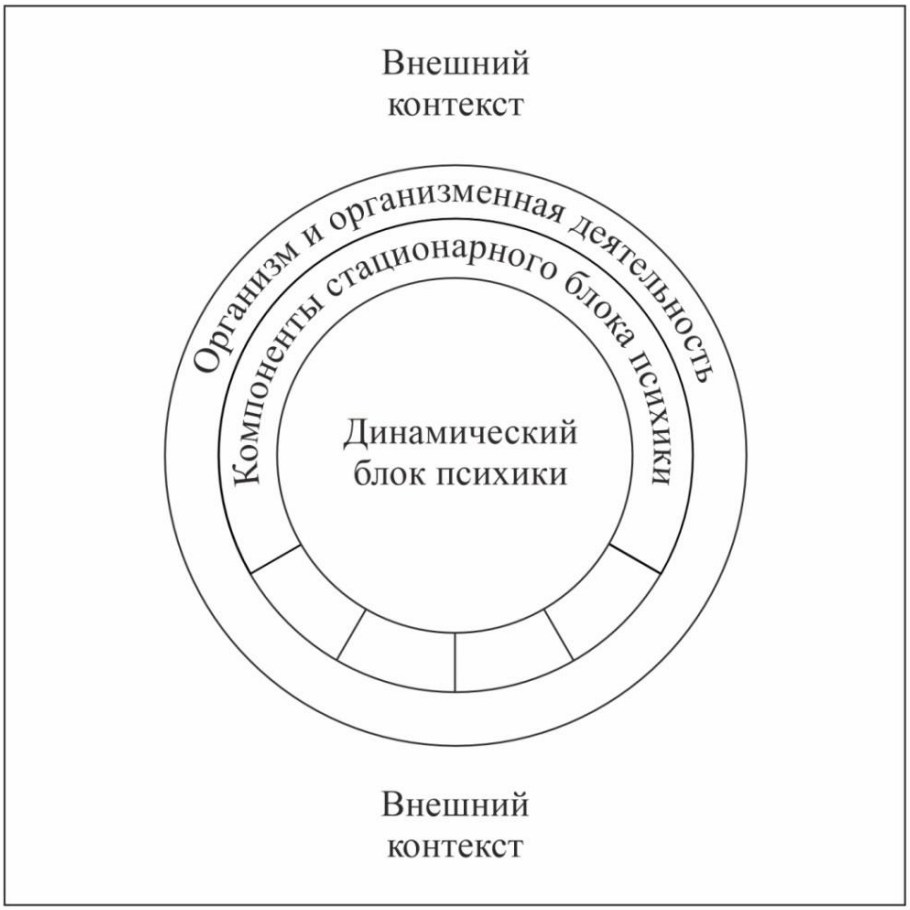


Рисунок 2 – Структура психики и внешний контекст

Стационарный блок психики постоянно растет и изменяется, происходит постоянная его перестройка. Но как бы он не перестраивался, данный блок нельзя назвать динамическим, так как основная его часть постоянно находится в неактуализированном, неактивном, потенциальном состоянии. При этом стационарный блок психики сохраняет свое относительное постоянство содержания, в то же время в динамической психике происходит постоянное его обновление (к примеру, смена представлений). При этом некоторые психические составляющие ответственны за структурное содержание психики – к примеру, внимание демонстрирует направление сознания, а темперамент – динамику психических процессов.

Таким образом, в нашей модели внутренний слой круга демонстрирует динамический блок психики в определенный момент времени, средний слой – стационарный блок психики и его компоненты (рисунок 2). При этом внешний слой круга обозначает организм индивида и организменную деятельность в определенный момент времени. Психофизическая проблема решается в пользу психофизического единства, однако с помощью модели можно продемонстрировать различные варианты ее решения.

Следует отметить, что описанное выше двухмерное обозначение психики демонстрирует лишь один слой пространства-времени. Это своего рода кадр, снимок реальности, отображенный в психике. Для подробного описания динамической и потенциальной психики, организма и организменной деятельности, окружающего контекста необходимо использовать множество подобных временных слоев (рисунок 3).

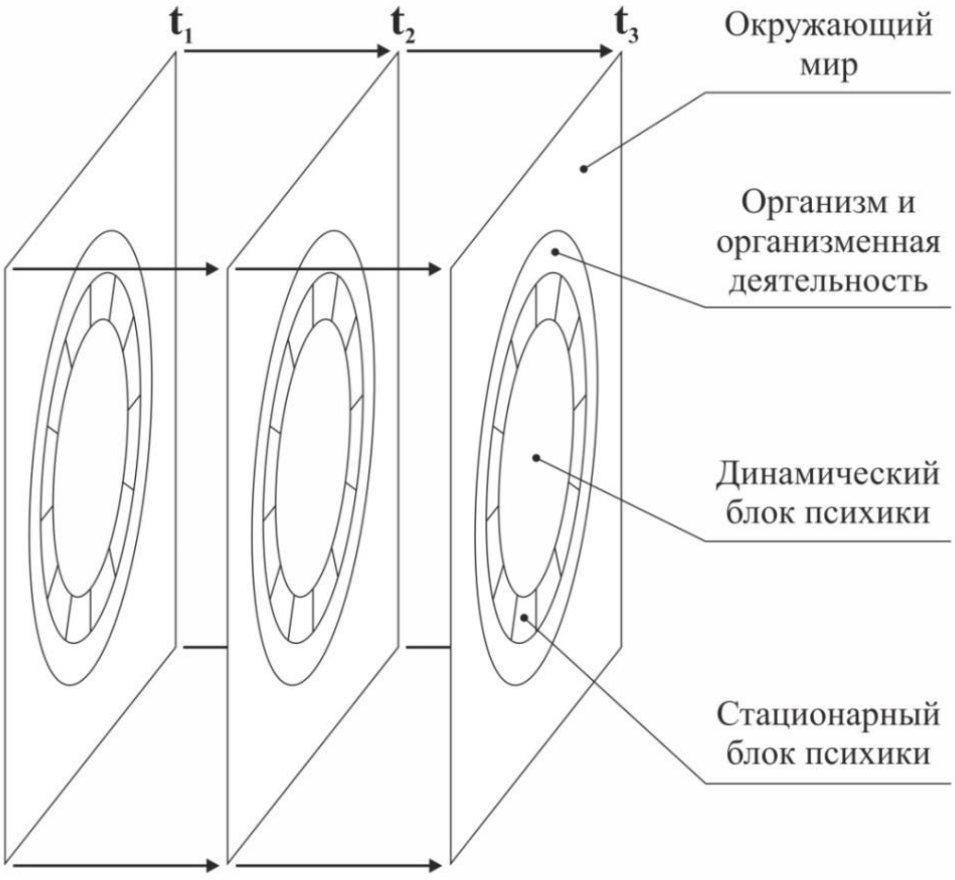


Рисунок 3 – Три временных среза модели

Для удобства и упрощения моделирования мы объединяем временные слои и получаем трехмерную динамичную модель синтеза знаний о психике (рисунок 4). На модели продемонстрирована психика

(динамическая и стационарная), организм (и его деятельность) и окружающий индивида мир (контекст). Важной составляющей модели является потребностно-целевой фрейм – описательное пространство, которое включает в себя временной промежуток психической деятельности между любым психическим содержимым («потребностью»), инициирующим данную деятельность, и содержимым («целью»), ее приостанавливающим или прекращающим. «Потребность» в контексте модели подразумевает под собой многие понятия различных парадигм, служащие для обозначения активизирующей деятельность психической силы, имеющей под собой физиологическое основание. Потребностно-целевой фрейм можно назвать потребностно-результатным, когда желаемый результат деятельности не осознан. Потребностно-целевой фрейм – пространство для отображения содержания и динамики психических процессов. Модель разворачивается в заданном темпоральном направлении.

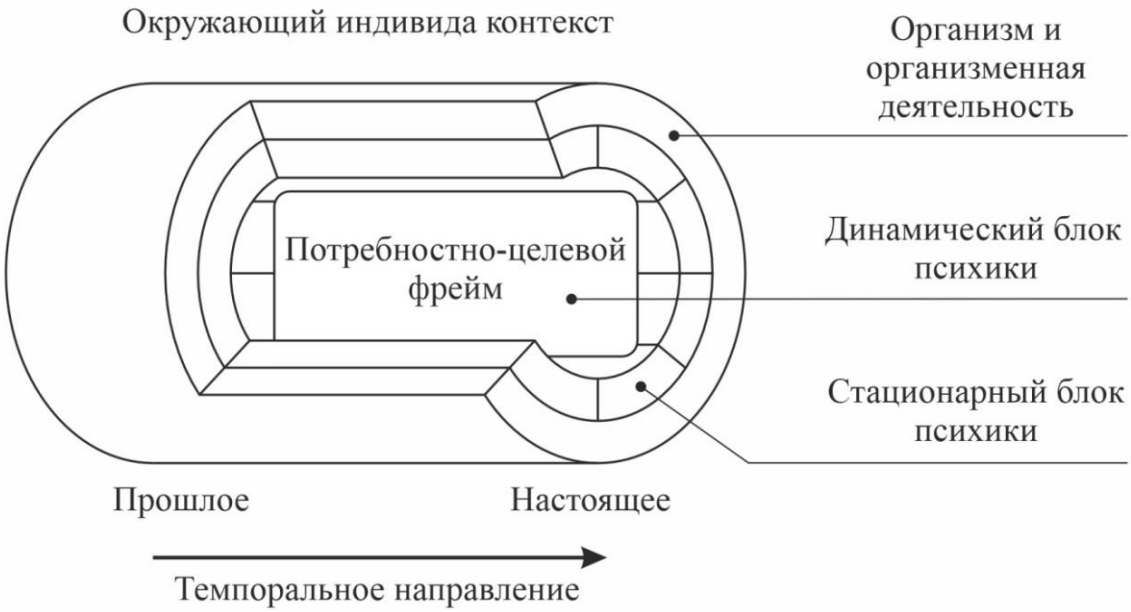


Рисунок 4 – Трехмерная динамичная модель
синтеза знаний о психике

Таким образом, модель представлена в форме многослойного цилиндра, в котором внешний слой обозначает организм и организменную деятельность, а также такие атрибуты, как одежда, аксессуары и имидж, средний слой модели обозначает компоненты стационарной психики, то есть те составные части психики, которые не активны в данный момент времени, но присутствуют в психике индивида всегда, даже когда он спит

(это его характер, темперамент, воспоминания, убеждения, позиции, ценности, нормы, цели и многое другое наполнение), внутренний же слой модели обозначает актуальный динамический блок психики – сплетение процессов ощущений, восприятия, мышления (и интуиции), воображения, памяти, внутренней речи и эмоций. Для отображения динамики мотивационной сферы целесообразно использовать пространство для ее описания – потребностно-целевой фрейм.

И. Е. Прись пишет: «Можно сказать, что реальность, реальное – это то, к чему применяются (идеальные) нормы, правила, концепты. Последние измеряют реальность, идентифицируют реальные объекты (в самом широком смысле, то есть как то, что имеет объективность) как сами реальные вещи, а не, например, кантовские вещи-для-нас. Применение нормы (правила, концепта) к реальности мы понимаем в терминах витгенштейновской проблемы следования правилу (норме, применения концепта). Новое применение правила (измерение реальности) не является предопределённым (вообще говоря, не существует (мета)правила для следования правилу). Поэтому корректность или некорректность применения правила обосновываема лишь постфактум. Отсутствие предопределённости равносильно присутствию контекста. Нормы / правила / концепты применяются в контексте. Соответствующие суждения зависят от контекста» [1, с. 511]. Рассмотрим с помощью модели восприятие норм, правил и концептов из внешнего контекста и их изменение посредством мышления (рисунок 5). Нормы, правила и концепты, находящиеся в окружающем мире, воспринимаются субъектом и переходят в психический план, то есть переходят из внешнего контекста во внутренний. Далее нормы, правила и концепты могут быть обдуманы субъектом и в таком виде усвоены в психике. С помощью модели мы можем показать, как в дальнейшем усвоенные нормы, правила и концепты влияют на процессы восприятия и мышления. Когнитивный психолог Ж. Пиаже выделил два основных процесса усвоения психического материала – ассимиляцию и аккомодацию. Психическая ассимиляция понимается ученым как включение нового психического материала об объектах в психику из внешнего контекста, а аккомодация – как приспособление данного материала к особенностям нового объекта. Равновесие ассимиляции и аккомодации свидетельствует о высоком уровне адаптации индивида [3, с. 88]. С помощью модели мы можем продемонстрировать эти два вида усвоения психического материала.

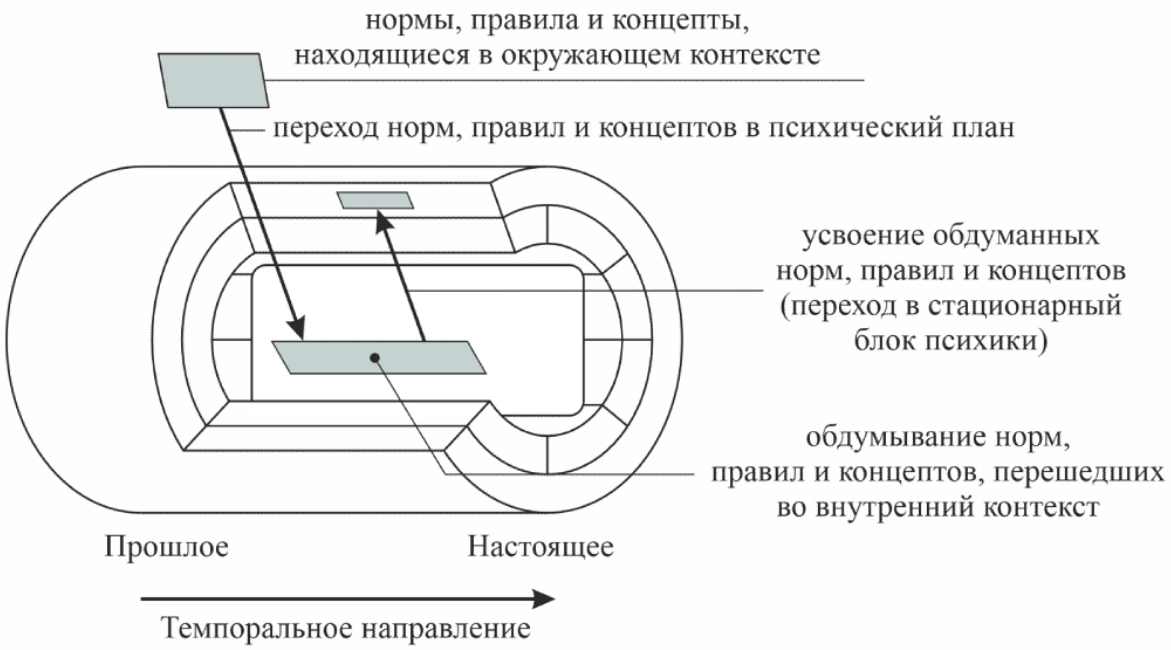


Рисунок 5 – Усвоение норм, правил и концептов в психике

Мы показали самую простую схему усвоения психического материала. С помощью модели мы можем рассмотреть данный процесс с учетом ощущений, памяти, внутренней речи, эмоций, характера, темперамента, мировоззрения, убеждений, планов, целей, мотивов и многих других составляющих психики. По вышеописанному примеру мы можем смоделировать усвоение индивидом и видоизменение в его психике этических норм, общественных ценностей и моральных ориентиров, а также применение их на практике в зависимости от актуального внешнего контекста.

Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма».

Литература и источники

1. Прись И. Е. Знание в контексте / И. Е. Прись. – СПб. : Алетейя, 2022.

2. Карасевич, А. О. Модель синтеза знаний о психике / А. О. Карасевич // Диалектическая методология в системе трансдисциплинарных исследований: к 95-летию со дня рождения академика НАН Беларуси Д. И. Широканова (1929–2023): материалы Междунар. науч. конф., Минск, 21 мая 2024 г. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А. Н. Спасков (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2024. – С. 90–97.

3. Карасевич, А. О. Контекстуальный реализм и современные знания о психике / А. О. Карасевич // Философские исследования: сб. науч. тр. – Минск: Беларус. навука, 2024. – Вып. 11. – С. 83–97.

КОСМОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ТРУДНОЙ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ

А. В. Нестерук

Мы рассматриваем парадокс человеческого сознания как способности, которая одновременно служит основанием человеческого достоинства и в то же время открывает путь к экзистенциальной опасности. Будучи биологически обусловленным «явлением», сознание представляет приспособление жизни к условиям человеческого мозга и тела. Именно эта воплощённая в мире способность осознавания дарует человеку способность к абстракции, рефлексии, технологическому творчеству и моральному выбору.

В богословской перспективе сознание нередко понимается как признак божественного подобия: способность познавать, творить и выбирать. Однако именно эта способность к свободе и ставит человека под угрозу. Мы исследуем, каким образом сознание включает в себя не только восприятие и познание, но и свободу – силу действовать так, что это может противоречить или даже отрицать сами условия, делающие сознание возможным. Техника, деградация окружающей среды и искусственный интеллект выступают не просто как внешние угрозы; в более глубоком смысле они являются проявлениями того, как сознание обращается против собственного телесного основания.

В этом и состоит трагическая ирония: разум в своём стремлении к господству рискует разрушить воплощённые структуры, которые его поддерживают. Достоевский провокационно называл сознание «болезнью» – не потому, что оно патологично само по себе, а потому, что оно вводит способность страдать, бунтовать и отрицать. Сознание несёт в себе бремя противоречия: свободу отрицать природу, превосходить инстинкт и, в конечном счёте, выступать против самого бытия.

Мы приводим аргументы, что такая свобода не является ни чисто рациональной, ни сугубо разрушительной; она представляет собой онтологическое напряжение, вписанное в человеческое состояние. Сплетая воедино идеи богословия, философии и науки, мы ставим фундаментальный вопрос: может ли сознание, укоренённое в плоти, но устремлённое за пределы человеческого мира, быть примирено с теми ограничениями природы, которые делают его возможным? Или же человеку суждено оставаться существом разделённым – свободным, самосознающим и постоянно рискующим разрушить самого себя?

Рассматривая трудную проблему сознания на примере человеческой плоти, планеты Земля и вселенной в целом мы показываем, что эта «проблема» является псевдо-проблемой в первых двух случаях, тем самым потенциально реализуя через познание угрозу самоуничтожения. Однако,

«трудная проблема» является конститутивной для сознания как такового на космологическом контексте. Тем самым проводится основной тезис о том, что космология вносит существенный вклад в понимание того, как сознание функционирует в предельных вопросах науки.

Если сознание как среда феноменализации связана с физикой вселенной, оно как по способу его функционирования, так и по форме собственных данных должно содержать следы вселенского. Даже если содержание сознания выходит за тезаурус физического, все равно в нефизических образах присутствует то физическое, которое присуще нашей вселенной (мультивселенная). Но тогда фактичность (случайность=контингентность) физически вселенского определяет фактичность структур и содержания сознания.

Вселенная как *насыщенный феномен* предстает в силу данности любого содержания сознания. Но в отношении его нет ни *качества, ни количества, ни модальности, ни отношения*. Вселенная не может быть объектом в силу неотделимости ее от субъекта. Вселенная предстает как неизбежность «внешней» границы сферы сознания как ее фактичность. «Внешняя» граница сферы познания «давит» на внутреннюю, переполняя и засвечивая последнюю так, что она невидима несмотря на то, что через нее виден мир.

Литература и источники

1. Bitbol, M. et al., Constituting Objectivity. Transcendental Perspectives on Modern Physics. – Berlin : Springer, 2009.

2. Kopeikin, K. V. Matter and Conscioiusness. / K. V. Kopeikin, A. V. Nesteruk. – Orego : Pickwick Publications, 2024.

3. Wolff, F. Dire le monde / F. Wolff. – Paris : Pluriel, 2020.

4. Nesteruk, A. V. The Sense of the Universe / A. V. Nesteruk. – Minneapolis : Fortress Press, 2015.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ КОНТИНУУМ «ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ» В ФИЗИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ?

В. Н. Пакулин

Теории СТО и ОТО представляют собой совокупность правил перевода физических формул и уравнений из одних инерциальной или неинерциальной систем отсчета в другие. В теории относительности пространственные измерения и время объявлены единым четырехмерным континуумом «пространство-время» – физическим объектом, который может деформироваться (искривляться). Движение есть основное свойство материи. Движение обусловливает свойства *протяженности* и

длительности. Протяженность проявляется в движении между точками в пространстве, что описывают три пространственных измерения. Длительность проявляется в движении в данной точке, что описывает четвертое измерение.

Все материальные объекты состоят из частиц. Под действием тяготения массивные частицы должны слиться между собой. Единственным способом предотвратить слияние является их *вращение*. Отсюда явно следует вихревая структура частиц, которые должны непрерывно вращаться, т. е. обладать моментом импульса (*спином*). Четвертое измерение отражает вращение микроскопических тел. За меру четвертого измерения принимают не угол поворота, а длительность фазы вращения выбранного вихревого элемент – *время*. Время допускает произвольный выбор единицы его измерения и начала отсчета в каждой точке пространства. Вращательное движение фундаментально. Только за счет вращения можно запасти большую энергию в малом объеме. Вихревое движение является основным видом движения элементов микро, макро и Мега миров.

А. Эйнштейн придерживался философии позитивизма. Позитивисты воспринимали окружающий мир как «комплекс своих ощущений». Теории относительности описывают не реальный объективный мир, а мир «кажущийся», – восприятие мира наблюдателем. Специальная теория относительности (СТО) отражает видение мира наблюдателем, сидящим перед экраном тренажера в шлеме виртуальной реальности. В кажущемся мире наблюдателя движущиеся предметы укорачиваются, а время замедляется.

Общая теория относительности (ОТО) показывает окружающий мир из «свободно падающего лифта» или из спутника Земли. «Персона, летящая с крыши, не испытывает действия никаких сил» – эту мысль, как основу принципа эквивалентности, А. Эйнштейн называл самой великой догадкой в своей жизни. Космонавта не притягивает к полу кабины, – нет силы реакции опоры, он парит в невесомости и не чувствует действия никаких сил.

В ОТО масса и энергия диктуют ткани пространства-времени как искривиться, а это искривление диктует материи, как двигаться. При этом молчаливо предполагается, что массы обладают непостижимым врожденным свойством искривлять пространство без материи. Теория ничего не говорит о механизме взаимодействия массы с окружающим пространством: за счет какой энергии, каких сил или процессов материя искривляет пространство. В искривленном пространстве-времени тела движутся не по прямым линиям, а по кратчайшим путям – по «геодезическим». ОТО утверждает, что гравитация – это не сила тяготения, а движение по инерции в искривленном пространстве-времени.

Континуум четырехмерного пространство-времени не существует в

физической реальности, является фиктивным понятием. Это математическая абстракция для наглядного представления событий как точек с тремя пространственными и одной временной координатами. Объекты существуют. События и процессы не существуют – они происходят. Пространство-время – как полная коллекция всех событий – не существует как объект, как реальная сущность. Это не территория, а карта, система координат, позволяющая описывать взаимодействия между событиями. Л. Д. Ландау в учебнике «Теория поля» сразу говорит о фиктивности четырехмерного пространства.

Представления о физической модели ОТО заложены в самих формулах теории. Теодор Калуца показал единство гравитации и электричества при переходе к 5-мерной римановой геометрии. Электромагнитное поле (Тёмная материя) заполняет всё пространство. Квантами поля являются вихревые гравитоны. Под влиянием этой работы А. Эйнштейн пишет в 1920 г. работу *«Эфир и теория относительности»*: «*Резюмируя, можно сказать, что общая теория относительности наделяет пространство физическими свойствами; таким образом, в этом смысле эфир (поле) существует*…». И далее А. Эйнштейн считает, что «*...элементарные частицы материи по своей природе представляют собой сгущения электромагнитного поля*...». Вихри электромагнитного поля создают нейтрино и антинейтрино – мельчайшие вихревые частицы вещества.

Гравитация – квантовое явление. Тяготение порождается нейтрино. Нейтрино при вращении увлекают приграничный слой среды поля, образуя «волны де Бройля». При слиянии частиц волны де Бройля вытесняются наружу тела, образуя волну де Бройля (гравитационное поле) в виде потоков гравитонов вокруг тела. Интенсивность волн де Бройля уменьшается с удалением от тела. Сила тяготения возникает в соответствии с эффектом Бернулли как градиент давления невидимой дисперсной среды электромагнитного поля в вихревых возмущениях вблизи тел. Земля не притягивает Луну. Давление внешней среды электромагнитного поля приталкивает Луну к Земле.

Литература и источники

1. Pakulin, V. ОТО соединяют с квантовой механикой волны де Бройля. – URL: https://www.researchgate.net/ publication/ 399107973_OTO_soedinaut_s_kvantovoj _mehanikoj_volny_de_Brojla

2. Pakulin, V. О тензоре энергии-импульса гравитационного поля в ОТО. – URL: https://www.researchgate.net/ publication/ 367361312_O_tenzore_energiiimpulsa _gravitacionnogo_pola_v_OTO

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ УРАВНЕНИЯ ЭЙНШТЕЙНА-ГИЛЬБЕРТА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ РАСТУЩЕГО БЛОКА УНИВЕРСУМА

В. А. Поликарпов

Мы придерживаемся направления в философии времени, которое получило название «растущего блока Универсума». Это направление противостоит этернализму, согласно которому в реальности существуют как прошлое, так и настоящее, и будущее и презентизму, признающему реально существующим только настоящее. С точки зрения растущего блока Универсума реально существуют лишь прошлое и настоящее, а будущее пока не существует. Оно лишь формируется, последовательно становясь настоящим. По этой причине, во-первых, будущее нельзя с точностью предсказать и во-вторых, мы можем влиять на его формирование. Человек как бы становится сарах Dei – соавтором Бога, говоря словами Николая Кузанского.

Сторонники данного направления представляют собой «незримый колледж». Они живут и работают в разных местах планеты, постоянно поддерживая между собой связь. При этом допускаются свои толкования. Развиваемая нами теория темпоральной обратной связи входит в структуру данной парадигмы [1].

Согласно теории растущего блока Универсума, Вселенная представляет собой четырёхмерный пространственно-временной блок, растущий во временном измерении, вдоль оси времени. Рост блока происходит в настоящем, поэтому настоящее – это граница между уже существующими прошлым и настоящим, и еще не существующим будущим.

Коллега Натали Оливи-Тран из университета в Монпелье (Франция) сделала интересную попытку проверить этот подход практически. Она провела пространственный анализ уравнений Эйнштейна-Гилберта (уравнение p=гравитационных полей) [2]. Для получения однородного дифференциального уравнения ей пришлось принять космологическую постоянную как обратный квадрат длины и поместить трехмерную пространственную кривую в четырехмерное пространство. В соответствии с теорией растущего блока Универсума время рассматривалось как дополнительный параметр, который затем связывался с четвертым измерением пространства, в котором разворачивается Вселенная. Вывод состоит в том, что темная энергия в вакууме связана с темной материей. Как и следовало ожидать тот же пространственный анализ связывает скрытую массу со временем и одним измерением нашей Вселенной.

Если рассмотреть наше трехмерное искривленное пространство как помещенное в четырехмерное пространство, то здесь мы должны

сосредоточиться на вакууме, который является доминирующим во Вселенной с фиксированным временем t.

Взятое за основу полярное уравнение Эйнштейна запишется так:

$$R_{\mu\nu} - \frac{1}{2} g_{\mu\nu} R + g_{\mu\nu} \Lambda = 8\pi G T_{\mu\nu} \quad (1)$$

Где $R_{\mu\nu}$ тензор Риччи, R скалярная кривизна, $g_{\mu\nu}$ метрический тензор, Λ космологическая константа, G гравитационная константа и $T_{\mu\nu}$ тензор энергии-импульса материи.

Результатом проведенного Н. Оливи-Тран анализа полярных уравнений Эйнштейна в вакууме является то, что мы не можем приравнять время *T* к длине в трехмерной искривленной пространственной Вселенной. Напрямую, время связано с четвертым измерением, находящимся в пространстве, в которое включена Вселенная.

Формула энергии в четырехмерном пространстве представлена как:

$$E = \frac{M}{L^3} = \frac{MT^2}{L} \quad (2)$$

Таким образом, материя связана со временем (или с четырехмерным пространственным измерением, в которое включена наша Вселенная) и с одним измерением нашей Вселенной.

Н. Оливи-Тран делает вывод, что время связано с пространственным измерением, к которому мы не имеем доступа.

На наш взгляд, здесь есть некоторое упрощение. Уступка в угоду наглядности. Время вообще не должно рассматриваться в категориях пространства. То, что мы называем временным измерением, имеет психологическую природу. Вы видели в психике пространство? Там его нет. Там есть только время. Поэтому и будущего нет как реальности, имеющей протяжённость. В будущем есть только замысел, который реализуется в настоящем и становится прошлым. Замысел не материален. Но его можно понять, предсказать и даже повлиять на него. Трёхмерная мембрана материи помещена в безграничную реальность психики. Но нам, с нашим материалистическим воспитанием, это трудно принять.

Литература и источники

1. Поликарпов, В. А. Квазиграфические объекты в процессах познания и понимания / В. А. Поликарпов. – Минск : Изд-во БГУ. 2012. 203 с.

2. N. Olivi-Tran and P. M. Gauthier // Adv. Studies in Theor. Phys. – 2008. – P. 42–48.

О ПРОГРЕССЕ В ФИЗИЧЕСКОЙ КОСМОЛОГИИ

И. Е. Прись

Существуют два основных подхода к научному прогрессу: эпистемический и ноэтический. Согласно первому, научный прогресс – это прогресс в накоплении знаний [1]. Согласно второму, – это прогресс в углублении понимания [2].

Мы отдаём предпочтение эпистемическому подходу, понятому не как простое накопление знаний, а с точки зрения эпистемологии сначала-знания (ЭСЗ) и нашей концепции контекстуального реализма (КР) [3]. Первичный объяснительный концепт в эпистемологии – знание. В онтологии – реальность. Научный прогресс – это процесс релевантного расширения знания на новые области реальности и его обобщения. Понимание предполагает знание. И наоборот. В этом смысле противопоставление понимания и знания несостоятельно. Также несостоятельно противопоставление понимания и пропозиционального знания, если под пониманием имеется в виду практическое знание-как. Мы разделяем точку зрения Дж. Стэнли и Т. Уильямсона, что знание-как – разновидность знания-что. Вообще, всякое знание – пропозициональное знание.

Существуют и другие подходы к объяснению прогресса: семантический – прогресс как увеличение правдоподобия научных теорий, то есть приближение к истине (К. Поппер); функционалистский – как решение проблем (Т. Кун); процедуральный – как приобретение знания-как; как увеличение обоснованности; как процесс устранения незнания («как систематическое устранение релевантного (proper) незнания – то есть незнания, которое можно идентифицировать, поддаётся устранению, эпистемически ценно и научным сообществом признаётся как значимое» [4, p. 1], дефляционный и другие. Различные подходы могут трактоваться как аспекты эпистемического подхода в нашем понимании. В частности, куновскую теорию смены парадигм и научных революций мы интерпретировали в рамках КР как переход от грамматики научной формы жизни (в смысле позднего Витгенштейна) к более общей грамматике, как процесс расширения / обобщения грамматики (например, законов природы) [3]. С точки зрения КР, научный прогресс можно также трактовать как устранение релевантного незнания, поскольку такое незнание обусловлено неполным знанием в рамках некоторой научной формы жизни, предполагающей базовые петлевые убеждения / предложения (ПП), либо более радикальное незнание (невежество) – «незнание» некоторых ПП. Менее радикальным незнанием (и одновременно более радикальным потенциальным знанием) является незнание новой – более общей – грамматики, например, теории квантовой

механики, когда к ней уже намечается переход от классической механики, благодаря теоретическим рассуждениям и / или экспериментальным данным.

Считается, что физическая космология с момента её зарождения в первой четверти 20 века прошла несколько стадий (некоторые говорят о «парадигмах»), сделала огромный прогресс и в настоящее время является зрелой наукой. В результате возникла общепринятая стандартная модель космологии: ΛCDM-модель, содержащая три важные составляющие: инфляцию, тёмную материю и тёмную энергию. Это феноменологическая в широком смысле модель. Тёмная материя, например, описывается феноменологически – как жидкость с нулевым давлением. Микроскопическая природа инфляции, тёмной энергии и тёмной материи неизвестна. Существует множество теорий, и некоторые авторы считают, что недоопределённость может оказаться неустранимой [5]. В этом случае объединение двух стандартных моделей – в космологии и физике элементарных частиц – окажется невозможным, особенно если учесть, что инфляция, темная материя и тёмная энергия проявляются на совершенно разных энергетических масштабах.

Некоторые рассматривают стандартную космологическую модель как принципиальную теорию приблизительно в том смысле, в котором различие между принципиальными и конструктивными теориями в 1919 ввёл Эйнштейн. Мы, однако, делаем различие между принципиальными (например, специальная теория относительности) и феноменологическими теориями. Также, на наш взгляд, различие между принципиальными и конструктивными теориями относительно. В своё время квантовая механика рассматривалась как конструктивная теория, объясняющая природу микрочастиц, которую не могла, например, объяснить феноменологическая теория броуновского движения Эйнштейна. Но для В. Гейзенберга квантовая механика, как и, например, термодинамика, – замкнутая теория. Это понятие приблизительно соответствует понятию принципиальной теории. Мы трактуем теорию как витгенштейновское правило / норму (в-правило) для измерения реальности в рамках языковых игр своих употреблений. Теория как в-правило имеет два неразделимых аспекта – принципиальный (формулировка правила) и конструктивный – объяснение (реконструкция) его применения.

Создание квантовой механики подготовила спектроскопия. В космологии в настоящее время нет ничего подобного. Тёмная материя не взаимодействует с электромагнитным излучением и пока что проявляет себя только своими гравитационными эффектами. Также в стандартной космологической модели были обнаружены противоречия.

П. Г. Феррейра с соавторами пишут, что «космология добилась успеха, соответствующего самым высоким эпистемологическим стандартам» [5, p. 4]. Для П. Дюрра и Ф. Деллсена, космология не

удовлетворяет строгим эпистемическим стандартам для знания, поскольку она холистична, спекулятивна, использует сильные идеализации и приближения и, как следствие, не содержит положений, которые можно было бы однозначно охарактеризовать как истинные или ложные. Для них прогресс в космологии – это прогресс в понимании, а не в хорошо обоснованном пропозициональном знании [2].

Но если прогресс в понимании понимать, как прогресс в знании-как – практическом, так сказать инстинктивном, или имплицитном, знании – или, быть может, в групповом (например, распределённом) знании, это будет также и прогресс в эпистемическом смысле.

Верно, что космологию невозможно отделить от философии. Например, космологический принцип Коперника – философский принцип, имеющий различные интерпретации. Но это ещё не говорит против эпистемического подхода к объяснению прогресса. Следует принять во внимание роль неэмпирических аргументов (простота теории, её объяснительная или объединяющая сила, когерентность и др.), которые играют значительную роль не только в космологии, а также позицию Уильямсона, которую мы разделяем, что различие между априорными и апостериорными суждениями поверхностно. Общая теория относительности, например, долгое время не имела никаких серьёзных эмпирических подтверждений. В этой связи отметим, что некоторые авторы полагают, что в философии существует прогресс, и это прогресс в ноэтическом смысле. Другие видят аналогию между прогрессом в науках и философии и, в частности, интерпретируют его в терминах петлевых убеждений Витгенштейна. Последнюю точку зрения разделяет наш КР.

Работа выполнена при частичной поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г24МС-002.

Литература и источники

1. Bird, A. The epistemic approach. Scientific progress as the accumulation of knowledge / A. Bird // New Philosophical Perspectives on Scientific Progress / ed. : Y. Shan. – New York and London : Routeldge, 2022. – P. 13–26.

2. Dürr, P. Scientific Progress and Modern Cosmology / P. Dürr, F. Dellsén // The European Journal for the Philosophy of Science. – 2025. – Forthcoming. – URL: https://philsci-archive.pitt.edu/ 26683/ (date of access: 20.01.2026).

3. Прись, И. Е. Философия науки Томаса Куна с точки зрения контекстуального реализма // Эпистемология и философия науки. Сибирский философский журнал. – 2022. – Т. 20. – № 3. – С. 14–32.

4. Angkasa, W. The elimination of proper ignorance: rethinking scientific progress beyond accumulation of knowledge / W. Angkasa // Synthese. – 2025. – 206:295.

5. Ferreira, P. G. The Spectre of Underdetermination in Modern Cosmology / P. G. Ferreira, W. J. Wolf, J. Read. – URL: arXiv:2501.06095v2 [physics.hist-ph] 10 Jul 2025 (date of access: 20.01.2026).

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОМОРФНОЙ ОНТОЛОГИИ

А. Ю. Севальников

Вопрос, рассматриваемый в докладе, первоначально возник как частный и постепенно трансформировался в более фундаментальный – онтологический и, в конечном счёте, метафизический. Изначально он был связан с проблемой роли «наблюдателя» в квантовой механике (КМ). В рамках этой проблематики существуют два принципиально несводимых друг к другу подхода.

Первый из них настаивает на радикальной роли наблюдателя в возникновении того или иного явления при квантовом измерении: мы как бы «задаём природе вопрос» и получаем определённый ответ в зависимости от участия наблюдателя. Одним из наиболее авторитетных физиков, разделявших эту позицию, был один из основателей квантовой теории В. Гейзенберг. Вместе с тем следует признать, что Гейзенберг отстаивал скорее «мягкий» вариант данной концепции: он подчёркивал, что роль наблюдателя не может пониматься в субъективистском смысле и фактически реализуется через измерительный прибор. Тем не менее он, несомненно, тяготел к включению концепции наблюдателя в теоретический аппарат квантовой механики.

Противоположный полюс связан с объективистским рассмотрением процесса измерения в квантовой механике. В отечественной традиции эта позиция была наиболее последовательно сформулирована академиком В. А. Фоком, который ввёл понятие «относительности к средствам измерения», указывающее на принципиальное отличие квантовой механики от классической. Квантовая механика оперирует понятием волновой функции (ВФ) объекта. Волновая функция не задаёт само существование объекта, а определяет амплитуды вероятностей возможных состояний, причём сама вероятность вычисляется как квадрат модуля ВФ.

Ключевой момент заключается в том, что волновая функция принципиально может реализовываться по двум «каналам». Если существует принципиальная возможность установить, по какому из них реализуется событие, то вероятность определяется суммой квадратов амплитуд вероятностей. Если же событие может происходить двумя взаимоисключающими способами, то сначала складываются амплитуды вероятностей, и лишь затем результат возводится в квадрат. Первый случай соответствует корпускулярному поведению частиц, второй – волновому. Акт измерения неизбежно влияет на конечный результат, что и служит основанием для обращения к проблеме наблюдателя. Сделав эту краткую физическую ремарку, можно перейти к более общей тематике.

Следует отметить, что большинство физиков последовательно выступают против «концепции наблюдателя». В данном случае мы имеем

дело с ситуацией, в которой решающую роль играют не апелляции к авторитетам, а эмпирические факты. Один из таких фактов приводит Р. Фейнман в своих «Лекциях по физике». Как известно, он принимал участие в Манхэттенском проекте и подробно анализировал экспериментальные ситуации, связанные с квантовыми измерениями.

В частности, Фейнман описывает случай рассеяния нейтрона на кристаллической решётке, при котором поведение нейтронов спонтанно проявлялось то, как волновое, то, как корпускулярное. Это различие оказалось связанным с тем, происходит ли при рассеянии переворот спина нейтрона. Если переворот спина имеет место, то в принципе возможно указать, на каком именно атоме он произошёл, и интерференционная картина исчезает. Если же переворота не происходит, наблюдается интерференция. В первом случае реализуется корпускулярное поведение нейтронов, во втором – волновое.

Принципиально важно, что при перевороте спина никакого акта «наблюдения» не осуществляется; имеет значение лишь возможность в принципе получить информацию о том, каким образом реализовалось событие. Этот пример, по мнению автора, существенно подрывает основания концепции наблюдателя. Не случайно Фейнман выступал её последовательным критиком, подчёркивая, что природа не «знает», наблюдают за ней или нет, и ведёт себя в соответствии со своими законами независимо от человеческого интереса [1, с. 19].

Тем не менее, в истории науки данная проблематика сыграла важную роль. Именно этот принцип – хотя, разумеется, не он один – послужил одним из аргументов для введения академиком В. С. Стёпиным концепции «постнеклассической науки». Критика «концепции наблюдателя» в квантовой механике вовсе не означает отрицания постнеклассической науки как таковой или принципа человекоразмерности. Напротив, на мой взгляд, данный принцип нуждается в более глубоком обосновании – прежде всего онтологическом и метафизическом, предполагающем прояснение оснований антропоморфной онтологии.

Современная философия науки в значительной степени ориентируется на англосаксонскую, «островную» традицию. Мой тип мышления, напротив, укоренён в континентальной философии, прежде всего в её онтологических и метафизических установках. В самом общем виде его можно охарактеризовать как позицию реализма, противостоящую номинализму, если пользоваться терминологией классической философии.

Обращение к истории философии показывает, что в ней представлены как антропоморфные онтологии, так и попытки их преодоления. Истоки неантропоморфной онтологии обнаруживаются в пифагорейской, а позднее и в неоплатонической традиции, в рамках которых фундаментальное значение придавалось числу и структурным числовым отношениям. В этой традиции число выступало как предельное

условие, вне которого любое внятное, осмысленное и вербально артикулированное высказывание оказывается невозможным.

Плотин формулирует это положение следующим образом: «…если невозможно мыслить что-либо без единого или двух, или какого-либо определённого числа, то как может не существовать то, без чего невозможно ни мыслить, ни говорить? … То, что повсюду необходимо для возникновения всякого предмета мысли и логоса, должно быть прежде логоса и мышления» [2, с. 33–34]. Тем самым число оказывается принципом как объединения и отождествления, так и разделения и различения. Понимание мира как числовой структуры открывает возможность неантропоморфной онтологии.

М. К. Мамардашвили видел в этом возможность мыслить мир в его независимости от человека как существа, наделённого специфическими органами восприятия, – возможность «мыслить не по-человечески», то есть мыслить способом, не ограниченным человеческой мерой [3, с. 165]. В этом тезисе Мамардашвили обнаруживаются очевидные параллели с выводом М. Фуко о том, что в современную эпоху мышление возможно лишь в «пустом пространстве», где фигура человека более не занимает центрального положения.

М. Фуко последовательно развивает данный тезис, указывая на необходимость отказа от той формы рефлексии, которую он обозначает как «несуразную» и «нелепую», – формы, основанной на допущении, что мышление неизбежно должно соотноситься с фигурой человека как его привилегированного субъекта.

Однако, можно поспорить с Мамардашвили. Неоплатонизм оказал значительное влияние на православное догматическое богословие, у истоков которого стояли такие мыслители, как Ориген, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, а также значимая и в определённой мере загадочная фигура, как Дионисий Ареопагит. Разумеется, данный перечень не является исчерпывающим; вместе с тем настоящее рассмотрение ориентировано не на богословскую проблематику как таковую, а на анализ научных и философско-методологических оснований.

Обращение к данной традиции необходимо для того, чтобы подчеркнуть: неоплатонизм не является однородным учением. Наряду с неоплатонизмом Плотина, Прокла или Ямвлиха существует христианский неоплатонизм, обладающий принципиально иными антропологическими и онтологическими акцентами. С одной стороны, он исходит из представления о мире как упорядоченном «мерою, числом и весом» (Прем. 11:21), с другой – в свете Откровения утверждает сотворённость человека по образу и подобию Божию.

В результате человек замыкает иерархию тварного бытия, занимая вершину «пирамиды творения». При этом существенно, что он не только принадлежит миру тварного, но и трансцендирует по отношению к нему,

оказываясь, согласно богословской традиции, даже выше ангельских сущностей.

Настоящее рассмотрение не предполагает обращения к богословской проблематике как таковой. Упоминание её используется исключительно для фиксации возможности антропоморфной онтологии. Если ранее соответствующие основания формулировались преимущественно в теологическом контексте, то в настоящее время они обнаруживаются в фундаментальных основаниях современной науки. В этой связи необходимо рассмотреть два варианта: один из них давно установлен, другой лишь формируется в рамках современной науки.

Первый из них – хорошо известный антропный принцип. В современной формулировке он был предложен Б. Картером в 1970-е годы, однако в отечественной традиции сходные идеи высказывались Г. М. Идлисом ещё в конце 1950-х годов, а первые постановки проблемы восходят к работам А. Эддингтон, относящимся к 1930-м годам. Антропный принцип указывает на взаимосвязь между фундаментальными характеристиками Вселенной и возможностью существования в ней жизни, в частности человека.

Второй аргумент в пользу антропоморфной онтологии, претендующий на фундаментальный статус, связан с работами Сергея Викторовича Петухова. Его исследования, находящиеся на стыке физики, математики и генетики, указывают на наличие единых математических структур в основаниях теории относительности, квантовой механики и генетики. Эти структуры соотносятся с системой из 64 триплетов и обнаруживают формальную изоморфию с 64 гексаграммами китайской Книга перемен (И цзин).

Философское следствие данного подхода заключается в подрыве представления о случайности и контингентности фундаментальных структур реальности. Обнаруживаемая структурная инвариантность, воспроизводимая в физике, биологии и символических системах культуры, позволяет интерпретировать устройство мира как принципиально соразмерное человеческому способу мышления и символизации. Тем самым утверждается онтологический статус антропоморфизма не как эпистемологической проекции, а как глубинного принципа организации реальности.

Литература и источники

1. Фейнман, Р. Фейнмановские лекции по физике / Р. Фейнман, Р. Лейтон, М. Сэндс. – Т. 8–9. – М., 1978.

2. Плотин. Шестая эннеада. Трактаты VI–IX / Плотин ; пер. с древнегреч. и послесл. Т. Г. Сидаша. – СПб. : «Издательство Олега Абышко», 2005. – 416 с.

3. Мамардашвили, М. К. Лекции по античной философии // М. К. Мамардашвили. – М. : Аграф, 1999. – 165 с.

КОСМОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «РВАНОГО» КОНТИНУУМА: ОТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЧИСЛА К АРХИТЕКТУРЕ ВСЕЛЕННОЙ

И. Р. Скиба

Кризис непрерывности и природа иррационального

В основе предлагаемой космологической модели лежит радикальный пересмотр базисных понятий математики, в частности – концепции вещественных чисел. Авторская позиция исходит из критики актуальной бесконечности как валидного математического и физического понятия. В работе показывается, что актуально бесконечное множество не может быть сформировано конструктивным путем, а, следовательно, континуум (в его классическом понимании как непрерывная сплошная среда) является математической фикцией, не имеющей прямого онтологического статуса в реальности [1].

Ключевым моментом обоснования служит анализ природы иррациональных чисел. Главный вывод здесь – иррациональные числа не существуют как статические, завершенные объекты («точки» на прямой). Вместо этого они представляют собой идентификаторы потенциально бесконечных вычислительных процессов. Поскольку эти процессы никогда не могут быть завершены (мы не можем вычислить, например, квадратный корень из числа 2 или число Пи в завершённом виде), то они не могут «заполнить» отведенное им место в геометрическом континууме.

Из этого следует фундаментальный вывод: численная аппроксимация пространства не является взаимно-однозначной (биективной) геометрическому пространству. Там, где математика постулирует наличие иррациональной точки, в реальности существует «разрыв» – онтологическая пустота, обусловленная незавершенностью вычислительного процесса. Экстраполируя этот вывод на физическую реальность, мы предполагаем, что «ткань мироздания» не является непрерывной. Она дискретна, но не в смысле зернистости материи, а в смысле наличия бесконечного множества микроскопических разрывов в самой структуре пространства-времени. Эти разрывы, соответствующие локациям иррациональных чисел, интерпретируются топологически как «воронки», пронизывающие ткань бытия.

Архитектура модели: сфера Caseum, воронки и «тотальный процессор»

На базе теоретического обоснования «разрывности» строится модель «рваного» континуума. Вселенная моделируется как трехмерная сфера (гиперсфера), находящаяся в четырехмерном пространстве. Вводится

термин Caseum (от лат. «сыр») для обозначения этой сферы, подчеркивая ее структуру, пронизанную бесчисленным множеством отверстий – воронок.

Эти воронки располагаются в тех локациях континуума, которые математически описываются иррациональными числами. Поскольку множество иррациональных чисел несчетно и плотно, вся структура Вселенной представляет собой «решето», где материя и пространство существуют лишь на «островках» рациональной определенности (которые составляют лишь малую часть, около 5% наблюдаемой Вселенной).

В рамках модели постулируется наличие условного пятого измерения – N5. Это не просто геометрическое пространство, а функциональная сущность, которую мы определяем, как «тотальный процессор» или «вычислительный хаос». N5 – это область чистой потенциальности и перерасчета информации.

В рамках модели материальный мир рассматривается как совокупность информационных блоков. Эти блоки, попадая в зоны действия воронок (иррациональные локации), «утекают» в N5. Там происходит процесс «перевычисления» информации согласно внутренней логике N5 (которая воспринимается нами как квантовая вероятность или хаос), после чего информация «вытекает» обратно в наш мир, но уже в обновленном виде.

В модели предлагается оригинальная интерпретация классов чисел. Алгебраические иррациональные числа (корни полиномов) связываются с процессом «утекания» информации (вход в N5), в то время как трансцендентные числа интерпретируются как результат «вытекания» – продукт переработки информации, вносящий асимметрию и новизну.

Этот процесс циркуляции информации («утекание» – перевычисление – «вытекание») полагается двигателем эволюции Вселенной. Он базируется на философском принципе джиминации (от лат. gemellas – двойняшки) – рекурсивном самовоспроизведении бытия с постоянным изменением свойств, что порождает время и динамику.

Космологические следствия и преимущества модели

Представление Вселенной как гигантского вычислительного процесса, протекающего на субстрате «рваного» континуума, позволяет предложить элегантные решения для ряда фундаментальных проблем современной физики и космологии [2].

Природа гравитации и единая теория поля. Гравитация в данной модели интерпретируется не как искривление непрерывного пространства, а как макроскопический эффект суммарного «утекания» пространства и информации в микроскопические воронки. Массивные тела создают высокую плотность таких воронок, буквально «всасывая» окружающую метрику в N5. Это открывает путь к объединению Общей теории

относительности и квантовой механики через единый механизм информационного обмена [3].

Темная материя и темная энергия. Модель дает геометрическую интерпретацию этим феноменам. Темная материя – это сила, коррелирующая с процессом «утекания» (сжатие, стремление заполнить воронки, описываемое алгебраическими числами). Темная энергия – это сила «вытекания» (расширение, давление переработанной информации из N5, описываемое трансцендентными числами). Их соотношение в модели (примерно 27% к 68%) выводится из соотношения мощностей множеств соответствующих классов чисел.

Квантовая механика и детерминизм. Вероятностный характер квантовых явлений (принцип неопределенности, суперпозиция) объясняется не беспричинностью, а скрытым детерминизмом процессов внутри N5. То, что кажется нам случайностью, является результатом сложнейшего «перевычисления» в пятом измерении. Эффект наблюдателя и коллапс волновой функции – это момент фиксации результата вычислений при выходе из N5 в рациональную область.

Природа времени. Время в модели перестает быть фундаментальной константой и становится функцией скорости вычислений. В зонах высокой плотности воронок (черные дыры) или при высоких энергиях процесс перевычисления усложняется, что воспринимается как замедление времени.

Черные дыры. Это не сингулярности с нарушением законов физики, а области с критической плотностью воронок, где «ткань» сферы Caseum практически полностью состоит из разрывов. Информация не исчезает в них бесследно, а переходит в N5 для полной переработки, что разрешает информационный парадокс Хокинга.

Заключение

Модель «рваного» континуума предлагает смену парадигмы: от восприятия Вселенной как набора объектов в пустом вместилище к восприятию её как непрерывного вычислительного процесса на топологически сложном субстрате. Отказ от догмы непрерывности и актуальной бесконечности позволяет устранить логические противоречия в основаниях физики и математики, предлагая единую онтологическую картину, где материя, пространство, время и сознание являются различными модусами обработки информации.

Литература и источники

1. Грин, Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории / Б. Грин ; под ред. В. О. Малышенко. – М. : Либроком, 2011. – 288 с.

2. Каку, М. Уравнение Бога. В поисках теории всего / Митио Каку. – М. : Альпина нон-фикшн, 2022. – 246 с.

3. Сасскинд, Л. Космический ландшафт: Теория струн и иллюзия разумного замысла Вселенной / Л. Сасскинд; пер. А. Пасечник. – СПб. : Питер, 2015. – 448 с.

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПЛАНКОВСКОЙ КОСМОЛОГИИ

А. Н. Спасков

Вопрос происхождения Вселенной, а также природы пространства-времени с древнейших времен был предметом мифологии и спекулятивной метафизики и лишь сравнительно недавно перешел в сферу компетенции теоретической физики и экспериментальной космологии. Согласно современным научным представлениям, принятым в Стандартной модели космологии, материальная Вселенная и само пространство-время, как необходимое условие ее существования, возникли около 13,7 млрд лет назад из космологической сингулярности.

Одним из самых удивительных открытий в современной космологии является понимание того, что эволюционные принципы распространяются и на самый фундаментальный – физический уровень организации материи: «И когда мы наконец добираемся до Большого взрыва, нам открывается более глубокий уровень эволюции, на котором меняются и сами законы физики» [1, с. 431]. Таким образом, действующие законы физики, которые традиционно считались неизменными, представляют собой на самом деле «ископаемые остатки древней эволюции» [1, с. 432].

В данной работе мы проводим метафизическое обоснование природы пространства-времени в соответствии с концепцией квантовой монадологии [2]. Возникновение Вселенной – это абсолютное событие, которое интерпретируется в терминах спонтанного квантового наблюдения, в результате которого происходит фазовый переход из сингулярного состояния и возникает множество квантовых монад, обладающих элементарным восприятием и физическим телом. Пространство-время рассматривается как реляционная структура, возникающая на основе феноменального сознания квантовых монад в результате их взаимодействия. В феноменальном опыте монад возникает внутреннее чувство времени, как последовательности собственных внутренних состояний, и появляется качество длительности. Возникновение способности «осознавать» сосуществование с другими монадами в элементарном восприятии удаленности друг от друга означает появление качества протяженности в субъективной психике монад и в объективном физическом мире. Квантовые монады, нелокально и

комплементарно связанные в единое целое, образуют локальную пространственно-временную сетевую структуру на планковских масштабах.

На рисунке 1 показана динамика последовательных изменений двух комплементарно связанных монад на планковских масштабах, образующих в своей целокупности элементарный жизненный цикл, состоящий из четырех фаз [3]. Комплементарная нелокальная связь заключается в том, что монады всегда находятся в противоположных квантовых состояниях, соответствующим двум противоположным зарядам $c=\pm 1$. Эти состояния соответствуют в нашей концепции универсальному двоичному информационному коду на квантовом уровне и мы условно обозначаем их белым и черным цветом с мерой интенсивности, равной цветовому заряду C=+1 для белого цвета и C=-1 для черного цвета [4].

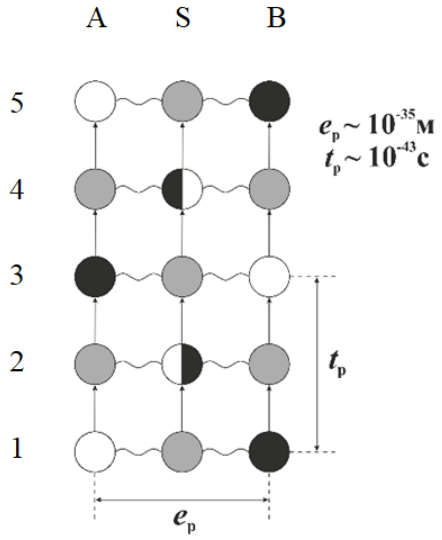


Рисунок 1

При локализации этих состояний в пределах планковской длины и последующей поляризации в сингулярном промежуточном положении, соответствующим локальной суперпозиции этих зарядов, происходит последовательная смена фаз. Эту последовательность можно интерпретировать как фундаментальный периодический процесс обмена зарядов между монадами. При этом максимальной интенсивности цветового заряда $c=\pm 1$ будут соответствовать планковская длина l_p и планковское время t_p.

Будем считать, что в сингулярном квантовом состоянии никакого линейного хода времени нет и квантовая система двух комплементарно связанных монад будет находиться в неопределенном состоянии суперпозиции четырех фазовых состояний ($\psi = \psi_1+\psi_2+\psi_3+\psi_4$), которое соответствует нулевому (нейтральному) состоянию, внутри которого задан элементарный порядок (информационная структура) одного замкнутого

цикла (события). Такая модель наглядно демонстрирует темпоральную структуру элементарного события, которая может разворачиваться в упорядоченную последовательность фаз при запуске линейного времени, как показано на рисунке 1. При этом запуск линейного времени происходит как реализация квантового события в результате квантового наблюдения, где квантовым наблюдателем и квантовым объектом наблюдения являются две комплементарно связанные квантовые монады в процессе их активного взаимодействия.

Таким образом, мы можем интерпретировать нашу модель комплементарно связанных монад, как элементарную связь феноменального сознания и материального тела, представленную в психофизическом единстве. На рисунке 1 показаны две монады A и B, которые находятся в состоянии квантовой сцепленности (запутанности). Это – нелокальная комплементарная связь и они образуют единую систему двух противоположных цветовых зарядов, так что общий заряд равен нулю, т. е. система бесцветна.

Будем считать, что монады не имеют непосредственного доступа к ментальным состояниям друг друга, но всегда имеют непосредственное представление о собственных ментальных состояниях. Монады A и B соприкасаются на границе S. Будем считать, что S в данном случае – это их общее тело или, точнее, граница их тел. То есть, условно говоря, это – некоторая поверхность, которая ограничивает сферы их влияния друг на друга. Другими словами – это граница непроницаемой сферы, внутрь которой другая монада не может проникнуть. Это значит, что монада имеет непосредственный доступ лишь к собственным ментальным состояниям внутри собственной сферы (собственного тела). Следовательно, S – это граница между внутренним материальным телом и внешним материальным миром. Согласно Декарту, протяженность – это атрибут материи, откуда следует, что минимальная протяженность – это и есть элементарное физическое тело квантовой монады.

Можно сказать, что пространство-время – это система комплементарно связанных монад. Но эта связь возникает в сознании монад как квалиа или качество удаленности в феноменальном опыте. Это значит, что квантовые монады (в терминологии Д. Хоффмана [5] – сознательные агенты) «мыслят» сами себя или, точнее, производят квантовое наблюдение собственного физического тела. То есть квантовые монады (в терминологии Н. О. Лосского [6] – субстанциальные деятели) являются причиной самих себя и поддерживают в процессе квантового наблюдения собственное существование. Кроме того, монады «наблюдают» друг друга по нелокальным каналам комплементарной связи – то есть образуют целостную сетевую структуру органического единства на планковских масштабах, подобную нейросети головного мозга.

Предположим, что квантовые монады имеют собственный

жизненный ритм, который определяется последовательностью воспроизводимых жизненных циклов монады, возникающих в результате субстанциальной деятельности монады как внутреннего принципа, постоянно поддерживающего ее существование.

Если такая монада вступает в комплементарную связь с другой монадой, то между ними возникает ритмическая связь с частотой $\nu=1/T=c/\lambda$, где $\lambda=l_p$ – взаимная пространственная удаленность монад. Если период $T=\lambda/c$ совпадает с собственным периодом жизни монады $T=T_0$, то между ними возникает резонанс и равновесие. Если $T>T_0$, а значит $l>l_p$, то между монадами возникает притяжение и они устремляются к точке равновесия. Если же $T<T_0$ и $l<l_p$, то между ними возникает отталкивание и они тоже устремляются к равновесию.

Интервалы между монадами постоянно изменяются в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга, а это значит, что пространство-время как бы «дышит» и между монадами постоянно происходит обмен энергией. При этом энергия трактуется как субстанция, поддерживающая собственное существование квантовых монад. Мы полагаем, что это и есть гравитационная энергия самого пространства-времени и объясняем таким образом природу темной энергии.

Литература и источники

1. Хертог, Т. О происхождении времени. Последняя теория Стивена Хокинга / Т. Хертог; пер. с англ. К. Л. Масленникова. – М. : Эксмо, 2023. – 496 с.

2. Спасков, А. Н. Квантовая нелокальная монадология / А. Н. Спасков // Наука. Общество. Будущее: тезисы докладов 1-й Международной научно-практической конференции, 23 марта 2023 года. – Тверь : Тверской государственный университет, 2023. – С. 65–70.

3. Спасков, А. Н. Метафизика планковского мира / А. Н. Спасков // Основания фундаментальной физики и математики: материалы VIII Российской конференции (ОФФМ-2024) ; под ред. Ю. С. Владимирова, В. А. Панчелюги. – Москва : РУДН, 2024. – С. 80–85.

4. Спасков, А. Н.Концепция цветовой хроногеометрии / А. Н. Спасков // Основания фундаментальной физики и математики: материалы VI Российской конференции (ОФФМ-2022) / под ред. Ю. С. Владимирова, В. А. Панчелюги. – Москва: РУДН, 2022. – С. 129–133.

5. Хоффман, Д. Д. Сознательный реализм / Д. Д. Хоффман // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: ежегод. науч. изд. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал. и гуманит. исслед. – Москва, 2021. – Вып. 11. – С. 465–472.

6. Лосский, Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н. О. Лосский ; сост. А. П. Поляков ; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – М. : Республика, 1995. – 400 с.

ЭВОЛЮЦИЯ К ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ В МЕТОДОЛОГИИ ХОЛИЗМА И В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РЕАЛЬНОСТИ

А. С. Харитонов

Становление Бытия эволюционирует к неустойчивой гармонизации тройственных отношений, формируя границы по трём золотым спиралям за счёт внутреннего возникновения информодинамических резонансов, неделимых нелинейных процессов [1]. Такая закономерность эволюции удовлетворяет логосу Гераклита, алгоритму Евклида, представляющему собой цепную дробь, состоящую из единиц, закону гармонии, установленному в книге «Божественная пропорция» Л. Пачоли с иллюстрациями Л. да Винчи, закону Предустановленной гармонии для монад Г. Лейбница, а также практике использования ряда Фибоначчи и ряда Люка. Э. М. Сороко обосновал гармонизацию отношений в философии. Н. Ф. Семенюта применил эту гармонизацию в электротехнике. Гармонизация отношений обеспечивает развитие экономики [2], устанавливает природу войн [3] и обеспечивает информационную безопасность общества [4]. Однако, для признания эволюции реальности к гармонизации тройственных отношений необходима процессуальная парадигма, которая моделирует эволюцию активных физических объектов, где субстанция, пространство и время являются неразделимой и новой триадой со своей памятью для каждого этапа эволюции. Эту триаду надо выводить в методологии холизма из уравнения симметрии, а не постулировать их по отдельности и постоянными и без учёта памяти, как принято в известных физических теориях (Ю. С. Владимиров).

Мы установили, что причиной противоречий известных законов физики нашему существованию является методология редукционизма, использующая бинарные и аддитивные математические отношения, свойственные натуральному ряду, за начало математики. На такой математике законы физики построены на моделях материальной точки, точечного заряда, на гипотезе о пассивности пространства и времени. Эти модели описывают изменения физических объектов только под действием внешней причины и обеспечили развитие научно-технического прогресса и искусственной окружающей среды. Но эти законы физики противоречат нашему существованию, становлению Бытия, процессуальной картине мира, в которой эволюция реальности обусловлена внутренней причиной, информодинамическими резонансами, возникающими в коллективе активных физических объектов и приводящими к формированию новых границ и к росту памяти [1].

При нахождении очередного противоречия принятой физической

теории с опытом или с экспериментом в методологии редукционизма вводят новое пассивное качество природы. Например, А. П. Трофименко разработал концепцию отонных миров, найдя противоречия в современной космологии. Так, статистическая физика описывает эволюцию замкнутой системы как рост энтропии, равной мере хаоса, что привело к попыткам ввести анти – и негоэнтропию для пассивных объектов или гипотезу о Большом взрыве во Вселенной.

Мы же предлагаем обоснование эволюции к гармонизации тройственных отношений, используя философию холизма, изучающую активные физические объекты, и разработку математического аппарата тройственных отношений, которые обобщают бинарные и аддитивные физико-математические модели.

Формула полного набора вероятностей обобщена нами в уравнение:

$$1 = -\sum_{i=1}^{K} f_i Log_K f_i + \sum_{i=1}^{K} f_i Log_K (Kf_i) \quad = H + G \quad (1)$$

где К – множество рассматриваемых событий,

f – вероятность событий, i – порядковый номер событий;

здесь *H* – первое слагаемое – мера хаоса; она совпадает с известной мерой количества информации К. Шеннона, с точностью до постоянного множителя;

G – второе слагаемое – мера порядка, которая характеризует потенциальную информацию, область вероятностных событий, вероятность которых равна нулю для фиксированной организации системы.

Это уравнение связывает единицу с двумя множествами: реализованные вероятностные события и потенциальные вероятностные события. Согласно этому уравнению, каждый физический объект можно рассматривать как стационарный результат процесса эволюции и как процесс эволюции, обусловленный взаимодействием реализованных вероятностных событий с потенциальными вероятностными событиями. Каждый физический объект является информационно открытой системой, способной к дальнейшей эволюции, а атомы Демокрита возникают, когда эволюцией в эксперименте можно пренебречь.

Введение структуры, как третьего класса динамических переменных, позволило принять равенство мер хаоса и порядка в трёх классах динамических переменных за инвариант эволюции информационно открытой тройственной системы*:*

$$H\{p, q, s\} = G\{p, q, s\} \quad (2)$$

$$1 = H\{p, q, s\} + G\{p, q, s\}, \quad (3)$$

где *p* – импульсы, *q* – координаты, s – структура.

Этот тройственный инвариант (2) включает в себя как частный случай микроканоническое распределение вероятностей W(p, q), на основе

которого используются каноническое и большое каноническое распределения энергии.

Уравнение симметрии для процесса эволюции информационно открытой тройственной системы имеет вид:

$$\Delta H(q) + \Delta H(p) + \Delta H(s) = 0 \qquad (4)$$

Имеем 3!=6 вариантов изменения организации такой системы в процессе эволюции.

Развитие в такой модели описывается тремя вариантами роста структурной энтропии, $\Delta H(s)$, и уменьшением термодинамической энтропии для координат $\Delta H(q)$ и для импульсов $\Delta H(p)$. При этом безразмерная энтропия системы оказывается равной сумме меры хаоса и меры порядка:

$$S = LnK = -\sum_{i=1}^{K} f_i Lnf_i + \sum_{i=1}^{K} f_i LnKf_i = H + G \qquad (5)$$

Уравнение (4) удовлетворяет рекуррентному уравнению, которое при многократном повторении приводит к золотой пропорции.

Причиной изменения организации системы по уравнению (4) является информодинамический резонанс между реализованными и потенциальными вероятностными событиями, который описывается в трёх классах динамических переменных и возбуждает новые структурные события.

Таким образом, в методологии холизма имеется своя физико-математическая модель активных физических объектов, возникших в процессе эволюции и становления Бытия с внутренней причиной, обусловленной возникновением информодинамических резонансов, формированием новых границ и обратной положительной и отрицательной связью.

Граница разделяет в статике систему на две части, например, Бытие и Небытие, реализованное и пустое множество. Когда поток энергии, вещества, информации проходит через эту «границу», граница разделяет такой поток на три части, изменяя координаты, импульсы и структуру этого потока, возникает предпосылка для возникновения нового физического объекта.

Процесс развития формирует границы системы по трем золотым спиралям. Где две спирали сворачиваются с шагом ряда Фибоначчи, а спираль, характеризующая структурное многообразие, разворачивается с шагом ряда Люка. Наша модель развития удовлетворяет опыту живых организмов, которые уходят от термодинамического равновесия (Э. Бауэр), да еще с ускорением (Ю. Л. Щапова), наращивая память и свободу воли (А. Бергсон), но формируют пассивную среду, моделируемую в методологии редукционизма.

Продление алгоритма эволюции Евклида, ф=[1,1,1,1,…], как

математические действия золотой пропорции над своими частями, содержит натуральный ряд, геометрию Евклида, проявление золотой пропорции многими способами, а также возникновение алгебраических фракталов золотого отношения, как новой алгебры для моделирования процесса эволюции [5].

Сведения об эволюции активной реальности теряются при усреднении, которое заменяет неустойчивую золотую пропорцию в трёх классах динамических переменных устойчивым равновесием поровну в двух классах динамических переменных, удовлетворяя бинарным свойствам наших органов чувств.

Практическая новизна

Использование закономерностей эволюции к гармонизации тройственных отношений для активных физических объектов позволяет повысить качество нашей жизни путём установления границ, начиная с границ применимости законов, установленных в методологиях редукционизма и холизма.

Литература и источники

1. Харитонов, А. С. Информационный трёхсущностный резонанс, структура, граница и память в открытой сложной системе / А. С. Харитонов // «Метафизика». – 2024. – № 51. – С. 52–76.

2. Харитонов, А. С. Устойчивое развитие общества / А. С. Харитонов // Уровень жизни населения регионов России. – Сентябрь 2012. – С. 82–85.

3. Харитонов, А. С. Тройственное видение природы войн / А. С. Харитонов // Вестник Академии военных наук. – 2005. – № 13 – С. 145–150.

4. Харитонов, А. С. Фальсификация цели эволюции природы и общества к гармонии – основа информационных войн / А. С. Харитонов // Информационные войны. 2010. – №3. – С. 37–43.

5. Харитонов, А. С. Цепная дробь Евклида, как алгоритм эволюции открытой системы к неустойчивой золотой пропорции / А. С. Харитонов // IX Российская конференция «Основания фундаментальной физики и математики». – М., РУДН. – 2025. – С. 55.

КАК В КОСМОЛОГИИ ОТРАЖАЮТСЯ ФИЛОСОФИЯ И БОГОСЛОВИЕ?

А. А. Шимбалев

Современное развитие науки привело к узкой специализации ее отдельных подразделов. Огромный поток информации и чрезвычайная интенсивность жизни не оставляют времени для глубокого проникновения во многие, даже смежные, ответвления. Еще середина XX века могла

похвастаться физиками-философами мировой величины – Альбертом Эйнштейном, Вернером Гейзенбергом, Нильсом Бором и др. В настоящее время со стороны физиков, углубленных в свою науку, все чаще встречается отторжение философии и, тем более, богословия. Насколько это продуктивно для развития науки и человеческой цивилизации?

В литературе, посвященной описанию диалога естествознания и богословия, часто приводится описание конфликтов, бывших в прошлом. Исследование истории показывает, что в их возникновении сыграла роль, по мнению Михаила Хеллера, «методологическая анархия» [4, с. 16]. Обе стороны спора допускали нарушения. Богословы старались привязать современную научную парадигму к текстам Священного Писания, данного для Вечности. Ученые чаще всего даже не пытаются изучить богословие или философию и отметают все, что не касается их узконаправленных исследований, забывая о том, что всякая наука порождена Человечеством, которое не сводится к математическому или механистическому описанию. Такое «методологическое правило превращается в онтологическое предубеждение» [4, с. 16] и лишает науку более глубокого проникновения в тайны мироздания.

Говоря о взаимодействии философии и богословия с космологией, нужно отметить, что современная космология является самостоятельной естественнонаучной дисциплиной, построенной на сложном математическом аппарате и теоретической физике, использует астрономические наблюдения для проверки своих концепций и не является частью философии или богословия. У космологии есть своя цель, заключающаяся в изучении фундаментальных свойств, структуры, происхождения и эволюции материальной Вселенной как единого целого. Ее теории описывают, а инструменты наблюдают вещество материального мира. Целью богословия является стремление понять свойства Бога, Его отношение к миру и человеку, смысла человеческого существования и возможности соединения человека и всего мира с Богом. Богословие оперирует понятиями духовного мира.

Как можно соединить эти два мира и нужно ли это делать? По мнению Алексея Нестерука, методологической основой в соотнесении этих миров может выступить философия, как познавательная платформа, имеющая развитый понятийный аппарат [1, с. 14]. Понятно, что не все, чем занимаются космология и богословие, можно использовать для сравнения и диалога. Современная космология содержит научные теории, основанные на решении математических уравнений и подтвержденные астрономическими наблюдениями, но есть и некоторые допущения, которые выходят за область строгих научных фактов и не подтверждаются наблюдениями, например, представление о начальных условиях вселенной, мультивселенных, мостах Эйнштейна-Розена, позволяющих физическим объектам перемещаться из одной точки пространства в

другую через черные дыры и др. Эти области космологии чаще всего и вызывают философско-богословские дискуссии, потому что отражают абстрактные представления о мире, превосходящие границы эмпирического представления [1, с. 14].

С другой стороны, философское и богословское осмысление мира приводят к рассуждениям о том, что как бы естественные науки не старались абстрагироваться в своих теоретических построениях от человеческой субъективности, вся наука и весь понятийный аппарат созданы человеческим сознанием, а значит, все сводится к единству в их экзистенциальном истоке – человеке. Он и есть «центр раскрытия и манифестации вселенной из условий исходно данной жизни, переживание которой, выражаясь богословски, равносильно опыту сотворенности, т. е. сопричастия Творцу» [1, с. 15].

Само по себе стремление человека к научной деятельности, стремление познать и преобразовать окружающий мир, отражает образ Божий в человеке, заложенный Творцом, и отсутствует у иных известных науке живых существ. Современная картина мироздания, построенная благодаря развитию астрономии и космологии, представляет огромную Вселенную, простирающуюся на миллиарды световых лет и заполненную многими миллиардами галактик, содержащих сотни миллиардов звезд каждая. Всякий человек, лишенный духовных оснований, осознав эту бесконечность, понимает ничтожность человечества и отсутствие его целесообразности во всем представленном пространственно-временном континууме. При отсутствии человечества и познающего сознания вся Вселенная теряет смысл своего существования. Тем не менее, человечество продолжает развивать научную космологию, как бы абстрагировавшись от кошмара осознания бессмысленности бесконечности, потому что эта интеллектуальная деятельность заложена в человеке.

Философы и богословы, занимающиеся осмыслением достижений космологии, выдвинули несколько доказательств Божественного промысла во вселенной: космологический аргумент, телеологический аргумент, тонкая настройка вселенной, антропный принцип, аргумент от красоты и др. Они достаточно глубоко проработаны с точки зрения астрономии, физики и теории вероятности. Например, философ Ричард Суинбёрн, просчитал вероятность тех или иных феноменов, наблюдаемых во Вселенной и пришел к выводу, что «существование вселенной, ее упорядоченность, существование животных и людей, наделенных моральным знанием, человеческая способность к взаимодействию в познании и освоении вселенной, упорядоченность истории и наличие свидетельств о чудесах, наконец, существование религиозного опыта, – всё это дает нам большие основания надеяться, что Бог существует, и в меньшей степени составляет основания для обратной точки зрения»

[3, с. 429].

С другой стороны можно встретить отторжение этих аргументов со стороны атеистически настроенных космологов, которое не подтверждается необходимыми доказательствами. В современном обществе наметилась тенденция, когда космологи воспринимаются почти как жрецы космического культа, имеющие знание о прошлом и будущем вселенной и способные с помощью математических уравнений решать ее судьбу. Общество будоражат черные дыры и возможность путешествия в параллельные вселенные, ярко представленные кинематографом. Почти никто не слышит голос физиков, которые заявляют, что квантовая механика накладывает запрет на эти возможности для макротел, тем более что единая теория, охватывающая микро – и макромиры еще не создана.

Например, Виктор Стенджер дискутирует со сторонниками постулата о тонкой настройке Вселенной, выдвигая аргумент, что во множестве вселенных могут быть реализованы различные соотношения констант: «Объяснения о Мультивселенной достаточно, чтобы отмести аргумент о точной настройке. Отметим, что гипотеза о Мультивселенной не обязательно должна быть доказана, чтобы отразить претензии к точной настройке. Она лишь должна быть правдоподобна» [2, с. 400]. В данном случае В. Стенджер ошибается, потому что предмет научной космологии не может рассматривать всю Вселенную в целом, т. к. для ее описание нет ни физической теории, ни возможности посмотреть со стороны. Такое представление является спекулятивным и более походит на метафизическое. В подобных дискуссиях богословие полемизирует не с научной космологией, а с псевдонаучными представлениями, которые невозможно доказать.

Космология и богословие, опираясь на свою глубину, стремясь осознать методологию получения знания друг у друга, способны дополнить друг друга и внести свой вклад в общее представление о мире, понимая, что только человек производит это знание, объединяя в себе материальный мир и способность ощутить Божественное присутствие. Таким образом, космология вносит вклад в богословие, удовлетворяя жажду человеческого познания о развитии вселенной и жизни в ней, а богословие заложено в космологии, поскольку дает смысл существования ее создателю – человеку.

Литература и источники

1. Нестерук, А. В. Богословие и космология: философские основания и пути соотношения / А. В. Нестерук // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2022. – № 2 (14). – С. 12–55.

2. Стенджер, В. Бог и Мультивселенная. Расширенное понятие космоса / В. Стенджер. – СПб. : Питер, 2016. – 432 с.

3. Суинберн, Р. Существование Бога / Р. Суинберн. – Ин-т философии РАН. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 464 с.

4. Хеллер, М. Творческий конфликт: О проблемах взаимодействия научного и религиозного мировоззрения / Хеллер М. – М. : Библейско-богословский институт апостола Андрея, 2005. – 216 с.

Научное издание

ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

К 95-летию Института философии
НАН Беларуси

Материалы Международной научной конференции
(19–20 марта 2026 года, г. Минск)

В трёх томах
Том 3

На русском, белорусском и английском языках

Статьи публикуются
в авторской редакции

Ответственный за выпуск
А. Ю. Дудчик

Подписано в печать 11.03.2026.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 17,79. Уч.-изд. л. 17,23.
Тираж 40 экз. Заказ 1265.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by